Княжна Мария Васильчикова Берлинский дневник 1940 – 1945

Княжна Мария Васильчикова

«Откровенно говоря, это один из самых необычных когда-либо написанных военных дневников. Невинно, но одновременно все знающе и все понимающе, в нем описывается глазами молодой красавицы-аристократки смерть «Старой Европы», чей мир гибнет вместе с повествуемыми в нем событиями...»

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ (АНГЛИЯ)

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

1940–1945

«Вряд ли какая-либо другая книга о Германии — помимо, быть может, Белля или Грасса — вызвала такой поток часто обширных рецензий, как этот сугубо личный, вовсе не для опубликования написанный дневник молодой женщины, бежавшей из ленинской России в гитлеровскую Германию...»

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1987 Г.

«Один из самых удивительных документов, порожденных войной, и ничто никогда не сравнится с ним по силе излучаемых им хладнокровного спокойствия и достоинства при совершенно ужасающих обстоятельствах...»

ДЖОН КЕННЕТ ГЭЛБРЕЙТ (США)

«Я никогда не читал ничего подобного — сложность обстановки... непрерываемый кошмар... постоянно падающие бомбы... люди умирающие... люди, которых спасают... — все это встает перед моими глазами, как будто мне снилось...»

ГАРРИСОН СОЛСБЕРИ (США)

«Эту книгу, которая включает превосходную краткую историю войны, следует прочесть каждому, интересующемуся тем, что действительно произошло...»

ОБЕРОН УОГ (АНГЛИЯ)

«Этот дневник — одно из самых увлекательных и привлекательных произведений нашей эпохи...»

ГАНС ВАРРЕН (ГОЛЛАНДИЯ)

Княжна Мария Васильчикова Берлинский дневник 1940 – 1945

Княжна Мария Васильчикова

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

1940—1945

Издание осуществлено

при поддержке

РОССИЙСКОГО

НАЦИОНАЛЬНОГО

КОММЕРЧЕСКОГО

БАНКА

Кн. Мария Васильчикова

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

1940 — 1945

Предисловие, послесловие,
комментарии и примечания
Г.И.ВАСИЛЬЧИКОВА

Издание журнала
Наше Наследие
Государственная фирма
«ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
Москва 1994

ББК 63.3(0)62

ИЗ АРХИВА СЕМЬИ ВАСИЛЬЧИКОВЫХ

Перевод с английского
Е.МАЕВСКОГО, Г.ВАСИЛЬЧИКОВА
Редакторы
В.ЕНИШЕРЛОВ, Д.ИВАНОВ
Художник
А.РЮМИН

«Бывают времена, когда торжествует безумие. Тогда головы секут самым благородным...»

АЛЬБРЕХТ ХАУСХОФЕР «СОНЕТЫ ИЗ МОАБИТА. СПУТНИКИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этого дневника, Мария Илларионовна Васильчикова (по прозвищу «Мисси») родилась 11 января 1917 года в Петербурге и скончалась от лейкемии 12 августа 1978 года в Лондоне.

Она была четвертым по счету ребенком в семье из пяти детей и третьей дочерью бывшего члена Государственной Думы IV созыва князя Иллариона Сергеевича Васильчикова и его супруги Лидии Леонидовны, урожденной княжны Вяземской.

Род Васильчиковых происходит от Толстых, от которых он отделился в XV веке. По преданию, родоначальником их был некий «Индрис», прибывший на Русь с сыновьями и дружиной «из Земли кесаревой» в середине XIV века и ставший боярином князей Черниговских. Его потомки переселились в Москву и с тех пор были боярами, сперва у великих князей, а потом царей Московских; последующие поколения Васильчиковых стали дипломатами, военачальниками, общественными деятелями и государственными людьми у императоров Российских.

Мисси покинула Россию с семьей весною 1919 года, и она росла беженкой — в Германии, во Франции и в Литве, тогда еще независимой. Русские беженцы рассеялись по всему миру, но Франция, где Мисси провела свою молодость и училась, была перед последней войной несомненно центром общественной и культурной жизни русской эмиграции. И, несмотря на материальные лишения вследствие мирового экономического кризиса и массовой безработицы (первыми жертвами которых неизбежно становились иностранцы), эта жизнь била ключом. А так как в Советском Союзе, где царило большевистское лихолетье, бушевала волна культурного варварства, русская эмиграция имела основание считать себя носителем и хранителем того лучшего, что в прошлом дала их Родина.

Хотя, как и большинство русских беженцев, Мисси искренно полюбила культуру тех стран, куда ее бросала судьба, и хотя у нее был всю жизнь обширный круг друзей всех национальностей и она подолгу проживала то тут, то там, никогда она и не помышляла об ассимиляции и не отреклась от семейных традиций, так тесно связанных с Россией и русской культурой.

Сначала в Баден-Бадене, а затем в Париже она немедленно находила русских родственников и друзей, слышала постоянно русскую речь, молилась в русских православных храмах, справляла

русские праздники, посещала русские спектакли и концерты и, позже, собрания, участвовала в русских любительских вечерах. Иными словами, она постоянно подвергалась влиянию той «русскости», проявление которой даже у тех, кто родился и вырос за рубежом, так поражает многих. В итоге всю свою жизнь и в любых условиях Мисси оставалась русской православной женщиной. И эта особенность ее существа постоянно проявляется и по ходу ее дневника.

В 1932 году семья покинула Францию и поселилась в Каунасе, тогдашней столице Литвы. Проездом оказавшись в Германии, они стали свидетелями прихода к власти Гитлера и первых бесчинств нацистов. Воспоминания об этом были неизгладимы. Впоследствии — когда она стала писать свой дневник — этому этическому неприятию любого тоталитарного режима суждено было выявиться с особой силой.

В Литве, где перед революцией находилось любимое имение Васильчиковых и где ее отец начал свою государственную службу как губернский предводитель дворянства, а затем как член IV Государственной Думы, Мисси впервые познакомилась с природой и специфическим образом жизни и атмосферой Восточной Европы, столь отличными от Запада. И в Литве же Мисси начала свою трудовую жизнь, поступив секретаршей в английское посольство.

Но уже в 1938 году ей пришлось уехать в Швейцарию, ухаживать за смертельно больным туберкулезом старшим братом Александром. Когда осенью 1939 года разразилась Вторая мировая война, 22-летняя Мисси и ее 24-летняя сестра Татьяна (ныне вдовствующая княгиня Меттерних) находились в Германии, где они проводили лето у приятельницы их матери, графини Ольги Пюклер, в Силезии. Остальные члены семьи были разбросаны кто где: родители и младший брат, 20-летний Георгий (по прозвищу «Джорджи») проживали еще в Каунасе, где вскоре Красная Армия начала занимать стратегические позиции; а старшая сестра, 30-летняя Ирина — в Италии.

В те годы в результате массовой безработицы иностранцу было практически невозможно найти какую-либо работу в западных демократических странах. Только в фашистской Италии и в гитлеровской Германии экономический кризис был более или менее преодолен вследствие развертывания крупномасштабных строительных работ и интенсивного вооружения. Поэтому только там, обладая желанными квалификациями, литовские гражданки, сестры Васильчиковы, могли найти себе работу.

В январе 1940 года они переехали в Берлин. Дневник Мисси начинается с прибытия сестер в столицу Третьего рейха, где жизнь, в эту первую зиму войны, если не считать затемнения и строгой карточной системы, была еще сравнительно «нормальной». Поэтому начало дневника удивляет своей «светскостью». Лишь с

апреля 1940 года и с немецким наступлением на скандинавские и западные страны сама война, со всеми ее ужасами и последующими нравственно-этическими конфликтами, понемногу начинает занимать в дневнике все большее место, с тем, чтобы под конец вытеснить все другое. И параллельно читатель замечает, как сама Миссии «зреет» — от умной и наблюдательной, веселой, но слегка наивной и беспечной молодой девушки к бесстрашной, но уже вполне все осознающей, все понимающей и глубоко переживающей молодой женщине.

Хотя Мисси не являлась гражданкой Германии, с ее знанием пяти европейских языков и секретарским опытом она довольно быстро устроилась на службу — сперва в Бюро радиовещания, а затем в Информационном отделе Министерства иностранных дел. Там она вскоре подружилась с маленькой группой убежденных противников гитлеризма, которые впоследствии стали активными участниками того, что вошло в историю под названием «Заговор 20 июля 1944 года». В те времена мало кто вел дневник — из элементарной предосторожности, — а после провала заговора и немногие существующие записи были, естественно, авторами уничтожены. Таким образом, чудом уцелевшая хроника Мисси, с ее тщательным описанием день за днем, а иногда час за часом безуспешной попытки графа фон Штауффенберга убить Гитлера и свергнуть его режим и последовавшей за провалом оргии террора, во время которой погибло много ее близких друзей и сотрудников, является чуть ли не единственным известным нам очным свидетельством этих страшных недель.

Спасшись чудом из пылающих развалин разрушенного бомбами союзников Берлина, Мисси провела последние месяцы войны, работая медсестрой в военном госпитале в Вене. Затем она вместе с госпиталем эвакуировалась в Западную Австрию, где ее и застал конец войны. Год спустя она вышла замуж за американского офицера П.Харндена, ставшего впоследствии известным архитектором, и жила во Франции и Испании. После смерти мужа, в 1971 году, Мисси переехала в Лондон, где она и скончалась.

За полтора года до своей кончины, будучи уже смертельно больной, Мисси вернулась в Россию, в тогдашний Ленинград, туристом. Там, войдя в здание ДОСААФ на Фонтанке, где наша семья жила перед революцией и откуда ее увезли восьмимесячным ребенком осенью 1917 года, она была тепло принята ветераном-адмиралом, который повел ее по всему зданию, и она даже посетила комнату, где родилась. Этому посещению суждено было стать последним ее прощанием с родиной.

Кроме дневника, Мисси больше ничего в своей жизни не написала. Ее служебные обязанности не представляли, собственно говоря, за редкими исключениями, большого исторического интереса. Но ей случилось быть там, где совершалась история, и точно

к моменту, когда она совершалась, знать многих непосредственных видных участников событий и дружить с людьми, сыгравшими значительную историческую роль в Европе того времени. Более того, пользоваться их доверием. И как она сама говорила, потребность в дневнике в те критические годы была для нее почти физической — не фиксировать то, что происходило вокруг, было выше ее сил. Мисси вела записи систематически, отстукивая на своей машинке в министерстве впечатления о случившемся накануне. Лишь более длинные отрывки были написаны несколькими днями позже. Дневник велся на английском языке, которым она владела с детства. Написанные страницы прятались среди официальных бумаг, хранившихся в ее служебном кабинете. Когда их накапливалось чересчур много, Мисси их забирала и прятала или у себя дома или же в загородных домах друзей, где ей случалось гостить. Сначала она писала так открыто, что не раз ее начальники выговаривали ей: «Послушайте, Мисси, отложите свой дневник и давайте немного поработаем!» Лишь после провала заговора 20 июля она стала более осторожной — эта часть дневника писалась ею самой изобретенной скорописью.

Хотя бомбардировками были разрушены многие дома, в которых она поочередно проживала, и хотя к концу войны ей пришлось бежать из осажденной советскими войсками Вены, большая часть дневника уцелела.

Вскоре после войны Мисси расшифровала и отпечатала написанное скорописью и перепечатала начисто все остальное. Дневник оставался нетронутым более четверти века — до 1976 года, когда под упорным давлением брата и друзей и в свете некоторых других обстоятельств она, наконец, решила его опубликовать. Но и тогда она ничего не изменила по существу, внося лишь кое-какие стилистические поправки и заменяя кое-где звездочки именами. Мисси была твердо убеждена, что если дневник и заинтересует кого-то, то лишь потому, что написанный для себя, он был абсолютно спонтанным, откровенным и честным и отражал то, что она пережила. Изменяя что-либо в свете того, что узналось впоследствии или же с целью защитить чью-то репутацию или даже свои собственные, возможно неправильные суждения, она бы нанесла дневнику непоправимый урон. Мисси закончила подготовку дневника к печати буквально за несколько недель до своей кончины. Впервые он был издан в Англии в 1984 году* и к 1993 году вышел на девяти языках и стал во многих странах бестселлером.

Мисси была очень скромна. Никогда в жизни она не смогла бы предвидеть триумфального успеха своего дневника (например,

* Текст дневника вышел в редакции, с предисловием, комментариями и примечаниями ее брата, Г.И.Васильчикова. «Marie Vassiltchikov Berlin Diaries 1940—1945», London, Chatto & Windos, 1984.

в США он является обязательным чтением на исторических факультетах нескольких наиболее известных университетов). Восторженные рецензии авторитетных обозревателей ее бы удивили и даже смутили, но и обрадовали бы. Действительно, согласившись наконец на издание дневника, она меньше всего искала личной славы. Главной ее мотивировкой было, с одной стороны, желание показать на живых примерах, что даже в условиях полного беззакония, безнравственности и тотального террора любой человек, независимо от своего социального происхождения и политических убеждений, может, лишь бы он этого хотел, жить бесстрашно, с достоинством, честно; а с другой стороны, рассказать о тех многочисленных мужчинах и женщинах, которые в гитлеровской Германии и в занятой немцами Европе нашли в себе мужество сказать «Нет!» преступному тоталитаризму и, во многих случаях, поплатились за это жизнью.

Русского читателя, возможно, несколько удивит неоднозначное отношение Мисси к войне, к воюющим сторонам, к немцам, к союзникам, к России, к Советскому Союзу, к своим русским — советским соотечественникам, — которых, кстати, она никогда не переставала такими и считать. Но, будучи, как и все мы, искренней **русской** патриоткой, она никогда не поддалась искушению отождествлять «Россию» и «русских» с СССР, с большевистско-советским режимом и его официальными представителями. Равно как она решительно отвергала нацизм, так же одинаково решительно она отвергала коммунизм, и по тем же причинам.

Так, когда идет речь о страданиях русского народа или о его героизме, она инстинктивно пишет именно «русский». Как она так же инстинктивно пишет «советский», когда идет речь о постыдных действиях СССР! Причем ее неприятие обеих систем было гораздо глубже, чем чисто политическим. Оно носило нравственно-этический характер. Потому то, что творили нацисты в России, вызывало ее возмущение как у русской патриотки, но не в большей мере, чем преследования евреев теми же нацистами в самой Германии или их местными приспешниками в оккупированных странах, или, под конец войны, зверства и насилия, учиненные Красной Армией и НКВД в Восточной Европе и занятой ими части Германии. Повешенный нацистами, ее шеф в Министерстве иностранных дел, Адам фон Тротт, в письме жене как-то писал о Мисси: «В ней есть что-то... позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным...» Тротт верно уловил дилемму Мисси в последнюю войну: несмотря на ее привязанность ко всему русскому, для нее, пожившей уже во многих странах, дружившей с людьми самых различных национальностей, не существовало генетического понятия «немцы», «русские», «союзники». Для нее существовали только «люди», отдельные личности. И их она делила на «порядоч-

ных» и «достойных уважения» и «непорядочных» и «не достойных уважения». Доверяла, дружила она исключительно с первыми. И они же искали ее дружбы и ей доверяли. Чем, конечно, объясняется тот факт, что, не будучи немкой, она оказалась в курсе такого сверхсекретного предприятия, как подготовка покушения на жизнь Гитлера в июле 1944 года. По-видимому, именно это и объясняет сегодня успех ее книги во всех странах, где она издавалась, и у всех ее читателей, как и продолжающееся обаяние ее личности еще теперь, полвека спустя после описываемых ею событий.

* * *

Когда я готовил дневник сестры для печати, я был особенно тронут тем, как немедленно и горячо отозвались все, к кому я обратился за дополнительной информацией, разъяснениями, фотографиями и т.п. — независимо от того, хорошо ли они лично знали Мисси или нет. В некоторых случаях просьбы о помощи разжигали горестные воспоминания, о которых со времени войны старались всячески позабыть. И даже несмотря на то, что их собственное поведение, по словам той же Мисси, было во многих случаях безупречным, а иногда даже героическим. Я им тем более благодарен.

Я выражаю также глубокую благодарность всем, кто помог выходу «Берлинского дневника» в России: Е.В.Маевскому, талантливому переводчику на русский язык английского оригинала, с которым посчастливилось сотрудничать; В.П.Енишерлову, по достоинству оценившему «Берлинский дневник» и напечатавшему на страницах редактируемого им журнала «Наше наследие» первые русскоязычные выдержки записей сестры; его блестящему помощнику Д.К.Иванову, с которым я работал долгие месяцы в тесном контакте при подготовке рукописи книги; А.А.Рюмину, главному художнику «Нашего наследия» и автору художественного оформления русского издания; Б.В.Егорову, заместителю главного редактора журнала, неутомимому и умелому организатору, всем их сотрудникам; С.Н.Байгарову, поместившему в газете «Россия» существенные выдержки из книги; П.М.Крючкову, написавшему в «Независимой газете», по случаю взятого у меня интервью, умную характеристику Мисси и ее дневника; А.Е.Басманову и Е.Е.Потиевскому, создавшим на Российском телевидении проницательную передачу о Мисси, предшествовавшую русскому изданию «Берлинского дневника»; П.А.Короткову, президенту, А.В.Киселеву и С.М.Мигуле, вице-президентам Российского Национального Коммерческого банка, без щедрой меценатской помощи которого русский читатель еще долгие годы, вероятно, не смог бы познакомиться с Мисси Васильчиковой и ее удивительной судьбой.

Георгий Васильчиков

■ Замки и имения, в которых проживала княжна Мария Васильчикова

Berlin 1940-45

ОСНОВНЫЕ МЕСТА ДЕЙСТВИЯ ДНЕВНИКА

1 Тюрьма Плетцензее
2 Тюрьма Моабит на Лертерштрассе
3 Штаб-квартира полиции Берлина
4 Берлинская комендатура
5 Бюро радиовещания (ДД)
6 Квартира Мисси (1941—1942)
7 Главная радиостанция
8 Рейхстаг
9 Гостиница «Централ»
10 Посольство Франции
11 Бранденбургские Ворота
12 Гостиница «Адлон»
13 Посольство Великобритании
14 Гостиница «Бристоль»
15 Министерство иностранных дел (АА)
16 Канцелярия Гитлера
17 Министерство пропаганды
18 Гостиница «Кайзергоф»
19 Штаб-квартира Гестапо
20 Гостиница «Эспланада»
21 Посольство Италии
22 Церковь Св. Матвея
23 Посольство Испании
24 Посольство США
25 Посольство Швеции
26 Посольство Чехословакии
27 Главное Командование Сухопутных Сил (ОКХ)
28 Главный морской штаб (ОКМ)
29 Квартира Мисси (1943—1944)
30 Бюро, в котором разместился отдел Мисси (б. посольство Польши)
31 Гостиница «Эден»

1940

ЗАМОК ФРИДЛАНД. *Понедельник, 1 января.* Ольга Пюклер, Татьяна и я тихо встретили Новый год в их замке Фридланд. Мы зажгли елку и гадали, выливая расплавленный воск и свинец в чашу с водой. Вот-вот ожидаем Мама́ и Джорджи из Литвы. Они повторно сообщали, что приезжают. В полночь зазвенели все колокола деревни. Мы высунулись из окон и слушали: первый Новый год этой новой мировой войны.

Когда 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, Литва (где жили родители Мисси и ее брат Георгий) еще была независимой республикой. Однако по секретному протоколу к советско-германскому договору о границах и дружбе от 28 сентября (дополнившему пакт Молотова — Риббентропа о ненападении от 23 августа) она включалась в зону влияния СССР, и после 10 октября ряд стратегически важных городов и аэродромов заняли гарнизоны Красной Армии. С этого момента семья Мисси готовилась бежать на Запад.

Существование этого тайного протокола, о котором на Западе знали с конца войны, долго отрицалось советской стороной. Только с приходом гласности и под давлением общественного мнения в Прибалтике, дымовая завеса очередного обмана распалась и летом 1989 года его существование было наконец официально признано Москвой.

БЕРЛИН. *Среда, 3 января.* Мы выехали в Берлин с одиннадцатью местами багажа, включая граммофон. Отправились в путь в пять утра. Стояла полная темнота. Управляющий имением отвез нас в Оппельн. Ольга Пюклер дала нам взаймы денег на три недели; за это время мы должны найти работу. Татьяна написала Джейку Биму, одному из молодых людей, служащих в американском посольстве, с которыми она познакомилась весной этого года; не исключено, что там пригодится наш опыт работы в британском представительстве в Каунасе.

Посольство США в Берлине функционировало до 11 декабря 1941 года, когда вслед за нападением Японии на Перл-Харбор Гитлер объявил США войну.

Джейкобу («Джейку») Биму (скончался в 1993 г.) предстояла блестящая карьера, которую он закончил в должности посла США в СССР.

Поезд был переполнен, и мы простояли в коридоре. К счастью, двое солдат помогли нам погрузить багаж, иначе мы ни за что не втиснулись бы. Мы прибыли в Берлин с опозданием на три часа. Не успели мы добраться до квартиры, которую нам на время любезно предоставили Пюклеры, как Татьяна принялась звонить друзьям: когда звонишь, становится не так одиноко. Квартира находится на Литценбургерштрассе — это улица, параллельная Курфюрстендам. Квартира очень большая, но Ольга попросила нас обойтись без прислуги, опасаясь за ценные вещи, и поэтому мы пользуемся только одной спальней, ванной и кухней. Все остальное стоит в чехлах.

Четверг, 4 января. Большую часть дня мы устраивали затемнение на окнах, так как здесь никого не было с начала войны в сентябре.

Суббота, 6 января. Одевшись, мы осторожно спустились во тьму и, к счастью, нашли на Курфюрстендам такси, на котором и поехали на бал в чилийское посольство возле Тиргартена. Принимал нас посол Морла, который был послом в Мадриде, когда началась гражданская война. Хотя их правительство поддерживало республиканцев, они предоставили убежище более чем 3000 человек, которых в противном случае расстреляли бы красные и которые укрывались в чилийском посольстве три года, спали на полу, на лестницах, всюду, где только находилось место; и несмотря на сильное давление со стороны республиканского

правительства супруги Морла не выдали ни одного человека. Это особенно поразительно, если учесть, что брату герцога Альбы, потомку шотландских Стюартов, искавшему убежища в британском посольстве, было вежливо отказано; вскоре его арестовали и расстреляли.

Бал был чудесный, совсем как в довоенные годы. Сначала меня пугало, что я мало кого буду знать, но потом я сообразила, что знаю довольно многих с прошлой зимы. [*Мисси навещала сестру в Берлине зимой 1938—1939 гг.*].

Среди новых знакомых были сестры Вельчек, обе очень красивые и изумительно одетые. Их отец был последним германским послом в Париже. Присутствовал также их брат Ханзи со своей прелестной невестой Зиги фон Лаферт и еще много других друзей, в том числе наш дальний родственник Ронни Клари, который очень хорош собой; он только что окончил Лувенский университет и прекрасно говорит по-английски — что было для меня большим облегчением, так как мой немецкий пока еще не на высоте. Большая часть присутствовавших молодых людей — курсанты Крампница, офицерского броневого училища под Берлином. Потом пела Росита Серрано [*популярная чилийская певица*], называя юного Эдди Вреде, которому девятнадцать лет, «*Bel Ami*» [*намекая на известный роман Мопассана*], что ему невероятно льстило. Мы сто лет не танцевали и вернулись домой в пять утра, набившись всей компанией в машину Картье, бельгийского дипломата, который дружен с Вельчеками.

Воскресенье, 7 января. По-прежнему отчаянно ищем работу. Мы решили не просить о помощи друзей, а обращаться непосредственно к деловым знакомым.

Понедельник, 8 января. Сегодня днем в американском посольстве у нас была встреча с консулом. Он был дружелюбен и сразу же подверг нас испытанию, которое нас обескуражило, так как мы не были внутренне к нему готовы. Нас усадили за пишущие машинки, вручили нам также стенографические блокноты, и консул стал диктовать в таком темпе и с таким сильным американским акцентом, что мы не все понимали; и что совсем плохо, напечатанные нами два варианта письма, которое он диктовал, оказались не одинаковыми. Он сказал, что позвонит нам, как только появятся вакансии. Однако мы не можем долго ждать, и если тем временем подвернется что-нибудь другое, нам придется согласиться. К сожалению, значительная часть международного бизнеса свернута и нет больше фирм, которые нуждались бы в секретаршах со знанием французского или английского языков.

Четверг, 11 января. Мой двадцать третий день рождения. К нам пришла на чай Зиги Лаферт, невеста Ханзи Вельчека. Она удивительно хороша собой, многие называют ее «прототипом германской красавицы». Вечером Райнхард Шпици водил нас в кино, а потом в

ночной клуб «Сиро», где мы пили шампанское и слушали музыку: танцы в общественных местах теперь запрещены.

Суббота, 13 января. На рассвете появились Мама́ и Джорджи. Я не видела Джорджи больше года. Он не изменился, такой же очаровательный и очень заботится о Мама́, которая выглядит совсем больной и изнуренной. В Литве, которая постепенно советизируется, им пришлось пережить много волнительного. Им всем давно следовало уехать. Но Папа́ пока остался; у него намечена крупная сделка.

Когда осенью 1939 г. в Литве появились первые советские военные базы, западные друзья-дипломаты сказали семье Мисси, что пока идет речь о Красной Армии, бояться им нечего; когда же появятся части НКВД, следует немедленно уехать. Еще тогда они выхлопотали себе въездные визы в Германию (куда было ближе всего, в случае необходимости, бежать) и закупили железнодорожные билеты. Как-то ночью, в середине января 1940 г., зазвонил телефон и знакомый голос сказал: «Эти господа прибыли». Утром на заре мать и брат тронулись в путь. Отец задержался еще на шесть месяцев и бежал уже, как увидим, пешком, «через зеленую границу».

Воскресенье, 14 января. Мы устроили Мама́ и Джорджи в квартире Пюклеров, чтобы им не пришлось платить за гостиницу. Тем более что у них всего сорок долларов на двоих. Поскольку работы у нас все еще нет, финансовое положение катастрофическое. Они подумывают остаться здесь. Это было бы ошибкой. Здесь очень холодно, есть нечего, политическая ситуация более чем шаткая. Мы пытаемся уговорить их ехать в Рим, где у Мама́ много друзей и где есть большая колония русских беженцев. Тут ей будет одиноко, так как за исключением иностранных посольств, число которых быстро сокращается по мере того, как война все ширится, в городе не осталось почти никакого круга общения. Теперь Берлин — город холостяков, здесь одни наши сверстники, которые либо служат в вооруженных силах, либо весь день работают в учреждениях, а вечера проводят в ночных клубах. В Риме Ирина уже неплохо устроилась; жизнь будет легче, хотя бы уже из-за климата, а как только мы начнем работать, мы сможем регулярно посылать им деньги.

Понедельник, 15 января. Новый правительственный указ: ванна только по субботам и воскресеньям. Это порядочный удар: в большом городе на удивление быстро делаешься грязной, и потом это был один из немногих способов согреться.

Среда, 17 января. Мы много времени проводим дома — чтобы побольше быть с родными. У Мама́ сильно расстроены нервы: сказывается все то, что она пережила со времени смерти [*скончавшегося в апреле 1939 года брата*] Александра.

Четверг, 18 января. У Джорджи огромный аппетит, а наши продовольственные запасы — мы привезли масло и колбасу из Фридланда — быстро тают. Это еще один довод в пользу того, чтобы они ехали в Рим. Здесь Джорджи очень скоро начнет страдать от недоедания, а Италия, к счастью, пока в войне не участвует, и там нет продовольственных карточек.

Пятница, 19 января. Катя Клейнмихель работает в английском отделе ДД. Не исключено, что она сможет устроить туда на работу и меня.

Клейнмихель — русский графский род. В российской истории наиболее известен П.А.Клейнмихель (1793—1869), государственный деятель, приближенный к Аракчееву, а затем к Николаю I, главный управляющий путями сообщения и публичными зданиями.

Мы просто не знаем как быть, потому что из посольства США молчат, а мы их беспокоить не смеем. Мы едва сводим концы с концами, а с приездом родных наши небольшие сбережения быстро тают. Мы говорили с кем-то из концерна И.Г.Фарбен, но им нужны люди, умеющие хорошо стенографировать по-немецки, а с этим у нас неважно.

ДД (от «дратлозер динст», т.е. «служба радиовещания») — отдел новостей в «Райхс-рундфунк гезельшафт» или РРГ. На некоторое время одним из начальников Мисси станет будущий западногерманский канцлер д-р К.Г.Кизингер.

Понедельник, 22 января. Сегодня пошла в бюро к Кате Клейнмихель на Фридрихштрассе и все утро печатала на машинке под диктовку по-английски; это было мое первое испытание, и оно не могло быть легче. Испытание было на скорость; мне сказали, что меня вызовут позже. Учреждение напоминает сумасшедший дом: все делается в спешке, потому что надо уложиться в расписание радиопередач. Среди возможных будущих сослуживцев наткнулась на родившегося в Чехословакии Родериха Менцеля, бывшего международного чемпиона по теннису.

Суббота, 27 января. У двойняшек Вреде [*потомки известного баварского фельдмаршала наполеоновских времен князя фон Вреде*] Татьяна познакомилась с одним человеком, который предложил ей работу в его учреждении, представляющем собой подразделение немецкого Министерства иностранных дел. Им нужны люди с хорошим знанием французского. Большинство наших друзей не советуют нам идти работать в американское посольство, так как, будучи иностранцами, мы, должно быть, уже находимся под бдительным оком Гестапо. Учитывая нынешнюю дружбу Германии с Советским Союзом, плохо еще и то, что мы «белые»

русские. Более того, мы обе работали в британском представительстве. Но так или иначе, мы сейчас в таком бедственном положении, что первое же предложение мы примем, от кого бы оно ни исходило. Американское посольство все молчит.

На днях у друзей меня представили госпоже фон Дирксен, одной из здешних весьма высокопоставленных дам. Она потрепала меня по волосам — что меня возмутило — и спросила, какие мы русские: «белые» или «красные», ибо в последнем случае «вы наши враги», — довольно неожиданное высказывание, если учесть, в каких приятельских отношениях сейчас Германия с Советской Россией!

Понедельник, 29 января. Сегодня мы обе приступили к работе: я в ДД, а Татьяна в Министерстве иностранных дел, более известном как АА [*Auswärtiges Amt*]. В моем учреждении никому, кажется, не ясно, кто наш главный босс, так как командуют все и одновременно. Хотя говорят, что последнее слово принадлежит министру пропаганды рейха д-ру Йозефу Геббельсу. Мы получаем каждая по 300 марок; 110 вычитается в виде налогов, так что остается 190, на которые и надо жить. Что ж, придется.

Вторник, 30 января. Первое мое служебное задание состояло в том, чтобы напечатать под диктовку длинный материал о Ронни Кроссе: он британский министр экономической войны. Татьяна гостила у них, когда до войны была в Англии. У моего непосредственного начальника герра Э. большие свисающие усы, как у моржа; кажется, он провел в Англии большую часть жизни. Его жена работает в одной комнате с нами. Они оба уже немолоды и явно скоро сделаются невыносимыми. Целый день он диктует бесконечно длинные статьи, по большей части хулительные и такие туманные, что часто в них ничего нельзя понять. С немцами это часто бывает, когда они чересчур хорошо знают чужой язык. Я сижу за машинкой с 7 утра до 5 вечера. Как только бумага вынимается из машинки, фрау Э. тут же набрасывается на нее, чтобы исправить возможные ошибки. Эта работа идет посменно круглые сутки.

В редких случаях Мисси пользовалась при упоминании имен инициалами — чтобы не задеть чувства данных лиц или их родных, но это она делала лишь тогда, когда эти лица были политически безобидны.

Сегодня позвонили из американского посольства и предложили нам места, обеим с гораздо более высоким окладом, чем наши теперешние. Но уже поздно.

Вторник, 13 февраля. Сегодня утром Мама́ и Джорджи уехали к Ольге Пюклер в Силезию. Мы надеемся, что они пробудут там достаточно долго и смогут немного поправить здоровье, прежде чем ехать дальше в Рим.

Среда, 14 февраля. С Татьяной в последнее время вижусь мало, так как встаю в 5.30 утра и прихожу домой около 6 вечера. Путь бесконечно долгий. Татьяна работает с 10 утра до 8 вечера, но часто возвращается и позже.

Четверг, 22 февраля. Сегодня получила почтовый перевод в оплату двух испытательных дней. Это тем более кстати, так как нам не выплатили аванса.

Суббота, 2 марта. Сегодня вечером был большой коктейль у бразильцев. Посол живет недалеко за городом. Мне не понравилось, что у него над граммофоном висит красивая русская икона. Эта страсть иностранцев к иконам и манера развешивать их где угодно нас, православных, порядочно шокирует. Я ушла рано и по дороге домой заблудилась.

Неожиданно появился с линии Зигфрида Ашвин цур Липпе-Бистерфельд. [*Так союзники называли построенный в 1938—1940 годах «западный вал» — немецкие укрепления, тянувшиеся приблизительно параллельно прославленной французской «линии Мажино»; они стали широко известны благодаря британской мюзик-холльной песенке «Мы повесим наше белье сушиться на линию Зигфрида»*].

Воскресенье, 3 марта. Сегодня утром в русской церкви замечательно пели. Обычно я работаю и по воскресеньям. Остаток дня провела дома и, в окружении похожей на привидения зачехленной мебели Ольги Пюклер, упражнялась на фортепьяно.

Понедельник, 4 марта. Сильно простудилась и несколько вечеров буду сидеть дома. Татьяна каждый вечер куда-то ходит и ведет обширную переписку с разными молодыми людьми на Западном фронте.

Вторник, 12 марта. Мама́ (она сейчас направляется из Силезии в Рим) звонила из Вены и сообщила, что Джорджи пропал. Когда поезд остановился на какой-то маленькой станции, он пошел проверить багаж и не заметил, как багажный вагон отцепили от их состава и прицепили к другому. Теперь он несется по направлению к Варшаве. У него оба их билета, но нет паспорта, и у него всего пять марок. Мама́ ждет, чтобы он ее догнал в Вене.

Среда, 13 марта. Вечер у Вреде. Сестры-двойняшки Эдда («Дики») и Кармен («Сита») были еще одни, когда я приехала, и болтали со мной в ванной комнате, пока я приводила в порядок прическу.

Обе с гордостью продемонстрировали письма от генералов Яге и Москардо (относящиеся к тому времени, когда Дики и Сита служили медсестрами в немецком легионе «Кондор» в Испании в гражданскую войну). Они знакомы со знаменитостями со всего света, включая папу римского. У них это что-то вроде хобби.

Легион «Кондор», состоявший из подразделения люфтваффе и кое-каких наземных войск, был организован в 1936 г. для помощи национа-

листам в гражданской войне в Испании. В его составе был и медицинский персонал.

Четверг, 14 марта. Сегодня после работы я пошла с Эллой Пюклер к Елене Беннаццо. Она по рождению русская, но по-русски не знает ни слова, хотя ее родители — они оба там были — выглядят стопроцентными русскими. Ее муж Агостино здесь при итальянском посольстве. Позже пришло много итальянок. Все они вяжут распашонки для младенца Геринга. По-моему, перебарщивают.

Суббота, 16 марта. К нам на чай приходила Елена Бирон, а также Карл-Фридрих Пюклер, наш домохозяин во Фридланде, да и здесь. Он, как всегда, настроен оптимистически и считает, что война кончится к Троице. Хотя он добр к нам и не глуп, мне с ним всегда как-то неуютно.

Бироны оставили в русской истории краткую, но яркую страницу в XVIII в. Эрнест-Иоганн Бирон (1690—1772), курляндский дворянин, впоследствии герцог, стал российским регентом при императрице Анне Иоанновне, был ее фаворитом. С «бироновщиной» связывали господство иностранцев и непомерное казнокрадство.

Позже мы зашли к нашей соседке Аге Фюрстенберг, у которой рекой лилось шампанское.

Понедельник, 18 марта. Сегодня у меня выходной. Спала до одиннадцати. Зашла за Татьяной к ней на работу, чтобы вместе пообедать. Погуляли по Тиргартену, который выглядит еще очень по-зимнему. Позже был большой вечер у голландского посла де Витта.

Среда, 20 марта. Сегодня мы обе легли спать рано. Во Франции ушел в отставку Даладье.

Трижды премьер-министр Франции (в последний раз в 1938—1940 годах он совмещал эту должность с постом военного министра), Эдуард Даладье (1884—1970) сыграл видную роль в Мюнхенском соглашении. На смену ему пришел его министр финансов и политический соперник Поль Рейно (1878—1966).

Пятница, 22 марта. Сегодня наша Страстная пятница, но мне все равно пришлось работать как проклятой. Печатала девять часов без перерыва. Когда мой начальник, герр Э., видит, что я сейчас упаду без чувств, он достает шнапс — это разновидность коньяка; он слегка подкрепляет, но на вкус ужасен. Герр Э. все время пререкается с женой. Когда я вижу и слышу их, то прихожу к твердому убеждению, что муж и жена не должны работать вместе. Я его не выношу, и когда он после очередной перебранки

высовывается из окна подышать воздухом, меня так и тянет его выпихнуть. Точно так же настроена и Катя Клейнмихель. Я сейчас с нею много вижусь, так как она работает со мной в одну смену, и часто, когда у меня нет больше сил терпеть эту парочку, она заменяет меня за машинкой. Наше бюро переехало в другое здание на Шарлоттенштрассе. Так наше начальство будет меньше подвергаться постоянным придиркам Геббельса. Раньше, когда наши учреждения соседствовали друг с другом, «герр министр» вызывал их к себе чуть ли не каждый час. Теперь ему придется покрикивать на них только по телефону.

Домой пришла смертельно усталая.

Понедельник, 25 марта. Была свободна целый день. Ездили с Татьяной в Потсдам. Погода была чудесная. Я ни разу там раньше не бывала — прелестный гарнизонный городок, полный очарования, которого Берлин совершенно лишен. Вернулись в Берлин как раз к началу концерта русских белых «черноморских» казаков. Огромный успех. Немцы такое любят.

Вторник, 26 марта. Обедала с Катей Клейнмихель. Она бывает очень остроумной; хорошо, что мы вместе работаем. На улице и в ресторанах мы обычно говорим по-английски, но никто не возражает.

Четверг, 28 марта. Пришло письмо из Рима: Мамá и Джорджи благополучно добрались, если не считать того, что в Венеции их обокрали. Пропали многие произведения искусства, сохранившиеся у Мамá еще с российских времен, эмалевые рамки работы Фаберже и т.п., а у Джорджи украли чемодан со всем его небогатым гардеробом, вместо него обнаружился чей-то чужой чемодан без гардероба. У них постоянно какие-то приключения.

Пятница, 29 марта. Ужин у Шаумбург-Липпе в Кладове. Гостей было немного. После ужина у камина принц Август-Вильгельм Прусский (четвертый сын бывшего кайзера — сейчас ему за шестьдесят) рассказывал много забавного о прежних временах.

Воскресенье, 31 марта. Ужин в ресторане «Рома» с друзьями. Итальянские рестораны сейчас очень популярны: в них подаются очень питательные макаронные блюда, на которые не требуются продовольственные карточки.

Понедельник, 1 апреля. Мой выходной день. Ходила по магазинам. «Ходить по магазинам» теперь означает главным образом покупать продовольствие. Все продается по карточкам, и на это уходит много времени, так как в большинстве магазинов длинные очереди. Вечером ужинали с Татьяной у Ханса фон Флотова. Как владелец фабрики, работающей на оборону, Ханс еще не призван.

Вторник, 2 апреля. Была в кино с Марио Гаспери, итальянским военно-воздушным атташе, а потом в ресторане «Рома». У

него новый «Фиат» размером с радиоприемник, называется «Тополино». Странное ощущение — снова ехать на автомобиле.

Среда, 3 апреля. Пошла на работу только в десять часов. Работа становится несколько менее напряженной, так как теперь смены у нас короче. Сегодня мне впервые поручили самостоятельный перевод, наверное потому, что начальник в отпуске. Тема была экономическая. Утренняя смена состоит из Кати Клейнмихель, меня и одного молодого человека из АА. Он славный, но плохо говорит по-английски, так что он полностью от нас зависит. Он это знает, держится с нами соответственно, и мы живем в согласии. Благодаря этому я все яснее понимаю, как тяжело работать с этими Э. Слышала, что герр Э. хочет, чтобы я стала его личной секретаршей, так как по возвращении из отпуска он станет главным редактором новостей. Я лучше уволюсь!

Четверг, 4 апреля. Ежедневно мы получаем записанные слово в слово тексты последних известий Би-Би-Си и других иностранных радиопередач. Все они с грифом *streng geheim* [совершенно секретно], причем цвет бумаги определяется степенью «секретности», самый секретный — розовый. Читать это весьма интересно. В Германии никому не полагается знать о происходящих в остальном мире событиях помимо того, что сообщается в ежедневных газетах, а это немного. Наше ДД — одно из исключений. Сегодня наш коллега из Министерства иностранных дел появился после обеда бледный от страха. Оказалось, что он забыл один из этих томиков в ресторане. Это серьезнейшее преступление, и ему уже видится смертная казнь — посредством секиры (последнее изобретение наших правителей!). Он умчался к себе в министерство «сознаваться».

Общепринятым способом казни в нацистской Германии было обезглавливание посредством миниатюрной гильотины. Однако для некоторых случаев (например, в случае государственной измены) по приказу Гитлера предусматривалось применение средневековой секиры.

Вторник, 9 апреля. Сегодня германские войска оккупировали Данию и вторглись в Норвегию. Из-за этого мы работали как проклятые, поскольку все эти «сюрпризы» должны оправдываться в глазах мировой общественности и происходит круговой обмен меморандумами относительно того, как лучше это сделать. Я пришла домой вся в жару. Звонил Марио Гаспери; он только что вернулся с линии Зигфрида, которую инспектировал вместе с другими военными атташе.

Завоевание Дании и Норвегии, да и вообще война на Западе, не входили в первоначальные планы Гитлера. Но для Германии было жизненно

важным свободное поступление шведской железной руды, которую доставляли через северо-норвежский порт Нарвик; кроме того, после вступления союзников в войну Германии нужен был контроль над этими двумя странами, чтобы открыть Атлантический океан для германского флота и чтобы предотвратить экономическую блокаду со стороны союзников по образцу той, которая задушила Германию в Первую мировую войну.

Именно поэтому, начиная с осени 1939 г., в лагере союзников много поговаривали о возможности превентивного вторжения в Скандинавию якобы с тем, чтобы помочь Финляндии, на которую напал СССР. Более того, союзная эскадра уже находилась в пути, когда немцы их опередили.

Дания была оккупирована в первый же день и стала немецким протекторатом до самого конца войны. Сопротивление норвежцев продолжалось до июня месяца, и за это время союзники предприняли ряд неудачных попыток удержаться хотя бы в северной части страны. Но когда началось немецкое наступление на Западе, повлекшее за собой эвакуацию союзных десантных частей, Норвегия капитулировала, и король Гаакон улетел в Англию, где скоро было образовано норвежское правительство в изгнании.

Гитлер этим одержал свою вторую, после Польши, крупную победу. Доступ к шведскому железу был обеспечен почти до самого конца войны; Балтийское море стало вроде бы германским озером; и немецкие воинские силы заняли наступательные позиции от Северного Мыса до Альпийских гор.

Среда, 10 апреля. Сегодня у меня вдруг подскочила температура — 39.5.

Четверг, 11 апреля. Теперь и Татьяна захворала. Она вернулась из своего бюро уже к полудню, после продолжительного интервью в Гестапо (где интересуются нашей перепиской с Римом) и немедленно слегла. Наши бюро постоянно звонят — озабоченные, взволнованные, раздраженные.

Пятница, 12 апреля. Мы продолжаем хворать. Чувствуем себя очень слабыми.

Суббота, 13 апреля. Доктор настаивает на пятидневном отдыхе. Какая радость! По-видимому, когда мы так расслаблены от недоедания, этот грипп ложится на сердце.

Воскресенье, 14 апреля. Английские войска высадились в Норвегии.

Вторник, 16 апреля. Ужин у Люца Гардегена. Как часто теперь бывает, было много больше мужчин, нежели женщин. Неожиданно появился «Ветти» Шавготш. Он направлялся (через Сибирь) в США, но Гестапо противилось его дипломатическому назначению, и он был отозван, уже доехав до Москвы. Теперь он решил поступить в армию.

Среда, 17 апреля. Ходила за пасхальными покупками и купила для Джорджи красочный галстук — без талонов.

Познакомилась с Хассо фон Эцдорфом, который считается очень умным и надежным человеком. Мне он показался очень уж формальным; но пруссакам требуется время, чтобы заговорить «по душам». Он занимает должность представителя АА при Генеральном штабе.

Будучи тяжело раненным в годы Первой мировой войны, д-р Хассо фон Эцдорф поступил на дипломатическую службу своей страны в 1928 г. и работал сперва в Токио, а затем в Риме. Когда Мисси с ним познакомилась, он, в чине советника посольства, состоял при начальнике Генерального штаба Сухопутных сил, генерал-полковнике Франце Гальдере, который был противником агрессивных планов Гитлера. Имея тесные контакты со многими высшими немецкими военачальниками, делившими опасения Гальдера, Эцдорф тщетно пытался их убедить в необходимости активно выступить против Гитлера. Но примиренческая политика, проводимая западными странами перед началом войны, и военные успехи вермахта, когда она разразилась, свели на нет все его попытки.

Вербное Воскресение, 20 апреля. Сегодня мы отправились с полуофициальным визитом к Кире, супруге принца Луи-Фердинанда Прусского. Он старший сын бывшего кронпринца, а она вторая дочь Великого князя Кирилла Владимировича, одного из немногих уцелевших членов семьи Романовых, который теперь является главой Российского Императорского дома. У них двое маленьких детей.

Понедельник, 22 апреля. У Мамá тромбоз ноги. Это очень тревожно. Мы довольно усердно постимся. Наша православная церковь разрешает нам этого не делать в военное время из-за всеобщего недоедания. Но мы едим все равно мало, ибо стремимся сэкономить возможно большее число талонов.

Вторник, 23 апреля. Церковь.

Среда, 24 апреля. Церковь.

Четверг, 25 апреля. Сегодня вечером в церкви традиционное чтение «Двенадцати Евангелий».

Пятница, 26 апреля. Мы так добросовестно постимся, что совсем оголодали.

Суббота, 27 апреля. Оба наши бюро отпустили нас исповедоваться и причаститься. Литургия продолжалась до 2 часов пополудни. Заутреня в большом русском соборе вызвала такое стечение народа, что нас буквально выперли на улицу. Затем мы догнали группу друзей у Дики Эльца и остались там до 5 утра. Мы давно уже не выезжали.

У австрийских братьев Эльцев имения в Югославии. Дики единственный из них, который еще не забран в армию.

Воскресенье, 28 апреля. Русская Пасха. Мы поехали в Потсдам и наткнулись на отца Бурхарда Прусского, князя Оскара, одного из сыновей бывшего кайзера — пожилого господина в великолепном красно-золотом мундире.

Нам удалось сделать настоящую русскую пасху, чем мы очень гордимся, ведь продукты для нее так трудно достать. Вкусно было необыкновенно.

Практическое исчезновение с началом войны многих предметов первой необходимости имело у нас в министерстве комические последствия: наше начальство уже некоторое время жалуется на необъяснимый гигантский рост потребления туалетной бумаги. Сначала они предположили, что сотрудники страдают какой-то новой формой массового поноса, но шли недели, а поборы с туалетов не прекращались, и тогда они наконец сообразили, что все попросту отрывают вдесятеро больше, чем необходимо, и тащат к себе домой. Теперь издано распоряжение: все сотрудники обязаны являться на центральный раздаточный пункт, где им торжественно выдают ровно столько, сколько сочтено достаточно для их однодневных нужд!

Четверг, 3 мая. Чемберлен объявил, что британцы оставляют Норвегию. Здесь это неожиданное отступление всех поразило. Многие немцы все еще втайне восхищаются англичанами.

Суббота, 4 мая. Пошла на большой дипломатический прием. Сотрудники Министерства иностранных дел обязаны теперь носить нелепую форму: темно-синюю с широким белым поясом. Был большой буфет, но никто не осмеливался подойти к нему со сколько-нибудь заметной стремительностью.

У нас в ДД работает странный человек. Его зовут Илион. Он разгуливает в лохмотьях, носит толстые очки, имеет американский паспорт, родился в Финляндии, а большую часть жизни провел в Тибете, где был близок к далай-ламе и, как он хвастается, никогда не мылся. Хотя жалованье у него вполне приличное, не моется он и сейчас, что для нас, окружающих, не слишком приятно. Время от времени он обучает нас с Катей Клейнмихель коротким фразам по-тибетски.

Вторник, 7 мая. Только что прочла секретное сообщение: Молотов попросил германское правительство не оказывать поддержки Русской церкви в Берлине, так как ее руководители враждебно относятся к Советам!

Ужин был довольно бестолковый: булочки, простокваша, подогретый чай и джем. Простокваша продается без карточек, и когда мы питаемся дома, она составляет наше главное блюдо, иногда дополняемое сваренной на воде овсяной кашей. Нам позволена примерно одна банка джема в месяц на человека; а так

как и масла тоже очень мало, этого хватает ненадолго. Татьяна предлагает вешать над кухонным столом надписи: «завтрак», «обед» и «ужин», в соответствии с временем суток, поскольку меню в общем и целом не меняется. Я подружилась с голландским молочником, который время от времени придерживал для меня бутылку молока, оставшуюся от запаса для «будущих матерей». К сожалению, теперь он возвращается к себе в Голландию. Иногда я просто прихожу в отчаяние: после работы приходится выстаивать очередь за каким-нибудь кусочком сыра в палец толщиной. Но люди в магазинах по-прежнему дружелюбны и еще воспринимают все это с улыбкой.

Четверг, 9 мая. Работала допоздна, а затем пошла с одним знакомым, г-ном фон Пфулем (которого мы все называем Ц.-Ц.) к Аге Фюрстенберг. У нее была вечеринка в честь красавицы Нини де Витт, жены голландского посла.

Пятница, 10 мая. Германия вступила в Бельгию и Голландию. А лишь вчера на вечеринке Нини де Витт держалась так, словно она ничего не знала! Я позвонила Татьяне из министерства, и мы решили вместе пообедать и все обсудить. Новость ошеломляет, так как она означает конец «странной войны». Немцы бомбили Антверпен, а союзники — Фрайбург-им-Брайсгау.

После войны выяснилось, что в действительности Фрайбург-им-Брайсгау бомбили не союзники, а люфтваффе, перепутавшие его с французским городом на другом берегу Рейна.

Гитлер никогда не верил, что Франция и особенно Англия станут воевать за Польшу. Месяцы «странной войны» (так союзники назвали относительно бедную событиями первую зиму на Западном фронте), отсутствие сколько-нибудь ясных заявлений о военных целях союзников (что объяснялось франко-британскими разногласиями по поводу того, что делать дальше), неоправданные надежды в широких кругах германского населения (которое и так никогда не хотело войны) — все это породило в Германии иллюзию (заметную и у Мисси), что пока не пролито слишком много крови, мир на основе переговоров еще возможен. И действительно, в течение зимы 1939—1940 гг. влиятельные, хоть и неофициальные круги с обеих сторон неоднократно предпринимали зондаж с целью найти взаимоприемлемый способ положить конец конфликту.

Германское наступление началось в ночь с 9 на 10 мая массированным воздушным налетом на нейтральные Голландию и Бельгию. 15 мая основная часть германских бронетанковых дивизий прошла сквозь Арденнский лес в южную Бельгию. Прорвав французские позиции, они стремительно двинулись на запад к морю, расчленив силы союзников надвое и вытеснив северные армии (в том числе и британский экспедиционный корпус) из Бельгии обратно к Ламаншу. Голландская армия

капитулирует 15 мая, бельгийская — 27 мая. 3 июня последнее британское судно покинет Дюнкерк. Париж падет 14 июня, а 25 июня Франция подпишет перемирие, по которому две трети территории страны отойдет под германский контроль, а остальное, под управлением маршала Филиппа Петена, составит то, что станет в обиходе называться «вишистской Францией».

И там, и там было много жертв. Париж эвакуируют, Чемберлен подал в отставку, и Черчилль теперь премьер-министр. По-видимому, это уничтожает всякую надежду на заключение мира с союзниками.

Вечером прощальный прием у Аттолико (отъезжающего итальянского посла). Все стоят с унылыми лицами.

Суббота, 11 мая. Зашли навестить нас Антуанетт и Лулу фон Крой. Их мать наполовину датчанка, наполовину американка, отец — герцог, частью француз, частью бельгиец, частью немец. Не очень-то удобная родословная по нынешним временам!

Понедельник, 13 мая. Я уже несколько недель работаю без выходных и коплю дни причитающегося мне за это отпуска, чтобы навестить семейство Клари в Теплице, в Богемии. Я не видалась с ними с прошлого лета в Венеции и хочу, чтобы Татьяна тоже с ними познакомилась.

Бурхард Прусский написал ей из Кельна; он едет на фронт.

Четверг, 16 мая. Со вчерашнего дня идет большое наступление. От этого не спится.

Пятница, 17 мая. Я постоянно напоминаю моему временному начальнику о своем намерении поехать в Теплиц. Как вода, капающая на голову китайцу, надеюсь, что эта идея в него все-таки просочится.

Воскресенье, 19 мая. Ужин-пикник со спагетти на кухне у сестер Вреде. Тино Солдати, новый швейцарский атташе, все время подбегает к телефону. Он говорит, что в Швейцарии тоже ожидают вторжения с минуты на минуту.

Понедельник, 20 мая. Сегодня вернулся мой начальник герр Э., загорелый, но разозленный. Он рыщет повсюду кругами и рявкает: «Мерзавцы! Сволочи!» — надо полагать, имея в виду нас. Дело в том, что в его отсутствие мы устроили нечто вроде дворцового переворота. Меня даже вызвал вышестоящий начальник, герр фон Вицлебен, который спросил, правда ли, что я всем «швыряю в лицо ультиматумы». К счастью, герра Э. не любят, и пока что победа осталась за «нами».

Татьяне прибавили жалованья. Я злюсь, так как мое, по-видимому, заморожено.

Среда, 22 мая. Новый итальянский посол Альфьери дал прием. Неожиданно появился Макс Шаумбург-Липпе, только что

из Намюра — наконец-то я услышала из первых уст, что происходит на фронте. Говорят, что убит Фридрих фон Штумм. Его мать была на приеме у итальянцев, но никто не осмелился ей сообщить.

Видный ветеран фашистской партии, занимавший одно время пост министра культуры в правительстве Муссолини, Дино Альфьери (1886—1966) проголосовал против своего «Дуче» на пленуме Правящего Совета фашистской партии в июле 1943 г., что вызвало падение фашизма в Италии и ее последовавший за этим переход на сторону союзников. Укрывшийся в Швейцарии, он был заочно приговорен к смертной казни, но, вернувшись после войны на родину, был полностью реабилитирован.

Суббота, 25 мая. В 7 часов утра мы с Татьяной выехали в Теплиц, замок семьи Клари в Богемии. В такси у меня вдруг промелькнула мысль: выключила я электроутюг в кухне или нет? Но вскоре я об этом забыла. Нас приветствовали Альфи Клари (он, через близкую к Пушкину известную графиню «Долли» Фикельмон, отдаленный родственник Мама́) и его сестра Элизалекс де Байе-Латур ; ее муж, бельгиец — президент Международного Олимпийского комитета. Сейчас она живет по большей части здесь. Мы нанесли визит матери Альфи, Терезе, очень красивой пожилой даме, которую когда-то писал Сарджент. Портрет висел у нее над головой.

ТЕПЛИЦ. *Воскресенье, 26 мая.* Праздник тела Христова. Все мы ходили в церковь, Альфи Клари возглавлял процессию, шагая вслед за священником. Мы смотрели из окна. Пока у них нет никаких сведений от двоих старших сыновей, Ронни и Маркуса, сражающихся во Франции. Дома только младший, Чарли, ему шестнадцать. Он выглядит в точности, как Гарольд Ллойд; отвернув ковер, он очень ловко отбивал чечетку. [*Позже Чарли Клари, в свой черед, был призван в армию; он погиб в 1944 г., сражаясь с югославскими партизанами*].

Понедельник, 27 мая. Лиди Клари никогда не говорит о мальчиках, хотя вчера в церкви она плакала. Альфи выглядит до смерти встревоженным. Сегодня мы играли в бридж, а вечером Татьяна уехала. Я побуду здесь еще некоторое время. Мы побывали в городе. Однажды сюда приезжал Петр Великий (Теплиц — известный курорт), есть много памятных мест, связанных с его пребыванием.

Сегодня в каком-то брюссельском госпитале скончался старший сын кронпринца, принц Вильгельм Прусский; 13-го он получил ранения в легкие и желудок.

Вторник, 28 мая. Леопольд, король бельгийцев, сдался. Элизалекс Байе-Латур рада: она считает, что это может спасти жизнь многим бельгийцам.

Прибыли, наконец, письма от обоих мальчиков Клари. Полк Ронни взял в плен их юного двоюродного брата, француза. Альфи не знает, как сообщить об этом его семье. У него представления идеалиста-патриота девятнадцатого века; он плохо разбирается в реальностях сегодняшнего дня.

Сегодня в кинохронике мы видели, как бомбят Роттердам. Зрелище ужасающее. Содрогаешься за Париж.

Бомбардировка Роттердама, предпринятая люфтваффе в то время, когда уже шли переговоры о капитуляции, была одним из наиболее дорогостоящих психологических просчетов Германии за всю войну. Пилоты бомбардировщиков не заметили световых сигналов германских наземных войск, предписывавших им повернуть обратно. Большая часть города была разрушена до основания, но число жертв, которое пропаганда союзников оценивала в 25—30 тысяч, составило на деле 814 человек. Тем не менее бомбардировка Роттердама вошла в историю как типичный пример бессмысленной жестокости нацистов и, наряду с последующей бомбардировкой английских городов, во многом способствовала тому, что британское общественное мнение склонилось в пользу массированных бомбардировок городов Германии, повлекших за собой значительно большее количество жертв.

БЕРЛИН. *Среда, 29 мая.* Когда вернулась Татьяна, я была уже в постели. Она выругала меня на чем свет стоит: оказалось, что когда она приехала из Теплица, утюг был включен. Он прожег полку, на которой стоял на металлической подставке, и грохнулся, слава Богу, на плиту. Но когда через три дня Татьяна вошла в кухню, по стене уже ползло пламя. Не знаю, что бы я делала, если бы квартира Пюклеров сгорела.

Сегодня в Потсдаме хоронили принца Вильгельма. Говорят, что монархисты устроили настоящую демонстрацию.

Четверг, 30 мая. Приятно, тихо поужинала в доме Бенаццо. Агостино настроен крайне антифашистски и, в отличие от многих его коллег, весьма откровенен. Он предсказывает всей Европе ужасную участь.

Воскресенье, 2 июня. Вчера мы ходили по магазинам, так как был день выдачи жалованья. К концу месяца у нас, как правило, не остается ни гроша, что неудивительно, принимая во внимание наши оклады. Сейчас мы вдвоем зарабатываем (после вычета налогов) 450 марок, из которых 100 идут родным в Риме, еще 100 — на уплату долгов и еще примерно 200 — на еду, транспорт и т.п. Остается около 50 марок на личные нужды, одежду, почтовые расходы и т.п. Но на этот раз я кое-что скопила и смогла купить платье, которое примерила еще несколько месяцев назад. Приходилось откладывать еще и талоны на одежду, но в магазине у меня забыли их спросить!

Вечером принимала ванну. Ванны теперь тоже лимитируются, так что брать ванну — целое событие.

Понедельник, 3 июня. Сегодня в первый раз бомбили Париж. Немцы официально объявили свои потери на Западе на сегодняшний день: 10 тыс. убитых, 8 тыс. пропавших без вести и, вероятно, также погибших. На сегодня взято в плен 1 200 тыс. солдат и офицеров союзников.

Четверг, 6 июня. Гофи, брат Аги Фюрстенберг, получил специальный отпуск за храбрость. Его посылают в офицерское училище. Говорят, что хотя он даже не прошел действительной военной службы, он вел себя как настоящий герой и награжден Железным крестом и *Panzersturmabzeichen* [нагрудным знаком за танковую атаку]. Тем не менее войну он ненавидит. Перед войной он по большей части жил в Париже.

Воскресенье, 9 июня. П.Дж.Вудхаус был взят в плен возле Аббевилля во время игры в гольф. Германское Верховное главнокомандование хочет, чтобы он издавал газету для британских военнопленных, так что его доставили в Берлин.

К началу войны Вудхаус (британский подданный, живший, однако, долгое время в Америке) жил с женой в своем доме в Ле Туке, где немцы их и взяли как раз в тот момент, когда они собирались бежать на Запад. Интернированный как представитель враждебного государства, он был вскоре освобожден по просьбе США (которые в то время еще не находились в состоянии войны). В Берлине представитель Американской радиовещательной системы уговорил его сделать пять передач для американских слушателей с описанием его приключений. Эти передачи — остроумные, слегка подсмеивающиеся над немцами — были совершенно аполитичными. Но поскольку он воспользовался для проведения этих передач германским радиовещательным оборудованием, то формально он оказался виновным в сотрудничестве с противником. В Англии это произвело большой скандал, и после войны многие годы писателю не разрешали возвращаться на родину.

Понедельник, 10 июня. Бурхард Прусский кипит от злости, потому что после гибели его кузена Вильгельма всех германских «принцев крови» отстранили от службы на фронте и в лучшем случае «терпят» в штабах. Адольф [*Гитлер*] не хочет, чтобы они имели возможность отличиться и тем самым приобрести «нездоровую популярность» — ибо все они проявили себя как хорошие солдаты.

Вчера союзники оставили Нарвик, и Норвегия капитулировала. Сегодня во второй половине дня Муссолини объявил, что Италия вступает в войну. Это не только глупо, но и не очень-то красиво — с «триумфом» занимать юг Франции под самый конец французской кампании.

Среда, 12 июня. Прошел слух, что Париж будут оборонять. Надеюсь, что не будут; да это все равно ничего не изменит.

Четверг, 13 июня. Ходила с Ц.-Ц. Пфулем в театр на «Фиеско» с Густафом Грюнгенсом. Это было баловство: билетов сейчас не достать, они почти всегда все распроданы или забронированы для находящихся в отпуске военнослужащих. После спектакля мы перекусили в ресторанчике и поговорили о войне. Ц.-Ц. — а он умен — говорит, что это надолго, и в целом настроен пессимистически.

Пятница, 14 июня. Сегодня Париж пал. Странно, какая здесь вялая реакция. Абсолютно никакого энтузиазма.

Суббота, 15 июня. Слухи о капитуляции Франции.

Мы провели вечер с Зиги Лаферт и друзьями в Груневальде, катались на лодках и сидели в саду. Внезапно появился Агостино Бенаццо, он отвел нас в сторону и прошептал: «Русские только что аннексировали Литву!» А Папá все еще там! Мы тут же пошли домой и всю ночь пытались связаться с теми в АА, кто мог бы помочь. Все откликаются более чем уклончиво, опасаясь нарушить «сердечное согласие» с Советской Россией.

Воскресенье, 16 июня. Пока Татьяна предпринимала очередную попытку в АА, Бурхард Прусский ходил со мной в церковь. Он тоже пытается найти способ вызволить Папá, пока еще не поздно.

Понедельник, 17 июня. В последние дни почти не спала. Ходят слухи, что литовский президент Сметона и большая часть министров его кабинета бежали, перейдя германскую границу.

Президент Антанас Сметона, правивший Литвой как умеренный диктатор с 1926 г., благополучно добрался до США, где и умер в 1944 г. Советские власти немедленно приступили к чисткам: тысячи были тут же расстреляны; десятки тысяч сосланы в ГУЛАГ.
Хотя по секретному протоколу от 28 сентября 1939 г. Литва стала частью «сферы влияния» СССР, Гитлер не давал согласия на ее прямое присоединение к Советскому Союзу. А так как вслед за этим Москва отняла у Румынии Бессарабию и Северную Буковину — теперешнюю Молдавию, — что позволило советским военно-воздушным силам приблизиться на расстояние удара к нефтяным месторождениям в Плоешти — основному германскому источнику горючего, то аннексия была истолкована Гитлером как вероломство, которое послужило дополнительным предлогом для осуществления его давнишней мечты — завоевать СССР.

Только что позвонил Альберт Эльц и сообщил, что маршал Петен капитулировал от имени Франции. Французский кабинет, похоже, разбежался кто куда. Все это, после каких-нибудь только двух месяцев военных действий, кажется невероятным!

Вторник, 18 июня. Францию стремительно оккупируют. Ц.-Ц.Пфуль и Бурхард Прусский начали наводить справки о Папа́ с помощью некоего полковника Остера из Абвера (военной разведки). Пока никаких новостей.

Лихой офицер исключительных дарований и страстный антинацист, эльзасец по происхождению, полковник (впоследствии генерал-майор) Ханс Остер (1883—1945), будучи начальником штаба адмирала Канариса, превратил Абвер в убежище для членов антигитлеровского сопротивления. В самом начале войны он, возможно, с ведома самого Канариса, устроил утечку гитлеровских планов вторжения к разведкам Дании, Норвегии, Нидерландов и Бельгии. Но к 1943 г. несколько его протеже было арестовано, и вскоре он был снят с должности, а военное антинацистское сопротивление перегруппировалось вокруг генерала Ольбрихта и полковника фон Штауфенберга. Арестованный после неудачного переворота 20 июля, Остер погиб из-за немецкой мании хранить записи. Как только его шофер выдал местонахождение его тайного архива, Гестапо не замедлило расправиться с ним. Он был повешен вместе со своим шефом Канарисом 9 апреля 1945 г. в концлагере Флоссенбург.

Среда, 19 июня. Из Литвы прибыло семейство Тильмансов. Происходя из русских немцев, они были там крупными промышленниками. За два часа до вторжения Советов как германский посланник д-р Цехлин, так и мой бывший шеф британский посланник г-н Томас Престон предупредили их и посоветовали бежать. Остался их сын — в надежде, что со своим немецким паспортом он сумеет спасти что-либо из их имущества.

Четверг, 20 июня. Вернувшись сегодня вечером домой, обнаружила телеграмму от Папа́. Она была отправлена из Тильзита (в Восточной Пруссии) и гласила: «Glüklich angekommen» [«Прибыл благополучно»], кроме того, он просит денег, чтоб приехать к нам.

Пятница, 21 июня. Ужин с раками у Ц.-Ц.Пфуля с Луизой Вельчек и Бурхардом Прусским; последний привез нас домой на своей машине, что строго запрещено. Мы как раз ложились спать, когда завыли сирены воздушной тревоги. Мы уселись на лестнице и стали беседовать с привратником, который одновременно является и уполномоченным гражданской обороны. Позже мы узнали, что бомбили в районе Потсдама, на Берлин ни одна бомба не упала.

Суббота, 22 июня. Провела вечер у Тино Солдати. Было объявлено о перемирии на Западе, по радио пели «Wir treten zum Beten...» [«Сойдемся на молитву...»]. Все присутствовавшие язвительно говорили об итальянцах, которые напали на Францию только после того, как каштаны уже были вытащены для них из огня.

Понедельник, 24 июня. Ужинала в Гатове на озере с группой друзей-итальянцев. Ушла домой рано, так как другие отправились на вечер к жене одного из здешних итальянских дипломатов, американке. Не понимаю, как можно так весело проводить время, зная, что происходит во Франции.

Вторник, 25 июня. Вернувшись домой, застала Папá, исключительно бодрого, если учесть, сколько ему пришлось пережить. Теперь все его имущество на этой земле состоит из бритвенных принадлежностей, двух грязных носовых платков и одной рубашки. Когда он добрался до германской территории, пограничники отнеслись к нему очень хорошо — благодаря вмешательству полковника Остера. Ему даже предложили денег, чтобы доехать до нас. Но зато перед этим он набрался страху, прячась в лесах бывшего собственного имения и пересекая границу глубокой ночью с помощью контрабандиста. Это оказалось нелегким делом, так как в разгаре лета подлесок пересох и трещал под ногами.

Когда советские войска заняли Литву, отец Мисси находился в Вильнюсе, древней столице страны, возвращенной Литве Советами осенью предыдущего года вслед за расчленением Польши. Сев на первый же поезд обратно в Каунас — где он жил, — он переночевал у друзей, после чего, не заходя домой, поехал пароходом по реке Неман в Юрбург (по-литовски Юрбаркас), где находилось бывшее имение Васильчиковых. Вскоре нашлись проводники, взявшиеся переправить его тайком через границу. Они оказались браконьерами, некогда «промышлявшими» в его лесах, и когда он добрался до германской стороны и готовился их наградить, они отказались, сказав: «Мы с вас уже получили, и притом во много раз больше — когда вы еще жили среди нас...»
Семья Васильчиковых проживала в Литве (тогда «Ковенская губерния») с середины XIXв., когда прадеду Мисси, князю Иллариону Васильевичу были дарованы там обширные земли в награду за службу Отечеству на военном и государственном поприщах. Перед революцией ее отец служил там губернским предводителем дворянства, а затем членом Государственной Думы IV Созыва от русского населения. Потому, и до и после становления самостоятельной Литовской Республики, у семьи были с местным населением и властями прекрасные отношения, — что в июне 1940 г., очевидно, спасло отцу жизнь.

Понедельник, 1 июля. После работы навестила Луизу Вельчек и Татьяну в их бюро, в бывшей чехословацкой миссии на Раухштрассе. Начальник Луизы — очень приятный дипломат Йозиас фон Ранцау, занимавший прежде посты в Дании и Соединенных Штатах. У него прекрасное чувство юмора, что весьма кстати, так как Луиза сочиняет презабавные шуточные стихи о своих сослуживцах и все время поддразнивает его. Нас угостили крепким напитком, и атмосфера вообще была очень непринужденной.

Вторник, 2 июля. Ужин с Отто фон Бисмарком, четой Бенаццо, Еленой Бирон и молодым фон Хельговом из шведской миссии в Берлине. Остаток вечера мы провели в его квартире неподалеку от Тиргартена, набитой безделушками веджвудовского фарфора. По нынешним временам это небезопасно.

Старший из внуков «железного канцлера», князь Отто фон Бисмарк (1897—1975) начал карьеру как правый депутат Рейхстага (в котором его младший брат Готфрид впоследствии представлял нацистскую партию). В дальнейшем он перешел на дипломатическую службу и занимал должности в Стокгольме и Лондоне. Вершиной его карьеры был пост министра-советника германского посольства в Риме, который он занимал с 1940 по 1943 годы. После войны он снова занялся политикой и некоторое время был депутатом боннского Бундестага.

Воскресенье, 7 июля. Татьяна, Луиза Вельчек и я были приглашены в резиденцию итальянского посла в Ваннзее «спокойно покупаться». Оказалось, что это было устроено в честь министра иностранных дел Чиано, который приехал сюда на заупокойную службу по маршалу Итало Бальбо, только что погибшему в авиакатастрофе в Ливии.

По этому случаю посольство пригласило, кажется, всех самых хорошеньких девушек Берлина, но ни одного из знакомых нам мужчин. Собственное окружение Чиано оказалось малопривлекательным, единственное исключение — Бласко д'Айета, его *chef de cabinet* [заведующий канцелярией]. Вся эта затея показалась довольно сомнительной. Нас катали кругами по озеру Ваннзее в многочисленных моторных лодках под проливным дождем. По возвращении мы трое решили сразу же отправиться домой, как только найдем машину. Но когда подошла пора прощаться и благодарить хозяина, мы обнаружили его и Чиано в затемненной комнате танцующими щека к щеке с двумя самыми легкомысленными дамочками, каких только может предложить Берлин. И это в день, официально считающийся траурным! Мы отбыли возмущенные, а Луиза даже пожаловалась своему отцу.

Четверг, 11 июля. Мой молодой сослуживец по АА устраивает вечеринку и пригласил Катю Клейнмихель и меня. Катя говорит, что он, кажется, пригласил и Бейли-Стюарта. Последний — британский офицер, который несколько лет назад передал какие-то планы Германии, некоторое время был заключен в Тауэре, а теперь находится здесь. Я попросила Катю передать нашему коллеге, что предпочла бы не приходить, так как не хочу встречаться с этим человеком. Наш друг воспринял это крайне отрицательно, сказав, что Бейли-Стюарт — «самый порядочный англичанин, какого ему приходилось встречать». Я не могла удержаться и ответила, что он, должно быть, встречал их не так

уж много, и что если он прав, то «Боже, храни короля!» Он пригрозил совсем отменить вечеринку — «и все из-за вашей глупости». Так что в конце концов я все-таки согласилась придти и большую часть вечера смотрела, как другие играют в покер. В остальном у нас вполне радушные отношения.

Нашему начальнику, герру Э., отвели собственную берлогу, из которой он не показывается.

Пятница, 12 июля. Сегодня у Биленбергов в Далеме был небольшой вечер. Петер Биленберг — юрист из Гамбурга. Более чем двухметрового роста, на редкость красивый, смуглый, как индийский раджа, он женат на очаровательной англичанке, Кристабел, кажется, племяннице лорда Нортклиффа. У них двое сыновей. Старший, семи лет, был исключен из школы за то, что выразил протест, когда учитель назвал англичан Schweine [негодяями]. Во избежание новых инцидентов родители решили, что мать отвезет детей в Тироль, чтобы переждать там войну. Они очень симпатичная пара. Там был также Адам фон Тротт цу Зольц, старый друг Петера с университетских времен. Я уже видела его однажды в кабинете у Йозиаса Ранцау. У него удивительные глаза.

Сын бывшего прусского министра образования, Адам фон Тротт цу Зольц (1909—1944) имел американскую бабушку, которая была правнучкой Джона Джея, первого верховного судьи Соединенных Штатов. Он учился в университетах Мюнхена, Геттингена и Берлина, а затем получил стипендию Родса в Бэллиол-колледже в Оксфорде. Проработав некоторое время в Германии юристом, он жил в 1937—1938 г. в США и много путешествовал по Китаю. В 1939 г. он снова приехал в Англию, где благодаря содействию семьи Асторов и лорда Лотиана был принят премьер-министром Невиллом Чемберленом и министром иностранных дел лордом Галифаксом. В сентябре 1939 г. (война в Европе к этому моменту уже началась) он снова оказался в США по приглашению Института тихоокеанских отношений. Куда бы он теперь ни ехал и с какими бы иностранными политическими деятелями ни встречался, он всюду выступал с двойным — а по мнению некоторых, двусмысленным — призывом: противодействовать Гитлеру и поддерживать антинацистскую оппозицию, но уважать национальные интересы Германии. К тому времени любое проявление германского патриотизма (а Тротт, как и все участники антинацистского сопротивления, был прежде всего пламенным патриотом) воспринималось с подозрением, и в некоторых союзнических кругах к Тротту стали относиться с недоверием. Он вернулся в Германию в 1940 г. через Сибирь. Став для прикрытия членом нацистской партии, он поступил на службу в Министерство иностранных дел, где формировалась активная антинацистская группа во главе с двумя высшими чиновниками, братьями Эрихом и Теодором Кордтами. Вскоре его коллега Ханс-Бернд фон Хафтен ввел его в «Крайзауский кружок» графа Хельмута фон Моль-

тке, мозговой центр Сопротивления, занимавшийся разработкой планов будущего Германии после падения нацизма. По поручению этого кружка он пользовался каждой своей зарубежной поездкой — а путешествовал он много — для поддержания контактов со своими друзьями в лагере союзников.

Сама Кристабел Биленберг описала пережитые ею события в своей нашумевшей книге «Прошлое — это я» (Chatto and Windus, London, 1968).

Суббота, 13 июля. Ходила с Татьяной в Гестапо, где нас принимал на редкость омерзительный тип. Наше юридическое положение осложняется. С точки зрения немцев, наши литовские паспорта больше не годны, так как Советы аннексировали прибалтийские государства и требуют теперь, чтобы все прежние граждане этих государств брали советское гражданство. Мы, разумеется, этого делать не собираемся.

Воскресенье, 14 июля. Вечером приходили друг Папá барон Клодт, георгиевский кавалер, герой русского флота в русско-японскую войну 1904—1905 годов, и Миша Бутенев. Последний — очень умный русский юноша, целую зиму проживший со своими братьями и сестрами в каком-то подвале в Варшаве после бегства из оккупированной Советами Восточной Польши. Его отца, старого графа, сослали в СССР. Какая ирония судьбы: двадцать лет назад он бежал из России во время революции с тем, чтобы теперь попасть туда же! С Мишей его семилетние племянницы-двойняшки. Относятся к ним прилично, благо они родились в Соединенных Штатах.

Вторник, 16 июля. Только что над Бельгией сбит Паул Мерц. Молодой офицер люфтваффе, мы познакомились с ним прошлым летом в Силезии; уходя на фронт, он оставил нам своего терьера Шерри, но мы не могли взять собачку с собой в Берлин и отдали ее знакомым.

Сегодня на работе я по ошибке получила пустой бланк с желтой поперечной полосой. Такие используются только для особо важных новостей. От нечего делать я напечатала на нем сообщение о том, что в Лондоне, по слухам, имел место мятеж и король повешен у ворот Бэкингемского дворца. Я передала этот текст дуре-переводчице, она тут же перевела его и включила в последние известия для вещания на Южную Африку. Шеф, которому полагается просматривать все исходящие новости, догадался, что текст мой, по некоторым грамматическим ошибкам в немецком языке. Сегодня он был в добродушном настроении, и это сошло мне с рук.

Среда, 17 июля. Сегодня вечером у Тино Солдати я долго разговаривала с Хассо Эцдорфом о Франции. У него репутация очень порядочного человека, но это, вместо открытой критики,

вечное «да ну их», которого ради самозащиты придерживаются в обществе даже самые лучшие немцы, отмежевываясь от нынешних лидеров и поступков собственной страны, нередко меня просто пугает. Если они не будут отстаивать свои убеждения, то чем все это кончится?

Лишь после провала «заговора 20 июля» Мисси узнала о ведущей роли Хассо фон Эцдорфа в антинацистском Сопротивлении и поняла, что проявлявшаяся им сдержанность в разговорах о политике была всего-навсего элементарной мерой предосторожности.

Понедельник, 22 июля. Слушала дома по радио замечательный концерт в Берлинской филармонии.

Даруся Горчакова только что прислала нам из Швейцарии список молодых людей из белых беженцев, которые, сражаясь во французской армии, пропали без вести по окончании французской кампании; там числятся, среди прочих, наш двоюродный брат Иван [«Джим»] Вяземский, Миша Кантакузен и Алеша Татищев. Пока что никого из них отыскать не удалось.

Когда началась война 1941—45 гг., все русские беженцы военного возраста были призваны во французские вооруженные силы — независимо, были ли они французские подданные или нет. А после капитуляции Франции многие из них участвовали в Сопротивлении.

Вторник, 23 июля. Миша Кантакузен нашелся, но мы беспокоимся за Джима Вяземского, которого в последний раз видели во Фландрии. Нет никаких вестей и от наших двоюродных сестер Щербатовых из Парижа.

Четверг, 25 июля. Обед у Хорстманов по случаю дня рождения Фредди. В первый раз после бала у чилийцев мы были в длинных платьях. Разговор шел в основном о противогазах. У нас противогазов нет, что вызвало некоторое удивление, так как прошел слух, что в обломках недавно сбитого британского самолета были обнаружены газовые бомбы.

Страстный коллекционер, достаточно состоятельный, чтобы предаваться этому увлечению, «Фредди» Хорстман был одной из самых ярких личностей Берлина в годы войны. В прошлом дипломат, он с приходом Гитлера к власти был вынужден уйти с дипломатической службы в связи с еврейским происхождением его жены Лалли. В период, о котором пишет Мисси, маленькая, но изысканная квартира Хорстманов на площади Штайнплац была островком цивилизации в надвигающемся море варварства. Там, среди собранных Фредди произведений искусства, периодически встречалась тщательно подобранная группа друзей (неизменно включавшая некоторых наиболее прославлен-

ных красавиц Европы!) в атмосфере непринужденной утонченности и одухотворенности. Хотя о политике здесь не было принято говорить, само существование салона Хорстманов, обитатели которого ценили и ненавидели одно и то же, было в какой-то мере вызовом всему тому, что олицетворял нацизм.

Пятница, 26 июля. Сегодня вечером заходил Альберт Эльц. Он принес нам торт и зубную пасту «Колинос» — ценнейший предмет, который теперь можно достать только в Сименсштадте. Он зенитчик на крыше тамошнего завода; недавно его посадили под арест за то, что вместо выслеживания в небе английских самолетов он читал английский роман.

Понедельник, 29 июля. В последнее время я стараюсь по понедельникам сидеть дома, потому что в этот день еженедельно транслируют по радио концерты из филармонии.

Татьяне снова повысили жалованье. Мне все нет. Уныло плетусь в хвосте.

Четверг, 1 августа. Все ближе знакомлюсь с начальником Татьяны Йозиасом Ранцау, и он все больше мне нравится. Ленивый сыскной пес с отличным чувством юмора.

Суббота, 3 августа. Через нейтральную страну получили наконец-то весточку от Мары Щербатовой. Все двоюродные сестры снова в Париже, но сидят без работы. Их старый друг Андрей Игнатьев остался без ноги, воюя в рядах французской армии.

Воскресенье, 4 августа. После церкви присоединились к друзьям в отеле «Эден», где Луиза Вельчек обедала с молодым человеком по имени Паул Меттерних, правнуком знаменитого канцлера, он наполовину испанец. После этого все мы были приглашены к Шаумбургам в Кладов и поехали туда в нескольких машинах; Паул Меттерних сидел на заднем сиденье с Татьяной, Наджем (из венгерского посольства) и мною. Он, бедняжка, ходит стриженным наголо, так как служит где-то рядовым солдатом. Из-за этого необъявленного вторжения Бурхарду Прусскому пришлось ехать поездом. Совершенно очевидно, что Паулу понравилась Татьяна.

Четверг, 8 августа. Кофе с Луизой Вельчек и Йозиасом Ранцау у нее в бюро. Позже к нам присоединился Адам Тротт, поразивший меня, как и в первый раз, интенсивностью взора и всей своей манерой. Обедала с Татьяной, Бурхардом Прусским и Ранцау у Луизы в ее отеле на Штайнплатц. Соответственно переодевшись, Луиза танцевала фламенко. У нее это превосходно получается.

Вторник, 13 августа. Сегодня вечером Ц.-Ц.Пфуль, еще двое гостей и я умудрились съесть 120 раков. В 11 вечера позвонила Татьяна и сказала, что Папá поскользнулся в темноте, упал на

тротуар и поранил голову. У него сильно текла кровь, а бинтов дома не было, поэтому мы отправились на поиски открытой аптеки. Едва мы привели Папá в порядок, как начался воздушный налет. Нам стоило больших трудов уговорить его спуститься в подвал (наша квартира на четвертом этаже) — он боялся, что соседи подумают, будто он с кем-то подрался! Много стреляли, отбой дали только в три часа утра. В последнее время сильно бомбят Англию; должно быть, это в отместку.

После падения Франции Гитлер, в надежде, что Англия запросит мира, сделал передышку и 19 июля в триумфальном обращении к своему марионеточному Рейхстагу выступил с формальным предложением начать мирные переговоры. Уинстон Черчилль ответил требованием возвращения Германии к границам 1938 года. На это Гитлер прореагировал развертыванием первой стадии операции «Морской лев» — таково было кодовое наименование завоевания Британии: 15 августа люфтваффе начала генеральное наступление с целью покорить британское небо. Впоследствии эта операция стала известной как «сражение за Англию».

Пятница, 16 августа. Йозиас Ранцау подарил нам, четырем девушкам, хорошие французские духи с разнообразными экзотическими и соблазнительными названиями: «Mitsukuo»*, «Ma Griffe»**, «Je Reviens»*** и тому подобное, о которых я раньше не слышала.

Вторник, 20 августа. Татьяна и я беседовали с некоторыми сотрудниками шведской миссии с целью выяснить, как нам связаться с нашим двоюродным братом Джимом Вяземским. Теперь мы знаем, что он цел и невредим и находится в лагере для военнопленных где-то в Германии.

Воскресенье, 25 августа. Сегодня ночью снова был налет. Татьяны не было дома. Я поначалу оставалась в постели, но стреляли так сильно, что временами заливало светом всю нашу комнату. Пришлось спуститься в подвал и заставить Папá спуститься вместе со мной.

Хотя такие города, как Варшава и Роттердам, были подвергнуты немцами бомбардировке уже в самом начале войны, как немцы, так и британцы долго не хотели начинать массированную бомбардировку гражданских целей противника. Даже «сражение за Англию» первоначально было, по существу, серией поединков за господство в воздухе. Однако ночью 24 августа немецкие самолеты по ошибке сбросили

* Японское женское имя.
** «Мой коготок» *(фр.)*
*** «Я вернусь» *(фр.)*.

несколько бомб на Лондон. В следующую же ночь — ту самую, о которой говорит здесь Мисси, — британские военно-воздушные силы ответили на это налетом на Берлин, в котором принимало участие 80 бомбардировщиков. Тогда взбешенный Гитлер приказал люфтваффе прекратить бомбежку наземных баз британской авиации и сосредоточиться на Лондоне. В результате он проиграл «сражение за Англию», так как в этот, самый трудный, момент, когда британская противовоздушная оборона была почти преодолена и победа немцев в воздухе представлялась неминуемой, британская авиация получила возможность перевести дух и пополнить свои силы. Но с того времени был дан зеленый свет бомбардировкам всех гражданских объектов без всякого разбора на всех фронтах войны.

Понедельник, 26 августа. Опять налет. Мы оставались в постели, хотя теперь во всех домах привратники получили приказ заставлять всех спускаться в подвалы. Наш привратник тоже приходил и стучал кастрюлей, чтобы нас разбудить. Но на этот раз грохот продолжался всего полчаса.

Вторник, 27 августа. После работы зашла на службу к Татьяне. Слышно было, как в соседней комнате — в ванной — плескались. Ее начальник явно пользовался тем обстоятельством, что в государственных учреждениях пока еще есть горячая вода.

Обедала с друзьями, в числе которых были двое братьев Кикебуш. Оба были тяжело ранены во Франции. Мэксхен три месяца лежал парализованный. У Клауса загорелся танк, его выбросило, сильно обожгло лицо, но он поправился, и теперь почти ничего не заметно. Ему повезло: он так гордится своей внешностью! Но двое из его экипажа погибли.

Среда, 28 августа. Сегодня, когда я ехала на автобусе мимо церкви памяти кайзера Вильгельма, заревели сирены. Автобус остановился, и всех затолкали в подвал универмага «КДВ». Ярко светило солнце, и больше ничего не произошло. Но сегодня вечером, когда мы ужинали в Грюневальде, дело было посерьезнее. Мы стояли в саду и смотрели, как на город падает множество зелено-красных «рождественских елок». Вскоре пришлось укрыться в доме: отовсюду сыпались осколки зенитных снарядов. Говорят, что на этот раз было довольно много жертв. Мы добрались домой только в пятом часу утра.

Понедельник, 2 сентября. Хотя ожидался налет, мы оставались дома в надежде хотя бы немного поспать. Наш подвал неплохо оборудован. Маленькие дети лежат в люльках, сосут пальчики. Мы с Татьяной обычно играем в шахматы. Она регулярно выигрывает.

Вторник, 3 сентября. В полночь был налет, но у Татьяны поднялась температура и в подвал мы не пошли. Наши кровати стоят в разных углах комнаты, и Татьяна боится, что в случае

прямого попадания я взлечу на воздух, а она вдруг останется повисшей над разломом дома, поэтому я забралась к ней в постель и мы лежали целых два часа, обняв друг дружку. Шум стоял ужасный. Комната все время освещалась вспышками прожекторов. Самолеты летели так низко, что временами казалось, что они прямо у нас над головой. Очень неприятное ощущение. Даже Папá слегка встревожился и зашел перекинуться словечком.

Пятница, 6 сентября. Эти ночные налеты изматывают: спишь всего три—четыре часа. На следующей неделе мы едем в отпуск в Рейнланд к Хацфельдтам. Нас дразнят: нашли куда ехать «спасаться от бомб» — в Рейнскую область, но там в сельской местности пока еще относительно спокойно, а соседний Рур — главная мишень союзнических бомбардировщиков — оттуда далеко.

Суббота, 7 сентября. Сегодня мы переехали от Пюклеров в квартирку Дитти Мандельсло. Он находится на фронте и не хочет, чтобы она пустовала, а то ее реквизирует какой-нибудь партиец. Она расположена на улице Харденбергштрассе, около станции метро Цоо — в случае налета местоположение неблагоприятное, — но квартира маленькая и, следовательно, практичная. Нет даже прихожей, есть только небольшая гостиная, спальня, чудесная ванная (хотя горячая вода бывает редко), крошечная кухня и задний коридор по всей длине квартиры. Один его конец мы переоборудуем в комнату для Папá. Квартира выходит окнами в темный двор и представляет собой часть большого казенного учреждения, так что по ночам здесь никого нет, кроме сторожихи, которая будет помогать нам с уборкой.

Воскресенье, 8 сентября. Заходила к Лалли Хорстман, которая живет совсем рядом, и мы спрашивали себя, что теперь с нашими английскими и французскими друзьями. Возобновились налеты на Англию, и в Лондоне, говорят, страшные пожары.

Понедельник, 9 сентября. Снова налет. Я все проспала, не слышала ни сирен, ни бомб, ни отбоя. Это показывает, насколько я измотана.

Вторник, 10 сентября. Легла спать рано. В полночь опять тревога. На этот раз попало в больницу Св.Хедвиг; от одной из бомб загорелась палата, где лежит Антуанетт Крой (ее только что оперировали). К счастью, ее успели вовремя перенести в подвал. Загорелся также Рейхстаг; несколько бомб упало в саду американского посольства.

Среда, 11 сентября. Налет. Друг-американец Дик Мец повел меня к Антуанетт Крой. Она весела и не без гордости демонстрирует разрушения в своей палате. Он неофициально помолвлен с ее сестрой Лулу.

Завтра мы уезжаем на десять дней к Хацфельдтам.

КРОТТОРФ. *Четверг, 12 сентября.* Сели на ночной поезд до Кельна. Поезд шел на огромной скорости, я все время ожидала крушения. Во многих местах, которые мы проезжали, небо было красное, а один город горел. В Кельне позавтракали с Балли Хацфельдт, к которой мы как раз едем гостить, почему-то разминувшись с ней в поезде. Потом посетили собор. Многие из его знаменитых витражей вывезены в безопасное место. Нам хотелось что-нибудь купить, все равно что, купили носовые платки. В полдень сели на немыслимо медленный поезд до Виссена, где нас ждала машина Хацфельдтов.

Суббота, 14 сентября. Замок Кротторф — чудесен. Как многие замки в Вестфалии, он окружен двумя рвами, заполненными водой, и снаружи выглядит довольно негостеприимным, но жить в нем весьма уютно: множество прекрасных картин, хорошей мебели и масса книг. Замок окружен лесистыми холмами; сейчас здесь живут Лалла (старшая дочь Хацфельдтов) и ее родители. Единственный сын Бюбхен, которому девятнадцать лет, призван в армию.

Четверг, 19 сентября. Погружаемся в ничто. Встаем в 10 утра, завтракаем с девушками, до обеда пишем письма, потом сидим с княгиней — хозяйкой, с трех до пяти удаляемся каждый в свою комнату читать и спать. В пять часов чай. Весь день идет дождь, но к вечеру облака обычно расходятся и мы подолгу гуляем, собирая грибы. Где та Балли, которую мы знали в Берлине — настоящая красавица? Здесь она бродит в толстых сапогах и шоферских защитных очках, но все равно у нее самые длинные и выгнутые ресницы, какие мне когда-либо приходилось видеть. Иногда мы играем в детские игры, но только если мы чувствуем себя особенно энергичными. В семь вечера принимаем ванну и переодеваемся в вечерние платья. После этого все сидят у камина до 10 вечера, когда мы, «изнуренные», уходим спать. После ужина князь Хацфельдт приходит в себя и бывает остроумен, хотя он очень стар. Кормят всегда восхитительно, и мы с унынием думаем о возвращении к обычной берлинской диете.

Пятница, 20 сентября . Джим Вяземский написал нам по-немецки из лагеря военнопленных. Он просит прислать еды, табака и одежды. Сообщает, что оставил все свои пожитки в своем автомобиле перед полуразрушенной ратушей города Бове. По-видимому, он надеется, что нам еще удастся там разыскать его машину. В том же лагере находится несколько его друзей, и ему разрешают совершать долгие прогулки.

Понедельник, 23 сентября. Татьяна часто плохо себя чувствует. Мы опасаемся, не аппендицит ли это. У нее вообще довольно хрупкое здоровье.

Вторник, 24 сентября. Татьяна была у врача в Виссене; он сказал, что у нее аппендицит и начинающееся заражение крови.

Он хочет оперировать немедленно! Мы договорились на четверг, так как в пятницу я должна буду уехать и хочу , чтобы операция прошла еще при мне.

Четверг, 26 сентября. Операция прошла благополучно. Врач доволен, но Татьяна расстроена. Ей придется пробыть в больнице десять дней, а потом вернуться в Кротторф и там выздоравливать. Я провела с ней весь день. Еду ночным поездом Кельн-Берлин.

БЕРЛИН. *Пятница, 27 сентября.* Приехав, застала Папá за завтраком. По его словам, налеты теперь каждую ночь.

Сегодня объявили о подписании Пакта Трех Держав: Германии, Италии и Японии.

Хотя в ноябре 1936 года Япония присоединилась, наряду с Германией и Италией, к Антикоминтерновскому пакту, она не торопилась вступать с этими странами в более тесные отношения. Успехи Гитлера на Западе способствовали тому, что Япония все же отбросила благоразумие и связала свою судьбу с европейскими агрессорами. По этому соглашению, более известному как «Трехсторонний пакт», Япония признавала главенство Германии и Италии в установлении «нового порядка» в Европе, а те, со своей стороны, признавали особую роль Японии в «Великой Восточной Азии». Стороны также договорились придти друг другу на помощь в случае нападения третьей державы (имелись в виду США).

Воскресенье, 29 сентября. Налет. Поскольку мы живем на первом этаже, мы больше не спускаемся в подвал, и я оставалась в постели. Вообще теперь на подвалы не очень надеются. Несколько дней назад бомба попала в один дом поблизости, причем сбоку. Сам дом остался стоять, а в подвале разорвались трубы, и все, кто там был, утонули.

Понедельник, 30 сентября. Густи Бирон вылетел бомбить Англию и не вернулся. Его сестра Елена неутешна.

Сегодняшний налет продолжался с 11 вечера до 4 утра. Я оставалась в постели и почти все это время читала, заснув незадолго до отбоя.

Вторник, 1 октября. Ужинала у друзей в Далеме, сирены застали меня у выхода на станции Цоо. Я успела ускользнуть и добежала до дома. Ненавижу, когда во время налета тебя заталкивают в какой-нибудь совершенно чужой подвал. Но рано или поздно это неизбежно произойдет, так как с началом сигнала воздушной тревоги запрещается находиться на улице.

Среда, 2 октября. Когда мы обедаем дома, готовит Папá; он неплохой повар, но он все переперчивает. Он начал давать уроки русского языка.

Была лишь короткая воздушная тревога.

Воскресенье, 6 октября. Ужин с Константином Баварским и Бюбхеном Хацфельдтом. Последний получил разнос от сидевшего за соседним столиком полковника, которому он не отдал честь. Кому это нужно? Это только ставит всех в неловкое положение.

Вторник, 8 октября. Сегодняшний налет был самым длинным за все это время: он продолжался пять часов, много стреляли, были попадания и пожары. Мы оставались в постели.

Четверг, 10 октября. В Лондоне погибла тетя Катя Голицына: бомба попала в автобус, на котором она ехала. Сегодня утром здесь, в Берлине, по ней, убитой немецкой бомбой, отслужили панихиду.

Читаю пророчества Владимира Соловьева, что не слишком-то подбадривает.

Владимир Соловьев (1853—1900) был другом и последователем Достоевского и выдающимся поэтом, философом и мистиком. Здесь Мисси ссылается на соловьевскую «Повесть об антихристе», апокалиптическое видение его прихода, — который Соловьев полагал неминуемым, — где с поразительной точностью предсказаны ужасы современного тоталитаризма, равно как левого, так и правого.

Сегодня вечером я была в гостях, когда началась тревога. Стрельба была очень громкая, и несчастный Мэксхен Кикебуш, у которого после полученного во Франции ранения в позвоночник совершенно расстроены нервы, катался по полу и не переставая стонал: «Ich kann das nicht mehr hören» [«Не могу больше этого слышать»]. Я ушла домой, а остальные продолжали веселиться, и один пьяный швейцарец стал стрелять и чуть было не попал в Мэксхена.

Пятница, 18 октября. Приехала Татьяна, бледная и расслабленная.

Суббота, 20 октября. Проездом появился Ронни Клари. Он безусловно один из самых привлекательных и одаренных молодых людей нашего поколения. Он только что помолвлен.

Вечер у Волли Зальдерна в Грюневальде. Он в отпуске и живет со своими. Дом полон хороших книг и хорошей музыки. Едва мы выехали домой на машине Зичи (из венгерского посольства), как началась воздушная тревога. Так как после сирены на улице позволяется находиться только дипломатам, Зичи повернул обратно к Волли, где мы слушали пластинки до двух ночи. Затем я отправилась домой пешком с Константином Баварским — около пяти километров. Когда мы перешли через мост Халлензее, снова завыли сирены. Нас никто не останавливал, и мы пошли дальше, но вскоре стрельба усилилась и на Курфюрстендам полицейский втолкнул нас в подвал. Мы три часа сидели там на полу, дрожа от холода. Пальто у меня не было, и мы вместе укрылись плащом

Константина. Большую часть времени мы дремали или слушали чужие разговоры. В тяжелые времена берлинцы всегда на высоте и бывают очень остроумны. В шесть утра прозвучал отбой. Разумеется, не было ни трамваев, ни такси, так что мы спустились по Курфюрстендам бегом, чтобы согреться, пока, наконец, не нашли такси, которое и доставило нас домой. Около моего дома пришлось делать объезд: столкнулись две машины скорой помощи, куда только что погрузили раненых из соседнего с нашим дома, разнесенного в прах, и при столкновении погибли три человека, благополучно пережившие бомбежку.

Дома Татьяна очень беспокоилась за меня, поскольку та бомба чуть было не попала в наше здание. Я надела свитер, полежала полчаса и пошла на работу: было уже пора. Но работать я так и не могла, я так устала. По совету Кати Клейнмихель я прилегла на раскладушку (которую мы там храним на всякий случай), проснулась только через три часа и обнаружила, что меня с неодобрением разглядывает мой шеф. Весь день приходили люди, интересовались, живы ли мы: весь наш район сильно пострадал, несколько бомб упало между нашим домом и отелем Луизы Вельчек за углом.

Суббота, 26 октября. После работы поехала с Татьяной на машине Тино Солдати в деревню к Ц.-Ц. Пфулю. Сидели у камина, принимали ванну, отсыпались и старались забыть про бомбежки.

Понедельник, 28 октября. Сегодня итальянцы напали на Грецию. Гитлер встречается с Муссолини. На радио большой шум.

Несмотря на то, что Муссолини был уже втянут в военные действия в Абиссинии и Ливии, он не мог дать Гитлеру в одиночку перекраивать карту Европы. Окрыленный успехом летом во Франции, в результате чего Италии достались Ницца и Корсика, он повернул взор на Восток — на Балканы, где уже в апреле 1939 г. Италия аннексировала Албанию. Гитлер не был поставлен заранее об этом в известность; более того, он недвусмысленно советовал Муссолини не предпринимать подобную операцию, поскольку у него не было иллюзий относительно боеспособности итальянской армии. Кроме того, он теперь готовился к самому грандиозному из своих замыслов — к завоеванию России. И его совершенно не устраивало вызывать британское вмешательство на южном фланге германских армий, начинавших сосредотачиваться на Востоке, — а это непременно должно было произойти, если бы Греция обратилась к Англии за помощью. Более того, тогдашний греческий диктатор генерал Метаксас придерживался прогерманской ориентации. Поэтому подготовка итальянского наступления велась в полной тайне от германских союзников; и когда Гитлер встретился с Муссолини во Флоренции 28 октября, ему оставалось лишь примириться с совершившимся фактом.

Вторник, 29 октября. Англичане высадились на Крите.

Пятница, 1 ноября. Сегодня было два налета, один с 9.30 вечера до часу ночи, второй с 2.30 до шести утра. Какое счастье, что у нас квартира на нижнем этаже.

Воскресенье, 3 ноября. Английские войска высадились на греческом материке.

Понедельник, 4 ноября. Мне не хватает физического движения, и потому я стала брать уроки гимнастики и уже чувствую себя значительно лучше, хотя и несколько скованно. Преподавательнице кажется, что она сделает из меня спортсменку — лишь потому, что я высокая и худая.

Среда, 6 ноября. Последние шесть дней здесь находится Паул Меттерних, и Татьяна все свободное время проводит с ним.

Пятница, 8 ноября. Сегодня Паул Меттерних уехал, и Татьяна ради разнообразия осталась дома.

Понедельник, 11 ноября. Сидеравичюс — бывший начальник литовской полиции, которого Папá знал в Каунасе и который живет в соседнем доме, — рассказал, как он стоял в очереди у мясной лавки и вдруг увидел, как через задний ход вносят ослиную тушу: он узнал ослиные копыта и уши, торчавшие из-под брезента. Так вот откуда, возможно, берутся наши еженедельные шницеля!

Воскресенье, 10 ноября. Ездила с Луизой Вельчек, Татьяной и Йозиасом Ранцау в Далем к Адаму Тротту. Он недавно женился на Кларите Тифенбах. Он учился в Оксфорде в качестве стипендиата Родса, и в нем есть что-то совершенно особенное. Там же был личный секретарь Гитлера и его представитель в Министерстве иностранных дел, посланник Вальтер Хевель. Тот как-то раз поставил в затруднительное положение бельгийца Картье, спросив его, как Луиза и ее друзья относятся к нацистскому режиму. Он неотесан, но, говорят, относительно безвреден, и это единственный человек из «непосредственного окружения» (как говорится), который время от времени появляется в обществе. Некоторые, видимо, надеются оказать через него какое-то положительное влияние на происходящее.

Четверг, 14 ноября. Паул Меттерних вернулся. Татьяна видится с ним постоянно.

Среда, 27 ноября. Обедала с Татьяной, Паулом Меттернихом и Дики Эльцем у «Саварэна». Ели омары и прочие ненормированные «плутократические» деликатесы. Когда Татьяна приходит домой, проведя с Паулом весь вечер, он обычно звонит ей посреди ночи и они болтают без перерыва. К счастью, у телефона длинный провод, так что я могу выгнать ее в гостиную, иначе я глаз бы не смогла сомкнуть.

Как и некоторые другие стороны повседневной жизни в оккупированной немцами Европе и самой Германии, система распределения продовольствия была не лишена забавных странностей. Так, хотя продукты моря были либо недоступны, либо строго нормированы, поскольку глубоководный рыболовный флот исчез вследствие минирования прибрежных вод и подводной войны, моллюски и ракообразные, включая такие «плутократические деликатесы» былых времен, как омары и устрицы, имелись в продаже в изобилии до самой высадки союзников в 1944 г. Точно так же, хотя приличного пива очень скоро не стало даже в Германии, французское вино и шампанское, в самой Франции распределявшееся по карточкам, быстро наводнили Рейх.

Воскресенье, 1 декабря. Константин Баварский ходил со мной в русскую церковь, которая очень его интересует. Потом мы обошли Цоо и Аквариум; там плавало множество отвратительных водяных змей и прочих гадов. Странно, что их все еще держат: налеты становятся все более опасными.

Понедельник, 2 декабря. О Пауле Меттернихе и Татьяне начинают нескромно болтать, и мне надоело постоянно опровергать слухи об их помолвке, но они пока не хотят о ней объявлять, так как собираются пожениться только в конце будущего лета.

Греки вышвыривают итальянцев из Албании. Итальянцы все еще удерживают Дураццо и Валону. Последний берлинский анекдот: французы вывесили на Ривьере объявление: «Греки, стойте! Здесь уже Франция».

Вторник, 3 декабря. Бывший префект полиции Парижа Кьяпп сбит на Ближнем Востоке во время полета в Сирию. Недавно та же участь постигла двоих министров египетского правительства. Немецкая пропаганда подняла страшный шум по поводу «коварного Альбиона», расправляющегося с «нежелательными» англичанам иностранными государственными деятелями.

Жан Кьяпп (1878—1940), правый политический деятель и бывший начальник полиции Парижа, получил от маршала Петена назначение Верховным комиссаром в Сирию, в которую вот-вот должны были вторгнуться объединенные войска Англии и части генерала де Голля.

Четверг, 5 декабря. Мы уже некоторое время не имеем никаких вестей из Рима. Ушел в отставку маршал Бадольо; он был Верховным командующим итальянских вооруженных сил. Ушел и адмирал Каваньяри, командовавший итальянским флотом. Итальянцы явно не были готовы к своей греческой кампании; их потери чудовищны.

Итальянское вторжение в Грецию почти сразу же обернулось катастрофой. Под умелым командованием генерала Александра Папагоса греки проявили твердость и за несколько недель не только отбросили противника, но и заняли, в свою очередь, Албанию. Тем временем, как и опасался Гитлер, на греческий материк и окружающие его острова хлынули британские войска и оружие.

Суббота, 7 декабря. Вечерня. По пути в театр Татьяна и Паул Меттерних оставили меня в нашей церкви. Потом я отправилась в оперу послушать Караяна. Он в большой моде, и некоторые даже склонны считать, что он лучше Фуртвенглера, но это чушь. Он безусловно талантлив и пылок, но очень себе на уме.

Воскресенье, 8 декабря. Обедала в отеле «Адлон» с Татьяной, Паулом Меттернихом и четой Оярсабал (из испанского посольства). Мы надеялись вкусно поесть, но оказалось, что сегодня *Eintopftag* [«день одного блюда»], в который все рестораны обязаны подавать одну и ту же безвкусную похлебку. Мы поехали к Ц.-Ц.Пфулю сильно раздраженные.

Среда, 11 декабря. Теперь итальянцев бьют также и в Африке. Там перешли в наступление англичане. Убит уже один итальянский генерал.

Четверг, 12 декабря. Англичане только что объявили, что взяли Сиди-Эль-Баррани. Итальянцев продолжают методично выдворять из Албании. Что тут ни говори, но нельзя не посочувствовать многим прекрасным людям — горячим патриотам Италии.

В Северной Африке итальянцы начали наступление 12 сентября и менее чем через неделю взяли Соллум и Сиди-Эль-Баррани, но их наступление захлебнулось. 9 декабря англичане пошли в контратаку, изгнали итальянцев из Западной пустыни, взяли Тобрук, заняли большую часть Киренаики и захватили в плен около 12 тыс. итальянцев. К началу февраля 1941 г. генерал Арчибальд Уэйвелл достигнет Эль Аггейла. Но через шесть недель после этого немецкий генерал Эрвин Роммель начнет свое легендарное контрнаступление, приведшее силы «Оси» к воротам Александрии.

Понедельник, 16 декабря. Вчера ночью бомбы обрушились на Тауэнтцинштрассе, главную берлинскую торговую артерию, уничтожив большую часть витрин. Вся улица усыпана битым стеклом.

Вторник, 17 декабря. Вчера обедала у четы Сан-Мартино. Большинство присутствовавших там итальянцев танцевали как безумные. Похоже, что их военные неудачи не очень-то их смущают.

Среда, 18 декабря. Адам Тротт предложил Татьяне, чтобы я перешла на работу к нему в АА в качестве личного секретаря. Он

человек блестящего ума, и мне придется очень стараться, чтобы быть на высоте его требований, но атмосфера в АА гораздо более подходящая, чем у нас в ДД. Большинство его коллег провели часть жизни за границей и видели не один лишь «Третий рейх». К тому же моя теперешняя работа становится невыносимо рутинной. Однако срок моего контракта истекает только в марте. Придется искать уважительную причину для увольнения. Во время войны менять работу трудно.

Долгое время после прихода к власти Гитлера, германское Министерство иностранных дел оставалось очагом антинацистских настроений. Это продолжалось даже после лета 1938 г., когда министром стал рьяный нацист, пресловутый фон Риббентроп и эсэсовцев стали назначать и на дипломатические посты. Многие высшие чиновники стали активными заговорщиками и после провала покушения на жизнь Гитлера 20 июля 1944 г. поплатились за это жизнью. Адам фон Тротт цу Зольц, о котором так много пишет Мисси, был из их числа.

На днях мы с Катей Клейнмихель составили список блюд, подаваемых в нашей служебной столовой. Меню краткое и не слишком разнообразное.

Понедельник — красная капуста с мясным соусом.

Вторник — день без мяса. Треска в горчичном соусе.

Среда — пирожки с каменной рыбой (на вкус совершенно такие же, как на слух)..

Четверг — ассорти из овощей (красная капуста, белая капуста, картошка, красная капуста, белая капуста...)

Пятница — моллюски в винном соусе (это «особое блюдо», которое расхватывают мгновенно, так что обычно приходится довольствоваться картофельными котлетами с соусом).

Суббота — что-либо из вышеперечисленного.

Воскресенье — что-либо еще из перечисленного.

Десерт всю неделю один и тот же: ванильный пудинг с малиновой подливкой.

Понедельник, 23 декабря. Сегодня говорила с Адамом Троттом. Предлагаемая им работа кажется интересной, хотя и трудно определимой. Видимо, он хотел бы сделать из меня нечто вроде своего доверенного лица. Он занимается одновременно многим, и все это — под официальным прикрытием «Свободной Индии».

Незадолго до начала Второй мировой войны в индийском националистическом движении произошел раскол: более экстремистское крыло, которое возглавлял Субхас Чандра Бозе (1897—1945), стояло за насильственное свержение британского владычества в Индии, в то время как Ганди и Неру придерживались политики ненасилия. Бозе рассматривал нацистскую Германию как естественного союзника и в

январе 1941 г. бежал через СССР в Берлин, где был взят под опеку Специальным Индийским отделом (Sonderreferat Indien) Министерства иностранных дел. Номинально возглавляемым нацистским аппаратчиком, заместителем государственного секретаря Вильгельмом Кеплером, этим отделом фактически руководили двое стойких антинацистов: сам Адам фон Тротт цу Зольц и его верный друг — д-р Александр Верт.

Со временем Бозе получил разрешение создать «Центр Свободная Индия», пользовавшийся дипломатическим статусом, и вести антибританские пропагандистские радиопередачи на различных индийских языках. Он даже объявил Англии войну «от имени свободной Индии». Но выдвинутая им идея «Индийского легиона», который предполагалось формировать из индийских военнопленных, захваченных в Северной Африке, потерпела крах из-за отсутствия добровольцев. По иронии судьбы главным камнем преткновения на пути осуществления замыслов Бозе оказался сам Гитлер, испытывавший физиологическое отвращение ко всем цветным расам и всегда тайно восхищавшийся имперской ролью Англии.

В феврале 1943 г. у берегов Мадагаскара немецкая подводная лодка переправила Бозе на борт японской лодки. С помощью японцев был создан Индийский легион, сражавшийся с британцами в Бирме до поражения Японии в августе 1945 г. Бозе летел в Манчжурию просить помощи у Советского Союза, когда 18 августа его самолет потерпел крушение и упал в Восточно-Китайское море.

Среда, 25 декабря. Полуночная месса с Паулом Меттернихом. Когда сквозь снег мы добрались до церкви, оказалось, что служба отложена до завтрашнего утра ввиду возможности налетов.

Понедельник, 30 декабря. Сегодня утром Паул Меттерних уехал в свой полк.

Вторник, 31 декабря. Обедала в отдельном кабинете ресторана «Хорхер» с Тино Солдати и другими друзьями. Потом мы пошли к Тино, где собралось множество людей на встречу Нового года. Был очень хороший оркестр, который в полночь ко всеобщему ужасу грянул государственный гимн «Deutschland über alles». К счастью, Тино в этот момент как раз поехал в швейцарскую миссию поздравлять своего шефа.

1941

ЯНВАРЬ — ИЮНЬ

К началу 1941 г., казалось, Гитлер почти уже победил. Половина Скандинавии, вся Западная Европа были им завоеваны. Влияние Германии распространилось на всю Центральную Европу и на Балканы. Только в Греции и в Северной Африке его союзник Муссолини потерпел ряд поражений, и Гитлеру пришлось его выручать и тем еще более распылить свои силы. Зато, верный роковому соглашению от 23 августа 1939 г., Сталин продолжал добросовестно ему поставлять нужное сырье, включая горючее, при помощи которого немецкие самолеты систематически бомбили единственного оставшегося противника — Англию.

БЕРЛИН. *Четверг, 2 января*. Сегодня утром подала заявление об уходе из ДД. Меня согласились отпустить при условии, что я найду себе замену. Это может оказаться не так легко.

Воскресенье, 5 января. Фредди Хорстман повел нас с Татьяной на концерт Караяна. Страшно холодно. Болею третий раз за эту зиму.

Вторник, 7 января. Русское Рождество. Ходили вчера к вечерне. Чудесно.

Пятница, 17 января. Почти все утро прощалась с сослуживцами: меня все-таки отпустили. Очень рада, что ухожу из ДД: там вокруг все серо и уныло. Татьяна простудилась и не встает.

Суббота, 18 января. Прескучный вечер у Хорстманов. Иногда я недоумеваю: почему мы так часто ходим куда-то вечерами. Должно быть, это проявление какого-то внутреннего беспокойства.

Понедельник, 20 января. Ужин у Балли и Бюбхена Хацфельдтов. У них огромная квартира близ Тиргартена. Я зашла в комнату Бюбхена привести в порядок прическу, а там был открыт шкаф, и меня поразило, сколько там висит костюмов, а к ним столько же обуви. Я не могла удержаться от мысли, что наши Джорджи и Александр дали бы, чтобы иметь хотя бы несколько таких пар. Наше безденежье достигло своего апогея как раз, когда они вошли в возраст, когда юноши, как и девушки, обращают внимание на свою внешность.

Среда, 22 января. Первый день на новой работе в отделе информации Министерства иностранных дел. Мне не по себе: все кругом незнакомое. Адам Тротт временно пристроил меня в своего рода научно-исследовательский институт при его индийском бюро, так как его начальство могло бы насторожиться, если бы мы не просто имели сходные политические взгляды, но и вместе работали. Моя непосредственная начальница — пожилая журналистка, специалист по индийским делам. Кажется, Адам надеется, что, когда я войду в курс дела, я смогу влиять на нее в нужном ему направлении; боюсь, однако, что он переоценивает мои способности. С немками, занимающими высокие должности, бывает трудно иметь дело, так как их женственность как-то отступает на задний план.

Тобрук взят австралийцами. Итальянцы понесли большие потери.

Пятница, 24 января. Обедала с Адамом Троттом, который меня обвораживает. Он полон конструктивных идей и планов, в то время как я абсолютно растеряна. Но я не смею дать ему это почувствовать.

Суббота, 25 января. Мы получили в подарок фазана, а Папá — два костюма.

Воскресенье, 26 января. Ходила с Татьяной в церковь, потом долго гуляли. Осматривали новые посольства в Тиргартене; они выстроены в том претенциозном монументальном стиле, который так характерен для нового нацистского Берлина. Все в мраморе и колоннах, они выглядят ненормально огромными, совершенно нечеловеческих масштабов. Начали даже строить новое британское посольство, так как считается, что старое, возле Бранденбур-

гских ворот, слишком мало. Неужели они в самом деле верят, что Англия когда-нибудь сдастся?

Пятница, 31 января. На новой работе мною как будто довольны.

Суббота, 1 февраля. Обед у четы Рокамора (он испанский военный атташе в Берлине). Они живут как раз напротив моего нового бюро. К нему я постепенно привыкаю; если бы только там не было так холодно! Кроме того, там очень мало света, и мы работаем при электричестве, занимаясь научно-исследовательской работой, а приходится иметь дело с мелким шрифтом и это утомительно для глаз. Заходил Адам Тротт со своим другом, д-ром «Алексом» Вертом. У них было небольшое совещание, на котором они попросили меня присутствовать. Я сидела и слушала их возвышенные рассуждения.

Близкий друг Адама фон Тротта со студенческих лет в Геттингенском университете, д-р Александр Верт в 1934 году пробыл некоторое время в нацистском концлагере. Впоследствии он занимался юридической практикой в Лондоне и вернулся в Германию лишь накануне войны. После краткой службы в армии он был переведен в АА.

Воскресенье, 2 февраля. Сегодня забегал Маркус Клари. Он второй сын Альфи, на которого он очень похож. Ему до смерти хочется развлечений — любых: все это время он был на фронте и к тому же еще получил серьезное ранение в руку. Сейчас он в офицерском училище под Берлином. Мы взяли его с собой в гости.

Лулу Крой сбежала в Португалию, чтобы выйти замуж вопреки желанию отца за своего друга-американца Дика Метца.

Вторник, 11 февраля. На чае у Хорстманов познакомилась с «Лулу»де Вильморэн. Сейчас она жена венгерского магната графа «Томми» Эстерхази. Уже немолода, но очень привлекательна и элегантна.

Понедельник, 17 февраля. На прошлой неделе Адам Тротт взял меня к себе в отдел. Я очень рада, так как там атмосфера гораздо приятнее. У Адама свой кабинет; затем комната для меня и двух секретарш; и еще большая комната, где работают Алекс Верт и человек по имени Ханс Рихтер, которого все зовут «Джаджи» (английский перевод немецкого слова «Richter», т.е. судья. — *прим. переводчиков);* и, наконец, есть еще крохотный закуток, в котором сидят герр Вольф (известный всем как «Вёльфхен») и его секретарша Лоре Вольф. Вельфхен часто бывает слегка навеселе, но он умный и славный, хотя и состоит эсэсовцем. Татьяна работает внизу, в переоборудованном гараже, с Йозиасом Ранцау и Луизеттой Квадт. Только что насовсем уехала

Луиза Вельчек: ее семья, опасаясь воздушных налетов, решила переехать в Вену. Нам ее очень недостает. Пока что Адам завалил меня переводами и рефератами книг. Сейчас как раз делаю одну такую работу, на которую дано всего два дня. Иногда приходится печатать под диктовку по-немецки. Привожу окружающих в ужас своими грамматическими ошибками.

Четверг, 18 февраля. Все эти новые филиалы АА размещаются в зданиях различных иностранных миссий, ныне отбывших из Берлина; поэтому в них есть ванные комнаты, кухни и т.п. Мне нравится здешняя атмосфера, она мне гораздо приятнее. Однако рабочие часы у нас в высшей степени нерегулярные. По регламенту мы начинаем работу с 9 утра и работаем примерно до 6 вечера. Но в обеденное время начальство улетучивается; мы тоже, хотя официально это не позволено. Возвращаются мужчины обычно часам к четырем, а то и позже; поэтому нам приходится наверстывать упущенное, и иногда мы задерживаемся до десяти вечера. Главным начальником у нас был посланник Альтенбург, очень приятный человек, которого все уважали; но теперь вместо него нечто совсем иное — молодой и агрессивный бригаденфюрер СС по фамилии Шталекер, расхаживающий в сапогах, помахивающий хлыстом и сопровождаемый немецкой овчаркой. Эта перемена всех настораживает.

Вместе с печально знаменитым Адольфом Эйхманом бригаденфюрер СС Франц Шталекер принимал участие в разработке ранних нацистских планов «окончательного решения» еврейского вопроса, предполагавших на первых порах не физическое уничтожение, а лишь депортацию евреев на Восток. Несмотря на то, что он был противником Райнхарда Гейдриха, всемогущего шефа РСХА (Главной службы безопасности Рейха), он в начале войны с Россией возглавил «айнзацгруппе А» (оперативную группу А), действовавшую в Прибалтике. На эти «части спецназначения», формировавшиеся из эсэсовцев, гестаповцев и германских либо местных полицейских и насчитывавшие 500—1000 человек каждая, возлагалась задача ликвидации всех евреев, коммунистов и любых подозреваемых в принадлежности к партизанам. Позже Шталекер хвастался, что за первые четыре месяца кампании его часть уничтожила 135000 человек. Он погиб в марте 1942 г. в партизанской засаде в Эстонии.

Четверг, 20 февраля. У Татьяны жар. Ужинала у Хорстманов, которые празднуют помолвку Ц.-Ц.Пфуля с Бланш Гейр фон Швеппенбург; она дочь известного генерала танковых войск и очень хорошенькая.

Только что вернулись из Рима Рокаморы, они привезли кипу писем от родных, которые очень взволнованы помолвкой Тать-

яны с Паулом Меттернихом: она только сейчас сообщила им об этом, и для них это было сюрпризом.

Суббота, 22 февраля. Свадьба Ц.-Ц.Пфуля. Он попросил меня быть подружкой невесты. Все было очень элегантно, устроили прием в отеле «Кайзерхоф». Нам пришлось нелегко: нужно было представлять всех присутствующих родителям жениха и невесты, которые только что приехали из провинции и никого не знали. Ц.-Ц. выглядел измотанным. Я так устала, что под конец пожала руку шоферу такси, который привез меня домой. В ответ он поцеловал мне руку.

Вторник, 25 февраля. Ужинала с Йозиасом Ранцау и обсуждала с ним помолвку Татьяны, которую он одобряет. Он для всех нас что-то вроде ангела-хранителя и наставника.

Среда, 26 февраля. Мы с Татьяной обедали с графом Адельманом, другом Папá. Он только что вернулся из Литвы, где был советником-посланником германской миссии. Он помог многим не-немцам бежать от Советов, просто-напросто выдав им германские паспорта.

Согласно второму секретному протоколу к советско-германскому договору о границах и сотрудничестве от 29 сентября 1939 г. (который освящал раздел Польши и включал Литву в сферу влияния СССР), лица немецкого этнического происхождения, проживающие на ставшей теперь советской территории, подлежали репатриации в Германию. Хотя теоретически этим условиям отвечали только настоящие «фольксдойче» (т.е. люди немецкой крови) и всей операцией по репатриации руководили СС, позже насильно зачислившие многих репатриантов в свои ряды, германские дипломатические представители на местах нередко применяли менее строгие критерии. Благодаря этому около 750000 человек, в том числе тысячи не-немцев, были спасены от расстрела или ГУЛАГа.

По слухам умер король Испании Альфонс XIII. Он крестный отец Паула Меттерниха; если это так, то это будет большим ударом для Паула и его матери. После своего отречения в 1931 году король подолгу бывал в Кенигсварте — имении Меттернихов в Чехословакии.

После победы республиканцев на выборах 1931 года король Альфонс XIII, не отрекаясь от престола, уехал из Испании и провел остаток дней в изгнании.

Четверг, 27 февраля. Паул Меттерних, Йозиас Ранцау, Татьяна и я обедали у «Хорхера» и просто объелись. Это лучший ресторан в городе, и там знать не желают никаких продовольственных карточек.

Среда, 5 марта. Приходил ужинать пан Медекша, польский помещик из Литвы, старый друг нашей семьи. Недавно он бежал, бросив все имущество. Его большой, старый деревянный барский дом был типичным «дворянским гнездом» — щедрое гостеприимство, обильное угощение, огромный запущенный сад, заросший пруд, портретная галерея... Бедняга, трудно, должно быть, после шестидесяти лет начинать жизнь с нуля.

Германские войска вступили в Болгарию.

Вторжение Италии в Грецию и последовавшая за этим британская интервенция привели к тому, что в пределах достижимости британской авиации оказались румынские нефтяные промыслы в Плоешти — главный германский источник горючего. Гитлер принял решение завоевать Грецию, для чего ему необходимо было заручиться согласием Венгрии, Румынии и Болгарии на проход немецких войск по территории этих стран. С этой целью он предложил им присоединиться к Пакту трех держав. Венгрия и Румыния сделали это 23 ноября 1940 г.

Болгарский царь Борис III сперва уклонялся. Но после того как в июне 1940 г. Румынию принудили отдать СССР Бессарабию и Северную Буковину и Болгария тоже предъявила территориальные претензии, Германия предложила «посредничество». В августе 1940 г. решением так называемого «Венского арбитража» Румыния уступила Болгарии Южную Добруджу. С тех пор германское давление — и влияние — на Болгарию все возрастало, и 1 марта 1941 г. Болгария тоже присоединилась к пакту. На следующий же день в страну вступили двенадцатая армия фельдмаршала Зигмунда Листа, на которую была возложена задача покорения Греции.

Четверг, 6 марта. Теперь у нас накопилось немного денег, и мы подумываем поехать в отпуск в Италию. Было бы замечательно увидеться с родными. Паул Меттерних поехал в Кицбюль кататься на лыжах. Сейчас многие разъехались по лыжным курортам, и жизнь в Берлине попритихла.

Судя по всему, надвигается кризис с Сербией.

Воскресенье, 9 марта. Вечером заглянули Альберт Эльц, Ага Фюрстенберг и Клаус Алефельдт, а с ними Бурхард Прусский. Папá был шокирован, увидев, как Клаус сидит в обнимку с Агой. «В мое время...»

11 марта 1941 г. Соединенные Штаты приняли закон о ленд-лизе, благодаря которому еще до того, как страны «Оси» вынудили американцев к активным военным действиям, Америка стала «арсеналом демократии». К концу войны различным союзникам было доставлено примерно на 50 миллиардов долларов оружия и припасов.

Суббота, 15 марта. В последнее время мы большей частью сидим дома и ведем очень тихую жизнь. Особенно устала Татьяна; мы ждем-не дождемся предстоящей поездки в Италию.

Понедельник, 24 марта. Нас всех впрягли в особую, очень срочную работу, связанную с какой-то японской выставкой. Адам Тротт — единственный, кого не тревожат; он в восторге и посмеивается над нами, пока мы корпим над своими машинками до поздней ночи. Вельфхен — наш спаситель: он поддерживает более или менее приличные отношения с нашим новым отвратительным начальником Шталекером и тем самым предохраняет нас от возможных неприятностей. Остальные стараются держаться от Шталекера как можно дальше. В нем есть что-то зловещее.

У нас ужинал отец Шаховской.

Один из наиболее выдающихся священнослужителей Русской зарубежной церкви отец (князь) Иоанн Шаховской стал после войны архиепископом Сан-Францисским.

Четверг, 27 марта. Всеобщее смятение оттого, что по возвращении в Белград югославские министры, недавно подписавшие в Вене пакт с Германией, арестованы группой просоюзнически настроенных военных. Создано временное правительство, принц-регент Павел бежал в Грецию. Это означает, что может начаться война и с Югославией. Ну и дела!

Югославия также долго подвергалась германскому давлению, но успешный отпор Греции итальянскому вторжению и появление на Балканах англичан, вкупе с успехами последних в Северной Африке, побуждали ее сопротивляться, и она присоединилась к Пакту трех держав только 25 марта 1941 г. Два дня спустя в Белграде произошел военный переворот, в результате которого принц-регент Павел был низложен, семнадцатилетний наследный принц Петр провозглашен королем и сформировано просоюзническое правительство.

К этому времени в Германии уже полным ходом шла подготовка к нападению на СССР; обнаружив у себя на южном фланге неожиданно возникший греко-югославский блок, поддерживаемый Англией, Гитлер приказал разгромить Югославию «с беспощадной жестокостью».

*Суббота, 29 март*а. Вместе с Паулом Меттернихом мы посетили испанского дипломата Эспинозу и слушали его прекрасные русские пластинки. У Паула новый костюм, который он немножко стесняется носить, хотя его гардероб определенно нуждается в обновлении. День за днем он носит тоненький черный вязаный галстук, изношенную зеленую спортивную куртку и фланелевые штаны — ничего другого кроме формы я на нем

не видела, да и та тоже вся изношена. Ведь с восемнадцати лет он видел только войну, начиная с гражданской в Испании, куда он поступил добровольцем к националистам Франко.

Дики Эльц повез меня в Потсдам познакомиться с графом Готфридом Бисмарком, братом Отто, занимающим там должность регирунгс-президента (гражданского губернатора округа). Он женат на Мелани Хойос, полуавстрийке-полуфранцуженке; там была и его австрийская кузина Лоремари Шенбург. Мы вернулись в Берлин все вместе поздно вечером.

Младший внук «железного канцлера», граф Готфрид фон Бисмарк-Шенхаузен (1901—1949), как многие немецкие патриоты, поначалу сочувствовал нацистскому движению, полагая, что оно обеспечит «национальное возрождение» Германии. Он даже имел почетное звание штандартенфюрера (полковника) СС и в течение многих лет был депутатом национал-социалистической партии в марионеточном гитлеровском Рейхстаге, совмещая эту должность с обязанностями регирунгс-президента Потсдама. Но к 1941 г. он стал убежденным противником Гитлера и с самого начала был одним из активнейших штатских участников того заговора, который стал известен как «заговор 20 июля».

Четверг, 3 апреля. Ужинала с Йозиасом Ранцау в Далеме у Троттов. Там был профессор Преториус, искусствовед, театральный художник и большой знаток Китая. Адам Тротт горячо интересуется Китаем, где он провел некоторое время и подружился с Питером Флемингом. Беседа шла в основном о Дальнем Востоке.

Рассказывают, будто покончил с собой граф Телеки, премьер-министр Венгрии.

Премьер-министр с 1939 г. граф Пал Телеки безуспешно пытался предотвратить полное подчинение Венгрии германскому диктату. В частности, он отказался удовлетворить требование Германии о выдаче польских военнослужащих и гражданских лиц, нашедших убежище в Венгрии после разгрома Польши. Переворот в Югославии вызвал усиление давления со стороны Германии. Телеки предпочел застрелиться, нежели уступить.

Пятница, 4 апреля. Ужин у Хако Чернина. Были только австрийцы, в том числе Дики Эльц и Йозеф Шварценберг. Они ностальгически вздыхали о «старых добрых временах» в Вене и Зальцбурге, рассказывая поразительные истории из жизни золотой молодежи двадцатых годов.

Воскресенье, 6 апреля. Сегодня утром германская армия вторглась в Югославию и Грецию.

Пятница, 11 апреля. Вчера после работы я помчалась на Штеттинский вокзал, где мы договорились встретиться с Дики Эльцем, чтобы поехать в Райнфельд — имение Готфрида Бисмарка в Померании — на пасхальные выходные. Ехали мы не три часа, как обычно, а семь. На станции нас встретил конный экипаж Бисмарков, который повез нас в Райнфельд при луне. Мы прибыли в три часа утра. Готфрид ожидал нас с легким ужином и вдоволь напоил свежим молоком. Блаженство!

А сегодня утром — завтрак, настоящий завтрак, а потом горячая ванна. Райнфельд — прелестная помесь маленькой фермы и загородного дома: все выбелено, удобная мебель, много книг. Мы гуляли по лесу, и Дики Эльц подстрелил сойку. После обеда ездили кататься верхом. Я села на лошадь впервые в жизни, но мышцы, к счастью, потом не болели — вероятно, благодаря гимнастике.

РАЙНФЕЛЬД. *Суббота, 12 апреля.* Снова ездила верхом с Готфридом Бисмарком, а потом мы охотились на оленей.

Сегодня был взят Белград; Хорватия объявила себя независимой.

Пасхальное воскресенье (по западному стилю), 13 апреля. После чая стреляли в мишень из окна гостиной. Мишень была прибита к дереву. Я раньше никогда в жизни не стреляла и начала с того, что зажмурила не тот глаз. Тем не менее мой результат был лучше всех — новичкам везет. Но потом мы сменили ружья на пистолеты, и тут у меня ничего не вышло. Пистолет был чересчур тяжел и с очень сильной отдачей. Мы прятали пасхальные яйца для детей, но они еще маленькие и ничего не понимают. Они явно хорошо питаются, я бы даже сказала, что они слишком упитаны; малыш Андреас, хотя ему и года, наверное, нет — уже личность: рыжий и голубоглазый, как его прадед — «Железный канцлер».

Понедельник, 14 апреля. Погода испортилась: тепло, но пасмурно. Дики Эльц уехал обратно в Берлин. Он работает в банке «Риттер», и пока что эта работа спасает его от призыва. Я побуду здесь еще один день. Сегодня днем мы опять ездили верхом. Несколько раз начинался сильный дождь. По дороге домой Готфрид Бисмарк заметил, что какие-то дети воруют солому с крыши амбара. Он погнался за ними галопом, моя лошадь пустилась вдогонку, а я вцепилась ей в гриву и не знала, как быть.

БЕРЛИН. *Четверг, 17 апреля.* Чтение «Двенадцати евангелий» в русской церкви. Это н а ш а страстная неделя, и у меня начинают болеть ноги от выстаивания долгих служб. Татьяна собирается ехать в Рим 6 мая. Увы, я не смогу поехать вместе с ней, так как я только начинаю осваивать новую работу.

Югославия капитулировала.

Суббота, 19 апреля. Два часа на работе, потом церковь и причастие. Здесь проездом Паул Меттерних, направляющийся в Испанию, а затем в Рим. Вся эта поездка — какая-то официальная миссия — устроена Вельфхеном, который питает слабость к нему и Татьяне. Из-за воздушных налетов наша всенощная началась в семь вечера. Служили в лютеранской церкви, поскольку наша слишком мала для той массы прихожан, которая неизменно собирается на эту службу. Мы взяли с собой Паула Меттерниха и Лоремари Шенбург.

Воскресенье, 20 апреля. Русская Пасха. Папá настоял, чтобы мы сопровождали его во всех визитах, которые он по традиции наносит членам здешней русской колонии.

Только что нам рассказали, что во время белградского переворота юного короля Югославии Петра вытащили ночью из постели, чтобы он присутствовал при казни своего наставника-генерала. [*Впоследствии оказалось, что этот слух был ложным*].

Вторник, 22 апреля. По-прежнему тружусь над переводами. Адам Тротт хочет, чтобы я взяла на себя всю его рутинную работу, с тем чтобы он пребывал на олимпийских высотах и не заботился обо всякой писанине. Я начала с того, что попыталась навести порядок у него в письменном столе, пока он обедал. Я сидела на полу, вычищала один ящик стола за другим и чуть не плакала — такой там был беспорядок. Вошла его маленькая секретарша, очень ему преданная, и утешила меня: «Герр фон Тротт — гений, а от гения нельзя требовать еще и аккуратности!» Когда он возвратился, я передала ему эти слова, и он был явно тронут. Он провел несколько лет в Англии в качестве Родсовского стипендиата, а также в США, и между собой мы обычно говорим по-английски. Мне с ним так легче. Когда он говорит по-немецки, то выражается столь высокопарно, что я перестаю его понимать — во всяком случае, так бывает, когда он диктует. Он бросает в воздух начало предложения, на секунду замолкает, а потом обрушивает на меня все остальное. Позже, когда я разбираю свои каракули, то оказывается, что я половину пропустила. Я попросту пока еще недостаточно хорошо знаю немецкий. Джаджи Рихтер и Алекс Верт тоже часто говорят со мной по-английски — Джаджи довольно долго жил в Австралии. Иногда нас называют «Палатой лордов».

Среда, 23 апреля. Инес Вельчек работает в качестве *Landjahr-Mädchen* [*имеется в виду обязательное привлечение молодых женщин к сельскохозяйственным работам*] у Ханны фон Бредов в Потсдаме. Ханна — сестра Бисмарков, у нее восьмеро детей. За троими самыми маленькими сейчас присматривает Инес. Она их умывает, одевает и водит в школу. В общем, ей повезло: могла бы работать в поле или доить коров. Сегодня мы отмечали день ее рождения в «Ателье». Неподалеку в этом же зале

сидел Паул Меттерних с испанским послом; он все время нам подмигивал.

Пятница, 25 апреля. Ужинала с Татьяной у Хойосов. Хозяин дома Жан-Жорж — брат Мелани Бисмарк. Присутствовали Готфрид Бисмарк, Елена Бирон и Чернины. Мы постепенно перестаем ходить на большие приемы и видимся в основном с одними и теми же немногочисленными людьми в их собственных, довольно тесных жилищах.

Сегодня ночью опять был налет. Наша квартира находится недалеко от бункера Цоо, только что построенного из толстенного бетона. Он очень высокий и весь ощетинился зенитными орудиями; считается, что это самое надежное бомбоубежище в этой части города. Когда зенитки начинают стрелять, дрожит земля, и даже у нас в квартире стоит нестерпимый грохот.

Суббота, 26 апреля. Вчера были сброшены только две бомбы, но зато каждая весила 500 килограммов. Мы обнаружили дверь, ведущую в сад позади дома. Она может послужить запасным выходом на случай пожара. Но сад, разумеется, со всех сторон огорожен стеной. Мои занятия гимнастикой могут оказаться очень полезными, если придется через нее перелезать.

Ходила в итальянскую оперу, приехавшую на гастроли из Рима: «Джульетта и Ромео» Дзандонаи. Никогда прежде не слышала об этой вещи. Пели отлично.

Воскресенье, 27 апреля. После церкви обедала со Стеенсон-Летом, датским поверенным в делах, пожилым человеком, у которого пятеро маленьких детей и очаровательная жена.

Война в Греции практически окончилась.

Завоевание Балкан было последней крупной победой Гитлера. Она была ознаменована еще одним умышленным зверством: разрушением Белграда силами люфтваффе, в ходе которого погибло 17000 человек. После капитуляции югославской армии 17 апреля это государство перестало существовать: Хорватия получила независимость, Далмация была аннексирована Италией, а тем, что оставалось от Сербии, правил германская марионетка генерал Недич. Только в центральных горных районах до конца войны продолжалось сопротивление — сначала монархистов-«четников» генерала Дражи Михайловича, потом коммунистов-партизан Иосипа Тито. Греция держалась до 29 апреля, когда остатки ее армии и большая часть британского экспедиционного корпуса были эвакуированы на Крит. При всей своей недолговечности героическая стойкость Югославии и Греции имела для Гитлера роковые последствия: впервые за восемнадцать месяцев войны его встретил отпор; в Европе, уже молчаливо признавшей его «новый порядок», две маленькие страны посмели бросить ему вызов; и, что еще важнее, балканская кампания вынудила его направить свои танки против СССР на шесть недель позже намеченного срока.

Четверг, 1 мая. С момента прихода Гитлера к власти это национальный праздник — «похищенный» у коммунистов. Сидела в Тиргартене, читала письма от родных.

Воскресенье, 4 мая. Ходила в новую маленькую русскую церковь на Фазаненштрассе. Певчие пели прекрасно, тон задавал бывший советский оперный бас.

Понедельник, 5 мая. Сегодня, после лихорадочных сборов, Татьяна уехала в Рим. Елена Бирон сказала мне по телефону, что она оставит у портье своего дома письмо, чтобы Татьяна отвезла его в Рим. Когда я пришла за письмом, мне сказали, что за ним только что приходил от моего имени какой-то мужчина, и портье отдал письмо ему. Я перепугалась, так как знала, что в письме содержатся важные сведения о местонахождении польских военнопленных, которые Елена незаконно раздобыла через Красный Крест, где она работает. Мы слишком часто забываем, что телефоны могут прослушиваться даже у нас на работе. Теперь я внутренне готовлюсь к вызову в Гестапо.

На дворе ливень.

Четверг, 8 мая. Воздушный налет. Я стала их бояться. Теперь каждый раз, как завоет сирена, у меня начинает учащенно биться сердце. Йозиас Ранцау поддразнивает меня этим.

Пятница, 9 мая. Ко мне заходил на работу Альберт Эльц. Он провалился на экзамене на офицера и довольно расстроен.

Понедельник, 12 мая. Сегодня днем ходила примерять шляпки. Теперь на любую одежду нужны карточки, а на головные уборы — нет, так что шляпки приобрели особое значение. Мы развлекаемся, приобретая их, и накопили уже порядочное число. По крайней мере, они позволяют хоть немного разнообразить внешний вид.

Вечером за ужином услышали по Би-Би-Си, что Рудольф Гесс прилетел в Англию! Все гадают, почему он это сделал, и у каждого собственное объяснение.

Член нацистской партии с самых ранних дней, Рудольф Гесс был одним из наиболее доверенных соратников Гитлера, его заместителем на посту фюрера партии и назначенным им преемником (после Геринга) на посту рейхсканцлера. Подготовка к нападению на СССР близилась к завершению, когда 10 мая 1941 года Гесс в одиночку тайно поднялся в воздух на своем личном «Мессершмите-110» и спустя несколько часов приземлился в Шотландии. По его словам, цель этого полета, предпринятого будто бы без ведома Гитлера, — убедить Англию заключить мир с Германией и этим развязать ей руки для намеченного похода на СССР. Гесс был немедленно интернирован и содержался как военнопленный, покуда он, когда война кончилась, не предстал перед союзным трибуналом в Нюрнберге. Приговоренный к пожизненному заключению, он был водворен в берлинскую тюрьму Шпандау, где покончил с собой в 1987 г. То, как

этот странный эпизод освещался в Германии, а также и в Англии, где некоторые связанные с ним документы до сих пор засекречены, немедленно породило подозрения, разделявшиеся в то время и Рузвельтом, и Сталиным, что обе стороны тайно готовятся к компромиссному миру.

Вторник, 13 мая. На вечере у Ланза (из итальянского посольства) я сидела в уголке с Хассо Эцдорфом. Мы говорили о Гессе и о том, что из всего этого выйдет. Все находят эту историю довольно-таки смехотворной.

Среда, 14 мая. Обедала с Паулом Меттернихом в «Ателье». Он только что из Рима. Представил мне в лицах, как встречался с «семьей». Рассказывал он об этом шутливо, но представляю, какое это для него было испытание.

После обеда мы попытались купить открытку с портретом Гесса, но похоже, что их уже успели изъять и теперь их не купишь ни за какие деньги. В одном магазине женщина даже набросилась на нас: «Wozu brauchen sie ihn denn? Er ist ja wahnsinnig geworden!» [«Да зачем он вам? Он же сошел с ума!»] — такова официальная версия. Чтобы успокоить ее, мы притворились, что нас интересует весь «зверинец», и купили оба по карточке Геббельса и Геринга.

В отсутствие Татьяны Паул все время торчит у нас. Он терпеть не может Берлин, и у него нет здесь близких друзей. Как и в ДД, мы ежедневно получаем кипы розовых бумаг с грифом «совершенно секретно», содержащих последние международные известия и материалы из иностранной печати. Читать их не полагается никому, кроме немногих избранных, однако курьер приносит их незапечатанными. Паул, изголодавшийся по информации, все это пожирает, поскольку в немецких газетах сейчас нет буквально ничего. Если кто-нибудь войдет, это может нам очень дорого обойтись, но так как бюро Татьяны (где я временно работаю) находится в гараже, то мы обычно сносимся с остальным отделом по телефону. Единственное исключение — Ранцау и Луизетта Квадт, которые работают рядом, но им наплевать.

После обеда познакомилась с Эдгаром фон Юкскюлем, пожилым остзейским бароном, который до 1914 года состоял на российской дипломатической службе. Он очень тепло говорил о Папа́, сказав, что он был одним из самых одаренных молодых людей в России и что со временем он непременно стал бы премьер-министром. Бедный Папа́!

Прошел слух, что Сталин согласился уступить Украину немцам на девяносто девять лет. Я вне себя от возмущения!

Это был ложный слух, родившийся, видимо, из надежд многих немцев, что надвигающийся конфликт с СССР, которого все так боялись, удастся предотвратить с помощью состряпанной в последнюю минуту «сделки». Однако недавно стало известно из советских источников, что

осенью 1941 г., когда немецкие войска подступали к самой Москве, Сталин действительно искал примирения с Гитлером и был готов для этого пожертвовать значительной территорией.

Воскресенье, 18 мая. Берлинцы, известные своим остроумием, уже сочиняют остроты по поводу бегства Гесса. Например:

«Аугсбург [*город, откуда он вылетел*] — город германского подъема».

«Би-Би-Си» сообщает: в ночь на воскресенье германские министры больше не прилетали».

«Сообщение ОКВ [*Верховного командования*]: Геринг и Геббельс все еще прочно находятся в немецких руках».

«Тысячелетний Рейх превратился в столетний: одним нулем стало меньше».

«Что наше правительство сбрендило, это мы давно знаем, но что оно это признало — это нечто новенькое».

«Черчилль спрашивает Гесса: Так это вы сумасшедший? — Нет, лишь его заместитель».

Ко всему этому Ага Фюрстенберг, известная своим снобизмом и острословием, на днях добавила: «Если так пойдет и дальше, то скоро мы снова окажемся исключительно среди своих».

Суббота, 24 мая. Паул Меттерних отозван обратно в Берлин, где он будет работать в ОКВ; нам от этого спокойнее. Говорят, что на русской границе сосредоточиваются все новые и новые силы. Почти всех знакомых мужчин переводят с запада на восток. Это означает только одно.

Завоевание и колонизация Восточной Европы и СССР были одним из лейтмотивов Гитлера со времен «Майн кампф»; все прочие его политические шаги служили лишь промежуточными этапами для осуществления этой главной цели. Еще в начале августа 1939 г. Гитлер в беседе со швейцарским Верховным комиссаром Лиги Наций в Данциге, д-ром Карлом Буркардтом, открыл свои карты: «Все то, что я предпринимаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы это понять, мне придется пойти на сговор с русскими и затем, победив на Западе, повернуться со всеми имеющимися силами против СССР. Мне нужна Украина, с тем чтобы никогда более нас не смогли заморить, как во время последней войны». («Моя миссия в Данциг. 1937—1939», Мюнхен, 1960).

Не успела закончиться кампания на Западе, как 21 июля 1940 г. — на следующий день после того, как Сталин аннексировал прибалтийские государства, — Гитлер сообщил своим генералам о своем намерении уничтожить СССР, «чем скорее, тем лучше». Никто из них не выдвинул каких-либо возражений. Тем же летом первые германские дивизии были переброшены на восток. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил окончательный план кампании. Операцию, получившую кодовое наименование «Бар-

баросса», предполагалось начать в мае 1941 г. и завершить всего за четыре-пять недель. Она затянулась на четыре года и закончилась полным разгромом нацистской Германии.

Произошло крупное морское сражение между «Худом» и «Бисмарком». «Худ» был потоплен одним-единственным залпом, попавшим в главный склад боеприпасов, и почти вся команда погибла. Какой ужас! «Бисмарку» удалось скрыться, но ему придется нелегко, так как его преследует весь британский флот.

Понедельник, 26 мая. На обеде у Хойосов познакомилась с американцем Джорджем Кеннаном и его женой. Он много лет служил при американском посольстве в России. Сейчас он временно прикомандирован к здешнему американскому посольству. У него умные, понимающие глаза, но он высказывается сдержанно, что, впрочем, не удивительно: ведь ситуация двусмысленная, немцы все еще являются союзниками Советской России. Поэтому вместо серьезного разговора, Клаус Алефельдт и Винци Виндиш-Грец демонстрировали нам благозвучие соответственно венгерского и датского языков. Мы единодушно отдали предпочтение венгерскому, но строго говоря, ни тот, ни другой особенно слух не ласкают.

Вторник, 27 мая. Сегодня «Бисмарк» затонул. Вместе с ним пошел на дно германский адмирал Лютьенс.

Спущенный на воду в 1941 г. 42-тысячетонный «Бисмарк» был одним из самых крупных, быстроходных, мощных и усовершенствованных военных кораблей Второй мировой войны. 18 мая он вышел в плавание вместе с тяжелым крейсером «Принц Ойген» с целью нападения на британские суда в Атлантике. Британские разведывательные самолеты быстро обнаружили корабли противника, и Адмиралтейство выслало на их перехват крупные силы. Первая встреча произошла у берегов Исландии, и за считанные минуты крейсер «Худ», краса и гордость британского флота, флагманский корабль вице-адмирала Ланселота Холланда, взорвался и пошел ко дну вместе со всем экипажем, насчитывавшим 400 человек, — спаслось всего трое. «Бисмарк», однако, тоже получил повреждения. Теперь немецкие корабли разделились. «Принц Ойген» благополучно добрался до Бреста, а подбитый «Бисмарк» бесследно исчез на тридцать один час. Лондонское Адмиралтейство разослало всем военным кораблям, от Ньюфаундленда до Гибралтара, ставший легендарным приказ: «Вытравить «Бисмарка». В результате грандиозной погони, в которой принял участие практически весь наличный британский флот, «Бисмарк» был, наконец, обнаружен в Бискайском заливе, и торпедные самолеты с авианосца «Арк Ройял» нанесли ему новые значительные повреждения. На следующий день, после героической битвы с превосходящими силами противника, «Бисмарк» затонул вместе со всем — кроме одного человека — экипажем.

Пятница, 30 мая. Сидела дома: стирала, гладила, штопала и тому подобное. На это уходит масса времени, а отдать некуда. Настоящего мыла нет и в помине, приходится пользоваться вонючими синтетическими эрзацами, и те выдаются только по карточкам.

Вторник, 3 июня. Адам Тротт поручил мне прочесть целую гору книг. Если они представляют для него интерес, я передаю их ему, если же нет, они отправляются куда-то в архив, и никто никогда их больше не видит. Он получает большую часть книг, только что опубликованных в Англии и Соединенных Штатах. Иногда читать их легко; таков, например, «Визит налету» Питера Флеминга, который передается с рук на руки и доставляет нам всем много веселых минут. Все рвутся заполучить новейшую книгу первыми, но обычно первой читаю все-таки я.

Четверг, 5 июня. Бывший кайзер Вильгельм II скончался в Доорне, в Голландии, где он находился в изгнании с 1918 года. Сообщение это средактировано на удивление сдержанно.

Воскресенье, 8 июня. Русская Троица. Паул Меттерних и я ездили на вокзал на машине, которую нам одолжили испанцы, встречать Татьяну. Она появилась, нагруженная множеством новых вещей, сияющая и, видимо, отдохнувшая. На нее было приятно смотреть. Мы вместе поужинали.

Понедельник, 9 июня. Паул Меттерних и Татьяна наконец решили формально объявить о своей помолвке. Это ни для кого не будет сюрпризом. Папá хочет, чтобы Паул нанес ему официальный визит и просил руки Татьяны. Мы дразним Паула, напоминая, что по такому случаю ему придется надеть белые лайковые перчатки. Татьяну мысль об этом визите беспокоит много больше, чем Паула.

Вторник, 10 июня. Ужин с Йозиасом Ранцау, Луизеттой Квадт и г-ном Ульрихом фон Хасселем, который десять лет был германским послом в Риме. Это обаятельнейший и эрудированный человек.

Позже мы заехали к Аге Фюрстенберг, которая давала прощальный вечер в честь Альберта Эльца по случаю его отъезда в Грецию.

Судя по всему, большая часть германской армии сосредоточивается на русской границе.

Ветеран дипломатической службы, Ульрих фон Хассель (1881—1944) был тяжело ранен на Западном фронте в Первую мировую войну. Возвратившись в Министерство иностранных дел в 1919 году, он дослужился до посла в Италии, пробыв на этой должности с 1932 по 1938 г. Либеральный консерватор старой школы, он был убежденным антинацистом и одним из самых активных гражданских участников заговора с целью свержения Гитлера. К тому времени, когда Мисси с ним познакомилась,

он занимал ученую должность, которая позволяла ему, невзирая на условия военного времени, часто ездить за границу, используя каждую такую поездку для поддержания многочисленных связей с влиятельными союзническими и нейтральными кругами.

Среда, 11 июня. Заходили Альберт и Дики Эльц. Уйдя от нас, они по дороге домой наткнулись на улице на мертвого человека. Должно быть, его сшибло автобусом, но из-за затемнения никто ничего не заметил. Надо же, чтобы такое приключилось именно с Альбертом.

Суббота, 14 июня. Заходила Лоремари Шенбург — занимать платье для вечеринки. Она учится актерскому искусству. Ей предстояло дебютировать в какой-то шекспировской пьесе, но исполнитель главной роли во время репетиции упал с лестницы и пришлось все отменить. Как знать? Вдруг этим загублена блестящая карьера!

Пятница, 20 июня. Звонил Адам Тротт. Он один из немногих знакомых мне мужчин, кто любит подолгу говорить по телефону. Он приготовил мне какую-то работу, «которая меня отвлечет от всего прочего» — то есть, очевидно, от войны с Россией, которая, похоже, на носу.

Воскресенье, 22 июня. Германская армия ведет наступление на всем протяжении восточной границы. Хако Чернин разбудил меня на рассвете, чтобы сообщить эту новость. Начинается новая фаза войны. Мы знали, что это сбудется. И все же мы потрясены!

Примечание Мисси [*датировано сентябрем 1945 года*]:

Начиная с этого дня, почти два года моего дневника отсутствуют, хотя я продолжала свои записи почти ежедневно. Некоторые страницы я уничтожила сама. Другие же я спрятала в одной усадьбе на территории одной из восточноевропейских стран, находящейся за железной занавесью. Возможно, они и сейчас там находятся, а может быть, их нашли и отправили в какой-нибудь местный архив или же, что еще вероятнее, сожгли за ненадобностью.

Но больше всего меня удивляет не то, что часть моего дневника пропала, а то, что столько из него уцелело...

1941 — 1943
июль *июль*

Приписка Мисси весной 1978 года (в год ее смерти):

Я делала записи в своем дневнике почти ежедневно, и вспомнить теперь все подробности моей жизни между 22 июня 1941 года и 20 июля 1943-го практически невозможно. Но я постараюсь кратко рассказать о событиях, сыгравших в нашей жизни большую роль, и о том, что произошло за этот период со мной, моими родными, кое-кем из друзей.

К этому времени силы оставляли Мисси так быстро, что она сумела описать только два эпизода: бракосочетание ее сестры Татьяны и деятельность ее матери по оказанию помощи советским военнопленным. К счастью, в семье Васильчиковых постоянно переписывались. Многие из этих писем — написанные рукой Мисси или адресованные ей — сохранились. По этим письмам, а также по случайным фрагментам дневника, найденным в ее бумагах после ее смерти, удалось в какой-то степени воссоздать ход ее жизни с июня 1941-го по июль 1943 г.

В остальном же комментатор ограничился кратким упоминанием о главных событиях в жизни Мисси и ее родных на протяжении этого периода и об исторической обстановке, в которой они происходили.

* * *

Нападение Гитлера на СССР было крупнейшим военным вторжением в истории: в нем участвовали 153 германских дивизии, то есть около трех четвертей сил вермахта, к которым в дальнейшем присоединились 18 финских, 16 румынских, 3 итальянских, 3 словацких и 1 испанская дивизия, 3 венгерских бригады, хорватская часть, а позже и многочисленные свеженабранные войска СС со всей оккупированной Европы — в общей сложности около 3 миллионов человек. Противостояли им в начале кампании 170 советских дивизий. Однако в то время как резервы Германии вскоре были исчерпаны, СССР мог мобилизовать еще 12 миллионов. Таким образом, все зависело от того, сумеет ли Германия провести еще один победоносный блицкриг. Гитлер был совершенно уверен, что сумеет: «Нам нужно только взломать дверь, и все прогнившее здание рухнет». То же самое предсказывали и многие квалифицированные западные эксперты. И поначалу даже Сталин впал в панику.

План «Барбаросса» предусматривал одновременный удар по трем направлениям: на Москву, Ленинград и Киев; предполагалось, что советские силы будут разгромлены в самом начале кампании посредством обычного германского метода глубоко проникающих бронетанковых клещевых ударов; конечным рубежом, который намечалось занять до наступления зимы, была линия от Архангельска до Астрахани. После парада победы на Красной площади предполагалось сравнять Москву с землей, чтобы ею никогда больше не пятнать взор «цивилизованного человека». Кампания была провозглашена «крестовым походом против большевизма», но на самом деле ее единственной целью был беззастенчивый захват российских земель, разграбление национальных ресурсов России и массовое истребление ее населения с изгнанием оставшихся в живых за Урал или превращением их в рабов германских поселенцев, которые пришли бы на их место.

Гитлер недвусмысленно заявил своим генералам накануне кампании, что это будет особая война: поскольку русские от роду «Umtermenschen», т.е. недочеловеки, то и речи не может идти о каких-либо проявлениях солдатского рыцарства по отношению к ним. И потому, даже самые тяжкие преступления, совершенные немцами в России, не повлекут за собой каких-либо судебных разбирательств со стороны германских властей, а тем более кары. Для начала же, объявил Гитлер, всех попавших в плен политических комиссаров и членов коммунистической партии надлежит расстреливать на месте. Иными словами, не только все позволялось, но и предписывалось наихудшее. Хотя втайне кое-кто из генералов ужаснулся, никто из них не повел и бровью. Но надо сказать, что, когда дошло до дела, все-таки немалое число немецких военных пренебрегли

этими преступными приказами. Именно из их рядов вышли впоследствии многие участники заговора 20 июля 1944 года...

И сначала все пошло по плану. Несмотря на масштабные немецкие приготовления, продолжавшиеся уже много месяцев, и на многочисленные предупреждения из различных источников, Сталин дал себя застать врасплох. Дислоцированные вдоль всей западной границы войска даже не были закамуфлированы. Большая часть вооружения или устарела, или только начиналась его замена более современным; старший командный состав был почти весь перебит продолжающимися сталинскими чистками. За несколько недель немцы проникли глубоко на советскую территорию и в ряде сражений-«котлов» вывели из строя или захватили в плен сотни тысяч красноармейцев. И все же, то и дело, несмотря на большое число советских дезертиров и сдавшихся в плен (по крайней мере, в начале кампании), немецкое продвижение постоянно тормозилось чрезвычайно упорным сопротивлением многих русских частей и бойцов. Ставшие чересчур уверенными в себе сравнительно бескровными победами в Польше, на Западе и на Балканах, немцы среагировали сперва с удивлением, затем с возмущением, которое заменила, нехотя, доля восхищения, а под конец — уже нескрываемый страх. Приводимые ниже слова принца Бурхарда Прусского ясно отражают их первоначальную реакцию.

Из письма Мисси из Берлина брату Джорджи в Рим, 1 июля 1941 года:

«... Только что с Восточного фронта появился Бурхард Прусский. Он отозван, потому что он «из королевских». Он рассказывает, что там царит абсолютный ужас. Почти не берут пленных ни с той, ни с другой стороны. Русские дерутся не как солдаты, а как преступники, подымая руки вверх, делая вид, что сдаются, и когда немцы приближаются вплотную, открывают по ним огонь в упор; они даже стреляют в спину немецких санитаров, присматривающих за их же ранеными. Но они очень храбры, и везде идут тяжелые бои. Там сейчас все три брата Клари. Бедные родители!

Встретила сестер Вреде, которые только что узнали, что их брат Эдди убит. Ему было только двадцать лет, и он был всегда душой общества. Вообще-то потери на этот раз во многом превосходят потери предыдущих кампаний. И все же немцы успешно продвигаются, как этого можно было ожидать...»

Из воспоминаний Мисси 1978 года:

Татьяна вышла замуж за Паула Меттерниха 6 сентября 1941 года. Свадьбу отпраздновали весело, присутствовали почти все наши друзья, за исключением, разумеется, тех, кто был на фронте или кого уже убили либо тяжело ранили. Даже Мамá, Ирина и Джорджи прибыли из Рима. Прием происходил в доме четы Рокамора; продукты Паул и его мать несколько месяцев копили у себя в Кенигсварте.

В ту ночь Берлин пережил один из самых тяжелых на тот момент воздушных налетов. К счастью, большая часть бомб упала на пригороды.

Татьяна и Паул в эти часы уже направлялись в Вену, откуда они позже переехали в Испанию, где пробыли до весны следующего года. Ирина сразу же вернулась в Рим, но Мама́ и Джорджи решили пробыть в Берлине еще месяц-другой. Это решение оказалось роковым, так как вскоре с ухудшением ситуации на Восточном фронте немецкие власти наложили запрет на свободный въезд и выезд иностранцев, а у всех членов семьи паспорта были еще литовские, и оба застряли в Германии — Мама́ до конца войны, а Джорджи до следующей осени, когда ему удалось вырваться в Париж.

Я очень скучала по Татьяне, ведь мы с ней были неразлучны с младенчества и вместе пережили самые трудные в нашей жизни времена. К счастью, Джорджи переехал ко мне в квартиру на Харденбергштрассе и жил там до весны следующего года... [*На этом воспоминания Мисси обрываются*].

В ноябре 1941 г. Мисси удалось провести несколько недель на отдыхе в Италии. Сохранились три письма, которые она написала матери во время этой поездки.

Мисси из Рима — матери в Берлин, 10 ноября 1941 года:

«Еда здесь довольно приличная, несравненно более разнообразная, чем в Берлине. После серости наших берлинских улиц очень радует глаз зеленая листва деревьев.

Виа Венето, полная развлекающейся молодежи, просто потрясла меня — разве в Германии сейчас такое увидишь!

Завтра пойду делать покупки, но ни на что особенно не рассчитываю, так как то, на что не требуются карточки (а их выдают очень мало), продается только по предъявлении удостоверения личности. Такого удостоверения нет даже у Ирины, хотя она здесь живет уже три года, так что нетрудно представить себе, как мало шансов у меня. Хожу и облизываюсь, не имея возможности потратить ни гроша...»

Мисси из Рима — матери в Берлин, 13 ноября 1941 года:

«Здешняя русская колония чрезвычайно встревожена. В прошлом месяце в одной из местных газет появилась статья, подписанная псевдонимом, где автор высказывал удивление и возмущение по поводу того, что столько белых русских не выражают ни малейшего восторга в связи с войной в России: не следует ли в таком случае, говорит он, попросить их избрать себе какое-либо другое место жительства? Немедленно прошел слух, что статья продиктована «сверху», и это, разумеется, еще сильнее взбудоражило наших соотечественников, причем некоторые из

них сели сочинять уничтожающий ответ, а другие занялись выяснением личности автора.

Два дня назад Лони Арривабене пригласил Ирину и меня на обед в «Чирколо делла Качиа» вместе с одним из своих кузенов, который оказался журналистом, и вскоре зашел разговор о пресловутой статье. Тут кузен признался, что написал ее он, что никто «в верхах» не заставлял его это делать и что это просто крик души, вырвавшийся у него после разговора с одним здешним русским. Ну, тут я ему показала! Бедняга Лони, ему все это было так неприятно...»

Мисси с Капри — матери в Берлин, 20 ноября 1941 года:

«...В понедельник в Риме ужинала с Хуго Виндиш-Грецем и его другом князем Сериньяно, который, узнав, что я собираюсь сюда, предложил мне остановиться в его доме, так как сам он будет отсутствовать еще несколько недель и дом все равно будет пустовать. В этом доме я сейчас и нахожусь.

Это крошечное бунгало, выкрашенное белой краской, с террасой, откуда открывается вид на весь остров и на море. Оно одиноко стоит на холме в отдалении от больших вилл. В нем две комнаты, чудесная выложенная зеленым кафелем ванная, воду для которой, правда, приходится накачивать часами, и кухня. Все это окружено виноградниками и кипарисами. Я живу одна, если не считать прислуги-итальяночки по имени Беттина, которая каждое утро приходит из деревни прибирать дом, готовить мне завтрак и ванну. Собираюсь много читать, много спать, гулять и купаться, если будет солнечно, и ни с кем не видаться. Отто Бисмарк (он советник здешнего немецкого посольства) одолжил мне массу книг. Сегодня предполагаю закупить съестные припасы и после этого предамся одиночеству.

Везувий проявляет небывалую в последние годы активность, и все говорят, что если бы не война, то люди начали бы беспокоиться. По ночам видно, как вырывается из кратера и стекает по склонам красная лава. Поразительное зрелище! Можно также наблюдать, как бомбят Неаполь, но отсюда налеты выглядят вполне безобидными. Тем не менее на Капри повсюду гасят свет; в первый раз я просто не знала, как быть — купить свечи я не успела, а налет начался рано...»

К этому времени германское наступление на Восточном фронте, после впечатляющих первых успехов, начало сталкиваться с трудностями. Чем дальше в глубь России продвигались наступающие войска, тем шире они развертывались, тем протяженнее становился их фронт, а значит, длиннее (и уязвимее, поскольку начиналась партизанская война) становились и коммуникации. Мало того, на смену каждой уничтоженной или взятой в плен советской дивизии неведомо откуда появлялись новые, лучше обученные, лучше вооруженные. Постепенно немцы сообразили,

что их засасывают просторы России, причем их главная цель — разгром всех советских вооруженных сил — делается все более призрачно-неуловимой, а собственные их потери оказываются более значительными, чем во всех предыдущих кампаниях. Из числа друзей Мисси, помимо Эдди Вреде (о гибели которого она сообщает в одной из своих последних записей за 1941 год), в первые же недели кампании погибло еще трое — Ронни Клари, Бюбхен Хацфельдт и Гофи Фюрстенберг.

Тем не менее Гитлер не терял уверенности в успехе и 25 октября, после новой серии впечатляющих операций по окружению советских соединений, провозгласил, что «Россия уже разгромлена!». Действительно, к этому времени СССР потерял треть своей промышленности и половину сельскохозяйственных угодий. Однако многие заводы были эвакуированы за Урал (где скоро возобновили производство), а безжалостная тактика выжженной земли, к которой прибегали русские при отступлении, начала причинять ощутимый ущерб и немцам. А теперь, как это часто бывало и в прошлом, на помощь России пришел «генерал Зима». В ожидании горючего, 4 декабря немецкие танки застряли под сильным снегопадом уже в предместьях Москвы. На следующий день свежие дивизии из Сибири начали первое с начала кампании крупное контрнаступление, в ходе которого отбили у немцев обширную территорию. К весне 1942 года германские потери достигали уже миллиона человек. И хотя потери русских были гораздо более значительны (около 5 млн. убитых и раненых, около 2,5 млн. взятых в плен), многим высокопоставленным германским военачальникам война на Востоке уже представлялась проигранной.

7 декабря японцы напали на Перл-Харбор, и Соединенные Штаты вступили в войну; и хотя в ту зиму союзники понесли серьезный урон на Тихом океане и большая часть Юго-Восточной Азии была захвачена японцами, Америка обеспечивала лагерю союзников все более и более ощутимое материальное превосходство.

К весне 1942 года Меттернихи вернулись в Германию, и Паул поступил в военное училище, по окончании которого был назначен офицером связи в испанскую Голубую дивизию, воевавшую на Ленинградском фронте; Татьяна же по большей части жила в Кенигсварте — имении Меттернихов в северной Богемии, где время от времени ее навещали родные.

Сохранились два относящиеся к этому периоду письма Мисси к матери, а также обширный фрагмент дневника.

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 17 июля 1942 года:

«Вчера мы с Джорджи были приглашены на ужин в чилийское посольство. В числе гостей были актриса Дженни Джуто и Виктор де Кова (это тоже известный актер и режиссер) со своей женой-японкой. Прием продолжался допоздна, очень много танцевали. [*К этому времени танцевать в публичных местах катего-*

рически запрещалось, нарушители строго наказывались. Единственное исключение составлял дипломатический мир].

У меня был продолжительный разговор с Виктором де Кова (по которому я так вздыхала девочкой в Литве!). Теперь он ходит в огромных очках, потому что близорук. Оказалось, что он человек очень застенчивый, но остроумный. Когда я пожаловалась, что сейчас практически невозможно достать билеты в театр, он сказал, что мне достаточно только позвонить ему и в моем распоряжении окажется целая ложа, но только уж тогда мне придется непременно досидеть до конца, даже если надоест, потому что он будет на меня поглядывать. Хотя он категорически отказался танцевать, заявив, что не умеет, я все-таки вытащила его в круг танцующих, и он заколесил по залу с видом мученика. Потом он и Дженни Джуто вступили в острую перепалку с сестрами Вреде, которые снова ополчились на меня за то, что я-де не проявляю «должного восторга» по поводу понятно чего [*имеется в виду кампания в России*].

Джорджи сейчас носит такие длинные волосы, что меня все призывают уговорить его подстричься. Он приобрел репутацию лучшего танцора в Берлине — к огорчению Ханса Флотова...»

Хотя в то время Мисси этого не знала, Виктор де Кова (1904—1973) был не только одним из самых популярных театральных и киноактеров в Германии, но с 1940 г. и активным участником Сопротивления. После войны он получил также и международную известность в качестве режиссера-постановщика и преподавателя, сочетая профессиональную деятельность с организацией различных общественных движений этической направленности, таких, как «Моральное перевооружение».

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 30 июля 1942 года:

«За последние три недели я выхожу почти каждый вечер, и я совершенно изнурена. Но только так можно рассчитывать по крайней мере раз в сутки прилично поесть. В нашей столовке кормят прямо ужасно.

Антуанетт Крой потеряла свою парижскую работу: ее уволили с предуведомлением всего за несколько дней и выслали обратно в Германию — все из-за ее княжеского титула и знакомств с иностранцами. В качестве особой любезности посол Абец (представляющий Германию в оккупированной зоне Франции) позволил ей остаться на несколько лишних недель, чтобы попрощаться с матерью.

В воскресенье мы с ней были у Альфьери (итальянского посла), где подавали изумительный чай, после чего мы отдыхали на террасе, откуда открывается вид на озеро. Вчера он пригласил меня снова, но я отказалась. Тогда он пригласил

меня на ужин сегодня. На этот раз я согласилась, поскольку там будет чета Эмо.»

Случайные отрывки из дневника Мисси, обнаруженные после ее смерти:

БЕРЛИН. *Вторник, 11 августа 1942 года.* Этот мерзкий кадровик отказал мне в отпуске на четыре недели, как я того просила, и отпускает меня всего на шестнадцать дней. Я попрошу нашего врача из АА дать мне четыре недели отпуска зимой и поеду в горы. Ездила поездом в Потсдам с Джорджи на обед к Готфриду Бисмарку.

КЕНИГСВАРТ. *Среда, 12 августа.* Отправилась вечерним поездом в Эгер, куда приехала в час ночи. Меня встречал секретарь Паула Меттерниха Танхофер, он отвез меня в Кенигсварт. В доме все спали. Не ложилась одна Татьяна, она слегка подремывала сидя, а рядом на столе меня ожидал холодный ужин. Я наскоро приняла ванну, но зато долго с ней болтала. Легла только в три.

Четверг, 13 августа. Сегодня утром Мама́ слышала в деревне, будто Рейнскую область сильно бомбят. Практически уничтожен Майнц: 80 процентов города в развалинах. Позже пришла телеграмма от Паула Меттерниха: он сообщает, что собирается привезти сюда свою мать. Как это понимать? Ведь замок Йоханнисберг, где она живет, довольно далеко от Майнца.

Воскресенье, 16 августа. По возвращении из церкви Татьяне звонили из Берлина. Разговор продолжался целый час. Все это время я сидела в саду и штопала чулки. Когда она наконец появилась, на ней не было лица. «Йоханнисберга больше нет!» — сказала она с комком в горле.

Выяснилось, что ночью в четверг мать Паула Меттерниха Изабель была разбужена чудовищным грохотом: на замок упала бомба. Она и ее польская кузина Мариша Борковска, едва одевшись в халаты и тапочки, побежали вместе с горничной вниз и через двор в подвал. К этому времени бомбы уже сыпались одна за другой — на дом, церковь и окружающие строения. В общей сложности было сброшено около 300 бомб всех видов: так называемые «воздушные торпеды», фугасные бомбы, зажигательные бомбы и т.д. Одна из торпед попала в церковь, которая тут же загорелась; какой-то молодой человек вбежал внутрь, схватил гостию и вынес ее, сильно при этом обжегшись. В налете участвовало пятьдесят самолетов, и длился он два часа. У одного летчика, сбитого над Майнцем, нашли карту, на которой были четко обозначены три цели: сам Майнц, замок Йоханнисберг и соседний замок Асмансхаузен. Вот все три объекта и уничтожены. Когда прибыли пожарные, им уже нечего было делать. Служащие имения, в том числе управляющий, герр Лабонте, вели себя безупречно, они то и дело вбегали в дом, стараясь спасти хоть

что-нибудь из картин, фарфора, серебра, белья и т.п. Соседи, семья Мумм, увидели пламя пожара и прибежали на помощь. Олили Мумм, в лихо надетой стальной каске, вскакивала на стулья и ножницами вырезывала картины из рам. Удалось спасти довольно много вещей с первого этажа, но все, что находилось наверху, погибло, в том числе все платья, меха и личные вещи Изабель. В свое время, желая облегчить жизнь Татьяне, она тактично настояла на том, чтобы все ее имущество было перевезено из Кенигсварта в Йоханнисберг, где ей теперь предстояло жить. Последние два ящика были отправлены всего две недели назад, и мы надеемся, что они еще в пути. К счастью, она отдала в починку в деревне пару туфель: их она сейчас и носит. На следующий день Паул, поднимаясь пешком к себе из Рюдесхайма, заметил разбросанные по виноградникам кусочки меха, которыми взрывная волна усыпала все окрестности. За исключением одного из павильонов у въезда в замок, не осталось ничего, кроме внешних стен сооружений: все крыши и верхние этажи обрушились. Большая часть коров и лошадей разбежались по полям, но двенадцать животных погибло. Говорят, что пять лет назад между всеми комнатами были установлены противопожарные двери, но против воздушного налета они, разумеется, оказались бессильны.

Вторник, 18 августа. Сегодня утром ездила с Танхофером в Мариенбад в поисках косметических средств, которых нигде больше нельзя достать.

Мамá то полна кипучей энергии, то впадает в глубокое уныние.

БЕРЛИН. *Среда, 19 августа.* Сегодня утром мы с Татьяной вернулись в Берлин. Танхофер и шофер довезли нас до Эгера и устроили торжественные проводы. Как приятно сделаться на краткий миг «плутократом», чтобы тебе упаковывали вещи и даже несли их за тобой!

В Берлине мы час или два ожидали на вокзале такси, поскольку Джорджи приехал нас встречать без машины. Ужинала с ним у «Шлихтера», где он рассказал мне о своей нынешней приятельнице; он жалуется, что она не дает ему покоя признаниями в любви. На днях, придя домой, я обнаружила телеграмму и, распечатав ее по ошибке, прочла: «Все еще сердишься? Целую...»

Завтра отправляюсь в замок Дюльмен в Вестфалии погостить несколько дней у Антуанетты Крой. Оттуда, возможно, поеду в Зигмаринген на свадьбу Константина Баварского, который женится на девушке из рода Гогенцоллернов.

ДЮЛЬМЕН. *Четверг, 20 августа.* Встретилась с Антуанеттой Крой на вокзале Цоо. Поезд, как обычно, был переполнен, так что до Оснабрюка мы стояли в коридоре, сняв чулки, поскольку было невыносимо жарко. Оснабрюк мы проехали черепашьим

шагом, так как пути серьезно пострадали от недавней бомбардировки. Город выглядит ужасно: одни дома стерты в пыль, другие разворочены. В Дюльмене нас встретил экипаж, запряженный только что объезженными дикими лошадьми (это одно из хобби герцога Кроя), который и довез нас до замка с бешеной скоростью. Герцог поджидал нас с холодным ужином, после которого мы мгновенно заснули, едва добравшись до постели.

Пятница, 21 августа. Спали до 11 утра; завтракали в халатах в комнате Антуанетт и сошли вниз только к обеду. Герцог замкнут до резкости, и дети явно его безумно боятся. Тем не менее видно, что он к ним привязан, хотя и держит в ежовых рукавицах. Он настоящий французский *grand Seigneur* [вельможа] старой школы.

После изумительного обеда мы некоторое время сидели и беседовали в библиотеке, а потом поехали кататься на велосипедах, вернувшись как раз вовремя к роскошному чаю на террасе. Затем герцог прокатил нас по парку-зверинцу, где, помимо своих знаменитых диких лошадей, он держит разные виды оленей и редкую породу черных как смоль диких овец. Потом ванна. Потом восхитительный ужин. Потом опять беседа в библиотеке; спать легли рано.

Суббота, 22 августа. Безмятежная жизнь продолжается. Сегодня осматривали фруктовый сад, где досыта наелись чудесного винограда, абрикосов, персиков, слив и ягод всех сортов.

Воскресенье, 23 августа. В 11 утра отправились в церковь, где герцог, герцогиня, Антуанетт и я торжественно восседали на семейной скамье. После чая нас повезли знакомиться с нутриевой фермой, оборудованной на специальном грязевом поле.

Понедельник, 24 августа. Осматривали гараж, где обнаружили примерно двадцать пять автомобилей разных видов; более половины их принадлежит семье Крой.

НОРДКИРХЕН. *Среда, 26 августа.* После обеда герцог отвез нас в Нордкирхен, имение князей Аренбергов — кузенов герцогов Крой, у которых мы некоторое время погостим.

Нордкирхен больше похож на дворец, чем на замок в сельской местности. Его окружают красивые искусственные водоемы и французские сады. Сейчас семья занимает только одно крыло; оно очаровательно устроено — в нем вольеры, крытый плавательный бассейн, специальный застекленный сад для солнечных ванн и всевозможные прочие роскошества. Кормят здесь даже лучше, чем в Дюльмене. За чаем я от души напилась молока, а потом мы сидели и беседовали с хозяйкой дома — Валери, пока герцог и князь охотились. У меня прелестная комната и общая с Антуанетт Крой ванная.

Четверг, 27 августа. Встала в 9 утра; после изумительного завтрака Энкар и Валери Аренберг повели нас на долгую прогулку

по поместью. После обеда мы переоделись в шорты и загорали в саду, время от времени окунаясь в бассейн, чтобы остыть.

Вечером, после ужина, я лежала в постели и читала, как вдруг над головой раздался гул множества самолетов, заработали зенитки в близлежащем городке, и началось! Полная луна озаряла крепостные рвы, лучи прожекторов обшаривали небо, и когда я выглянула из окна, меня на мгновение захватила довольно-таки зловещая красота этого зрелища. Впрочем, помня, что произошло в Йоханнисберге, я выбежала в коридор, где столкнулась с остальными членами семьи, как раз спешившими за мной. Мы всей компанией спустились в главный двор, уселись на ведущих в подвал ступеньках и стали есть персики и пить молоко, пока Энкар ходил по дому и открывал все окна (чтобы их не выбило взрывной волной). Примерно через час все утихло, и мы вернулись к себе в комнаты. Антуанетта Крой и я стояли у окна и разговаривали, когда внезапно раздался страшный грохот, и нас швырнуло в глубь комнаты, как будто прямо у нас перед носом хлопнули дверью. Позже мы узнали, что это была ударная волна от бомбы, разорвавшейся в двадцати километрах от нас. А между тем удар был такой силы, что нас практически сбило с ног. Поразительное ощущение! Во время этого налета был разрушен соседний замок.

Пятница, 28 августа 1942 года. Никак не могла решить, идти на свадьбу или нет, но тут позвонил из Зигмарингена Константин Баварский и сказал, что я должна быть непременно, что будет очень неудобно, если я не приду, что все будет очень торжественно, что заранее расписано, кто с кем, за каким столом будет сидеть и в каком порядке пойдет в церковь и обратно, что уже назначено, кто составит мне пару при такой-то и такой-то церемонии, и так далее. Пришлось провести остаток вечера с Энкаром Аренбергом и экономкой за изучением расписаний. Из-за недавних воздушных налетов многие железнодорожные линии перерезаны или повреждены; поезда часто едва ползут, если вообще ходят, а я должна быть там не позже воскресенья.

ЗИГМАРИНГЕН. *Суббота, 29 августа.* Большую часть своего багажа я оставила в Дюльмене, так что сначала нам пришлось позвонить герцогу Крою и попросить его послать кого-нибудь с ним на станцию. Аренберги подарили мне множество книг, провизии, вина, зажигалку-будильник Энкара (у меня куда-то запропастились часы) и розу (которую я позже обнаружила у себя в чемодане). Нагруженная всем этим, я доехала до станции Дюльмен, сошла, забрала у водителя герцога свой багаж, а с ним и свою почту, и отправилась в долгий путь на юг.

Одно из писем было от Лоремари Шенбург: она между прочим писала, что убит Хуго Виндиш-Грец — погиб в авиакатас-

трофе (он был офицером итальянской авиации). Мы были дружны с детства и много виделись перед войной в Венеции. Я горевала всю дорогу, думая о его матери Лотти и брате-близнеце Мукки, с которым они не разлучались. Лоремари сообщала и о других смертях: убиты Ветти Шафготш и Фриц Дернберг. А совсем недавно в Шотландии разбился насмерть герцог Кентский; его жена Марина только что родила [*Мать ее, наша русская великая княжна Елена Владимировна была подругой с детства отца Мисси*]. Такой же смертью погиб и сын венгерского регента адмирала Хорти. Впору задуматься, не объясняется ли эта полоса авиакатастроф поспешностью самолетостроения в военное время. А может быть, это проклятие, ниспосланное человечеству в наказание за изобретение всех этих мерзких штук?

Сначала поездка была довольно приятной, в вагоне, как ни странно, было почти пусто. Мы проехали через Рурскую область, средоточие германской индустрии, где многие города превращены теперь в мили и мили сплошных развалин. В Кельне стоял неразрушенным один лишь собор. Дальше мы ехали по долине Рейна мимо всех этих знаменитых средневековых замков, которые даже в руинах кажутся прекрасными в сравнении с ужасным разорением, которое теперь всюду творит человек. Кто-то указал мне на замок Йоханнисберг (я еще никогда там не была); издали он выглядел почти неповрежденным, только крыши нет. На самом же деле от него, разумеется, ничего не осталось. Потом был Майнц, который, говорят, разрушен на 80 процентов. Во Франкфурте я опять пересела на другой поезд. На этот раз ехать было не так удобно: пришлось разместиться вместе с тремя другими девушками в туалете первого класса, зато двое студентов-итальянцев угощали нас сливами, орешками и английскими сигаретами. После еще двух пересадок, я наконец прибыла в Зигмаринген сегодня в 8.30 утра.

Воскресенье, 30 августа. Я заранее позвонила Константину Баварскому, и они послали на станцию человека помочь мне с багажом. Мы с ним дошли пешком до замка, который стоит на вершине скалы в самом центре маленького городка, и весь в крышах, фронтонах и башенках — совершенно как у пряничных замков из немецких волшебных сказок. Мы вошли в лифт у подножия скалы и поднялись этажей на девять. Экономка провела меня в мою комнату и принесла вареные яйца и персик. Я поспешно приняла ванну и прилегла, надеясь немного поспать, пока семья слушает мессу в часовне замка. Но орган играл так громко, что я не могла сомкнуть глаз, поэтому я занялась чтением списка гостей, в котором, похоже, целый сонм разных Гогенцоллернов и Виттельсбахов, по большей части пожилых.

В полдень я встала, оделась и, открыв дверь, увидела Константина, завязывающего галстук: его комната как раз напротив моей. Мы мило побеседовали, после чего он повел меня по бесконечным коридорам, вверх по лестнице, вниз по лестнице, снова вверх, пока мы наконец не оказались в так называемом «детском флигеле», где он собирался познакомить меня со своей невестой (я ее раньше не знала). Отовсюду появлялись жаждавшие быть представленными молодые люди, выглядевшие как маленькие эрцгерцоги из детских книжек — стройные, белокурые и прекрасно воспитанные братья и кузены невесты. С этой свитой мы дошли до ее гостиной. Оттуда мы все вместе проследовали в одну из зал, где собрались обе семьи. По дороге мы встретились с матерью невесты — хозяйкой дома; как мне показалось, она была одновременно и удивлена и обрадована, что я все-таки подоспела. Среди гостей, проживающих в замке — принц Луи-Фердинанд Прусский [*старший внук покойного кайзера*] и его русская жена Кира Кирилловна, бывший саксонский царствующий дом в полном составе, «Диди» Толстой (наш отдаленный кузен) и его сводный брат и сестра, Джорджи и Лелла Мекленбург, Хассели, Шницлеры, румынский посланник Босси и Макс Фюрстенберг с женой.

Нас пригласили к столу в так называемом Зале Предков. Я сидела рядом с Бобби Гогенцоллерном, старшим сыном брата-близнеца хозяина дома. С тех пор этот юный солдат двадцати одного года от роду, белокурый, голубоглазый, говорливый и трогательный, не отставал от меня. За нашим столиком сидел еще брат Константина Саша, очень застенчивый и «благопристойный» — точная копия императора австрийского Франца-Иосифа в молодые годы (что не удивительно, поскольку он его праправнук).

Некий принц Альберт Гогенцоллерн, служащий в румынской армии офицером связи, долго беседовал со мной о Крыме, где он только что был. Он побывал в Алупке, Гаспре и других тамошних бывших усадьбах наших родственников и застал их в прекрасном состоянии. Он восхищался русскими и особенно русскими женщинами, которые, по его словам, проявляют поразительную храбрость, достоинство и стойкость. Как приятно это слышать!

После обеда мы прошлись по террасам на крышах, а потом Бобби устроил мне экскурсию по замку, в котором, похоже, подвалов и чердаков не меньше, чем комнат. Поскольку из каждой двери то и дело кто-то появляется, замок похож на гигантский отель, превосходно обслуживаемый множеством слуг в нарядных разукрашенных ливреях и кишащий гостями, с которыми я постепенно знакомлюсь. Довольно-таки необычная атмосфера, если учесть, что уже третий год идет война!.. У нашего хозяина, принца Гогенцоллерна-Зигмарингена, и у его брата-

близнеца Франца-Иосифа по три сына, четверо из шестерых более или менее взрослые; еще двое, прелестно выглядящие в итонских воротничках, будут нести шлейф невесты. Пока что они занимаются тем, что провожают меня в мою комнату и обратно. «Вы только позвоните на детский этаж и вызовите нас, мы мигом примчимся за вами!» Что я и делаю, поскольку тут немудрено заблудиться.

Потом мы пошли осматривать свадебные подарки. После чая мы, младшее поколение, схватили купальные принадлежности и помчались через город и поля к Дунаю, который в этих местах еще совсем узок и вода едва доходит до плеч. Там уже купался герцог Луитпольд Баварский (*ин* Байерн, чтобы не путать с царствующим домом *фон* Байерн) — пожилой спортсмен, «последний в роде»; мы лежали в траве и болтали с ним, пока не настало время бежать обратно переодеваться к ужину.

Последовала жестокая борьба за ванную комнату (на нашем этаже есть только одна). Пока мы одевались, то и дело заходили мужчины, чтобы мы помогли им завязать галстук или напудрить свежевыбритый подбородок — все очень по-семейному и *gemütlich* [уютно]. В конце концов мы выпроводили Константина и смогли закончить собственные приготовления. Старшее поколение застали уже в одной из гостиных, дамы были все в драгоценностях, большинство мужчин в форме, некоторые времен до Первой мировой войны, и те и другие в орденах. Брат хозяина дома был в адмиральском мундире, Луи-Фердинанд Прусский — в форме офицера люфтваффе с желтой лентой ордена Черного Орла. Все выглядели весьма внушительно!

По данному сигналу мы встали парами с назначенными нам кавалерами и торжественно направились в обеденные залы: новобрачные, их ближайшие родственники и «знать» разместились за длинным столом в Зале Предков, а остальные за столиками в соседнем Королевском Зале. Я сидела между братом Бобби Майнрадом и послом фон Хасселем. В разгаре ужина Луи-Фердинанд встал и произнес речь от имени своего отца, кронпринца. Он говорил о тесных узах, всегда связывавших две ветви дома Гогенцоллернов — Северную и Южную — и, повернувшись к молодежи в нашем зале, сказал, что «все эти прекрасные молодые люди — живая гарантия того, что Южная ветвь будет попрежнему процветать, как процветает Северная».

После ужина мы собрались в другом зале послушать, как местный церковный хор поет здравицу новобрачным. Во время исполнения многие гости потихоньку ушли. Я осталась, так как пели очень хорошо, и все это показалось мне очень трогательным. Константин выступил с краткой благодарственной речью, и мы, молодое поколение, отправились в другой, более отдаленный, зал потанцевать (хотя ввиду войны хозяева дома нам запретили это

делать). Но мы рано разошлись, так как завтрашний день обещает быть долгим и утомительным.

Понедельник, 31 августа. Константин Баварский разбудил меня в семь, а потом ушел исповедоваться и причаститься. После торопливого завтрака мы помчались обратно наверх надеть шляпки. Мы были в коротких платьях, я — в своем зеленом, с прелестной шляпкой. Мужчины были в белых галстуках или в форме, со всеми своими орденами и лентами. Ровно в 10 утра мы двинулись в путь, опять парами, я под руку с Диди Толстым. Медленно и торжественно процессия, — впереди гости, позади новобрачные и ближайшие родственники ,— проследовала сначала по территории замка, через многочисленные дворы, затем вниз по широкому наклонному спуску, через городок к церкви. На улицах выстроилась, должно быть, вся округа: всем хотелось посмотреть. Полно было и фотографов с кинохроникерами. Церемония продолжалась почти два часа, из-за нескончаемой речи епископа, посвященной главным образом восхвалению христианских добродетелей прошлых поколений обоих семейств. Была зачитана телеграмма от папы Пия XII, после чего началась очень красивая торжественная месса с прекрасным пением и токкатой Баха. Когда она закончилась, мы отправились обратно в замок, на этот раз в противоположном порядке: новобрачные и родные впереди, гости позади — и тут всерьез принялись за работу фотографы и кинооператоры. Я вышла из процессии и тоже сделала несколько снимков.

Когда мы прибыли обратно в замок, то увидели, что главная приемная полна народу, пришедшего поздравить новобрачных, причем каждая комната была отведена той или иной группе в зависимости от статуса, т.е. местные официальные лица — в одной комнате, персонал — в другой, посторонние гости — в третьей, мы, проживающие в замке, — в четвертой. Завтрак — настоящий банкет — давался в так называемой Португальской комнате (получившей свое название за великолепные гобелены). Меню было изумительное: крабовый коктейль, волованы с икрой, вина совершенно сказочные. Я сидела между Франци Зеефридом (кузеном Константина) и румынским посланником Босси, причем последний был в полной дипломатической форме с золотым галуном, а под стулом у него красовалась шляпа с перьями. Отец невесты выступил с речью; в ответ взял слово отец Константина, принц Адальберт Баварский (у него чудесный голос, и он очень просто держится), а затем встал старший сын хозяина дома, которому восемнадцать лет, и сказал: «Хотя ты больше не одна из нас, мы, молодые, всегда будем с тобой (подразумевая свою сестру)!» — после чего он стал зачитывать телеграммы, которых пришли десятки. Потом началось подписание индивидуальных меню; мое испещрено такими именами, как «Бобби», «Фрици»,

«Саша», «Вилли», «Дядя Альберт» и т.п. и вдруг — написанное детским почерком огромное одинокое «Гогенцоллерн». Как потом оказалось, это был самый младший брат невесты, которому девять лет!

После обеда мы улизнули купаться. Ужин опять давался за маленькими столиками, но на сей раз в коротких платьях и без новобрачных, которые к тому времени уже уехали в краткое свадебное путешествие на Вертерзее. Я ушла к себе очень рано, так как страшно устала.

Не успела я лечь в постель, как в дверь постучали и явились так называемый «наследный принц Саксонский» и второй сын хозяина дома. Они забрались в кресла и попросили разрешения посидеть поболтать: *«So gemütlich!»* [«Так уютно!»]. Первый, шестнадцатилетний Мария-Эммануил, попросил меня найти ему невесту, поскольку он считает, что его династические обязательства (хотя саксонская династия была низвергнута в 1918 году!) настоятельно требуют от него завести семью заблаговременно. Я высказала мнение, что большинство его потенциальных невест, должно быть, пока еще лепят пирожки из песка; он с грустью согласился, и вскоре они ушли восвояси.

БЕРЛИН. *Вторник, 1 сентября.* Так как к этому времени большинство из гостивших в доме уже уехало, мы обедали за одним длинным столом. Я сидела рядом с Луи-Фердинандом Прусским, который очень хорошо расположен ко всему русскому и мило говорил о нашей стране. Он живой и умен. Накануне я долго беседовала с его женой Кирой; ее отец, великий князь Кирилл Владимирович, его братья и сестра выросли вместе с нашим Папá.

После чая был еще один раунд фотографирования, после чего хозяева дома проводили нас до станции, где Диди Толстой, Джорджи Мекленбург, Франци Зеефрид и я сели на ночной поезд до Берлина.

Поскольку эта свадьба, возможно, последнее событие такого рода до конца войны (а Бог весть, как Европа будет выглядеть после этого!), я берегу программу. Она гласит:

Церемония бракосочетания
Ее Высочества принцессы Марии-Адельгунде Гогенцоллерн
с Его Королевским Высочеством принцем
Константином Баварским
Замок Зигмаринген, 31 августа 1942 года

Воскресенье, 30 августа 1942 года:

День рождения Его Королевского высочества князя и Его Высочества Принца Франца-Иосифа Гогенцоллерна

8.15: Святое Причастие в часовне замка.

8.30: Поздравления в Королевской комнате, затем завтрак в Зале Предков.

9.30: Торжественная месса в городской церкви, затем поздравления официальных лиц двора и мэрии в гостиной Е.К.В., от персонала — в Акварельной комнате.

13.00: Обед в Зале Предков и Королевской комнате.

16.00: Гражданское бракосочетание в Красной гостиной.

16.30: Чай в Старонемецком зале.

20.00: Ужин в Зале Предков и Королевской комнате. Гости собираются в Зеленой и Черной гостиных.

Мужчины — в белых галстуках или в полной парадной форме с орденами и лентами; дамы — с ювелиями и орденами, без лент, без тиар.

21.00: Прием по случаю кануна бракосочетания.

21.30: Здравица церковного хора во Французском зале.

Понедельник, 31 августа — день бракосочетания:

8.15: Святое Причастие в часовне замка.

8.30: Завтрак в Зале Предков и Королевской комнате.

10.00: Гости собираются в Зеленой и Черной гостиных.

10.15: Шествие в городскую церковь.

10.30: Церемония венчания и торжественная месса в городской церкви.

После церемонии — поздравления:

1. Персонал — Королевская комната
2. Официальные лица — Зал Предков
3. Посторонние гости — Французская гостиная
4. Родственники и гости, проживающие в замке, — Зеленая и Черная гостиные.

13.30: Свадебный обед в Португальской галерее. Гости собираются в Зеленой и Черной гостиной.

Мужчины — в белом галстуке или полной парадной форме с орденами и лентами; дамы — короткие платья со шляпкой, с ювелиями и орденами, без лент.

16.30: Чай в Старонемецком зале.

17.30: Отъезд новобрачных.

Зигмаринген приобрел на краткий период в конце войны сомнительную известность как «Временное местопребывание французского правительства». Здесь, после освобождения Франции, отсиживались в последние месяцы схватки маршал Петен и кучка дискредитировавших себя коллаборационистов.

Среда, 2 сентября. Наскоро позавтракав с Татьяной, я отправилась на работу; я слегка побаивалась, так как просрочила свой

отпуск на трое суток. Но теперь, когда все время бомбят железные дороги, на такое обычно смотрят сквозь пальцы.

Пятница, 4 сентября. После обеда — в столовке — ходила с Татьяной на фильм «ГПУ». Он очень неплох. Но показывали еще и длинную хронику о недавней попытке морского десанта союзников в Дьеппе, и тут нам чуть дурно не сделалось: час и другой подряд сплошные крупные планы развороченных, искромсанных тел. Как только встречу кого-нибудь из тех, кто занимается немецкой кинохроникой, я им откровенно выскажу все, что я об этом думаю. В стольких странах почти каждый уже потерял брата, или сына, или отца, или возлюбленного, а они все показывают эти ужасы — якобы для того, чтобы поднять боевой дух своих граждан. Это не только отвратительно, это просто глупо: ведь эффект получается прямо противоположный. А уж за границей показ таких фильмов будет и вовсе позором. И поделом!

Чтобы испытать германскую оборону вдоль «Атлантического вала», а заодно и собственную тактику высадки, союзники предприняли 19 августа 1942 г. морской десант на город Дьепп. В десанте участвовало около 6000 человек, в основном канадцев, и закончился он полной катастрофой. Почти ни одной из целей достичь не удалось, три четверти десантников было убито, ранено или взято в плен. Неудача этой операции обернулась легким пропагандистским триумфом для немцев. Однако горькие уроки Дьеппа были надлежащим образом учтены союзниками при планировании высадки в Нормандии в июне 1944 г.

Мы сильно проголодались и из кино отправились в отель «Эден», где застали Бурхарда Прусского, Георга-Вильгельма Ганноверского и Вельчеков. Мы с ними поужинали и пошли пить кофе к сестрам Вреде.

Немецкое наступление на юге России наращивает темпы. Похоже, что они хотят отрезать Кавказ.

Немецким войскам понадобилось шесть месяцев, чтобы оправиться от поражений, которые они потерпели предшествующей зимой. Но в июне 1942 г. они возобновили наступление с новой силой с целью овладеть нефтепромыслами Северного Кавказа и достичь Волги. К середине сентября они подошли к Кавказу (впрочем, так и не сумев захватить отчаянно обороняемые нефтепромыслы), а 6-я армия генерала Паулюса взяла в кольцо Сталинград. Эти успехи ознаменовали момент наивысшего могущества нацистского режима.

Однако с каждым месяцем сопротивление русских нарастало. Теперь они не просто храбро сражались, как всегда; они научились умело отступать. Ушли в прошлое глубокие прорывы немцев, крупномасштабные

окружения с миллионами пленных; отныне немцы одерживали лишь местные тактические успехи все более и более оборонительного характера в борьбе со все более сильным, все лучше руководимым, все более уверенным в себе противником. В тылу немцам не давали покоя партизаны. Массовая гибель от голода и жестокого обращения заключенных в немецких лагерях (к марту 1942 года погибло более 2,5 миллиона военнопленных!), зверства завоевателей на оккупированных территориях и бессмысленное истребление гражданского населения, — в то время, как Сталин апеллировал к патриотическим чувствам населения во имя защиты Российской Отчизны (но заодно усиливалась и беспощадная расправа с колеблющимися и с дезертирами Красной Армии); многовековая ненависть россиян к любому завоевателю и традиционные добродетели российских воинов — терпение, стойкость, выносливость и безграничное мужество — все это вместе взятое начинало сплачивать россиян вокруг их вождей, независимо от того, как они относились к коммунистической власти. Более того, менялись чувства и у многих зарубежных русских беженцев, в том числе и у матери Мисси.

Суббота, 5 сентября. Мама́ читала мне письмо, только что полученное из Рима от Ирины, которая рассказывает, как погиб Хуго Виндиш-Грец. Он испытывал новый самолет, а тот неожиданно распался в воздухе, и его выбросило. Нашли его совершенно изуродованным, без одной ноги. Его мать Лотти едва успела приехать на похороны. Хорошо, что тут же был Карло Робилант, поддержавший Мукки, брата-близнеца покойного, который в полном отчаянии: всю свою недолгую жизнь они были самыми близкими друзьями, и я опасаюсь, как бы теперь, когда Хуго нет, Мукки что-нибудь с собой не сделал. На похоронах, пишет Ирина, он в течение всей службы стоял на коленях у гроба, гладил его и как бы разговаривал с усопшим. Сердце просто разрывается... Весь остаток дня я проплакала и пришла домой совершенно измотанная.

Вечером мы ужинали у Шаумбургов — теплый, непринужденный вечер в обществе всех наших ближайших друзей. Но сердцем я просто не могла быть с ними. Как мало радости осталось сейчас в душе! Почти ежедневно слышишь: то этот убит, то тот. Список становится все длиннее и длиннее...

В конце сентября брат Мисси Джорджи уехал из Берлина в Париж. В октябре 1942 года удалось поехать в Париж и самой Мисси: формально с целью изучения находящихся там немецких фотоархивов, а на самом деле ради того, чтобы присмотреть за Джорджи и проведать живущих там кузенов. В двух письмах к матери она делится впечатлениями от поездки и сообщает, чем встретил ее Берлин по возвращении.

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 30 октября 1942 года:

«В Париже было чудесно, на улице гораздо теплее, чем здесь. Но нигде нет отопления, и в результате я слегла с прегадким кашлем, который до сих пор не прошел, а у Джорджи начался сорокоградусный жар на следующий же день после того, как я устроила его к себе в отель (без этого мы не могли бы видеться).

Город, как всегда, прекрасен: листья желтеют, осень едва начинается. Я всюду ходила пешком, чтобы вдоволь налюбоваться. Жизнь пока еще очень хороша, если на то есть средства. Не то чтобы все было так уж дорого; но за приличный обед (скажем, с устрицами, вином, сыром и фруктами плюс чаевые) приходится выложить примерно по сто франков с человека; впрочем, это ведь всего пять марок... Много превосходных спектаклей, мы с Джорджи много ходили в театр, и вообще там все гораздо живее, веселее и оптимистичнее, чем в Берлине.

У Джорджи неплохая комната в пансионе вблизи рю де л'Юниверсите, зимой там будут топить — редкое преимущество. Похоже, он вполне устроился...

На днях мы с ним ездили в Сен-Жермен-ан-Ле выяснить, что стало с сундуками, которые мы оставили у Бойдов [*английских друзей*] до войны и в которых, среди прочего, находилась часть семейной библиотеки XVIII века, вывезенной из Литвы. Сейчас дом реквизирован расположенным по соседству немецким военным госпиталем, так что принимал нас некий д-р Зоннтаг, обаятельный баварец, возглавляющий все медицинские службы в оккупированной Франции. Оказалось, что он и сам коллекционер-любитель. Он держался с нами в высшей степени любезно и предупредительно, выдал нам перчатки и фартуки, чтобы мы не перепачкались, распаковывая наши вещи, и назначил нам в помощь ординарца. А когда мы закончили, он угостил нас превосходным чаем у пылающего камина и провел нас по дому (который находится в безупречном состоянии), чтобы Джорджи мог успокоить старого мистера Бойда, пребывающего, как выяснилось, неподалеку в доме для престарелых.

После того как Джорджи заново упаковал сундуки, перевязав их веревками и запечатав фамильной печатью, д-р Зоннтаг обещал взять чердак, где они стоят, «под покровительство германского вермахта»; и как только Джорджи найдет в Париже место для их хранения, их перевезут туда на немецком военном грузовике.

Кстати, Джорджи настоятельно просит, чтобы мы получили у берлинских властей документ, удостоверяющий, что перед отъездом ему не выдавали продуктовых карточек; без такого документа ему не дают их в Париже, и он вынужден все покупать на черном рынке; а это, разумеется, вдесятеро дороже».

Мисси и Джорджи суждено было больше не видеться вплоть до самого конца войны.

Мисси из Берлина — матери в замок Кенигсварт, 3 ноября 1942 года:

«Пренеприятный сюрприз: мне сократили жалованье. Теперь я получаю, после всех вычетов, всего 310 марок. Поскольку в таком же положении оказались и все остальные, я не вправе протестовать. Но новая квартира стоит 100 марок, еще 100 уйдет на мебель, а сколько еще платить за отопление, телефон, электричество, стирку, еду и прочее! Придется подыскать жильца».

19 ноября, т.е. через две недели после этой последней записи Мисси за 1942 г., русские защитники Сталинграда перешли в наступление и через пять дней успешно отрезали двадцать дивизий 6-й армии генерала Паулюса. 2 февраля 1943 г., после одного из самых продолжительных и кровопролитных сражений в современной военной истории, остатки армии Паулюса — около 91 тыс. человек — сдались. Из них лишь около 6 тыс. со временем вернулись на родину. Сталинградская победа стала поворотным пунктом войны в Европе. С этого момента, под предводительством плеяды преимущественно новых, молодых, талантливых военачальников, российская армия практически все время сохраняла за собой наступательную инициативу, пока в мае 1945 г. Германия не капитулировала.

Но ситуация менялась также и на Дальнем Востоке, и на Западе. 4 июня 1942 г. вблизи острова Мидуэй японский флот потерпел первое крупное поражение, утратив тем самым господство над Тихим океаном. В Северной Африке сражение при Эль-Аламейне (октябрь—ноябрь 1942 г.) закончилось разгромом прославленного «африканского корпуса» фельдмаршала Роммеля; в мае его остатки сложили оружие в Тунисе. 8 ноября, т.е. как раз когда началось контрнаступление российских войск под Сталинградом, союзники высадились уже во французской Северной Африке, на что немцы отреагировали оккупацией вишистской Франции. А в июле 1943 г. союзные войска начали военные действия в Сицилии, положив начало процессу освобождения Западной Европы, кульминацией которого стала высадка во Франции в июне 1944 г.

На протяжении первых двух лет войны английская авиация не могла ни численно, ни технически вести крупные операции в воздушном пространстве противника. Более того, дневные бомбардировки военных целей без эскорта истребителей, — а дальние истребители появились лишь значительно позже в ходе войны, — оказались столь дорогостоящими, что в ноябре 1941 г. их прекратили, заменив спорадическими ночными налетами, губительными главным образом для гражданского населения. Однако

в феврале 1942 г. командиром бомбардировочной авиации британского Королевского военно-воздушного флота (РАФ) был назначен маршал авиации Артур Харрис, получивший от Кабинета приказ начать систематические операции против городов Германии, «имея в виду прежде всего устрашение гражданского населения и особенно персонала промышленных предприятий». Харрис полагал (как выяснилось, ошибочно), что если на один и тот же город ночь за ночью, целыми неделями, сбрасывать новые мощные бомбы от 4 тысяч до 8 тысяч фунтов весом каждая, с многих сотен самолетов, то враг будет буквально ошеломлен и попросит пощады. В последующие два года все крупные города Германии и Австрии, а также многие города в других странах оккупированной Европы были превращены в пепелища. Потери гражданского населения составили около 600 тыс. человек (против 62 тыс. в самой Англии!). Вскоре ужасы бомбежек начнут все чаще упоминаться в дневнике Мисси, пока они не станут одной из главных его тем.

Германия отреагировала на радикально изменившуюся ситуацию рядом мер, в результате которых последние остатки порядочности постепенно уступили место грубой силе.

1 сентября 1941 г. появился декрет, предписывающий всем евреям носить желтую звезду. 20 января 1942 г. на сверхсекретном совещании в Ваннзее были выработаны основные положения так называемого «окончательного решения еврейского вопроса», после чего уничтожение евреев, а позже цыган и представителей других национальностей, объявленных «недочеловеками», из беспорядочно-случайного сделалось последовательным, методическим, научным, и значительная часть германских ресурсов и организационных умений переключилась с ведения войны на истребление невинных людей. 26 августа 1942 г. марионеточный Рейхстаг проголосовал за предоставление Гитлеру дискреционных полномочий по осуществлению правосудия. В преамбуле к закону говорилось: «В настоящее время в Германии нет больше прав, есть только обязанности...» Через несколько дней в своем еженедельнике «Дас Рейх» Геббельс разъяснил, что теперь будет: «Буржуазная эра, с ее ложным и дезориентирующим понятием гуманности, закончилась...» Впредь двери в варварство распахнутся настежь.

К тому времени радикально изменилась и повседневная жизнь в Берлине. За вступлением США в войну последовал массовый выезд латиноамериканских дипломатических миссий, служивших до тех пор последним бастионом светской жизни в столице Рейха. А так как на Восточном фронте германские войска несли тяжелые потери, коснувшиеся практически каждой немецкой семьи, для беспечного веселья и подавно не оставалось места. Отныне каждодневные усилия Мисси и ее друзей — по крайней мере тех из них, кто не находился на фронте, — сосредоточатся главным образом на выживании — физическом, но также и нравственном, на том, чтобы устоять перед голодом, бомбами союзников, но в

дальнейшем и перед все усугубляющейся политической тиранией и преследованиями.
Совершенно неожиданным (принимая во внимание происходившее вокруг) может показаться одно из писем Мисси, отправленное из Кицбюэля матери, где описывается короткий отпуск, проведенный ею с Татьяной в начале 1943 г.

Мисси из Кицбюэля — матери в замок Кенигсварт, 8 февраля 1943 года:

«Мы с Татьяной здесь уже неделю и чувствуем себя прекрасно отдохнувшими. Мы ведем здоровый образ жизни — ложимся спать в 9 вечера, встаем в 8.30 утра. У нас прекрасная комната, с горячей и холодной водой, хотя без ванны. Мы должны сами покупать себе продукты на завтрак, так что обычно питаемся в городе в чудесном ресторанчике под названием «Киццо». Еда очень питательная (шницели, изумительный сыр, различные фруктовые торты и т.п.) и подается большими порциями. Город фактически представляет собой большую деревню с разноцветными домами, черепичными крышами и единственной главной улицей, где много прелестных кафе и магазинов.

Высота здесь всего 800 метров, но в хорошую погоду мы поднимаемся по канатной дороге еще на 900 метров. Там мы лежим на солнце на большой террасе, откуда остальные спускаются в долину на лыжах (мы этого не делаем). С лыжниками все время происходят несчастные случаи — обычно они попадают лыжными палками друг другу в лицо. И я учусь кататься на лыжах и делаю успехи. То и дело падаю, но без особого вреда для себя.

Мы почти ничего не знаем о политической ситуации, так как сюда доходят лишь немногие газеты, да и те мгновенно раскупаются. Если бы не сестры Вреде, которые систематически посылают нам газетные вырезки, мы и не знали бы, что происходит...»

Пару месяцев спустя, в апреле 1943 г., немцы объявили об обнаружении в лесу близ Катыни, под Смоленском, массового захоронения, содержащего останки примерно 4400 польских офицеров, взятых в плен Советами в ходе краткой польской кампании осенью 1939 г. Все были убиты выстрелом в затылок. Впоследствии дневник Мисси прольет новый свет на этот эпизод.

Происходили, однако, и другие события — уже в самой Германии, — которым предстояло самым драматическим образом сказаться на жизни Мисси и жизни ее ближайших друзей: набирало ход движение антинацистского Сопротивления.
Уже весной 1939 г., когда Гитлер объявил о своем намерении начать войну, влиятельные круги в самих вооруженных силах, но также и за

пределами их, стали подумывать о том, как положить конец тому, что они считали и преступлением, и безумием, — путем свержения фюрера и даже его физического устранения. Но по мере того как Германия одерживала победу за победой, ряды заговорщиков редели — за счет предательств, смещений, арестов и даже казней. Сам Гитлер, казалось, был заговорен от гибели: все попытки убить его кончались ничем. И не помогло участникам Сопротивления требование о безоговорочной капитуляции Германии, выдвинутое союзниками на Касабланкской конференции в январе 1943 г. Лишь постоянные уже немецкие поражения на Восточном фронте и последовавшая вскоре высадка союзников в Италии, а затем во Франции, вкупе с неуклонным ростом власти СС и непрестанным ужесточением нацистской политики и методов ведения войны (что возмущало самых благородных представителей германских вооруженных сил), придали весомость и срочность планам новой группы заговорщиков, со многими из которых Мисси почти ежедневно общалась.

И теперь ее регулярный дневник возобновляется.

1943

ИЮЛЬ—ДЕКАБРЬ

БЕРЛИН. *Вторник, 20 июля.* Только что виделась с сестрами Вреде, они решили переехать в Байрейт. Они не одиноки в своем желании покинуть столицу. К тому же после того, как их единственный брат Эдди был убит в самом начале русской кампании, они стали метаться. Обе — медсестры Красного Креста и легко могут устроиться на работу в другом городе.

Из Москвы начал передачи некий «Комитет свободной Германии». Реакция некоторых моих здешних друзей: «Вот что мы должны были делать в России с самого начала!»

12 июля 1943 г. в лагере военнопленных в Красногорске (возле Москвы) был создан «Национальный комитет за свободную Германию». Его первый манифест, обнародованный неделей спустя, призывал немецкий народ и вермахт восстать против Гитлера. Помимо нескольких ветеранов-коммунистов (например, Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта), в него входил ряд генералов, взятых в плен под Сталинградом, в том числе фельдмаршал Паулюс и генерал фон Зейдлиц-Курцбах. Но ввиду страха

немецких солдат перед советским пленом успех призывов комитета был относительным, и хотя его члены-коммунисты оказались в числе основателей будущей Германской Демократической Республики, он не сыграл никакой роли в послевоенной организации советской зоны оккупации Германии.

Четверг, 21 июля. Обедала с Бурхардом Прусским, он теперь штатский: его, как и всех принцев королевской крови, вышвырнули из армии. Он надеется получить работу в промышленности, но это будет нелегко. Он типичный представитель порядочного немецкого офицерства «старой школы», и его обучали только в расчете на военную карьеру.

После того как в 1940 г. в ходе кампании на Западе был смертельно ранен принц Вильгельм Прусский, старший сын кронпринца, все члены бывших правящих домов Германии были отозваны с фронта. Позже их вообще уволили из вермахта. Эти меры, принятые нацистами с целью предотвратить взлет монархических настроений, который мог бы последовать за гибелью «на поле брани» столь заметных лиц, сыграли в действительности прямо противоположную роль: они спасли жизнь одной из наиболее ненавидимых нацистами общественных групп.

Воскресенье, 25 июля. Сегодня по дороге в Потсдам встретила Анри («Дуду») де Вандевра, одного из многих молодых французов, работающих теперь в Германии. Его брат Филипп был отправлен сюда насильно вишистским СТО, а Дуду поехал вслед за ним, чтобы не расставаться. Здесь они половину своего времени тратят на подметание коридоров «Дойчер ферлаг» (крупного немецкого издательства), а в остальное время «изучают» жизнь в Германии вообще. Оба исключительно умны и считают все это дурацкой, но и забавной затеей.

4 сентября 1942 г. вишистское правительство учредило так называемую Service du Travail Obligatoire, сокращенно STO (обязательную трудовую повинность). После этого все французы призывного возраста (некоторое число из которых ранее по системе «releve» («смены») добровольно вызвались работать в Германии, чтобы дать тем самым возможность вернуться домой части уже немолодых военнопленных) были принуждены это делать в обязательном порядке. Эта мера, которой, естественно, воспротивились тысячи юношей, более чем что-либо способствовала распространению так называемых «maquis» («маки») — центров партизанского сопротивления в сравнительно отдаленных районах страны.

Ночевала в отеле «Эден» с Татьяной, которая приехала на несколько дней. Звонила Мамá, сообщили ей об отставке и аресте Муссолини. Теперь в Италии у власти Бадольо.

10 июля союзники высадились в Сицилии. Спустя две недели, 24—25 июля, Высший фашистский совет Италии предложил королю Виктору Эммануилу III вновь взять на себя всю полноту власти, после чего Муссолини подал в отставку и был незамедлительно арестован по приказу короля и интернирован в горах Абруцци. Сформировать правительство было поручено маршалу Бадольо, бывшему начальнику Генерального штаба и вице-королю Эфиопии.

Вторник, 27 июля. Татьяна поехала в Дрезден лечиться вместе с Марией-Пиляр Ойарсабаль. Идя обедать, мы обнаружили, что за нами следует какой-то мужчина, он пересел с трамвая на автобус и не отставал от нас. Мы встревожились и попытались было избавиться от него, войдя в какой-то дом, но он ожидал нас снаружи, когда мы вышли. В конце концов он пристал ко мне и заявил, что ему не нравится, что мы говорим по-французски. Раньше такого не случалось, но усиливающиеся бомбежки всех ожесточили.

Среда, 28 июля. Гамбург бомбят каждый день. Очень много жертв, разрушений уже так много, что практически весь город эвакуируется. Рассказывают про маленьких детей, которые бродят по улицам, разыскивая пропавших родителей. Матери, по всей видимости, погибли, отцы на фронте, и опознать детишек некому. Кажется, за это взялась НСФ, но трудности огромные.

Во время налетов 24, 25, 26, 27, 29 июля и 2 августа на Гамбург было сброшено почти 9000 тонн бомб, которые оставили без крова более миллиона человек и убили, по разным оценкам, от 25 тыс. до 50 тыс. (во время столь нашумевшего немецкого блиц-налета на Ковентри погибло 554 человека!). В ходе налетов на Гамбург произошло множество «премьер»: впервые было применено круглосуточное бомбометание, когда американцы прилетали днем, а британцы ночью; впервые зажигательные бомбы использовались в таких масштабах, что создавали «огненные бури» — ураганные ветры, начинавшиеся спустя несколько часов после окончания налета и причинявшие больший ущерб, чем сами бомбы; и, наконец, в первый раз союзники применили «окна» — металлические ленточки, которые сбрасывались связками, чтобы нейтрализовать радары и зенитки противника.

Четверг, 29 июля. Пытаюсь уговорить Мамá уехать к Татьяне в Кенигсварт, но она отказывается, говоря, что может понадобиться мне здесь. Мне по нынешним временам было бы гораздо легче знать, что родители в безопасности, и не беспокоиться за них — особенно за Мамá, которой здесь угрожает вполне реальная личная опасность.

Из воспоминаний Мисси, записанных незадолго перед кончиной в 1978 году:

Осенью 1942 года Мама́ провела некоторое время у своей приятельницы Ольги Пюклер в Силезии, где оказался ее муж Карл-Фридрих, приехавший с русского фронта в отпуск. Союзники только что высадились в Северной Африке, и Мама́, как всегда, не стеснялась предсказывать то, что станет с Германией, если будет продолжаться ее теперешняя политика в России.

Через две недели в мою комнату в министерстве вошел Йозиас Ранцау, закрыл дверь и молча вручил мне копию письма, подписанного графом Пюклером и адресованного Гестапо. В нем было сказано примерно следующее: «Княгиня Васильчикова — подруга детства моей жены — настроена против нашей политики в России и критически отзывается о нашем отношении к военнопленным. У нее много влиятельных знакомых в лагере союзников, и сведения, которыми она может их снабдить, представляли бы опасность для Германии. Ее не следует выпускать из страны». Гестапо направило письмо в Министерство иностранных дел с указом не выдавать Мама́ выездную визу, если она ее запросит.

Во время войны в Германии подобный донос обычно приводил жертву в концлагерь. Йозиас сказал мне, что Мама́ ни в коем случае не должна пытаться уехать из Германии; самое разумное для нее было бы на некоторое время исчезнуть из виду, например, погостить у Татьяны в Кенигсварте, тем более что она уже начинала привлекать к себе «недоброжелательное внимание» своими усилиями по организации помощи советским военнопленным.

Мама́ всегда была ярой антикоммунисткой — что неудивительно, если принять во внимание, что двое ее братьев погибли в самом начале революции. Она придерживалась этой несгибаемой позиции двадцать лет, и дело дошло до того, что даже Гитлер виделся ей в благоприятном свете, согласно принципу «враги моих врагов — мои друзья». Когда она приехала в Берлин на свадьбу Татьяны в сентябре 1941 года, она еще надеялась, что немецкое вторжение в Россию приведет к массовому народному восстанию против коммунистической системы; после чего с немцами, в свою очередь, разделается возрожденная Россия. Так как она не жила в Германии сколько-нибудь длительное время при нацистах, ее было нелегко убедить, что Гитлер — не меньший злодей, чем Сталин. Мы же с Татьяной, успевшие уже некоторое время прожить в Германии, были свидетелями гнусного сговора между Гитлером и Сталиным с целью уничтожения Польши и из первых рук знали о немецких зверствах в этой стране; поэтому у нас не было подобных иллюзий.

Но по мере того, как становилось известно о тупой жестокости германской политики на оккупированных территориях СССР и множилось количество жертв как там, так и в лагерях русских военнопленных, любовь Мама́ к своей стране, усугублен-

ная ее скрытой изначальной германофобией, восходящей к годам ее работы медсестрой на фронтах Первой мировой войны, пересилила ее прежние бескомпромиссные антисоветские чувства, и она решила принять посильное участие в облегчении страданий ее соотечественников, и прежде всего русских военнопленных.

С помощью друзей она связалась с соответствующими учреждениями германского Верховного командования; она также установила контакт с Международным Красным Крестом в Женеве через представителя этой организации в Берлине д-ра Марти. В отличие от дореволюционной России, Советское правительство отказалось от предложенной помощи Международного Красного Креста. Это означало, что русские пленные, будучи в глазах своего правительства изменниками родины, предоставлялись собственной судьбе — в большинстве случаев голодной смерти.

Мамá обратилась и к своей тетушке, а моей крестной, графине Софье Владимировне Паниной, которая работала в Толстовском Фонде в Нью-Йорке. Кроме того, она втянула в эту деятельность двоих всемирно известных американских авиаконструкторов русского происхождения: Сикорского и Северского, а также русские православные церкви Северной и Южной Америки. Вскоре была создана специальная организация для помощи пленным, которой удалось собрать столько продуктов, одеял, одежды, лекарств и т.п., что для перевозки этого груза понадобилось несколько кораблей. К тому времени США вступили в войну, так что все это пришлось закупать в нейтральной Аргентине. Суда уже готовы были выйти в долгий рейс через кишащую немецкими подлодками Атлантику, как вдруг вся операция чуть было не сорвалась: дарители поставили одно лишь условие, а именно: чтобы распределение помощи в лагерях проводилось под надзором Международного Красного Креста. Германские военные власти дали на это согласие. Оставалось последнее: получить личное разрешение Гитлера. Когда Мамá в очередной раз навестила своего знакомого в Верховном командовании армии, он повел ее в близлежащий парк Тиргартен и там, вдали от любопытствующих ушей, сказал: «Мне стыдно в этом сознаться, но Фюрер сказал: «Нет! Никогда!» Однако Мамá не сдалась: «Хорошо, тогда я напишу маршалу Маннергейму. Он-то не скажет «Нет!» Что она незамедлительно и сделала. Барон Маннергейм, освободивший Финляндию от красных в 1918 г. и командовавший ныне финской армией, в прошлом был российским офицером-кавалергардом и хорошо знал нашу семью. Благодаря его влиянию, финские войска (в отличие от германских) всегда воевали с Советами благородно; со взятыми ими пленными обращались в строгом соответствии с Женевской конвенцией, и в результате большинство их выжило. Почти сразу же Мамá получила от Маннергейма сочувственный

ответ, и суда с грузом помощи направились в Швецию, откуда груз был быстро доставлен, под наблюдением Международного Красного Креста, военнопленным финских лагерей.

Воскресенье, 1 августа. Судьба Гамбурга вызывает здесь большое беспокойство. Прошлой ночью самолеты союзников разбросали листовки, призывающие всех берлинских женщин и детей немедленно покинуть город, — а так было и в Гамбурге перед началом налетов. Это звучит зловеще. Весьма возможно, теперь очередь за Берлином.

Вчера я работала в ночную смену. Всю вторую половину дня я ездила верхом в Потсдаме и появилась в конторе лишь в 11 вечера. Мои сослуживцы перед уходом пришли торжественно попрощаться со мной: они слышали, что ожидается налет. Однако же я проспала на диване до 9 утра. Потом я отправилась домой принимать ванну и завтракать. Но завтра я переезжаю к Бисмаркам в Потсдам, чтобы не находиться в городе по ночам.

Понедельник, 2 августа. Во всех домах появились наклейки, приказывающие жителям немедленно эвакуировать всех детей и тех женщин, которые не работают в военной промышленности. Все вокзалы кишат народом, и царит большой беспорядок, тем более что через Берлин сейчас проезжает множество беженцев из почти полностью разрушенного Гамбурга. Ходит еще слух, что правительственные учреждения будут также полностью эвакуированы, и нам велели укладываться, но я отношусь к этому не очень серьезно. Мама́ ночует теперь за городом у своей родственницы Ванды Блюхер; она наконец согласилась скоро уехать к Татьяне.

Обедала с послом фон Хасселем. Он рассказывал много интересного про Муссолини, которого он хорошо знал. Он сейчас на пенсии и пишет статьи на экономические темы, которые мне постоянно дает читать. Признаюсь, я в них мало что понимаю.

Затем я перетащила один чемодан в Потсдам, к Бисмаркам, и собиралась рано лечь спать. К сожалению, этому помешало внезапное появление хозяина дома, Готфрида, в сопровождении Лоремари Шенбург и графа Хельдорфа — главы берлинской полиции. Последний часто бывает у Готфрида, и они тут совещаются до поздней ночи. Все это очень шито-крыто, но Лоремари (которая также переселилась к Бисмаркам) держит меня в курсе того, что я окрестила «заговором». Она развивает бешеную активность, стараясь наладить связь между различными элементами оппозиции, причем часто действует опрометчиво и неосторожно. Готфрид же никогда не роняет ни слова.

Хельдорф сомневается, что налеты на Берлин начнутся в скором будущем.

Здесь Мисси впервые намекает на то, что стало потом известно под названием «Заговор 20 июля 1944 года».

В отличие от многих будущих его товарищей по заговору, граф Вольф-Хайнрих фон Хельдорф (1896—1944) был смолоду убежденным и деятельным членом нацистской партии. Когда кончилась Первая мировая война (в которой он в качестве младшего офицера очень отличился), он вступил в пресловутый «Фрайкор Россбах», состоявший из удальцов-головорезов из среды ветеранов-фронтовиков, которые посвятили себя борьбе с левыми элементами в начальный период Веймарской республики. По возвращении из временной эмиграции он вступил в нацистскую партию, где быстро продвинулся, стал генералом СА, был избран членом Рейхстага и с 1935 г. состоял главой берлинской полиции. Несмотря на это прошлое, у Хельдорфа, по-видимому, были серьезные сомнения насчет ряда мероприятий Гитлера, в частности, по поводу гонений на евреев, и это постепенно отдалило его от большинства товарищей по партии. Когда с ним познакомилась Мисси, он был уже одним из вождей антигитлеровского заговора.

Вторник, 3 августа. Сегодня к нам в Потсдам приезжали на ужин Вельфи и Георг-Вильгельм Ганноверские. Их мать — единственная дочь покойного кайзера. Готфрид Бисмарк настаивает на том, чтобы мы приглашали своих друзей сюда — частью, подозреваю, для того, чтобы он мог составить о них мнение, но также и потому, что он не хочет, чтобы мы допоздна оставались в городе. Поскольку было очень жарко, мы сидели, окунув ноги в фонтан.

КЕНИГСВАРТ. *Понедельник, 9 августа.* У меня был тяжелый день. Я собралась провести несколько дней у Татьяны в Кенигсварте, куда, слава Богу, наконец-то перебралась Мама́. Но без специального пропуска из столицы выезжать не разрешается, и мне пришлось сначала сесть на пригородный поезд, сойти на маленькой станции Нойштадт и уже там купить билет в Мариенбад. Лоремари Шенбург помогала мне тащить огромный чемодан с вещами, которые я хотела вывезти — главным образом фотоальбомы. Поезд был полон гамбуржцев, ехавших в своих обгоревших лохмотьях домой, так как они готовы скорей перебиваться кое-как в своих собственных развалинах, чем давать помыкать собой жителям тех городов, где они нашли временное убежище и где многие настроены по отношению к ним отнюдь не дружелюбно. Они выглядели как дикари и говорили без всякого стеснения. В поездах люди теперь вообще часто говорят вслух все, что они думают о нынешнем режиме. В Нойштадте я едва успела купить билет и сесть на обратный поезд в Берлин, где опять пришлось пересаживаться. И снова большая часть пассажиров оказалась из Гамбурга. У одной девочки была сильно обожжена рука, и она все время истерически смеялась. Я приехала в Кенигсварт в два часа ночи.

Вторник, 10 августа. Большую часть времени мы проводим в поездках по окрестным лесам и рассуждениях о том, что нам следует делать, «если и когда».

Суббота, 14 августа. Погода отвратительная, дождь льет не переставая. Татьяна уехала продолжать лечение в Дрездене. Пока Мамá совершает длительные прогулки, я отдыхаю. Когда живешь в деревне, совсем не знаешь, что происходит.

Разузнав, после долгих поисков, в каком лагере военнопленных находится двоюродный брат Мисси, молодой князь Иван («Джим») Вяземский, ее семье удалось выхлопотать у военного коменданта Берлина, генерала-лейтенанта фон Хазе (с семьей которого они дружили) разрешение время от времени посещать его в лагере. Здесь Мисси описывает один из этих визитов, причем читателя поразит, очевидно, почти рыцарское отношение немцев к своим западным пленным, по сравнению с ужасами, царившими в лагерях для советских пленных.

ДРЕЗДЕН. *Воскресенье, 15 августа.* После обеда я тоже поехала в Дрезден повидать Татьяну и навестить моего кузена Джима Вяземского, который находится в лагере для военнопленных неподалеку. Я захватила с собой немного вина для поддержания бодрости во время утомительной поездки, которая заняла больше десяти часов. Татьяна обещала выслать к станции автомобиль, но когда я приехала, было уже за полночь и автомобиля не оказалось, так что пришлось идти в клинику пешком через весь город. Недавно была объявлена воздушная тревога, и к тому же было полнолуние — все казалось зловещим. Я никогда раньше не бывала в Дрездене и страшно боялась попасть в какой-нибудь безымянный подвал, но в конце концов благополучно добралась до клиники. Татьяна выглядела скверно, за ней смотрела ночная сиделка. Меня положили на рахитичную кушетку, удлиненную с помощью двух стульев, которые все время разъезжались, но я так устала, что быстро уснула.

Понедельник, 16 августа. На рассвете отправилась в лагерь Джима Вяземского. Сперва меня не пускали на автобус: необходимы специальные путевые документы, но потом все уладилось. В случае нужды я предъявляю пропуск, подписанный нашим другом генералом фон Хазе, военным комендантом Берлина. На самом деле у него нет никакой власти над лагерями для военнопленных, но пока что его пропуск срабатывает на всю семью: мы ведь навещаем Джима по очереди.

Сойдя в какой-то деревне, я с полчаса шла полями. Лагерь Джима окружен колючей проволокой. У главного входа я вновь предъявила свой документ. Все прошло гладко. К сожалению, комендант лагеря, по-видимому, скучал и почти час болтал со мной, прежде чем вызвать Джима, а я ничего не могла делать,

боясь его обидеть. Но он, по-видимому, неплохой человек, и Джим подтвердил, что он всегда относится к нему прилично. Фактически он военный врач, а лагерь — что-то вроде полевого госпиталя, где пленные всех национальностей содержатся временно, в ожидании перевода в постоянные лагеря.

Пока его денщик готовил для нас пикник, мы с Джимом сидели в кабинете коменданта, который тот любезно предоставил нам на время моего визита. Потом мы вышли из лагеря и пешком отправились к месту нашего пикника. Мимо проезжали машины с немецкими военными, но никто не обращал внимания на женщину, гуляющую по лесу с французским офицером в форме. Это показалось нам в высшей степени курьезным.

Джим с головой ушел в работу, он выполняет обязанности переводчика с английского, русского, немецкого, французского, польского и сербского. Чувство, что он здесь нужен, не дает ему особенно думать о побеге. Всю жизнь у него некрасиво торчали уши, а теперь он решил воспользоваться вынужденным досугом, чтобы подвергнуться операции и выправить их. Выглядит он хорошо, и у него прекрасное настроение. У них есть потайной радиоприемник, так что они хорошо информированы. Оказывается, каждую ночь в бараках вслух читаются военные сводки союзников.

Наш пикник состоял из тушенки, сардин, горошка, масла и кофе — всего этого мы, «штатские», не видели уже очень давно. Я принесла с собой жареного цыпленка и шампанское от Татьяны, а Джим подарил мне чай и пластинку с записью симфонии Чайковского «Манфред». На остановке автобуса он меня на прощанье поцеловал, что вызвало у одного пассажира вопрос: не невеста ли я французского офицера?

Провела еще одну ночь у Татьяны в клинике. Она поправляется, но каждый раз, когда я говорю ей что-нибудь ободряющее, она плачет от боли. Говорят, что ночью я так кричала, что сиделке пришлось дать мне успокоительное. Она говорит, что это все берлинские воздушные налеты...

БЕРЛИН. *Вторник, 17 августа.* На обратном пути в Берлин и Потсдам поезд был так переполнен, что я всю дорогу стояла.

Среда, 18 августа. Сегодня вечером у Бисмарков я долго разговаривала с Хайнрихом Сайн-Витгенштейном, которого отозвали из России, чтобы оборонять Берлин. На его счету уже шестьдесят три сбитых вражеских бомбардировщика; по своим боевым успехам он второй в Германии ночной летчик-истребитель. Но из-за того, что он князь и не разделяет их идеологии (он потомок знаменитого русского фельдмаршала Витгенштейна эпохи наполеоновских войн), власти не дают ему ходу и его подвиги замалчиваются. Я давно не встречала такого симпатичного и чуткого человека. Мы познакомились два года назад, и он стал

одним из моих самых близких друзей. Он вырос в Швейцарии и совсем не знал Германии; я всюду брала его с собой, и все мои друзья были от него в восторге.

Пятница, 20 августа. Ужасно жарко, поэтому после работы мы поехали в гольф-клуб, где Лоремари Шенбург, Хайнрих Витгенштейн и я сидели на площадке и строили планы на будущее. Мы обсуждали, что мы станем делать, когда все рухнет и «власти» начнут расправляться с «несочувствующими» — например, залезем к Хайнриху в самолет и полетим куда-нибудь в Колумбию. Вопрос о том, хватит ли у нас горючего для перелета через Атлантику, остался нерешенным. У Лоремари в Боготе есть двоюродный брат, за которого она подумывает когда-нибудь выйти замуж. Так что она убила бы одним выстрелом двух зайцев.

*Понедельник, 23 август*а. Лоремари Шенбург не пошла на работу под видом того, что перегрелась на солнце, а поскольку и я чувствовала себя неважно, мы решили отправиться на велосипедах в Вердер попытаться купить фруктов. Взяли с собой рюкзак. Когда мы приехали, к нам присоединился какой-то тип с корзиной; он сказал, что тоже хочет купить фруктов. В конце концов мы достучались до одного фермера, который согласился продать нам пятнадцать фунтов яблок. Пока я сокрушалась, что пятьдесят пфеннигов за фунт — это дороговато, наш спутник помогал мне укрепить рюкзак на велосипеде. К нашему изумлению, когда мы вышли из фруктового сада и пробирались через посадки помидоров, он предъявил документ, удостоверяющий, что он служит в бюро по контролю над ценами, и объявил, что нас надули, что он сообщит об этом куда следует и что нам придется свидетельствовать против фермера в суде. После этого он велел нам назваться. Мы отказались, говоря, что беднягу надо оставить в покое. Он настаивал. Я опять отказалась, а Лоремари, не моргнув глазом, назвала фамилию Ханса Флотова, а заодно и его адрес. Я не удержалась от улыбки, и тип насторожился, но у нас при себе не было удостоверений личности, и он ничего не мог проверить. Тогда он предложил нам работать у полицейских подсадными утками: они будут привозить нас на машине на разные фермы, а потом... Тут мы сказали ему, что мы о нем думаем.

У Лоремари постоянно неприятности с полицией. В Потсдаме она оскорбила какого-то полицейского, и теперь ее вызывают для разбора.

Вторник, 24 августа. Вчера был сильный налет. Готфрида Бисмарка не было дома. Его шурин, Жан-Жорж Хойос, все от начала до конца проспал. Я одна почуяла неладное и, несмотря на их отчаянные протесты, разбудила его и Лоремари Шенбург. Над Берлином стояло красное зарево, а сегодня утром Жан-Жорж позвонил мне и сказал, что добирался до города три часа (вместо

обычных двадцати минут), так как в развалинах лежат целые улицы.

В 6 вечера мы сами отправились в город — отвезти Готфрида и взглянуть, как там наши квартиры. Кухарка Герсдорфов Марта разрыдалась у меня в объятиях. Она напугалась до смерти, но с домом все в порядке. А вот у Лоремари в потолке прямо над кроватью зияет дыра. На нее это сильно подействовало, и она объявила, что судьба явно бережет ее для более высокого и прекрасного предназначения. Мы заглянули к Аге Фюрстенберг, которая никак не может придти в себя, потому что сгорели все верхние этажи в домах на Курфюрстендам и поблизости, где она живет. Погибла и квартира Пюклеров на Литценбургерштрассе, где мы жили, когда впервые приехали в Берлин три года назад. После налета Геббельс объехал наиболее сильно пострадавшие районы, но когда он сказал, что нужны тридцать добровольцев для борьбы с пожаром, это было встречено, как говорят, без энтузиазма.

К тому времени Мисси и ее отец, уже несколько раз остававшиеся без крова из-за бомбардировок, снимали часть виллы у своих друзей — Герсдорфов. Женщина редкого обаяния, теплоты, утонченного ума и порядочности, баронесса Мария фон Герсдорф превратила свой дом на Войрштрассе в настоящий политический и интеллектуальный салон (насколько это было возможно в условиях разрушаемого постоянными налетами города), где люди схожего образа мыслей могли общаться в атмосфере полной терпимости, доверия и взаимопонимания. Благодаря родственным связям ее мужа с могущественной промышленной династией Сименс и его службе в берлинской военной комендатуре, в этом салоне были представлены все сферы немецкого общества — от землевладельческой аристократии (к которой принадлежала сама Мария) до деловых, научных, дипломатических и военных кругов.

Среда, 25 августа. Сегодня ночью снова был налет, но ущерб нанесен незначительный и поезда в Потсдам ходят нормально.

Четверг, 26 августа. Татьяна звонила из Кенигсварта: она говорит, что разбомбили линию Берлин — Лейпциг и железнодорожное сообщение с ними прервано.

Ужинала с Лоремари Шенбург и ее гамбургским другом Ханни Енишем, который сейчас уволен с военной службы, так как оба его старших брата убиты. Он разъезжает в элегантном «Мерседесе», не имея водительских прав; полицейские не верят своим глазам, но оставляют его в покое.

Пятница, 27 августа. Вчера из-за налета остались без крова Алекс Верт и еще один человек из нашего учреждения — профессор X. Последний впридачу потерял еще и зрение, вытаскивая женщину из горящего дома. Но его увечья, слава Богу,

лишь временные. Он родом из Бадена, ненавидит нацистский режим и все время повторяет, что всему виной немецкие женщины, так как это они проголосовали за приход Гитлера к власти. Он говорит, что раз навсегда следует запретить все игрушки с военной окраской, вроде горнов, мечей, барабанов, оловянных солдатиков и т.д.

Суббота, 28 августа. Познакомилась с женой Виктора де Кова, японкой Мичико. Виктор — не только один из самых талантливых и привлекательных актеров Германии, он еще и известный режиссер. Мы были на репетиции его очередного спектакля.

Воскресенье, 29 августа. Ездила за город с Готфридом Бисмарком и Лоремари Шенбург к его матери, очаровательной пожилой даме, наполовину англичанке, хорошо помнящей своего свекра — великого Бисмарка. На обратном пути Лоремари захотела непременно сама вести машину, а между тем шел проливной дождь. Она совсем неопытная, и мы сильно нервничали.

Среда, 1 сентября. Четыре года назад началась война. В это трудно поверить. Вчера ночью союзники решили «отметить» годовщину; в результате сильно пострадал торговый район Берлина.

Сегодня вечером ходила на премьеру «Филины» — новой постановки Виктора де Кова. После спектакля мы поехали к нему домой, и я долго разговаривала с Тео Макебеном, композитором, оказавшимся большим почитателем России.

Пятница, 3 сентября. Союзники высадились на итальянском материке.

К 17 августа завершилось освобождение Сицилии и союзники готовы были начать вторжение в континентальную часть страны. Между тем, после отставки и ареста Муссолини 23 июля Италия стала быстро сближаться с союзниками, и 19 августа маршал Бадольо начал секретные мирные переговоры. Высадка союзников в южной части страны, начавшаяся 2 сентября, ускорила выход Италии из «Оси».

Суббота, 4 сентября. Сегодня ужинала с Наджем (из венгерского посольства) и четой де Кова. Виктор страшно нервничает. Со слезами на глазах говорит, что не может больше этого выносить: вчера ночью разбомбили весь его район (он живет неподалеку от аэропорта Темпельхоф). Вчерашний налет был очень мощным. Даже у себя в Потсдаме, вдали от города, мы спустились вниз. Со времени гамбургских бомбежек Мелани одержима страхом перед зажигательными бомбами: там целые улицы превращались в огненные реки. Теперь, когда начинается налет, она появляется с головой, обмотанной мокрым полотенцем.

Понедельник, 6 сентября. Говорят, будто что-то случилось с Хорстманами. Недавно они для большей безопасности переехали

за город. Вчера вечером пропал Тино Солдати, который у них живет: он не пришел на какой-то официальный ужин, на котором его ждали, и не дал о себе знать, что для аккуратного молодого дипломата весьма странно.

Вторник, 7 сентября. Сегодня утром мы с Лоремари Шенбург впервые взяли с собой в город велосипеды. Велосипеды не наши, они принадлежат Бисмаркам. Поначалу мы едва успевали увертываться от трамваев и автобусов. Один раз Лоремари перекувырнулась через руль. Вот было зрелище!

У нас обеих был назначен прием у главы берлинской полиции графа Хельдорфа — Лоремари по своим «конспиративным» делам, а я по служебному. Мне поручили составить фотоархив для АА, а так как все фотографии вызванных бомбардировками разрушений ныне подлежат цензуре, то я хотела добиться у Хельдорфа разрешения на публикацию некоторых из них. Он обещал его дать.

Как мы и опасались два дня назад, Керцендорф, загородное имение Хорстманов, сильно пострадал. У Герсдорфов Фиа Феншель рассказала нам с Готфридом фон Краммом о том, как это произошло: она как раз там гостила. К счастью, никто не погиб, но Фредди, только что закончивший размещение бесценных старинных вещей, вывезенных из их дома в Берлине, потерял практически все. Представляю себе, как Тино Солдати — швейцарский дипломат — мчался по лужайке в пижаме в два часа ночи под градом бомб.

Барону Готфриду фон Крамму, одному из самых прославленных чемпионов тенниса, суждено было всю жизнь страдать от невезения: он несколько раз выходил в финал Уимблдонского турнира, но всякий раз кубок ускользал от него. Он рано навлек на себя ненависть нацистов, даже пробыл некоторое время в концлагере, и до войны жил по большей части за границей.

Послеобеденное время провела в основном в кабинете Адама Тротта. Заходил поговорить наш начальник отдела кадров Ханс-Бернд фон Хафтен. Он близкий друг Адама. Своим мертвенно-бледным непроницаемым лицом он напоминает мне какое-то средневековое надгробие.

Рано ставший воинствующим антинацистом и еще в 1933 г. говоривший, что у Гитлера «ментальность главаря шайки разбойников», Ханс-Бернд фон Хафтен (1905—1944), как и Адам Тротт, учился в Англии. В 1933 г. он поступил на дипломатическую службу и к тому времени, когда Мисси с ним познакомилась, был в ранге советника посольства. Однако в отличие от многих своих товарищей по заговору он никогда не был членом нацистской партии — по соображениям христианской этики.

Одним из первых вступив в «крайзауский кружок» графа фон Мольтке, он вовлек в него еще нескольких видных участников Сопротивления, в том числе и самого Адама фон Тротта.

Мы обсуждали общую ситуацию, а также последние мобилизационные мероприятия. Похоже, что власти намеренно призывают на военную службу последние остатки оппозиции, сохранившиеся в системе Министерства иностранных дел, заменяя их всюду, где удается, своими людьми, главным образом из СС, каким был наш Шталекер. И не позволяют уходить по собственному желанию иначе, как добровольцем на фронт. Это, конечно, сильно затрудняет подпольную деятельность, которая теперь, как я слышу, началась. Говорят, что министр иностранных дел фон Риббентроп никогда не покидает своего логова в Фушле, близ Зальцбурга. Возникла какая-то внутренняя распря между ним и заместителем министра Лутером — тоже негодяем, каких мало. Все это, конечно, никогда не обсуждается открыто в моем присутствии, но я о многом догадываюсь. Во всяком случае, в результате всего этого АА в настоящее время не имеет настоящего руководителя. Если бы люди знали, как неэффективно работает эта машина, внешне выглядящая прекрасно налаженным бюрократическим механизмом, они бы поразились. Да ведь это доказывается уже самим фактом существования нашей маленькой группы заговорщиков.

Вечером ужинала у Ханса Флотова. Потом мы четверо поехали на станцию Потсдам на двух велосипедах без фар — это, пожалуй, не каждый сумеет.

В дневнике Ханса-Георга фон Штудница под этой датой говорится следующее: «Ханс Флотов давал небольшой ужин, на котором присутствовали Мисси Васильчикова, Лоремари Шенбург, Ага Фюрстенберг и Бернд Мумм. Говорили исключительно о налетах. Все это показалось мне похожим на собрание преследуемых христиан в римских катакомбах!» (Из книги «Пока Берлин горит. Дневники 1943—45 гг.», Лондон, 1963).

Среда, 8 сентября. Мы снова взяли свои велосипеды в Берлин, где я забрала шляпку известной парижской модельерши Роз Валуа — большое ярко-зеленое сомбреро с черными лентами, которое кто-то прислал Татьяне из Парижа. После работы Готфрид Бисмарк отвез нас с Лоремари Шенбург к французскому послу Скапини. Во время ужина вдруг ворвался секретарь и сообщил, что Италия капитулировала. Мы извинились и помчались предупредить Отто Бисмарка, старшего брата Готфрида, только что приехавшего из Рима (он долго был министром-советником германского посольства в Италии) и обедавшего у «Хорхера» с Хельдорфом и Готфридом. Все трое сидели в отдель-

ном кабинете, и когда мы с Лоремари вбежали с этой новостью, их как громом поразило. Оторопел перед тем и Скапини. Он находится здесь в качестве исполняющего обязанности посла Франции для переговоров о возвращении французских военнопленных в обмен на «добровольную» рабочую силу. Это несчастный человек: в прошлую войну он потерял зрение, и его постоянно сопровождает слуга-араб, служащий ему глазами и описывающий ему все, что происходит вокруг.

Четверг, 9 сентября. По дороге в город купила газету, и меня весьма позабавило выражение лица у человека, сидевшего напротив: он впервые увидел в газете известие о капитуляции Италии. Принеся столько жертв, итальянцы все-таки так и не заставили себя уважать!

Пятница, 10 сентября. Незадолго до окончания рабочего дня ко мне на работу пришли Альберт Эльц и Ага Фюрстенберг, и мы поспешили в итальянское посольство, где я надеялась найти кого-нибудь, кто скоро уедет и согласится взять с собой письмо для Ирины, а то теперь мы будем отрезаны друг от друга до самого конца войны. Бедненькая девочка, она будет так тревожиться...

Застала всю итальянскую колонию сидящей на чемоданах возле здания, а кругом множество ожидающих автомобилей и машин скорой помощи. Альберт предположил, что их, вероятно, сначала где-нибудь хорошенько выпорют, прежде чем отправлять на вокзал. В конце концов я заприметила Орландо Коллалто, и он обещал передать Ирине все, что нужно, на словах, но отказался брать что-либо писанное.

После этого я отправилась в Потсдам, прихватив с собой ценный ковер и того же Альберта, который хотя и служит в люфтваффе, но испытывает здравое уважение к авиации союзников и предпочитает ночевать за городом. Вечером наш Адольф разразился длинным обличением по адресу итальянцев, «вонзивших Германии нож в спину».

Суббота, 11 сентября. Немцы оккупировали Рим. Будем надеяться, это не означает, что город теперь начнут бомбить союзники.

Сегодня вечером Лоремари Шенбург пригласила на ужин Хельдорфа, чтобы поговорить о политике. Альберт Эльц тоже захотел с ним познакомиться. Поскольку у Хельдорфа не самая безупречная репутация (как у давнишнего члена партии и обергруппенфюрера СА), то нынешнее его участие в заговоре воспринимается кое-кем из непримиримых антинацистов с сомнением. Лоремари и Альберт оба принимали ванну, когда явилась без предупреждения Ага Фюрстенберг. Она известная сплетница, и мы все попрятались, сделав вид, что никого нет дома. Когда она ушла восвояси, я пошла искать остальных и обнаружила их

сгрудившимися в подвале без всякой одежды, кроме ванных полотенец. К сожалению, все эти приготовления оказались напрасными, так как когда Хельдорф приехал, он был крайне немногословен. Альберт изо всех сил старался у него «выудить», но тот явно был начеку. Я пошла спать.

Воскресенье, 12 сентября. Сегодня по радио неожиданно грянул итальянский фашистский гимн «Джовинецца», а затем было сообщено, что немецкие парашютисты освободили Муссолини из места его заключения — Гран Сассо д'Италиа — в горах Абруцци, и сейчас он на пути в Германию. От этой новости мы просто онемели.

Эсэсовские парашютисты под командованием старшего лейтенанта Отто Скорцени совершили дерзкий налет, приземлившись на планере на пик Гран Сассо д'Италиа, освободили Муссолини и самолетом перевезли его в Германию. Позже он учредил марионеточную неофашистскую администрацию — так называемую «Итальянскую социальную республику» — в северной Италии, со столицей в городке Сало.

Среда, 15 сентября. Ужинала одна с Отто и Готфридом Бисмарками. Отто рассказал много интересного о жизни в Риме. Оказывается, Анфузо выступил на стороне Муссолини (он был главой кабинета при Чиано), но большинство прочих фашистских главарей теперь, когда Дуче проигрывает, переметнулись в лагерь его противников.

Четверг, 16 сентября. Только что пришло письмо из Парижа от Джорджи; к письму приложен уникальный предмет: белая шелкообразная кисточка — все, что осталось от стекла одного из его окон после того, как вблизи упала бомба. [*Воздушный налет союзников на Париж 3 сентября стоил жизни приблизительно 110 жителям*].

Позже поехала на велосипеде на Ваннзее к д-ру Марти, представителю швейцарского Красного Креста, с которым Мама́ работала над организацией помощи советским военнопленным. Я едва успела: завтра он уезжает в Швейцарию.

Муссолини выступил с длинной речью по радио. Я почти все поняла.

Воскресенье, 19 сентября. Какой-то «Союз германских офицеров» передал по радио обращение из Москвы. Обращение подписано несколькими немецкими генералами, взятыми в плен в Сталинграде.

КЕНИГСВАРТ. *Вторник, 28 сентября*. Взяла короткий отпуск, чтобы повидаться с родителями и Татьяной. Последняя выглядит чуть-чуть лучше. Я подолгу гуляла с Мама́. Она настаивает, чтобы я ушла с работы и поселилась с ними за городом. Она не понимает, что это невозможно и что меня немедленно отправят на военный

завод. Обе ночи спала с Татьяной, что дало нам возможность наговориться.

БЕРЛИН. *Понедельник, 4 октября.* Обедала с Йозиасом Ранцау, послом фон Хасселем и сыном последнего. По возвращении в контору Йозиасу дали понять «сверху», что на такие встречи в нерабочее время смотрят неодобрительно.

Вторник, 5 октября. Ходила на концерт венгерских музыкантов с Филиппом де Вандевром и еще одним французом, Юбером Ноэлем, который был отправлен на работу в Германию, но сумел раздобыть медицинское свидетельство о том, что он наполовину глух; теперь он возвращается во Францию.

Четверг, 7 октября. Обедала в гольф-клубе с друзьями, но пришлось уйти рано, так как у меня было назначено свидание с Филиппом де Вандевром. Мы договорились, что я пойду с ним в штаб-квартиру СД, в которую Гестапо входит как составная часть. Он только что узнал, что один из его лучших друзей, сын французского банкира по имени Жан Гайяр, арестован близ Перпиньяна при попытке перейти границу с Испанией. Его отправили в лагерь в Компьене прямо в тенниске и шортах, в которых его схватили. Ему удалось сообщить о своем положении невесте. Но с тех пор от него нет больше никаких вестей, кроме сообщения, что его погрузили в товарный вагон, направляющийся в Ораниенбург, страшный концлагерь неподалеку от Берлина. Запланированная нами стратегия состояла в том, чтобы притворяться идиотами, делать наивные расспросы и разговаривать с офицерами СД как со служащими нормального учреждения. Я собиралась — о ирония! — отрекомендоваться как сотрудница АА. Мы даже предполагали просить разрешения послать Гайяру еду и одежду. На тот случай, если я не вернусь, я предупредила Лоремари Шенбург о том, куда иду.

После того как мы попали в здание — огромный корпус, окруженный колючей проволокой, в некотором отдалении от города — и у меня отобрали фотоаппарат, который я по какому-то недомыслию прихватила с собой, нас препоручили цепочке чиновников, которые перебрасывали нас от одного к другому, как теннисные мячи. Каждый раз требовалось все заново рассказывать о себе. Когда меня спросили, почему я проявляю заинтересованность в этом деле, я сказала, что я двоюродная сестра Филиппа. Мы провели там три часа, ничего не добившись. Они даже были настолько любезны, что проверили по документам всех вновь прибывших в Ораниенбург; Гайяра среди них не было. В конце концов они предложили Филиппу самому поехать в Ораниенбург и навести справки на месте. Позже я умоляла его не ехать, а то его самого посадят. Они записывали всевозможные касающиеся нас подробности, когда меня внезапно позвали к телефону — звонила Лоремари: «Lebst du noch?» [«Ты еще жива?»] Я поспешно

дала утвердительный ответ и положила трубку. Мы ушли без всяких надежд, еле смея поднять глаза: всюду черная форма, оружие и мрачные лица. Было облегчением снова оказаться на разбомбленной улице.

Впоследствии Филипп де Вандевр узнал, что его друг попал не в Ораниенбург, а в Бухенвальд, и, невзирая на предупреждения Мисси, поехал и туда — однако безуспешно. В 1945 г. молодой Гайяр был освобожден наступающими американскими войсками, но так как у них не было лишнего транспорта, оставшиеся в живых были отправлены в тыл наступающих войск пешком. Многие из них, в том числе и Гайяр, по пути погибли. Труп его так и не нашли.

Воскресенье, 10 октября. Большую часть дня ожидала звонка дяди Валериана Бибикова — пожилого родственника из Парижа, который в начале русской кампании пошел добровольцем в немецкий флот в качестве переводчика. Думал ли он тогда во что ввязывается! Сейчас он едет к себе в Париж в отпуск. Я собиралась дать ему письма: одно для Джорджи, другое от Филиппа де Вандевра. Филипп настаивал, чтобы я прочла его письмо, а я вначале отказывалась. Но когда он ушел, я прочла. Какой ужас! Оказалось, что это подробный отчет, направляемый архиепископу Муленскому участником Сопротивления — священником, работающим в немецком концлагере. Я пережила ужасные муки совести: с одной стороны, нельзя подводить Филиппа, а с другой — понятно, чем это может кончиться для бедного Валериана. В конце концов я положила все это в запечатанный конверт, адресованный Джорджи, с просьбой, чтобы он сам отправил это письмо из Парижа в Мулен, и вручила Валериану сей прощальный подарочек. До самого его ухода мы топили наши горести в водке. Молюсь, чтобы все прошло хорошо.

Письмо благополучно достигло Джорджи, и тот переправил его адресату. Автор письма, аббат Жирардэ, погиб.

Понедельник, 11 октября. Провела вечер с Зигрид Герц. Гестапо арестовало ее мать — еврейку — и преспокойно объявило ей, что она высылается в гетто в Терезиенштадт (это в Чехословакии). Отец Зигрид (не еврей) погиб в Первую мировую войну, а сама она — красивая высокая блондинка. Пока что ей удалось добиться отсрочки, и сейчас она рассылает сигнал SOS во всех направлениях, но шансов на успех мало. В штабе СД ей сказали: «Жаль, что вашего отца нет в живых. Тогда в этом не было бы нужды. Не повезло вам!»

Вторник, 12 октября. Мы с Лоремари Шенбург собираем гостей на коктейль в ее городской квартире и перетаскиваем туда

вещи, чтобы придать помещению жилой вид. У нас имеются две бутылки вина и полбутылки вермута, но мы оптимистически надеемся, что гости кое-что принесут с собой.

Среда, 13 октября. Вечер прошел удачно, хотя Гретль Роан, тетушка Лоремари Шенбург, выдула одну из бутылок вина, воспользовавшись тем, что я пошла купить что-нибудь на бутерброды. Это был довольно неприятный сюрприз, но все обошлось: гости принесли лед и шампанское, мы слили все вместе, смесь была кошмарная, но все пили и не жаловались. Пытаюсь свозить братьев Вандевров на выходные к Татьяне, но пока что французам не разрешают уезжать из тех мест, где им предписано работать. После того как большая часть гостей разошлась, мы размышляли, пока жарили картошку. как бы нам обойти это правило.

Новое итальянское правительство Бадольо объявило войну Германии.

Провозгласив перемирие, Бадольо приказал итальянским вооруженным силам прекратить все военные действия против «сил противника», но давать отпор любым другим враждебным акциям, от кого бы они ни исходили (подразумевая немцев). Хотя союз с Германией никогда не пользовался у итальянцев популярностью, а война тем более, этот неожиданный поворот, предполагавший измену недавним товарищам по оружию, вызвал у многих итальянских военных мучительный нравственный кризис, и некоторые отказались подчиниться этому приказу.

Четверг, 14 октября. Зашла повидать графа фон дер Шуленбурга. Он последний германский посол в Москве — обаятельный старик, очень доброжелательно относящийся ко всему русскому и весьма откровенный. Я пытаюсь устроить Катю Клейнмихель к нему на службу, так как она сейчас без работы.

Дипломат старой школы и убежденный сторонник традиционной бисмарковской политики дружбы между Германией и Россией — любой Россией — граф Вернер фон дер Шуленбург (1875—1944), будучи послом в Москве с 1934 г., неустанно способствовал поддержанию нормальных отношений между двумя диктаторами. Нападение Гитлера на Россию в июне 1941 г. было для него предвестником национальной катастрофы (он не сомневался, что в конечном итоге Германия потерпит поражение), а это еще более отвернуло его от системы, которая всегда вызывала у него отвращение. Из советских источников недавно стало известно, что он даже предупредил Сталина о точной дате нападения, но Сталин ему не поверил.

Понедельник, 18 октября. Сегодня у меня было ночное дежурство. Приехала в 7 вечера. Две девушки, которым полага-

лось дежурить вместе со мной, пошли на какой-то концерт. Я написала несколько писем и решила ненадолго отлучиться, чтобы заглянуть к живущей по соседству Дики Вреде. Швейцар предупредил меня, что будто бы ожидается воздушный налет. Я сказала, что лишь на минутку.

Не успела я дойти до подъезда Дики, как трижды сильно громыхнуло. Я звонила и звонила, но никто не отвечал, тогда я помчалась обратно на работу, и там оказалось, что в непосредственной близости от нас упали три бомбы. Было слышно, как над головой громыхают самолеты, но тревога прозвучала лишь через несколько минут. После отбоя я вернулась к Дики, она к этому времени уже пришла домой, и мы попили кофе. Ночевать на работе было малоприятно; спала под пледом на кровати, твердой, как доска.

Воскресенье, 24 октября. День рождения Марии Герсдорф. Было трудно найти подарок. Подарила ей духи. У нее было много гостей, в том числе Адам Тротт, который позже пришел вместе с Папá к Лоремари Шенбург. Мы накормили наших гостей хлебом, вином, жареной картошкой и кофе.

Я получила новое срочное задание: перевести заголовки под большим количеством фотографий останков около 4 тыс. польских офицеров, расстрелянных Советами и найденных в Катынском лесу под Смоленском нынешней весной. Такой ужас, просто не укладывается в сознании.

Все это сверхсекретно. Я видела конфиденциальный доклад фон Папена, германского посла в Анкаре. Он поручил одному из своих сотрудников подружиться с польским дипломатическим представителем в Турции, который, в свою очередь, дружен с Джорджем Эрлеем, специальным представителем президента Рузвельта по вопросам Балканских стран. Рузвельт потребовал полную, неискаженную информацию; говорят, будто у себя в Штатах он ее не может получить, потому что его окружение (Моргентау?) перехватывает и изымает все, что неблагоприятно для Советского Союза.

После краткого пребывания на посту канцлера Германии в 1932 г., Франц фон Папен (1879—1969) был в 1933 г., чтобы усыпить консервативную общественность, назначен вице-канцлером при Гитлере. В 1934—1938 гг., будучи германским послом в Австрии, он во многом способствовал осуществлению аншлюсса, а в 1939—1944 гг., в качестве посла в Анкаре, немало сделал для того, чтобы удержать Турцию от присоединения к союзникам. Привлеченный к суду как военный преступник в Нюрнберге в 1946 г., он был полностью оправдан, но в 1947 г. немецкий суд приговорил его к восьми годам каторжных работ и конфискации имущества. Освобожденный спустя два года, он прожил остаток дней в относительной безвестности.

Переводы должны быть готовы через два дня. Я ощущаю что-то странное, когда думаю, что моя проза менее чем через неделю окажется на столе у президента Рузвельта. Какая ответственность! К тому же это тяжелая работа. Но самое главное — ставшие теперь известными жуткие детали обнаружения останков просто потрясают.

За шесть месяцев до этого, 13 апреля 1943 г. немецкое радио сообщило, что в массовой могиле в Катынском лесу, близ Смоленска, на оккупированной Германией территории СССР, обнаружены тела многих тысяч поляков, главным образом офицеров. Все были убиты выстрелом в затылок — традиционная чекистская техника казни. Немцы немедленно обвинили Москву в этом преступлении и назначили комиссию по расследованию, состоявшую из врачей из 12 нейтральных или оккупированных Германией стран. Вторая комиссия, из занятой немцами Польши, включала агентов польского подполья. 17 апреля, без консультаций с британским правительством, польское лондонское правительство в изгнании (давно подозревавшее правду) объявило, что попросило и Международный Красный Крест предпринять расследование. Последний заявил, что не может действовать без согласия Советского правительства, которое, разумеется, в этом отказало. Вместо этого Москва порвала отношения с лондонскими поляками, обвинив их в «сговоре с врагом»; эти отношения в дальнейшем так и не были восстановлены.

Обе комиссии пришли к единодушному заключению, что 4400 с чем-то жертв — все офицеры — являлись частью 230 тыс. польских военнослужащих, взятых в плен советскими войсками при их вторжении в Польшу осенью 1939 г. Из них около 148 тыс. — в том числе от 12 до 15 тыс. офицеров — исчезли без следа, причем на все запросы польского правительства в изгнании до обнаружения Катынского захоронения давался, даже самим Сталиным, один и тот же ответ: «все польские пленные освобождены» или «бежали». Только Меркулов, заместитель Берия, однажды, говорят, пробормотал: «Тут мы крупно просчитались...» Все вещественные улики доказывали, что несчастные были расстреляны весной 1940 г., т.е. почти за год до того, как немцы заняли эти места. В довершение всего, все они были из одного и того же советского лагеря для пленных польских офицеров — бывшего православного монастыря Оптина Пустынь под Козельском, откуда вся переписка с родственниками неожиданно прекратилась в апреле 1940 г.

Вновь заняв эту территорию, Москва назначила свою собственную комиссию по расследованию, так называемую «Комиссию Бурденко» (знаменитый академик ее возглавлял), которая свалила вину на немцев, и Катынь была включена в первоначальное обвинительное заключение, предъявленное союзниками главным нацистским военным преступникам на Нюрнбергском процессе. Однако окончательный приговор обошел этот пункт молчанием, не оставив тем самым сомнений относительно того, кто действительные убийцы.

Обнаружение катынского могильника, разумеется, поставило западных союзников в весьма затруднительное положение. СССР нес на себе основное бремя военных действий в Европе, и было необходимо продолжать с ним сотрудничать. Кроме того, многочисленные влиятельные слои, сочувствующие «доблестным советским союзникам», не допускали, что Москва способна на такое злодеяние. И таким образом круговая порука молчания, в которой участвовали решительно все лидеры союзников, заглушила всякое упоминание этой темы до конца войны.

По восточноевропейским источникам, после XX съезда КПСС в 1956 г., Никита Хрущев будто бы пытался убедить своего польского коллегу Владислава Гомулку обнародовать истину, но тот побоялся, что это надолго испортит отношения между двумя странами. С середины 1980-х годов, не только в самой Польше, но даже в наиболее смелых советских органах печати стали открыто говорить об ответственности СССР за это злодеяние, но Горбачев всячески увиливал от такого признания — покуда оно у него не было буквально вырвано польским президентом генералом Ярузельским при его посещении Москвы 13 апреля 1990 г. Но даже тогда вину валили на «сталинизм» и «НКВД», но не на КПСС и ее руководство в целом.

Пришлось ждать октября 1992 г. и развала СССР, чтобы по личному приказу Ельцина почти полная правда была оглашена и соответствующие документы формально переданы польскому правительству. При этом выяснилось, что число расстрелянных поляков было значительно больше ранее признанного, а именно 21.857 человек, и что решение их умерщвлять было принято не где-то в НКВД, а, по предложению Берии, на самом высшем партийном уровне, формальным постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) под N 144 от 5 марта 1940 г. за подписью Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина и Кагановича.

Тем временем были найдены еще другие массовые захоронения расстрелянных поляков — в Виннице, в Калинине (ныне Твери), под Харьковом... Более того, на экранах русского телевидения дали интервью двое из непосредственных палачей из старших чинов НКВД, со слов которых выяснилось, что, например, в Калинине расстреливали по 250 человек каждую ночь в течение целого месяца, причем каждая такая «операция» завершалась выпивкой, а конец всего «предприятия» был отпразднован банкетом!

Поскольку среди жертв одной Катыни насчитывалось 21 университетский профессор, более 300 врачей, более 200 адвокатов, более 300 инженеров, несколько сотен школьных учителей, много журналистов, писателей и предпринимателей, это чудовищное злодеяние, подобного которому, пожалуй, нет в истории человечества, рассматривается с полным основанием как попытка тогдашнего советского руководства обезглавить польскую некоммунистическую интеллигенцию и тем облегчить включение «освобожденной» Польши в состав СССР по примеру Балтийских стран.

Знаменательно, что, несмотря на все преступления, совершенные советской стороной против поляков как в самой Польше, так и в других местах, Польша вместе с Грецией и Югославией, была почти единственной страной, оккупированной немцами, которая не поставила ни одного добровольца немецкой армии, сражающейся в СССР.

Лоремари вдруг стала ужасно бояться воздушных налетов. Прошлой ночью она спала у меня дома и во сне стукнула меня в глаз.

Большинство южноамериканских дипломатов покидают Берлин.

Четверг, 28 октября. Налеты теперь бывают каждую ночь, но вреда от них как будто немного. Обычно они застают меня в ванне.

КЕНИГСВАРТ. *Суббота, 30 октября.* Ага Фюрстенберг и я приехали в Кенигсварт на выходные. Вандеврам так и отказали в разрешении нас сопроводить. Поездка была изматывающая: половину пути мы ехали стоя, потому что вагоны были набиты эвакуирующимися по категории *Mutter und Kind* [«мать и дитя»]. Было также много раненых. Остальную часть дороги мы провели в коридоре, сидя на своих чемоданах. Здесь я подолгу гуляю с Мама́ и стараюсь отдохнуть и набраться сил.

Воскресенье, 31 октября. Вчера мы еще спали, когда внезапно раздался громкий удар. В нашем лесу упал самолет. Летчик, летевший в Нюрнберг, хотел махнуть крылом своей семье, которая живет в ближней деревне; что-то испортилось, и самолет камнем рухнул на землю. Летчик погиб мгновенно, но его товарищ прожил еще несколько часов. Все местные жители были мобилизованы тушить пожар, так как вокруг очень сухо и огонь быстро распространялся.

БЕРЛИН. *Понедельник, 1 ноября.*Возвращение было еще хуже. Меня оттеснили от Аги Фюрстенберг, которая споткнулась и упала. Я слышала, как она кричит и стонет в другом конце вагона, где ее чуть ли не затоптали. Хотя Татьяна щедро снабдила нас бутербродами и вином, мы приехали совершенно измотанными.

Суббота, 6 ноября. Русские освободили Киев.

Среда, 10 ноября. В доме Бисмарков в Потсдаме становится тесно, и мы с Лоремари Шенбург переезжаем обратно в Берлин: мы и так уже слишком долго злоупотребляли гостеприимством Готфрида и Мелани. А теперь, с наступлением осенней непогоды, налеты скорее всего будут не такими опасными. Но я все-таки беру с собой лишь самое необходимое, так как по нынешним временам, похоже, путешествовать лучше налегке.

Четверг, 11 ноября. Ужин у Герсдорфов, затем очередной безобидный налет. Спала тринадцать часов не просыпаясь.

Суббота, 13 ноября. Кофе у сестер Вреде. Были: Зиги Вельчек, автогонщик Манфред фон Браухич и кинозвезда Дженни Джуго.

Все в ужасе: казнен известный молодой артист за «подрывные» высказывания — он заявил, что Германия, возможно, потерпит поражение. У Манфреда фон Браухича (он племянник бывшего главнокомандующего сухопутными силами) тоже неприятности: его обвинили в весьма сходном «грехе».

«Известным молодым артистом», о котором пишет Мисси, был двадцатисемилетний пианист-виртуоз Карл-Рудольф Крейтен. На него донесли две подруги его матери, и он был повешен в тюрьме Плэтзензее 7 октября, причем его семье послали счет на 639,20 марок — «для покрытия расходов, связанных с его казнью».

Была на концерте под управлением Фуртвенглера, потом дома играла на фортепиано. Повариха Марта настроилась на музыкальный лад и захотела во что бы то ни стало спеть все ее любимые куплеты «развеселых девяностых годов». Марии Герсдорф и Папá не было дома. Опять был налет. Я уложила небольшую сумку, но все утихло и мы остались у себя.

Вторник, 16 ноября. Ночное дежурство. Наутро всегда чувствуешь себя ужасно — какое-то мышечное истощение. Сходила на полчаса домой, приняв в конторе ванну (только там время от времени еще бывает горячая вода). К сожалению, меня вместе с моим фотоархивом перевели в бывшую чешскую миссию на Раухштрассе.

Все ошеломлены тем, что тамошний начальник уволен. В руках Гестапо оказалось его письмо, адресованное его бывшей жене в Рур, где он предупреждает ее о грозящих налетах. Донес на него второй муж жены. Ну и шайка!

Ужинала сегодня у Годфрида Бисмарка в Потсдаме с Адамом Троттом, Хасселями и Фуртвенглером. Последний в панике при одной мысли о возможном приходе русских. Этим он меня разочаровал. Все-таки от музыкального гения я ожидала большего «класса»!

Рассказывая об этом ужине в письме жене, Адам Тротт добавлял: «Ехал обратно с Мисси, и она снова меня поразила... В ней есть что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удается до конца осязать... что-то свободное, позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным».

Среда, 17 ноября. Нас в полном составе вызвали знакомиться с новым нашим шефом на Раухштрассе — молодым человеком по

фамилии Бютнер. Он только что «из окопов», хромает, с перебинтованным лбом. Он прочел нам проповедь о героизме фронтовиков и о том, как полагается вести себя нам, тыловикам.

Вечером я повела Адама Тротта к Хорстманам. Они переехали обратно в город, в крошечную квартирку: в ней буквально три комнаты, но они, как всегда, прекрасно обставлены, и Хорстманы по-прежнему гостепреимны.

Ночевала у Лоремари Шенбург, так как опять был налет, а домой на Войршштрассе добираться было далеко. У нее серьезные неприятности: она оставила «совершенно секретную» американскую книгу «Гитлеровские девки, оружие и гангстеры» в туалете отеля «Эден», где обедала с приятелем. Ей полагалось ее прочитать и отрецензировать. В довершение всего, на книге имеется официальная печать АА. Она не решается признаться и отчаянно пытается ее найти, и одновременно поднять на ноги влиятельных друзей на тот случай, если ее внезапно схватят. Она даже рискнула позвонить одному человеку, которого видела всего два раза, — он работает в берлоге министра иностранных дел фон Риббентропа в Фушле. А когда наконец дали Фушль по междугородней связи, ее нельзя было разыскать, и мне пришлось делать вид, что я ничего не знаю.

Четверг, 18 ноября. Постепенно приучаюсь обходиться без обеда. Наша столовая совершенно отвратительна, хотя за тамошнее варево, именуемое *Mittagessen* [обед], у нас отбирают значительную часть наших талонов.

Готфрид Бисмарк возил меня по городу в связи с каким-то поручением. Он чувствует себя несколько неловко: наши родные — мои и Лоремари Шенбург — по-прежнему благодарят его в письмах за предоставление нам крова в Потсдаме: за исключением Папá, живущего вместе со мной у Герсдорфов, они еще не знают, что мы переехали обратно в Берлин.

Большую часть послеобеденного времени занималась просмотром иностранных газет и журналов. Их подшивки имеются в моем прежнем бюро на Шарлоттенштрассе, и я туда регулярно хожу под разными благовидными предлогами.

Ужинала дома с Марией и Хайнцем Герсдорфами; посреди ужина внезапно началась сильная стрельба. Подвала в доме нет, и мы поспешили укрыться в кухне, которая представляет собой полуподвальное помещение с окнами, выходящими в маленький сад во дворе. Там мы просидели два часа. Поблизости загорелось несколько домов; было много грохота. Позже мы узнали, что до предместий Берлина долетело несколько сотен самолетов, но сквозь зенитный огонь прорвалось лишь около пятидесяти.

Попытка британского маршала авиации Харриса «поставить Германию на колени» состояла из нескольких крупных воздушных сражений, назван-

ных по их главным целям. Первым было «Рурское» весной 1943 г., сровнявшее с землей индустриальное сердце Германии, а заодно и такие города, как Кельн, Майнц и Франкфурт. За этим в июле и августе последовало «Гамбургское». К осени 1943 г. бомбардировщики Харриса были готовы обрушиться на свою призовую мишень — столицу Рейха. Того не подозревая, Мисси описала здесь первые залпы «сражения за Берлин».

Пятница, 19 ноября. Ужинала с Рюдгером фон Эссеном (из шведской миссии) и его женой Хермине. Они только что закончили отделку своей очаровательной квартиры неподалеку от нашего дома; у них там множество стекла и фарфора из Дании. По-моему, это несколько опрометчиво. Подали устрицы — угощение поистине царское! Пришла домой поздно, так как трамваи ходят лишь спорадически.

Воскресенье, 21 ноября. Ходила с Папá на литургию в большой русский собор около Темпельхофа. Пели прекрасно. С нами пошли Лоремари Шенбург и ее раненый друг-офицер Тони Заурма. На них служба тоже произвела большое впечатление, хотя Тони все время отвлекался, разглядывая русских женщин, которых в церкви было очень много. Некоторые из них прямо тут же кормили грудью детей. Их вывозят из оккупированных немцами областей России, и их становится все больше. Некоторые работают в сельском хозяйстве, другие на военных заводах. Церковь по воскресеньям у них любимое место сбора — подозреваю, что это не столько от набожности, сколько оттого, что церковь напоминает им родину.

К этому времени немцы, с целью возместить свои огромные потери на Восточном фронте и освободить для боевой службы как можно больше лиц немецкой национальности, заманили ложными обещаниями, а чаще просто депортировали в Германию миллионы мужчин и женщин из всех оккупированных стран Европы, заставляя их работать в сельском хозяйстве, на шахтах и заводах, восстанавливать разбомбленные предприятия, железные дороги, строить береговые укрепления и т.п. К 1944 г. таких людей насчитывалось около 7,6 млн., что составляло четверть всей рабочей силы Рейха. По меньшей мере одна треть была из Советского Союза — военнопленные (которых в противном случае ожидала голодная смерть в лагерях) или гражданские лица, так называемые «ост'ы» — от «ост-арбайтер» (то есть «восточные рабочие»), поскольку употребление слов «Россия» и «русский» запрещалось.

В церкви Лоремари приметила русского пианиста Огуза, знакомого ей по Вене, и позвала его с нами в Потсдам к Бисмаркам. Мы отправились в двух машинах. (У Тони, как у раненого офицера, своя). После нескольких рюмок коньяка Огуз

стал играть — в основном русскую музыку. Он хороший пианист, но не очень приятный человек.

Незадолго до полуночи мне удалось убедить Тони и Лоремари поехать домой. Погода была прескверная. Тони заблудился и въехал на магистраль не там, где надо. Проехав порядочное расстояние, он понял, что ошибся, развернулся и тут же проколол шину. В довершение всего у него кончился бензин. Пока он менял колесо, мы с Лоремари пытались позвать кого-нибудь на помощь. Пришлось ждать довольно долго, пока не появился встречный автомобиль. Мы замахали руками. Из машины вышли человек в штатском и шофер-эсэсовец; они согласились дать нам бензина, и, пока горючее переливалось в наш бак, мы посидели у них в машине и послушали радио. Человек в штатском поинтересовался, не артистки ли мы и из какой мы страны. Мы попробовали выяснить, кому возвращать бензин. Он сказал, что в этом нет нужды; что они едут из *Führerhauptquartier* [ставки фюрера], но себя так и не назвал.

Понедельник, 22 ноября. Я так устала после вчерашнего приключения, что сегодня собираюсь лечь спать в семь вечера. Ушла работать не позавтракав, и сейчас сижу в бюро позже обычного, поскольку у нас назначено какое-то скучное совещание. Дождь льет как из ведра.

Сегодня день рождения Джорджи.

Вторник, 23 ноября. Вчера ночью была разрушена большая часть центра Берлина.

После обеда пошел сильный дождь. Меня послали за одним необходимым для совещания документом. У нашего нового начальника Бютнера мания устраивать совещания; он их созывает почти ежедневно. Вероятно, он любит просто «провести смотр своим войскам». По-моему, это пустая трата времени. По дороге я промокла и опоздала; совещание продолжалось до начала восьмого. Я бежала по лестнице, чтобы скорее попасть домой, когда швейцар остановил меня зловещими словами: «*Luftgefahr 15*» [«Угроза воздушного налета 15»]. Это означало, что приближаются крупные вражеские соединения. Я помчалась обратно, перескакивая через две ступеньки: предупредить тех, кто далеко живет, чтобы оставались на месте, не то попадут под бомбежку по дороге. Сирены завыли как раз в тот момент, когда я опять выходила на улицу. По-прежнему шел сильный дождь; я все же решила пойти пешком домой, так как автобусы вот-вот должны были остановиться. По пути я бросила в почтовый ящик только что написанное длинное письмо Татьяне.

На улицах было полно народу. Многие просто стояли на месте, поскольку из-за дождя видимость была такая плохая, что никто не рассчитывал, что налет будет долгим или разрушительным. Дома меня ждала Мария Герсдорф, она сказала мне, что ее

муж Хайнц только что звонил из *Stadtskommandatur* [штаба берлинского гарнизона], где он служит, и предупредил, что приближающиеся воздушные силы противника крупнее, чем обычно, так что налет может быть серьезным и он остается ночевать у себя в бюро. Я не успела поесть и умирала от голода. Мария попросила старую кухарку Марту разогреть суп, а я пошла наверх переодеться в брюки и свитер. Я также собрала кое-какие вещи в маленький чемодан, как теперь принято делать в подобных случаях. Папá был у себя, давал урок языка двоим молодым людям. Он сказал, что не желает, чтобы его беспокоили.

Я едва уложила вещи, как послышалась стрельба зениток. Они палили с самого начала очень яростно. Папá со своими учениками все-таки вышел, и все мы поспешно отправились в полуподвал за кухней, где мы обычно пережидаем налеты. Не успели мы туда добраться, как услышали гудение первых приближающихся самолетов. Они летели очень низко, и стрельба зениток вдруг потонула в другом звуке — разрыв бомб, сперва вдали, а потом все ближе и ближе, пока не возникло ощущение, что бомбы падают буквально на нас. При каждом разрыве дом содрогался. Давление воздушной волны было невыносимо, шум — оглушающий. Я впервые поняла, что означает выражение *Bombenteppich* [«бомбовый ковер»] — союзники называют это «насыщенной» бомбардировкой. В какой-то момент посыпались осколки оконных стекол, и все три двери подвала грохнулись на пол, сорванные с петель. Мы поставили их на место и прислонились к ним, чтобы они держались. Мое пальто осталось в прихожей, но я не решалась выйти за ним. У входа с шипением упала зажигательная бомба, и мужчины осторожно выбрались ее погасить. Неожиданно мы сообразили, что у нас нет под рукой воды на случай пожара, и спешно открыли все краны в кухне. Это на несколько минут приглушило шум, но ненадолго... Самолеты пролетали не волнами, как обычно, а непрерывно гудели над головой, и это продолжалось больше часа.

Тут пришла кухарка с моим супом. Я почувствовала, что если я его съем, то меня вырвет. Я не могла даже спокойно сидеть: вскакивала на ноги при каждом разрыве. Папá, как всегда невозмутимый, все это время сидел в плетеном кресле. Однажды, когда я вскочила после особенно оглушительного взрыва, он спокойно заметил: «Сядь! Сидя ты будешь дальше от потолка, если он обвалится». Но разрывы так быстро следовали один за другим и так нестерпимо оглушали, что в самые отчаянные мгновения я становилась у него за спиной и держалась за его плечи, как будто ища в этом спасения. Ну и буйабес же семейный вышел бы из нас! [*Bouillabaisse — похлебка из нескольких сортов рыбы, распространенная на юге Франции. — Прим. перев.*]. Его ученики съежились в углу, а Мария стояла, прислонившись к

стене, молилась за мужа и выглядела совершенно потерянной. Она все советовала мне держаться подальше от мебели, так как та может разлететься в щепки. Бомбы все сыпались, и когда рухнул соседний дом, Папá пробормотал по-русски: «Воля Божья!» И действительно, казалось, что нам нет спасения. Через час стало поспокойнее, Папá достал бутылку шнапса, и все мы сделали по нескольку крупных глотков. Но тут же все началось снова... Гудение самолетов над нами прекратилось лишь около 9.30 вечера. Должно быть, их было несколько сотен.

В этот момент — чудо из чудес — раздался звонок телефона. Звонил Готфрид Бисмарк из Потсдама, справлялся, все ли у нас в порядке. Они слышали, как тысячи самолетов летели прямо над головой, но из-за плохой видимости были не в состоянии сказать, причинен ли большой ущерб. Когда я сказала: «Это было ужасно!» — он вызвался приехать и забрать меня, но я ответила, что не стоит, так как худшее, видимо, позади. Он обещал выяснить, где находится Лоремари Шенбург, и перезвонить.

Отбой дали лишь через полчаса после того, как улетел последний самолет, но задолго до этого нас убедил выйти из дома незнакомый морской офицер. Он сказал, что все это время ветра не было, а теперь поднялся сильный ветер, и пожары распространяются. Мы вышли на наш маленький скверик и увидели, что небо с трех сторон действительно кроваво-красное. Офицер объяснил нам, что это только начало; главная опасность наступит через несколько часов, когда пламя разгорится по-настоящему. Мария дала каждому из нас по мокрому полотенцу — защитить лицо, прежде чем выйти из дома. Разумная предосторожность: наша площадь была уже вся в дыму, трудно было дышать.

Мы вернулись в дом, и ученики Папá залезли на крышу разведать, где горит. Явился наш сосед, датский поверенный в делах Стеенсен-Лет, с бутылкой бренди. Когда мы стояли в гостиной, беседуя и время от времени подкрепляя себя глотком-другим, снова зазвонил телефон. Это был опять Готфрид, страшно встревоженный. Он позвонил домой к Берндту Мумму, у которого Лоремари обедала с Агой Фюрстенберг, но ему сообщили, что Лоремари ушла сразу же после отбоя, — куда, никто не знает. Готфрид думал, что она, возможно, пытается добраться до меня, но поскольку мы находимся в огневом кольце, то я сомневалась, что ей удастся пробиться.

Странно, но как только он повесил трубку, наш телефон забуксовал; то есть нам звонить можно было, а от нас — нельзя. Кроме того, отключились электричество, газ и вода, так что нам приходилось пробираться по комнатам чуть ли не наощупь, с фонариками и свечами. Хорошо еще, что мы успели наполнить водой все имевшиеся в доме ванны, раковины и ведра. Ветер теперь уже угрожающе усилился и ревел, как шквал на море.

Выглядывая в окна, мы видели непрекращающийся поток искр, падающий на наш и соседние дома; воздух становился все удушливее и горячее, в зияющие оконные проемы валил дым. Мы прошли по всему дому и к облегчению своему обнаружили, что кроме разбитых окон и сорванных с петель дверей, ничто серьезно не пострадало.

Мы решили было перекусить бутербродами, но тут опять завыли сирены. Примерно полчаса мы стояли у окон в полном молчании. Казалось совершенно очевидным, что сейчас все начнется заново. Потом снова дали отбой. Видимо, прилетали разведывательные самолеты противника оценить масштабы разрушений. Мария, все это время молчавшая как бревно, вдруг расплакалась: ее муж все еще не давал о себе знать. Мне ужасно хотелось спать, но решили, что я буду дежурить у телефона. Я завернулась в одеяло и устроилась на диване, поставив аппарат на пол рядом с собой. Около часа ночи из Потсдама позвонили Готфрид и Лоремари. Нас тут же разъединили, но теперь, по крайней мере, мы могли больше за нее не беспокоиться.

К двум часам ночи я решила немного поспать. Пришел Папа́ и светил мне фонариком, пока я разувалась и пыталась мыться. К трем часам легла и Мария. Вскоре я услышала звонок телефона, а потом ее восторженный возглас: «Liebling!» [«Душка!»], означавший, что и с Хайнцем все в порядке. После этого она тоже заснула. Время от времени меня будил грохот рухнувшего по соседству здания или взрыв бомбы замедленного действия; я вскакивала и сидела с бешено колотящимся сердцем. Пожар к этому времени уже разбушевался вовсю, и за окнами стоял рев, словно в поезде, идущем по туннелю.

Среда, 24 ноября. Сегодня рано утром я слышала, как Мария Герсдорф с большим беспокойством что-то говорит Папа́. Загорелся соседний дом. Но я так устала, что снова заснула и проснулась только часов в восемь.

К этому времени ученики Папа́, проведя ночь у нас на крыше, ушли, а Мария пошла за хлебом. Вскоре она вернулась, поддерживая пожилую женщину, закутанную в белый платок. Она столкнулась с ней на углу и, всмотревшись в перемазанное копотью лицо, узнала собственную восьмидесятилетнюю мать, которая всю ночь пробиралась к ней по горящему городу. Ее квартира сгорела дотла, пожарные прибыли слишком поздно и бросились спасать расположенную по соседству больницу (что им, слава Богу, удалось); но все остальные дома на улице выгорели. Скоро появился сам Хайнц Герсдорф. Он сказал, что поспешил домой, не заходя никуда по дороге, и потому результаты налета видел лишь краем глаза, но насколько он может судить, район Унтер ден Линден (где расположено его бюро) пострадал не менее сильно, чем наш: французское и британское посольства,

отель «Бристоль», Цейхгауз (арсенал), а также Вильгельмштрассе и Фридрихштрассе — везде большие разрушения.

К 11 часам утра я решила выйти и попробовать добраться до своего министерства в надежде — как выяснилось, смехотворно оптимистической — броситься в горячую ванну. Надев брюки, обмотав голову шарфом и нацепив отороченные мехом защитные очки Хайнца, я пустилась в путь. Чуть только я вышла из дома, как меня окутал дым, на голову посыпался пепел. Я могла дышать только сквозь носовой платок и благословляла Хайнца за его очки.

Поначалу наша Войршштрассе выглядела еще ничего, но в одном квартале от нас, на углу Лютцовштрассе, выгорели все дома без исключения. Я пошла дальше по Лютцовштрассе и увидела, что там еще хуже; многие дома еше горели, и мне приходилось держаться середины улицы, что было не так легко из-за множества искореженных трамваев. На улицах было много народу, большинство куталось в шарфы и кашляло, осторожно пробираясь сквозь то, что осталось от каменных стен. В конце Лютцовштрассе, кварталах в четырех от моего министерства, рухнули все дома по обеим сторонам улицы, и мне пришлось перебираться на другую сторону через груды дымящегося камня, протекающих водопроводных труб и прочего мусора. До тех пор пожарных почти не было видно, но тут они работали молодцами — деловито вызволяя людей из подвалов. На площади Лютцовплац все дома сгорели. Мост через Шпрее стоял невредимый, но на другом берегу реки все дома были разрушены, стояли только наружные стены. Сквозь развалины пробиралось много автомобилей, отчаянно гудя. Какая-то женщина схватила меня за руку, крикнула, что стена шатается, и мы обе кинулись бежать. Я обратила внимание на тот самый почтовый ящик, куда я накануне бросила свое длинное письмо Татьяне; ящик стоял, но был смят в лепешку. Потом я увидела мой продовольственный магазин Краузе, вернее, то, что от него осталось. Мария попросила меня на обратном пути купить продуктов, поскольку тот магазин, в котором были зарегистрированы ее карточки, был разрушен. Но теперь и от бедного Краузе уже не было и следа. [*Согласно немецкой системе карточного распределения продуктов каждый регистрировал свои карточки в определенном магазине и получал продукты только там*].

Я все еще не могла представить себе, что мое министерство тоже, возможно, пострадало, но, завернув за угол, увидела, что будка швейцара и прекрасный мраморный вход весело пылают. У ворот стояли Штремпель (видный чиновник АА) и румынский советник Вальяну, окруженные кучкой его смуглых соотечественников. Вальяну бросился мне на шею, воскликнув: «*Tout a peri, aussi l'appartement des jumelles! J'emmène mon petit troupeau à la campagne, à Buckow*» [«Все погибло, и квартира двойняшек тоже!

Увожу мою стайку в деревню, в Буков!» — *фр.*]. У всех иностранных миссий теперь есть резервные резиденции за городом. Румынская миссия, чуть дальше по той же улице, действительно лежала в развалинах, как и финская. Я спросила Штремпеля, что нам делать. Он рявкнул на меня: «Вы разве не получили распоряжений на случай чрезвычайных обстоятельств?» «Разумеется, получила, — с показной смиренностью ответила я. — Нам предписано: кавычки — не впадать в панику и собираться у Зигесзойле (Колонна Победы на Оси Восток-Запад), где нас погрузят на автотранспорт и вывезут из города — закрыть кавычки!» Он сердито пожал плечами и повернулся ко мне спиной. Я решила пойти домой.

Зрелище бесконечных рядов сгоревших или все еще горящих зданий, наконец, проняло меня: мне сделалось жутко. Целый район, где я хорошо знала многие дома, уничтожен за одну ночь! Я пустилась бежать и бежала не останавливаясь, пока опять не очутилась на Лютцовштрассе, где рухнуло здание как раз в тот момент, когда я пробегала мимо. Пожарный что-то крикнул мне и другим прохожим, оказавшимся поблизости, я не разобрала что, мы бросились наземь, я прикрыла голову руками, а когда стих грохот очередной рушащейся стены и нас покрыло известкой и пылью, я увидела на другой стороне лужи перепачканную физиономию графа К.-К. Хотя мы с Татьяной вот уже четыре года старательно отваживали его (он неравнодушен к хорошеньким девушкам и не всегда прилично себя ведет), я, сказав себе, что в такие времена как сейчас «все люди братья», постаралась приветливо улыбнуться и воскликнула по-английски: «*Hallo!*» Он взглянул на меня холодно и спросил: «Kennen wir uns?» [«Разве мы знакомы?» — *нем.*] Я решила, что теперь не время для формальных представлений, встала и пошла.

Дома меня ждал горячий суп. Папá взял мои защитные очки и тоже вышел на улицу поглядеть. Тут позвонил Готфрид Бисмарк и сказал, что заедет за мной в три часа. Я сказала ему, по каким улицам ехать, чтобы не застрять. Приехала на велосипеде сестра Марии, графиня Шуленбург (она замужем за двоюродным братом посла). Она живет на другом конце города, и они там, судя по всему, пострадали меньше нас. Утром к ней пришли трое рабочих вставлять новые окна взамен тех, что вылетели во время налета в августе, и хотя прошлой ночью без окон остался весь центральный Берлин, ее окна они починили.

У меня пока всего лишь одна материальная потеря: мой месячный рацион гарцского сыра. Я купила его вчера, и поскольку как запах, так и вид у него мерзкий, я выставила его за окно на наружный подоконник; утром его там не оказалось; должно быть, воздушная волна унесла его на какую-нибудь соседнюю крышу.

Когда Папá вернулся, я взяла опять очки и отправилась в наше другое бюро на Курфюрстенштрассе. Бывшее польское консульство на углу, где мы долго работали с Татьяной и Луизой Вельчек, ярко пылало, но стоящее рядом здание самого посольства выглядело нетронутым. Я проскочила мимо первого и вошла в подъезд второго, где собралась растерянная кучка людей. На лестнице сидели Адам Тротт и Лейпольдт, оба с перемазанными сажей лицами. Они провели там всю ночь, так как налет застал их на работе. Мы договорились снова встретиться там же на следующее утро в одиннадцать.

В три часа дня явился Готфрид на своей машине. Мы погрузили в багажник мои вещи, а также одеяла и подушку. Он объяснил, что его дом в Потсдаме уже переполнен друзьями, оставшимися без крова, и нам придется потесниться. Помимо Лоремари Шенбург, там сейчас еще Эссены, которые явились посреди ночи мокрые, растрепанные и изнуренные.

Когда начался налет, Рюдгер Эссен был у себя на работе, на той же улице, что и наше министерство. Хермине была дома (она вскоре ожидает ребенка). Он позвонил ей и велел немедленно прибыть в посольство, под зданием которого шведские рабочие только что построили бетонный бункер со стенами два с половиной метра толщиной. До прошлой ночи не пострадала ни одна дипломатическая миссия и ни один жилой дом дипломатов, так что они, должно быть, вообразили, что их «дипломатическая неприкосновенность» оберегает их также и от бомб! Хермине благополучно добралась до бункера, но когда после отбоя они вылезли наружу, то посольство пылало, как факел. Несколько часов они спасали самые ценные архивы, а потом вскочили в машину и помчались домой. Дома, однако, уже и спасать было нечего, тогда они снова сели в машину и поехали по горящему городу прямо к Бисмаркам в Потсдам.

Мы заехали за Рюдгером и отправились ко все тлеющей шведской миссии за теми его вещами, которые там оставались. Пока Рюдгер находился в здании, мы с Готфридом вышли из машины, чтобы заново уложить вещи в багажнике. И тут я увидела, что к нам нетвердой походкой приближается закутанная в дорогую меховую шубку Урсула Гогенлоэ, знаменитая берлинская красавица. Прическа ее была в полном беспорядке, косметика потекла. Она остановилась возле нас и зарыдала: «Я все потеряла! *Все*!» Она пыталась теперь добраться до каких-то испанских друзей, обещавших вывезти ее за город. Мы сообщили ей, что испанское посольство тоже разрушено. Она повернулась, не сказав ни слова, и заковыляла прочь в направлении дымящегося Тиргартена. Сзади из ее шубки был выдран большой кусок меха.

Скоро вернулся Рюдгер, и мы стали пробираться по Будапестерштрассе между группами людей, тащивших детские коляски,

матрацы, всяческую мебель и тому подобное. Татьянин любимый антикварный магазин Брандл еще горел; внутри языки пламени вились по занавескам и на хрустальных люстрах. Поскольку большую часть товаров в этом магазине составляли шелк и парча, розовое пламя выглядело очень нарядно, даже роскошно. Вся Будапестерштрассе была опустошена, за исключением отеля «Эден»; в нем мы и условились всем встретиться на следующий день. Потом мы повернули на Ось Восток-Запад. Там мы глазам своим не поверили: по обеим сторонам улицы не осталось ни одного дома.

Когда мы добрались до Потсдама, то в первый момент от свежего, холодного воздуха у меня закружилась голова. В «Регирунге» (маленьком дворце, где расположена и канцелярия и официальная резиденция Бисмарков) хлопотала жена Готфрида Мелани, стелившая постели. Хермине Эссен сидела в своей постели со свежевымытыми волосами, всклокоченными, как у маленькой девочки. Я тоже приняла ванну. Лоремари оттирала меня, и вода сделалась черная! Мелани совершенно выведена из себя сажей и грязью, которые с каждым новоприбывшим поступают в их доселе безукоризненно чистый дом.

Мы только кончили ужинать, как дали заказанный нами междугородный разговор с Кенигсвартом, и мы смогли успокоить Татьяну и Мама́; они весь день пытались с нами связаться, но безуспешно. Сразу же после этого Готфриду сообщили, что к Берлину опять направляются мощные воздушные силы противника. Я позвонила Герсдорфам и Папа́ предупредить их. Мне было немного стыдно передавать эту дурную весть в то время, как сама я нахожусь в безопасности, но по крайней мере они успеют одеться. И действительно, через некоторое время завыли сирены. Другие остались в гостиной, но мы с Лоремари, все еще не оправившиеся от событий прошлой ночи, пошли наверх в комнату брата Мелани Жана-Жоржа, откуда лучше видно. Самолеты летели над Потсдамом волна за волной, но на этот раз они направлялись дальше на запад, в сторону Шпандау, и мы немного успокоились. Налет продолжался около часа, после чего мы, безмерно уставшие, легли спать.

Четверг, 25 ноября. Сегодня утром мы с Лоремари Шенбург встали рано. Эссены обещали подвезти нас в город на своей разбитой машине, так как Хермине вылетала к себе домой в Стокгольм. Дверцы машины заклинило, пришлось забираться через окна. Ветровые стекла тоже были разбиты, по краям оставалось много осколков, и по дороге они то и дело летели нам в лицо, но мы закутали головы как могли. Нам надо было быть на работе к 11 утра, но поскольку Рюдгер хотел сменить свой автомобиль на более исправный в каком-то гараже близ Халлензее, мы сделали крюк в этом направлении.

Скоро мы поняли, что вчерашний налет все-таки причинил городу новые разрушения. Мост Халлензее, правда, был цел, но все дома вокруг выгорели. Гараж Рюдгера был весь разбит и пуст. Мы поехали по Паризерштрассе. Эта часть города выглядела немного лучше, хотя и запущенно. Но когда мы добрались до отеля «Эден», то с изумлением увидели, что он сильно изменился за прошедшие 24 часа. Стены пока стояли, но окон уже не было, а оконные проемы были заткнуты матрацами, кусками мебели и прочими обломками. Позже мы узнали, что в крышу угодили три фугаса, разрушив все внутри и оставив одну коробку. Уцелел только бар, служивший по совместительству и бомбоубежищем — к счастью, поскольку во время налета он был полон народу. Зоопарк на другой стороне улицы сильно пострадал. Бомба попала в аквариум, уничтожив всех рыб и змей. Сегодня рано утром застрелили всех диких зверей, так как их клетки были повреждены и побоялись, что они разбегутся. Впрочем, крокодилы так и сделали, они пытались нырнуть в Шпрее, но их вовремя поймали и тоже застрелили. Представляю, что это было за зрелище! Покинув «Эден», мы условились встретиться в пять часов пополудни у шведского посольства, чтобы вернуться в Потсдам всем вместе.

Нас высадили на Лютцовплац, и, кутая лица в большие мокрые полотенца (многие здания все еще горели, и дышать было нечем), мы отправились в министерство. Там мы застали тот же хаос; никто не знал, что будет с нами дальше; кто-то говорил, что мы немедленно выедем на наши *Ausweichquartier* [загородные убежища]. Говорили, что министр иностранных дел фон Риббентроп в городе; он даже посетил некоторые дипломатические миссии, когда они горели. Прошел слух, что он лично участвует в обсуждении вопроса «Куда теперь отсюда» на совещании в том, что осталось от комплекса Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. Побеседовав немного с разными коллегами, которые все подходили и подходили, одетые в самые несуразные наряды, так как большая их часть потеряла все свое имущество, я подстерегла начальника нашего технического отдела, присутствовавшего на нашем последнем совещании в день первого налета. Он сказал мне, что спас мой велосипед, обнаружив его стоящим во дворе, но что он пока оставит его себе, потому что ему больше не на чем добираться. Я нашла, что это вполне справедливо, поскольку я уже все равно смирилась с мыслью, что велосипед пропал, но интересно, что скажет Готфрид: велосипед-то его! В конце концов нам сказали снова собраться завтра в 11 утра, когда, возможно, что-то наладится.

Когда мы уже собрались расходиться, неожиданно появился Папа́. Выглядел он ужасно, волосы растрепаны, лицо серое. Он явно сердился, что я не сочла нужным сперва заехать к Герсдор-

фам. Я же не подумала, что наш дом мог опять пострадать от бомбежки, и собиралась зайти туда просто так, мимоходом. Оказалось, на этот раз одна бомба упала прямо за домом Герсдорфов; все двери и окна вылетели, крыша и частично стены обвалились, и они все это время тушили пожар. Но на сей раз с меньшим успехом; а дом напротив, на той стороне нашего маленького скверика сгорел дотла.

Затем Папа́, Лоремари и я вернулись на Войршштрассе. Зрелище было поистине ужасающее. Так как большинство берлинских булочных было разрушено или закрылось, я закупила в Потсдаме несколько буханок белого хлеба, и мы наскоро поели супа. Потом Лоремари отправилась на поиски каких-то своих пропавших друзей, а я до вечера занималась тем, что забивала оконные проемы картоном и коврами для защиты от холода и дыма. Восьмидесятилетняя мать Марии, как всегда бесстрашная, настояла на том, чтобы мне помочь: я взгромоздилась на лестницу, а она подавала гвозди. Еще мне помогала англичанка, которой принадлежал сгоревший напротив дом. Ей не удалось спасти ничего, и она в скором времени уезжала за город.

Со вчерашнего дня постоянно заглядывают люди с других концов города, как правило — пешком, для того, чтобы узнать, как мы тут. Почти все сходятся на том, что хотя бомбили весь Берлин, но наш район, дипломатический сектор у Тиргартена и Унтер ден Линден пострадали больше всего. Приезжал на военной машине с ординарцем подполковник фон Герсдорф (родственник Хайнца), они помогли устроить временную крышу, забив дыры досками.

Хотя в то время Мисси, конечно, этого не знала, подполковник (впоследствии генерал-майор) барон фон Герсдорф был в числе военных, рано примкнувших к заговору против нацизма. В марте 1943 года на церемонии в берлинском Арсенале он сам готовился убить Гитлера. Он оказался одним из немногих выживших видных участников заговора.

Потом я отправилась искать Дики Вреде. Вчера, когда мы проезжали по Раухштрассе, я видела, что ее дом сгорел, а когда я заглянула туда сегодня, там не было ни души. Я все же вошла. Ее квартира находилась на первом этаже, и я подумала: вдруг остались какие-нибудь вещи, я бы их взяла и сберегла. Но когда я стояла в холле и смотрела на разрушенную лестницу, раздался грохот, и сверху обрушилась обгоревшая балка. Я отскочила и выбежала на улицу. После этого я зашла к Альбертам, их соседний дом уцелел.

Госпожа Альберт — американка, вышедшая замуж за немецкого промышленника, владельца химических заводов в Рейнланде. Когда началась война, их сын приехал из США и вступил в

германскую армию, оставив в Калифорнии жену и детей. Есть еще дочь, Ирена, одаренная гитаристка и певица, с которой мы давно дружим.

Я застала мать и дочь в подъезде. Они бросились обниматься и объявили, что надеются выехать в Мариенбад, знаменитый курорт в Судетской области (расположенный, кстати, неподалеку от меттерниховского Кенигсварта), и что Папá следовало бы поехать с ними. У них была машина и кое-какой запас бензина, но не было водителя. Однако поскольку их дом заняли оставшиеся без крова шведы, то они надеялись, что в знак благодарности шведы дадут им шофера. Они уговаривали ехать и меня, но меня вряд ли отпустят. По иронии судьбы, они только вчера приехали из Рейнланда, и тут же налет, который они просидели у себя в подвале.

Я вернулась на Войршштрассе и сообщила Папá об этом новом плане, но он отказывается ехать без меня, а так как у него нет иных причин оставаться в Берлине, то я решила выпросить отпуск на несколько дней. Потом я взяла Папá с собой в шведское посольство, откуда мы все с Рюдгером Эссеном поехали обратно в Потсдам. Папá не спал две ночи и был совершенно изнурен. Бисмарки приняли его весьма радушно; мы приготовили ему постель, и он с наслаждением принял горячую ванну.

Не успели мы пообедать, как завыли сирены. Но это были опять разведывательные самолеты, высматривающие разрушения вчерашнего налета.

Пятница, 26 ноября. Сегодня в восемь утра Папá, Лоремари Шенбург и я возвратились в Берлин. Поскольку мы предполагали, что, возможно, поедем с Альбертами в Мариенбад, то уложили чемоданы. Я постаралась взять с собой минимум вещей, упаковав все остальное в два больших чемодана, которые я оставила в подвале у Бисмарков. Машина Рюдгера Эссена была набита шведами, так что мы сели на электричку, так называемую «С-бан», сделали пересадку в Ваннзее и вышли на Потсдамер Плац. Электричка была полна пассажиров, на каждой станции с боем врывались все новые и новые, так как это была, кажется, единственная еще работающая линия. Станция Потсдамер Плац — подземная, там было все еще безукоризненно чисто, белый кафель и тому подобное. Тем заметнее был контраст, когда мы вышли на улицу: весь район представлял собой одну огромную массу дымящихся развалин, сгорели все большие здания, окружающие площадь, за исключением отеля «Эспланад», который выглядел помятым, но все-таки сравнительно целым, хотя, разумеется, без единого оконного стекла.

Мы пошли к Альбертам, таща свой багаж по грязи и пеплу Тиргартена. Дома со всех сторон были черные и дымились. Парк выглядел как поле битвы во Франции в войну 1914—1918 годов,

деревья стояли голые и мрачные, всюду валялись обломанные сучья, через которые приходилось перешагивать. Что, интересно, произошло со знаменитыми рододендронами, подумала я, и что со всем этим будет весной? Общественного транспорта не было никакого, так что весь путь пришлось проделать пешком.

Как это ни странно, за последние два дня вновь появились выросшие вдруг, как грибы, частные машины. До сих пор их прятали — несомненно, в предвидении именно подобных обстоятельств. Большая их часть без номеров, но никого не останавливают. Напротив, издано распоряжение о том, что все наличные средства передвижения должны подвозить всех, кого могут, так что несмотря на повсеместные разрушения берлинское уличное движение постепенно приобретает почти довоенный облик. К сожалению, нам не везло: все попадавшиеся машины были уже полны. В одном месте нас остановил необыкновенной наружности солдат — должно быть, только что призванный: нечто среднее между декаденствующим эстетом и комиком из кабаре. Изящно жестикулируя, он посоветовал нам не идти дальше, так как перед шведским посольством упало пять бомб замедленного действия. Мы повернули на Бендлерштрассе, где расположено ОКХ (Главное Командование Сухопутных Сил). Вернее, располагалось, так как их тоже разбомбили, и теперь десятки офицеров и солдат в серо-зеленой армейской форме копошились среди обломков, спасая архивы. Дойдя до военно-морского министерства, расположенного несколько дальше на той же улице, мы увидели совершенно ту же картину, с той разницей, что всей этой акробатикой в развалинах занимались офицеры и матросы в темно-синем. Забавно, что единственные иностранные миссии, не слишком пострадавшие от бомб союзников, — это посольства их противников, японцев и итальянцев! А между тем, будучи недавно построены и к тому же гигантского размера, они представляют собой идеальные мишени.

В рамках своего плана превратить Берлин в образцовую столицу своего «тысячелетнего рейха», Гитлер избрал район Тиргартена, некогда место охоты прусских королей, для нового дипломатического квартала. В 1938 г. началось строительство ансамбля новых посольств, выдержанных в безличном монументальном стиле, столь любимом самим Гитлером и его главным архитектором Альбертом Шпеером. Самыми большими были итальянское и японское посольства, как и подобало главным союзникам Германии. Законченные лишь в 1942 г. оба все же тоже сильно пострадали — в последние недели войны — от бомб союзников и от уличных боев.

Почти через час ходьбы мы добрались до Альбертов, где узнали, что в последний момент все застопорилось: шофера шведы нашли, но он не ел чуть ли не четыре дня; они попытались

взбодрить его, дав ему не только еды, но также и коньяк, и теперь он был мертвецки пьян и ни на что не годен. Мы сказали, что вернемся после обеда, как только я получу официальное разрешение уехать.

После этого мы с Лоремари прошлись по Ландграфенштрассе, поскольку нам сказали, что разбомбило дом Кикера Штумма. Хотя его единственный брат был убит во Франции, Кикер сейчас в России. На его улице не осталось ни одного целого дома, и когда мы дошли до его здания, мы побоялись самого худшего, так как на этом месте торчали одни наружные стены. Мы спросили каких-то пожарных, живы ли жильцы. Кажется, да, сказали они, но вот их соседей завалило в подвале, и их все никак не удается откопать. «А вон те, — показали они на большое шестиэтажное здание на другой стороне улицы, — те все погибли, все триста!» Прямое попадание в подвал. Мы прошли на Курфюрстенштрассе, где у нас друзья почти в каждом доме; большую их часть тоже разбомбило. Огромный гранитный многоквартирный дом Оярсабалей превратился в кучу камня. Угол Неттельбекштрассе (включая наш любимый ресторанчик «Таверна») был буквально стерт в порошок, оставались лишь небольшие кучки мусора. Всюду, куда ни посмотри, пожарные и военнопленные, в основном так называемые «итальянцы Бадольо», занимались накачкой воздуха в развалины, что означало, что в засыпанных подвалах кто-то еще жив.

После капитуляции Италии в сентябре 1943 г. всех итальянских военнослужащих на оккупированных немцами территориях поставили перед выбором: либо служить муссолиниевской «республике Сало», либо быть интернированными и выполнять тяжелые работы. Последние были известны как «итальянцы Бадольо».

Перед одним из разрушенных зданий собралась толпа: все смотрели на девушку лет шестнадцати. Она стояла на куче камня, поднимала кирпичи один за другим, тщательно вытирала с них пыль и снова выбрасывала. Нам сказали, что вся ее семья погибла под развалинами и она сошла с ума... Эта часть города выглядела просто кошмарно. В некоторых местах нельзя было даже сказать, где проходили улицы, и мы перестали понимать, где мы находимся. Но в конце концов мы добрались до Раухштрассе и до своего бюро.

Оно чудом уцелело. Внизу я встретила одного из наших кадровиков. Я сказала ему, что у меня есть пожилой отец и я имею возможность вывезти его из города. Сначала он не хотел давать мне разрешение, но услыхав, что мы *Bombengeschädigte* [пострадавшие от бомбардировки] — спасительный термин в подобные времена! — согласился. Я заверила его, что вернусь, как только

понадоблюсь, и, дав ему адрес и телефон Татьяны, поспешила уйти, пока он не передумал.

Пообедав горячим супом рядом у Герсдорфов, мы с Лоремари продолжили наш обход, обследуя город улица за улицей в поисках пропавших друзей.

В эти последние дни на почерневших стенах разрушенных домов появились бесчисленные надписи мелом: «Liebste Frau B, wo sind Sie? Ich suche Sie überall! Kommen Sie zu mir. Ich habe Platz für Sie» [«Дорогая фрау Б., где вы? Я ищу вас повсюду. Переселяйтесь ко мне. У меня есть для вас место»], или: «Alle aus diesem Keller gerettet» [«Из этого подвала всех спасли!»], или: «Mein Engelein, wo bleibst Du? Ich bin in grosser Sorge. Dein Fritz». [«Ангелочек мой, куда ты пропала? Я страшно беспокоюсь. Твой Фриц»], и т.п. Постепенно, по мере того, как люди возвращаются к себе домой и читают эти надписи, появляются под ними ответы — тоже мелом. Таким путем мы узнали о метонахождении нескольких наших друзей. Когда же мы добрались до развалин нашего бюро, то найдя в куче камня мел, мы написали большими печатными буквами на столбе у самого входа: «Missie und Loremarie gesund, befinden sich in Potsdam bei B.» [«Мисси и Лоремари здоровы, находятся в Потсдаме у Б(исмарков)»]. Нашему начальству это, несомненно, не понравилось бы, но мы думали прежде всего о всевозможных наших поклонниках, имеющих привычку звонить нам в любое время дня и которые, быть может, будут нас разыскивать.

Внезапно появился на своей машине Мояно из испанского посольства. Он рассказал мне, что его посол и многие другие испанцы в ту первую ночь обедали в отеле «Эден» и что, к счастью, Мария-Пиляр Оярсабаль и ее муж не успели побежать домой, потому что, когда их дом обрушился, все в подвале дома погибли, включая и их слуг. Федерико Диес (другой испанский дипломат) находился дома, и когда его дом загорелся, как и соседние здания, и люди повалили на улицу, он вытащил свой фамильный коньяк (они известные виноделы) и начал всех угощать.

Около 4 часов пополудни я вернулась к Альбертам ожидать развития событий. Дом Альбертов был как ледник, поскольку стеклянная крыша и окна разлетелись вдребезги и все двери слетели с петель. Мы сидели на кухне в пальто и мерзли, а грузинский друг Альбертов, князь Андронников, собиравшийся ехать с нами в Мариенбад, сидел в гостиной, закутанный в шарфы, в низко надвинутой на глаза шляпе, и весь вечер превосходно играл на рояле. Во время первого налета бедняге удалось спастись из горящего отеля вместе со всеми вещами и найти комнату в «Эдене». Но на следующий день «Эден» разбомбило и князь остался в чем был. Он особенно сокрушался об утрате четырех пар новехоньких ботинок.

Пока мы сидели и ждали, в комнату ворвалась Ага Фюрстенберг, бросилась мне на шею и завопила: «Missie, ich dachte Du bist tot!» [«Мисси, а я думала, ты погибла!»] После первого налета, вернувшись домой, она обнаружила вместо дома, где они с Дики Вреде жили, груду развалин. Целые сутки она думала, что потеряла все, но потом случайно встретила брата Мелани Бисмарк Жана-Жоржа Хойоса, который сообщил ей, что кое-что из ее вещей удалось спасти, и теперь она воспрянула духом.

Не успела уйти Ага, как приехала на машине киноактриса Дженни Джуго. Она обняла меня и сообщила, что Дики Вреде теперь живет у нее в Кладове и что она приехала за ее вещами. Так постепенно начинаешь узнавать, кто из друзей где находится, но прогресс весьма медленный; и часто новости ужасающие.

После первого налета Папá пошел проведать одних русских друзей, Дерфельденов. Их дом рухнул. Мужа вытащили из подвала живым, но ее откопали лишь спустя много часов — без головы. Бедная женщина всегда страшно боялась воздушных налетов и каждый раз непременно тащила с собой в подвал большое Евангелие. Хотя мне делается все страшнее и страшнее, я почему-то думаю, что меня такой финал не ожидает.

После того, как мы прождали, казалось, многие часы, шведы сообщили нам, что наш отъезд откладывается еще на сутки.

Папá вернулся в Потсдам ночевать, а я пошла к Герсдорфам выпить чаю. У них был теннисный чемпион Готфрид фон Крамм. Он только что прибыл из Швеции и при виде города, по его словам, чуть не разрыдался. Потом на военной машине приехал старый барон Икскюль в пальто своего швейцара (он служит в Абвере). Он сражался с огнем на крыше своего дома до рассвета — безуспешно. Его квартира находилась на верхнем этаже; у него было замечательное собрание книг, но ничего спасти не удалось. Куда там: одна женщина в здании сгорела заживо. Я разминулась с Рюдгером Эссеном, и пришлось возвращаться в Потсдам поездом. К счастью, Икскюль подвез меня до станции Шарлоттенбург. По дороге, совершенно невозмутимый, он предложил мне билеты на концерт Караяна в следующее воскресенье. Бисмарки не особенно удивились моему появлению.

Ночью опять была тревога, но ничего серьезного.

Суббота, 27 ноября. Утром Лоремари Шенбург, Папá, Готфрид Крамм (приехавший ночевать в Потсдам) и я снова залезли в машину Рюдгера Эссена. Эссен уезжал в Швецию.

По всему городу продолжаются пожары на задворках, и судя по всему, потушить их не удается. Горят только что доставленные на зиму запасы угля! Мы часто останавливаемся возле них погреть руки, потому что в эти дни в домах холоднее, чем на улице.

Около полудня, прихватив свою обычную теперь поклажу — белый хлеб из Потсдама, я зашла к Герсдорфам и застала там

Готфрида Бисмарка. Мы, как всегда, пообедали супом. Дом Герсдорфов — единственный теперь, где несмотря на холод и сквозняки, можно немного передохнуть.

В разгар «обеда» появились Лоремари и Тони Заурма. Бедный юноша никак не может придти в себя. Накануне он вывозил свою роту в небольшую деревню, куда их эвакуировали. Во время ночного налета (о котором я написала «ничего серьезного») убило его водителя, а его самого завалило в подвале рухнувшего дома; ему удалось выбраться только на следующее утро. Он теперь объявил — это так типично для нашего времени! — что только что купил сотню устриц; мы с Лоремари тут же вскочили к нему в машину и все вместе поехали к нему на квартиру за устрицами.

Мы проезжали Виттенбергплац, которую я не видела с начала налетов. Вся огромная площадь была усеяна останками сожженных трамваев и автобусов — это крупный транспортный узел. Бомбы падали везде, даже на станцию метро, а от KDW — большого универмага — остался один скелет. По пути мы увидели на велосипеде Зигрид Герц. Я поздравила ее, так как ее дом был одним из немногих, еще уцелевших, но она рассказала, что в ее спальню на верхнем этаже угодила фосфорная зажигалка и вся ее одежда сгорела. Она теперь переехала к друзьям в Грюневальд. Я припомнила, какие у нее были чудные меховые шубки! Дальше по пути нас остановил пожарный и попросил подвезти какую-то женщину со множеством узелков до станции Шарлоттенбург. Мы это сделали и потому к Тони попали не скоро. Немного устриц мы съели тут же, запивая их коньяком. Я не представляла себе, как трудно их открывать, и порезалась. Остальное, вместе с кое-каким вином, мы увезли к Марии, где пир продолжался, причем все время кто-нибудь заходил и присоединялся. Так продолжалось допоздна с множеством порезанных пальцев, так как никто не умел вскрывать устриц.

На утро после первого налета у меня была назначена примерка шляпки в магазинчике неподалеку. Кругом все горело, но мне была очень нужна эта шляпка, и вот теперь я пошла и позвонила в дверь. Чудо из чудес: меня встретила улыбающаяся продавщица. «Durchlaucht können anprobieren!» [«Ваше сиятельство могут примерить!»] Я примерила, но поскольку я была в перепачканных брюках, эффект было трудно оценить. Затем Тони и Лоремари отвезли меня к Альбертам, где, наконец-то, в 4 часа пополудни у дверей появился грузовик. Он вез за город мебель и чемоданы членов шведской колонии, и посланник разрешил и нам уехать с ним. Нас должны были высадить на ближайшей железнодорожной станции за городской чертой, откуда мы должны были сами добираться, объезжая Берлин до железнодорожной магистрали, идущей на юг. Г-жа Альберт села впереди рядом с двумя шведами-

водителями в касках, а остальные — Папа́, князь Андронников, Ирена Альберт и я — устроились сзади. Мы сидели на вещах, посреди чемоданов и корзин, с моей новой шляпкой в картонке; не хватало только пресловутой канарейки! Третий швед сел с нами, брезент застегнули, погрузив нас в полную темноту, и мы тронулись.

Мы ничего не видели и поэтому не знали, куда едем, но по истечении часа тряски по скверной дороге прибыли в деревню под названием Тойпиц в 63 километрах от Берлина, где нас пригласили сойти.

Так как у нас у всех были бирки с надписью *Bombengeschädigte* и благодаря нашим водителям все принимали нас за шведов, то в чистеньком местном «гастхаузе» (гостинице) согласились предоставить нам ночлег. Окруженные своим багажом, мы собрались в пивном зале. Пока нам готовили комнаты, мы получили на ужин настоящего чаю и съели предусмотрительно взятые с собой бутерброды с тунцом, запив их шампанским из большой бутыли. В разгар этого «ужина» раздался сигнал воздушной тревоги — во дворе заиграл на своего рода горне сын хозяина гостиницы. Мы намеревались, несмотря ни на что, пойти наверх спать, но местные жители, явно относящиеся к налетам серьезно, так неодобрительно на нас посмотрели, что мы остались на месте. Вообще-то они, вероятно, были правы, так как в конце концов мы находились совсем недалеко от Берлина, а опыт Тони Заурма показывает, что даже в отдаленных деревнях отнюдь не безопасно. Очень скоро началась стрельба, а потом мы услыхали уже столь знакомое теперь гудение самолетов над головой. Самолеты сбросили поблизости несколько бомб, после чего все мы спустились в весьма жуткого вида подвал со множеством труб отопления и котлов. Г-жа Альберт выбрала момент, когда стрельба была особенно интенсивной, чтобы произнести по-английски с сильным американским акцентом: «Одним можем гордиться... Мы только что были свидетелями одного из величайших бедствий в современной истории!» Бесспорно!

Должна признаться, что за эти последние ночи я сделалась довольно пугливой, и даже на этом расстоянии чувствовалось, что налет опять крупный. Позже мы узнали, что бомба попала в дом с аркой, сквозь которую проходят на наш маленький скверик. Мария и Хайнц Герсдорфы укрылись как раз в подвале этого дома: им показалось, что там безопаснее, чем в их собственном полуподвале. Тем не менее дом рухнул, и их завалило. Правда, утром их, к счастью, откопали невредимыми.

После отбоя нас провели в наши комнаты — одну для нас, трех женщин, другую для Папа́ и Андронникова. Постели были сырые, но удобные, с толстыми пуховыми одеялами, а г-жа Альберт почти всю ночь громко храпела. Вообще-то это был рай,

так как мы уже смирились с перспективой спать на полу до самого Кенигсварта.

Воскресенье, 28 ноября. Встали рано, чтобы успеть на автобус до ближайшей железнодорожной станции. Автобус был так набит, что мы едва втиснулись. Однако мы все-таки поспели к поезду и через два часа были на станции Коттбус (крупный железнодорожный узел к югу от Берлина). Скорый на Лейпциг ушел у нас буквально перед носом, потому что мы замешкались, перетаскивая наш багаж через пути. К счастью, нам помогли какие-то ребята из Гитлерюгенда. Они понесли все вещи и отвели нас в специальный зал ожидания для *Bombengeschädigte*, где мы несколько часов прождали следующего поезда и где нам предложили изумительные бутерброды с колбасой и толстым слоем масла, а также наваристый суп, и все бесплатно! Это работа NSV [*Nationalsozialistische Volkswohlfahrt*, национал-социалистическая организация «народного благосостояния»], которая показала себя весьма эффективной в данных чрезвычайных обстоятельствах. В Берлине эта NSV в первый же день налетов организовала на каждой разбомбленной улице полевые кухни, где в любое время дня любой прохожий мог получить вкусный суп, настоящий крепкий кофе и сигареты, тогда как в магазинах ничего этого не достать.

Наконец, в час дня мы сели в еле ползущий поезд до Лейпцига. Большую часть пути мы стояли и прибыли в шесть. К этому времени мы ехали уже 24 часа (вместо обычных двух!). Всю дорогу нас постоянно смущали Альберты, которые никак не могли отказаться от привычки переговариваться по-английски, громко крича с одного конца вагона на другой: *«Honey!» — «Yes, lovey!» — «Are you all right?»* [«Лапочка!» — «Да, душечка!» — «Как ты там?»] Папá был в холодном поту, но остальным пассажирам это было, по-видимому, все равно, и неприятностей не было.

В Лейпциге мы пошли прямо в вокзальный ресторан, где смогли немного привести себя в порядок и очень прилично поужинать венскими шницелями, запив их вином. Был даже оркестр, игравший Шуберта! Когда получасом позже подошел берлинский экспресс, он был, разумеется, полон, и нам пришлось буквально кулаками пробиваться в вагон. Прямо передо мной какую-то женщину столкнули на рельсы и вытащили обратно за волосы. Было довольно досадно слышать, что некоторые пассажиры преспокойно сели на этот поезд в Берлине каких-нибудь два часа назад. Правда, Геббельс недавно издал распоряжение, предписывавшее всем молодым людям оставаться в Берлине, и мы с Иреной опасались, что нас не пропустят на вокзале.

Мы надеялись, что в Эгере нас встретит машина Меттернихов, но ее не оказалось, и пришлось еще два часа ждать местную электричку, которая доставила нас в Кенигсварт только в пять

утра. Нас ждал холодный ужин. Потом я легла в Татьянину постель, и мы болтали почти до рассвета.

Приписка Мисси, сделанная ею тогда же:

«Я воспользовалась передышкой после нашего приезда в Кенигсварт, чтобы описать происшедшее за последние дни, а то все забудется. Но, спустившись как-то поужинать, я по рассеянности оставила единственный свеженапечатанный экземпляр поверх корзины с дровами рядом с письменным столом. Когда я вернулась, рукописи уже не было. Оказывается, добросовестная горничная, прибирая комнату, выбросила ее в печь: я тут же села и все переписала заново, зная прекрасно, что, если отложу на потом, я этого никогда уже не сделаю».

Между первым массированным налетом на Берлин 18 ноября 1943 г. и завершением регулярных воздушных атак в марте 1944 г. (хотя город время от времени продолжали бомбить вплоть до взятия его Красной Армией в апреле 1945 г.) Берлин бомбили 24 раза. К концу этого периода в каждом налете участвовало около тысячи самолетов, сбрасывавших от одной до двух тысяч бомб. Итог? Большая часть зданий превратилась в груду кирпича и камня; десятки тысяч жителей были убиты или искалечены, а без крова осталось около 1,5 миллиона (причем эта цифра не включает многих тысяч военнопленных и иностранных рабочих, учета потерь которых никогда не вели). И все же немецкая противовоздушная оборона — тщательно разработанное сочетание мощной зенитной артиллерии с действиями ночных истребителей, снабженных радарами, — оказалась столь эффективной, что, по словам британского историка Макса Хейстингса, «воздушное сражение за Берлин было не просто безуспешным. Оно оказалось проигранным... Берлин победил. Это был слишком крепкий орешек» («Бомбер команд», Лондон, 1979).

Действительно, разработанная маршалом Харрисом «насыщенная бомбардировка» целых районов (официальный термин союзников), она же «террористическая бомбардировка» (как ее не без основания окрестила нацистская пропаганда) нигде не достигла намеченных целей. Несмотря на все причиненные материальные разрушения, включая уничтожение многочисленных сокровищ мировой цивилизации (отсюда еще одно ехидное выражение немецкой пропаганды — «бомбардировка по Бедекеру» (намек на известный путеводитель!), несмотря на все потери гражданского населения (причем очень часто погибшие были стариками или детьми, не работавшими на производстве), многие важнейшие объекты налетов, как, например, военные заводы (к тому времени преимущественно передислоцированные или укрытые под землю) и железнодорожные линии (восстанавливавшиеся за несколько часов), функционировали практически до самого конца. Что же до боевого духа населения, то несмотря на горе, бессонницу, физическое истощение и недоедание, он так и не был сломлен. Чтобы поставить Германию на колени, понадобились традиционные наземные военные действия, включая оккупацию

всей территории противника сошедшимися на реке Эльба союзниками и русскими армиями.

Вторник, 30 ноября. Телеграмма из бюро: «Erwarten sofortige Rückkehr» [«Ожидаем немедленного возвращения»]. Меж тем и у Папá, и у меня начался сильный кашель. Врач считает, что это разновидность бронхита — результат берлинских сквозняков в сочетании со всем этим дымом, которого мы невольно наглотались. В Мариенбаде супруги Альберты тоже слегли.

Среда, 1 декабря. Лежу в постели — предосторожность ввиду прошлогоднего плеврита. Врач выписал мне справку о болезни.

2, 3, 4, 5, 6, 7 декабря. Все эти дни провела в постели, соблюдая весьма спокойный, балующий режим.

Среда, 8 декабря. Князь Андронников уехал в Мюнхен. Он типичный грузин, в нем много восточного. Мы говорили об одном человеке, который женился на вдове своего брата, погибшего на войне, и вдруг он говорит: «Такое бывает только в Европе — *правда, дикари*». [Последние два слова приведены в тексте Мисси по-русски. — *Прим. перев.*].

На прошлой неделе был еще один массированный налет на Берлин — это уже четвертый. В пятницу (3 декабря) я проснулась среди ночи — на дворе с небольшими промежутками раздавались траурные звуки какого-то странного горна. Татьяна объяснила, что это их воздушная тревога. Вдалеке слышалась сильная стрельба. Позже мы узнали, что это был налет на Лейпциг (где мы еще недавно в пути так вкусно обедали). Город практически уничтожен.

Сегодня во второй половине дня из Потсдама от Бисмарков звонил Паул Меттерних. Он сообщил, что прибывает завтра со своим полковником. Татьяна на седьмом небе!

Пятница, 10 декабря. Паул Меттерних совершенно сокрушен увиденным в Берлине.

Пришли письма от Ирины из Рима; она очень тоскует, что отрезана от нас. Продолжаем спорить о том, как ей поступать. Папá и Мамá придерживаются на этот счет разных мнений: Мамá хочет, чтобы она оставалась в Италии, а Папá считает, что она должна приехать к нам, чтобы встретить окончательное крушение всей семьей.

Понедельник, 13 декабря. Подолгу гуляем по заснеженным окрестностям. Полковник Паула Меттерниха оказался славным человеком; его весьма лестные замечания о России и русских пришлись по душе родителям.

Вторник, 14 декабря. Паул Меттерних и полковник уехали. Хотя эта поездка отпуском не считается, Паул боится, что не сможет вернуться на Рождество. Однако он, возможно, заедет на день-другой на обратном пути на фронт.

Четверг, 16 декабря. Получила телеграмму от Лоремари Шенбург, которая сейчас в Вене: она предлагает мне занять вакансию личной секретарши у главы берлинской полиции графа Хельдорфа (все это в завуалированных выражениях). Это, конечно, дело ее рук: ведь он меня почти не знает. Но мне кое-что известно о его заговорщической деятельности, а ему, вероятно, нужен человек, которому он мог бы доверять. Я должна посоветоваться с Адамом Троттом; пока не посоветуюсь, ответа не дам.

После обеда были с Татьяной в Мариенбаде, нанесли визит Альбертам. Они собираются возвращаться в Берлин!

Понедельник, 20 декабря. Снова ездили в Мариенбад, где Татьяна сделала себе перманент, а я прическу попроще — более подходящую для воздушных налетов.

Вторник, 21 декабря. В прошлую пятницу опять был сильный налет на Берлин; мы пытались дозвониться до Марии Герсдорф, но не получилось, тогда мы отправили ей телеграмму. Сегодня пришел ответ: «Alle unversehrt. Schreckliche Nacht. Brief folgt» [«Никто не пострадал. Ужасная ночь. Подробности письмом»].

Я попросила разрешения бюро остаться здесь на Рождество.

Среда, 22 декабря. Играем весь день в пинг-понг. Читаю низкопробные книжонки — к негодованию родителей. Ни на чем другом не могу сосредоточиться, хотя Мама́ постоянно подсовывает мне, например, воспоминания современников о Венском конгрессе и наполеоновских войнах. Но мне хватает и *этой* войны, которая пока что заслоняет собой все остальное.

Неоднократно бомбили Инсбрук, так что надежда австрийцев на то, что Вену пощадят, выглядит весьма наивной. Наступление союзников в Италии развертывается не слишком быстро. Судя по всему, эти жуткие налеты рассчитаны на то, чтобы подорвать боевой дух немцев, но, по-моему, этим ничего не добьешься. Эффект скорее противоположный. Ведь при таких страданиях и трудностях политические соображения отступают на второй план, и все озабочены только тем, как залатать крышу, подпереть стену, поджарить картошку на перевернутом электрическом утюге (я сама так жарила яичницу!), растопить снег, чтобы умыться и т.д. Более того, в такие моменты побеждает героическая сторона человеческой натуры, и люди становятся исключительно доброжелательными, стараются помогать друг другу — *compagnons de malheur* [товарищи по несчастью].

Пятница, 24 декабря. Сочельник. Опять идет снег и на дворе очень холодно. Мы с Татьяной целый день делали бумажные цепи для елки, так как никаких других украшений у нас нет. Гретль Роан, тетушка Лоремари Шенбург, послала нам из Богемии две посылки со стеклянными украшениями, но в пути все разбилось вдребезги. Мы сделали тоже кучу звезд, и еще у нас есть так называемые «волосы ангела», так что елка выглядит вполне

прилично. Экономка Лизетт даже ухитрилась раздобыть в деревне двенадцать свечей. Вечерами мы теперь играем в бридж. Ходила ко всенощной в часовню, там очень холодно, но красиво. Потом пили шампанское и закусывали бисквитами.

Воскресенье, 26 декабря. Получила несколько писем из бюро, одно из них без подписи: в нем сообщается, что мы эвакуируемся в горы; неудивительно, поскольку все наши помещения разрушены. Еще там говорится, что это будет полезно для моего здоровья и поэтому они рассчитывают на мое скорейшее возвращение. Я решила не говорить об этом родным, так как хочу отложить свое решение, пока не вернусь в Берлин. Возможно, я захочу остаться «там, где все происходит» — а «все происходит», разумеется, в Берлине.

Письмо и от Марии Герсдорф. Она пишет, что в сочельник опять был налет, в нашем районе было много попаданий и он вновь сильно пострадал. Какое бесстыдство! Даже в прошлую мировую войну, уже достаточно жестокую, боевые действия в этот день приостанавливались. Герсдорфы теперь живут в нашем полуподвале, они устроили спальню рядом с кухней, поставив там ту самую знаменитую двуспальную кровать, в которой все мы спали по очереди.

Пятница, 31 декабря. Звонил Паул Меттерних сообщить, что приезжает сегодня в два часа ночи. Я рада, что увижусь с ним до своего отъезда в Берлин. Уезжаю завтра.

1944

1 января — 18 июля

КЕНИГСВАРТ. *Суббота, 1 января 1944 года.* Паул Меттерних приехал только на рассвете. В комнате у Татьяны была зажжена елка. Мы отпраздновали Новый год и ее день рождения шампанским и слойками с вареньем, сожгли кусочки бумаги с написанными на них желаниями и накормили разными лакомствами скотч-терьера Шерри — с катастрофическими последствиями.

Сейчас я укладываюсь: спешу на полуночный поезд на Берлин

БЕРЛИН. *Воскресенье, 2 января.* Мамá проводила меня на машине до вокзала в Мариенбаде. Шел сильный снег. Поезд, как обычно, опаздывал. Мы целый час сидели на насквозь промерзшем вокзале. Когда поезд все-таки подошел, завыли сирены. Я надеялась, что, сев на ночной поезд и прибывая в Берлин рано утром, я не попаду под налет (который бывает теперь почти каждую ночь). Погас свет, и я села не в тот вагон; он был полон спящих солдат, возвращающихся с Балкан в растрепанном виде,

большинство с бородой многонедельной давности. Они немедленно начали причесываться и натягивать на себя одежду. Через некоторое время проводница велела мне перейти в другой вагон, но поскольку над головой все еще гудели самолеты, я предпочла остаться под защитой тех, кого Мама́ иронически именует в своих письмах *the brave boys in blue* [«бравыми ребятами в форме»] — наверное, она подцепила это выражение в каком-нибудь пошлом романе. Я беспокоилась за нее: ведь обратно в Кенигсварт ей пришлось ехать во время налета. Беспокоилась я и за себя: на снегу наш поезд гораздо лучше был виден сверху. Но оказалось, что самолеты союзников направляются к более важной цели, и мы прибыли в Лейпциг благополучно, вовремя успев на пересадку.

Мы уже были в предместьях Берлина, когда поезд остановился и простоял четыре с половиной часа. Многие пути разворочены, и поездам приходится ждать очереди. Некоторые пассажиры, впав в истерику, вылезали через окна и шли пешком. Я осталась и прибыла на Ангальтский вокзал в три часа дня. Автобусы пока еще ходят; я села на автобус и добралась до Войршштрассе.

Насколько я могу судить, Берлин не очень изменился со времени моего отъезда пять недель назад, но стало чище, улицы освобождены от завалов. Наш район выглядит хуже, чем другие, через которые я проезжала: две фугасных бомбы упали по обеим сторонам Лютцовштрассе, а еще одна — у входа в наш скверик, и все особняки по соседству с нашим разрушены. Я прошлась по дому с кухаркой Мартой. Зрелище жуткое: зияют выбитые окна, дождь заливает фортепиано... Я выгрузила индейку и вино, привезенные из Кенигсварта, слегка подкрепилась супом и отправилась на поезде в Потсдам.

Там все было тихо. Кухарка подала мне кофе (Рюдгер Эссен оставил немного кофе в качестве рождественского подарка прислуге). Хотя экономка как-то раз пожаловалась Лоремари Шенбург, что, когда мы с ней в доме, то «все идет кувырком, прямо как на Диком Западе», она тем не менее как будто бы рада была меня видеть.

После ужина я распаковала небольшую часть вещей, так как долго пробыть здесь я не собираюсь, и легла спать. В два часа ночи взвыли сирены. В Потсдаме и окрестностях началась сильная стрельба, и поскольку я была в доме одна с прислугой, мы из предосторожности спустились в подвал. Нервы у меня не окрепли, и я порядком перепугалась, когда поблизости с воем упало несколько бомб. Очень изматывает также необходимость сидеть без сна каждую ночь, иногда часами.

Понедельник, 3 января. Ровно в девять была на работе. Теперь от нашего некогда просторного Отдела информации осталось одно лишь здание бывшего польского посольства, и работы почти

нет: уходят все в четыре часа, чтобы успеть домой к ночи, когда начинаются налеты. У некоторых путь до города занимает несколько часов; одной из секретарш требуется целых семь часов, чтобы проехать сюда и обратно, так что на работе она проводит всего час. Я на ее месте вообще не приходила бы.

Мы работаем восьмером в одной комнате — бывшей гостиной польского посла Липского. В ней роскошные шкафы, зеркала и красивый ковер, но для бюро она мало пригодна. Нервы у всех напряжены до предела; на днях две секретарши на первом этаже буквально подрались. На меня изнуренные лица наводят еще большее уныние, чем картина разрушений на улицах города. Должно быть, все это из-за постоянного недосыпания: оно не позволяет хотя бы немного прийти в себя.

Джаджи Рихтер неистовствует: во время последних двух налетов несколько бомб упало на деревню Вердер, где в доме без подвала живут его жена и двое детей, года и двух лет. Поскольку он собирается на полтора месяца уехать в Италию к послу Рану, я предложила ему отвезти их на это время к Татьяне. Теперь она принимает беженцев из многих разбомбленных городов и несомненно будет рада их приютить.

Мой непосредственный начальник Бютнер очень суетлив и раздражителен — возможно, из-за своего ранения в голову; однако он принял на работу в наше подразделение Лоремари Шенбург и Уш фон дер Гребен, так что мне теперь гораздо веселее. Я рада, что практически все самые приятные люди нашего отдела (за исключением, разумеется, его самого) пока еще находятся в Берлине, хотя ходят слухи, что мы вот-вот переедем в Круммхюбель — лыжный курорт на силезско-чехословацкой границе, куда передислоцировалось все министерство и где мне будет поручено создать новый фотоархив (старый погиб во время ноябрьского налета). Это совершенно новое для меня дело, к тому же нелегкое, если учесть скудость материала.

Провела все утро в разговорах с сослуживцами. Потом Лоремари, Адам Тротт и я отправились к Марии Герсдорф перекусить. Как всегда, мы застали там кучу народа.

Вторник, 4 января. Как-то Лоремари Шенбург получила от Бютнера задание составить список всех, кто вчера не явился на работу. Она представила ему список, куда входили все сотрудники нашего Отдела без исключения. Это привело его в бешенство, что вполне понятно.

К счастью, теперь у нас работает еще один молодой человек — адъютант нашего главного кадровика Ханса-Берндa фон Хафтена (сам Хафтен — один из лучших людей в АА); он человечен, добрый и сглаживает многие конфликты. Это нам очень кстати.

В другой раз сам Хафтен попросил Лоремари быстро раздобыть ему двадцатипфенниговых марок. Таких она не нашла и

пришла к нему, волоча за собой змеящуюся ленту однопфенниговых марок. Что было встречено улыбкой.

Среда, 5 января. Наткнулась на д-ра Сикса, недавно назначенного нового начальника всего нашего Отдела информации, он хочет видеть меня завтра в час дня. Помимо того, что мы насколько возможно избегаем его, потому что он полковник СС и подонок, это еще очень некстати, потому что я собираюсь пойти в церковь: завтра наше православное Рождество.

По мере того как недоверие нацистов к «бывшей» Германии, а следовательно и влияние эсэсовцев Гиммлера росли, некоторых их высших чинов стали назначать на ответственные должности и в Министерство иностранных дел. Из таких был д-р Сикс, которого Мисси тут же возненавидела и о котором много будет впереди.

«Нацистский интеллектуал», в то время 36-летний штандартенфюрер (т.е. полковник) СС, профессор, доктор Франц Сикс возглавлял факультет международных экономических отношений Берлинского университета и одновременно руководил сначала отделом «Научных исследований», а затем отделом «Идеологических исследований и анализа» в РСХА, Главном ведомстве государственной безопасности. В 1940 году он был назначен руководителем группы СД, которая должна была заниматься «чисткой» Великобритании после ее оккупации Германией. Когда от плана завоевания Великобритании Гитлер отказался и вместо того напал на СССР, Сикс возглавил группу, которой предписывалось захватить советские государственные архивы после взятия Москвы. Но Москва тоже оказалась нелегкой добычей, и в ожидании ее взятия Сикса и его команду отправили в Смоленск охотиться на евреев, комиссаров и партизан. Неизменно предусмотрительный, он через некоторое время добился перевода обратно в Берлин, в АА, куда эсэсовцы интенсивно внедрялись — сначала в Отдел культуры, а затем возглавлять Отдел информации, где работала Мисси.

Приходила Катя Клейнмихель за туфлями: она потеряла весь свой гардероб во время очередного налета. К счастью, моя обувь ей подходит.

Четверг, 6 января. Наш русский сочельник. Сбегали с Лоремари Шенбург в церковь. Служба была изумительная, но народу очень мало. Едва успели вернуться на работу, где мне предстоял малоприятный разговор с д-ром Сиксом. Он проявил ехидную заботу о моем здоровье и посоветовал мне «принимать лекарство, которое спасло Черчилля» (последний прошлой зимой в Касабланке заболел пневмонией). После этого, перейдя к более серьезным вопросам, он заговорил о том, что теперь от каждого требуются самые напряженные усилия во имя победы и что все «уклоняющиеся» будут отправлены работать на военные заводы,

кондукторами трамваев и тому подобное. В заключение он приказал мне как можно скорее отправляться в Круммхюбель. О, какая это мерзкая личность!

Никак не могу решить, устраивает это меня или нет. Почему-то мне кажется, что теперь любое мое решение может иметь роковые последствия и что лучше не плыть против течения. С другой стороны, мне хотелось бы оставаться там, где находятся мои друзья.

Пятница, 7 января. Та часть Берлина, в которой до недавнего времени жило большинство из нас, так страшно изменилась, что этого и словами не выразить. Ночью нигде ни огонька, одни остовы сгоревших домов — улица за улицей. Татьяна говорит, что в Мадриде после гражданской войны в развалинах прятались хулиганы, нападавшие на прохожих по ночам; здесь такое вряд ли будет, но эта безмолвная пустота производит зловещее впечатление.

Сегодня во второй половине дня ко мне на работу зашли Клаус Кикебуш и Клеменс Кагенек — у последнего поверх мехового воротника красовался рыцарский железный крест. Он едет обратно в Россию. Глядя на них, красивых и смеющихся, я испугалась, как бы на нас не набросился д-р Сикс, но они объявили, что не сдвинутся с места. Тогда я усадила их на деревянную скамью у лестницы, и Клеменс достал бутылку коньяка, из которой мы и стали пить по очереди. Тут появился Джаджи Рихтер и присоединился к нам, благо с Клаусом он знаком.

Позже я зашла к Хансу Флотову — он пригласил друзей на коктейль. Его квартира чудом уцелела. После этого Клаус отвез меня на вокзал на одолженном ему «мерседесе» и подарил мне бутылку вермута, так как у меня скоро день рождения. Через два дня он едет в Париж, а оттуда на месяц кататься на лыжах — якобы чтобы учить этому искусству новобранцев. Как он это делает — для всех загадка, но ему все сходит с рук. После того как во Франции взорвался его танк и он получил тяжелые ожоги, а его младший брат Мэксхен погиб в России, он воспринимает все это как причитающееся ему должное.

Ужинала у Альбертов, которые вернулись в Берлин и почти всегда дома. Там был брат Ирены, приехавший в отпуск с острова Гернси; он сказал, что погиб Чарли Блюхер, служивший в британской армии в Тунисе. Татьяна расстроится: она жила у Блюхеров до войны.

Братья Блюхеры, по отцовской линии — потомки знаменитого прусского фельдмаршала эпохи наполеоновских войн, а по линии матери — из польских Радзивиллов, дальней кузины матери Мисси, получили образование в Англии, стали британскими подданными, а когда началась война, пошли служить в Британские вооруженные силы.

Суббота, 8 января. Сегодня вечером в Потсдаме я была одна с Готфридом Бисмарком, когда зашел на ужин Хайнрих Витгенштейн. Он выглядит бледным и усталым. Газеты внезапно зашумели о его подвигах. На днях за полчаса он сбил шесть бомбардировщиков. Ему всего двадцать семь лет, но он уже майор, и его назначили командиром целой группы ночных истребителей. Он кажется таким хрупким! Я упрашивала его хотя бы ненадолго взять отпуск, но он собирается сделать это только в конце месяца. Он остался у нас ночевать. К счастью, воздушной тревоги не было.

Вторник, 11 января. Мой день рождения. Провела утро с сослуживицей в подземном туннеле на станции метро «Фридрихштрассе». Налет застал нас на пути в фотоархив, принадлежащий издательству «Шерль» в районе Тегель. Туннель был переполнен, поскольку время было обеденное. Кто-то пошутил, что все обойдется, лишь бы кто-нибудь не вздумал неожиданно рожать. Мы выбрали ту часть туннеля, которая показалась нам наиболее безопасной — под толстыми железными балками, способными, как мы надеялись, выдержать все удары. После отбоя, за которым последовала сильная стрельба — это теперь случается часто, — мы отправились дальше, но скоро поняли, что это бессмысленно, так как к фотоархиву мы добрались бы часа еще через четыре. Мы вернулись в бюро с пустыми руками и предстали перед отнюдь не обрадованным начальством. Д-р Сикс требует результатов, а как они будут получены, его не интересует.

В Потсдам я попала в семь вечера и обнаружила, что Мелани Бисмарк самым трогательным образом приготовила для меня праздничный ужин — с сигаретами «Честерфильд» от Рюдгера Эссена, большим количеством шампанского и настоящим пирогом со свечами.

Среда, 12 января. Сегодня я опять ходила в полицейпрезидиум за фотографиями разрушений от бомбежек. Поскольку вид искромсанных тел считается наиболее деморализующим зрелищем, эти фотографии широкой публике не показываются.

Пришлось препираться с адъютантом графа Хельдорфа, красивым, но нахальным молодым человеком, который не давал мне на них посмотреть, заявив, что необходимо разрешение его начальника. Я сказала ему с беззаботным видом, что встречаю его шефа завтра, и тогда обсужу с ним эту проблему лично. Он вытаращил глаза, и я вышла.

Четверг, 13 января. Граф Хельдорф несколько раз менял время нашей встречи. Наконец он появился в дверях и пригласил меня в «святая святых». Мы долго говорили о том и о сем, а также о его сделанном мне некоторое время назад предложении стать его личной секретаршей. Подозреваю, что он не доверяет своему окружению и хочет взять кого-нибудь, на кого

он мог бы положиться. Видит Бог, ему это действительно нужно! Я попросила дать мне время подумать. Я должна посоветоваться с Адамом Троттом, так как такая перспектива меня пугает. Многие не доверяют ему из-за его видного нацистского прошлого, и тем не менее Готфрид Бисмарк относится к нему с симпатией и уважением; они явно очень дружат. У меня было много вопросов относительно того, что он называет моим *Speisezettel* [меню]. Он дал мне ряд разумных советов, особенно по поводу доноса графа Пюклера в Гестапо на Мама́. Он ничуть этому не удивился. Это черствый народ, их редко что удивляет. Мне кажется, что он всегда поможет мне в случае необходимости, но думаю, что не следует менять лошадей посередине переправы, вернее на середине бурного потока. Когда он любезно провожал меня к выходу, мы наткнулись на его адъютанта, который остолбенел.

Пятница, 14 января. Провела все утро в издательстве «Шерль» в Тегеле — на этот раз мы с сослуживицей успешно добрались — в поисках фотографий. Я нашла несколько старинных снимков русской революции, которые пополнят мою личную коллекцию, а также хорошие, не знакомые мне доселе портреты последнего российского императора и его семьи, которые я тоже позволила себе «реквизировать»: возможно, немногие оставшиеся в живых Романовы захотят получить копии. Здание не отапливалось, и мы совершенно продрогли. Обратно в город ехали на попутных частных машинах, а часть пути проделали на ярко-красном почтовом грузовичке.

Сегодня в Берлин приехал Паул Меттерних. Мы вместе пообедали у Герсдорфов. Потом он поехал в Потсдам. Он выглядит здоровым и отдохнувшим. Какой ужас, что теперь он должен вернуться в Россию на несколько месяцев.

Шла домой с вокзала в Потсдаме, когда поблизости внезапно разорвалось несколько бомб. Я побежала что было сил и бежала так по меньшей мере милю, пока не достигла «Регирунга», и только тут, с изрядным опозданием, завыли сирены. Мы с Лоремари Шенбург, как всегда, нервничали, но мужчины отказались спуститься в подвал, и вместо этого мы сели ужинать. На этот раз налет оказался коротким, и должна сказать, что в присутствии Готфрида и Паула мы чувствовали себя гораздо менее беспомощными.

Суббота, 15 января. Встала в шесть утра, чтобы приготовить Паулу Меттерниху бутерброды. К моему удивлению, когда я приехала к Герсдорфам обедать, он оказался там: у его самолета испортился двигатель и он вернулся. Там был также Адам Тротт.

В бюро я начала битву за то, чтобы остаться здесь еще на несколько дней. Честно говоря, это погружение в совершенно новую атмосферу внушает мне страх. Пока что мой начальник

Бютнер совершенно непреклонен и даже вступил в конфликт по этому поводу с прочим нашим начальством.

По дороге домой мне удалось сделать прическу в одной из немногочисленных еще работающих парикмахерских. Я также прихватила всю косметику, какую смогла там найти, поскольку в Круммхюбеле ее вряд ли достанешь.

Позже Лоремари Шенбург, Паул, Тони Заурма и я погрузились в машину Тони и объехали еще действующие рестораны в поисках устриц — это один из немногих видов продовольствия, которые пока продаются без карточек. Вот во что превратилась ночная жизнь Берлина в 1944 году — в такие вот вечерние странствия! Мы поехали было в «Хорхер» в надежде достать вина, но оказалось, что он закрыт. В конце концов нас с Лоремари оставили в полуразрушенном баре отеля «Эден», а мужчины отправились продолжать поиски. Через вестибюль мы пробрались в передний зал — там царил развал и запустение: люстры на полу, повсюду куски развороченной мебели, щепки и обломки. Все эти годы мы так часто там бывали, что теперь нам казалось, будто мы превратились в свои собственные призраки. И тем не менее все это собираются восстановить!

Воскресенье, 16 января. Встала в пять утра, чтобы во второй раз проводить Паула Меттерниха, потом снова легла и встала в девять. Надеялась поездить верхом с Рюдгером Эссеном (который снова в Берлине) — других физических упражнений у нас теперь не бывает, — но, приехав в конюшни, мы никого там не обнаружили. Удрученные, мы вернулись в «Регирунг» — позавтракать. И там опять застали Паула! На этот раз самолет улетел у него из-под носа, так что он остается еще на день. Рюдгер вызвался достать ему место на шведском самолете, отправляющемся в Ригу, но, как мудро заметила Лоремари Шенбург, бои на Ленинградском фронте тяжелее, чем когда бы то ни было, и чем медленнее он будет туда добираться, тем лучше.

Я проиграла свою битву с Бютнером и завтра уезжаю в Круммхюбель.

Большую часть утра укладывалась и разговаривала с Паулом и Лоремари. Позже приехал Анфузо, чтобы отвезти нас на чай в свою загородную резиденцию. Он теперь посол Муссолини в Германии. Пока Лоремари спала — она неважно себя чувствовала, — Анфузо и я долго гуляли по берегу озера. Я познакомилась с ним до войны в Венеции. На него сильно подействовала недавняя казнь Чиано и еще одиннадцати высокопоставленных фашистов. Чиано был его близким другом. Анфузо сам один из немногих высших итальянских дипломатов, оставшихся верными Муссолини. Много крыс сбежало с его тонущего корабля. Возможно, Анфузо поступает не слишком разумно, но я уважаю его за это. Он умный человек, но ему очень трудно, тем более что он не

испытывает к немцам подлинной симпатии. Он одолжил мне несколько книг почитать в Круммхюбеле.

Профессиональный дипломат, Филиппо Анфузо (род. в 1910 г.) с 1937 по 1941 г. возглавлял канцелярию министра иностранных дел Чиано. Затем он был назначен итальянским посланником в Венгрию, а после перехода Италии в стан союзников в сентябре 1943 г. стал послом муссолиниевской «Республики Сало» в Германии. Конец войны застал его в плену у французов, которые обвинили его в соучастии в убийстве в 1934 г. югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту. Позже обвинения были сняты, и он вернулся в Италию, где снова занялся политикой и стал неофашистским депутатом итальянского парламента.

Граф Галеаццо Чиано (1903—1944), женатый на дочери Муссолини Эдде, всегда противился вступлению Италии в войну. Хотя он ушел с поста министра иностранных дел еще в начале 1943 г., он остался членом Великого фашистского совета и в этом качестве голосовал против Муссолини 25 июля 1943 г. Обвиненный правительством Бадольо в коррупции, он бежал на север, где немцы выдали его неофашистскому правительству в Сало. 11 января 1944 г. он и еще 11 высших фашистских сановников, которые в июле 1943 г. также голосовали против Муссолини, были осуждены на смертную казнь и расстреляны — с неохотного согласия самого «Дуче».

Потом я встретилась с Паулом у Адама Тротта. Так как я попала туда уже к шести часам, мы совместили чай с коктейлями и затем супом. К нам присоединился Петер Биленберг. Позже вечером Адам позвонил графу фон Шуленбургу в Круммхюбель, чтобы обсудить, где я буду там жить. Граф, который был последним немецким послом в Москве, является чем-то вроде дуайена Министерства иностранных дел в Круммхюбеле. К тому же мы с ним в дружбе. Он занимает большой дом и предложил приютить меня у себя, но, возможно, мне не следует отделяться от коллег, по крайней мере первое время, так что я пока побуду с ними. Адам также позвонил еще одному своему другу, с которым я пока незнакома, Херберту Бланкенхорну. Последний заведует протоколом и размещением иностранных миссий; поэтому в его распоряжении находится много домов.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Понедельник, 17 января.* Сегодня наш отдел был эвакуирован в Круммхюбель. Мы с Рюдгером Эссеном поехали в Берлин на машине одни, так как Паул Меттерних решил ехать обратно на фронт поездом. Было еще совсем темно. Рюдгер помог мне дотащить два моих очень тяжелых чемодана до поджидавшего грузовика. Я отказалась посылать что-либо вперед, опасаясь, как бы вещи не пропали: ведь это все, что у меня есть.

К моему большому облегчению, начальником нашей маленькой группы оказался некто г-н Бец. Он будет главным кадровиком в Круммхюбеле; он очень славный, доброжелательный человек. Вместе с багажом нас доставили на Герлицский вокзал, где уже находилась другая группа из тридцати человек во главе с нашим главным боссом Бютнером, бледным и еле вежливым. Как сообщила мне его секретарша, он думал, что я не явлюсь. Между нами явное взаимное отвращение. Я с облегчением заметила, что Ильзе Блюм, очень хорошенькая девушка, прозванная за очаровательный облик «Мадонной», взяла с собой еще больше багажа, чем я. На нас обеих посмотрели весьма неодобрительно, но мы с помощью водителя автобуса невозмутимо помогли друг другу дотащить свой багаж. Стали сверяться со списками, выкликать фамилии, в общем, прямо как на школьной экскурсии. Бец, зажав под мышкой зонтик и тросточку с костяной рукояткой, помог нам забраться в вагон. Разозленные той кислой миной, с которой меня приветствовал Бютнер, мы с Мадонной заняли отдельное купе — к сожалению, третьего класса и с очень жесткими сиденьями (а среди нас по нынешним временам никто не отличается особой упитанностью).

В три часа дня мы прибыли в Хиршберг, куда идет ветка на Круммхюбель. Там нас встретил наш местный квартирмейстер. Он был в лыжном костюме — здешнее «служебное» одеяние! Мы пересели на маленькую электричку и через полчаса были в Круммхюбеле.

Там нас приветствовала половина личного состава министерства; в толпе встречающих я заметила графа Шуленбурга в элегантной каракулевой шапке — должно быть, сувенир из Москвы. Он пришел меня встретить. Мне было неловко, что я так обращаю на себя внимание. Это был совсем не тот анонимный дебют, на который я рассчитывала. Мы разыскали «Хаус Криста» — шале, в который меня определили на постой. Оставив там мой багаж, мы вернулись в шале графа, чтобы отведать изумительного кофе и бутербродов с сардинками. Потом помощник Шуленбурга г-н Ш. доставил меня обратно в мое собственное шале.

Деревня Круммхюбель прелестна: она расположена на крутом холме, домики-шале стоят на большом расстоянии друг от друга и окружены садами, в которых много елей. Все рабочие помещения находятся у подножия холма, так что почти все спускаются на работу на санках, а вечерами тащат их обратно домой. Насколько я могу судить, чем выше должность, занимаемая человеком, тем ближе к вершине холма он живет. Наш Отдел информации, похоже, сочли не избалованным — мы ведь приехали позже всех, — и поэтому наши шале не такие привлекательные, как у остальных.

По свидетельству очевидца, побывавшего тогда в Круммхюбеле, «министерство эвакуировало в Круммхюбель пятьсот человек... Пансионы и гостиницы лишены всяких удобств... (Граф) Шуленбург живет в таких стесненных условиях, что вынужден раз в неделю ходить к Мисси Васильчиковой принимать ванну. Поскольку вся прислуга в деревне чешская, а все рабочие на лесопилках — сербы и «итальянцы Бадольо», то Круммхюбель превратился в рай для шпионов. В качестве запасной штаб-квартиры он совершенно непригоден, так как не только хорошо заметен с воздуха и в силу этого крайне уязвим, но еще и потому, что его сделало географически небезопасным быстрое продвижение русских». (Х.Г. фон Штудниц, цит. соч.).

Я не высказала пожеланий относительно того, с кем мне хотелось бы делить жилье, и поэтому меня поселили с фройляйн д-ром К., добродушной девицей, с которой мы почти незнакомы. Когда я вошла, она удрученно оглядывала огромную нетопленую комнату с верандой. Освещение ужасное, нечего поставить у изголовья, чтобы читать на сон грядущий; в довершение всего нам объявили, что ввиду большой площади нашей комнаты к нам, возможно, подселят кого-то еще. В таком случае я подниму скандал и приму предложение графа, обещавшего мне комнату в его шале. В остальном «Хаус Криста» очень неплох. Нас здесь одиннадцать, семь женщин и четверо мужчин, под началом херра В., с которым у всех у нас в Берлине отношения были хуже некуда. Но здесь он, похоже, решил начать новую жизнь: ведет себя как добрый папочка и произносит благожелательные речи про *Hausgemeinschaft* [«домашний коллектив»]. Нас даже кормят вполне сносным ужином, после чего мы расходимся. Я решила, что буду неуживчивой сожительницей, чтобы никто не возражал, если я вздумаю переселиться. В качестве первого шага в этом направлении я потребовала, чтобы окна нашей спальни всегда были распахнуты настежь. Фройляйн д-р К. тоже не остается в долгу: она храпит. Мы просыпаемся посиневшими от холода.

Вторник, 18 января. После завтрака мы отправились вниз в наш временный офис — гостиницу «Танненхоф», расположенную неподалеку от станции. Дорога очень скользкая, так как наши санки мгновенно накатывают свежевыпавший снег.

У меня неожиданно появился еще один вариант жилья: переехать к фрау Жаннетт С., которая не только здесь работает, но и имеет собственное шале. Она готова взять меня к себе. Г-н Бец считает, что такое решение предпочтительнее, чем если бы я воспользовалась гостеприимством графа Шуленбурга. Хотя он не говорит этого впрямую, но, видимо, считает, что «общественное мнение» может отрицательно отреагировать на такое «содружество аристократов». В любом случае я решила переселиться завтра же.

Среда, 19 января. АА заняло все «гастхаусы» (гостиницы) в окрестности, и «Танненхоф» будет одним из его офисов. Когда мы собрались, Бютнер попытался произнести речь, которая потерпела полный провал, так как кругом было полно солдат, пришедших выпить пива. Уходить они и не собирались, напротив, с интересом слушали.

Местное население не проявляет особого восторга по поводу нашего приезда, поскольку боится, что из-за нас Круммхюбель начнут бомбить. К тому же наше прибытие положило конец туризму.

Сегодня днем я привязала свои чемоданы к санкам и потащила их в маленькое шале Жаннетт С., расположенное в лесу. После этого я встретилась с графом Шуленбургом у Типпельскирхов — они были его подчиненными в Москве, — и мы все вместе поехали поездом в ближайший городок в театр. Спектакль был отличный. Выступала известная труппа из Рейнской области, которая переселилась сюда, потому что ее театр разбомбили.

Пятница, 21 января. Мы с Мадонной Блюм решили серьезно заняться в свободное время лыжным спортом, а также научиться как следует играть на аккордеоне. Этот инструмент есть и у нее, и у меня.

Большинство наших берлинских сослуживцев выглядит здесь довольно комично. Все привыкли видеть их уткнувшимися носом в письменный стол, этакими канцелярскими крысами. А тут они расхаживают в мешковатых брюках, ярких шарфах, вязаных шапочках и со смущенным видом тащат за собой санки.

В России развертываются ожесточенные бои на Северном фронте. Я беспокоюсь за Паула Меттерниха. Татьяна шлет полные отчаяния письма.

Вторник, 25 января. В работе царит полная неразбериха. Сидим восьмеро в одной маленькой комнатушке. Мне дали секретаршу, чтобы помочь создать новый фотоархив. Фотографии присылаются из Берлина большими партиями. Каждая фотография требует подписи; об этом в основном заботится она, в то время как я подбираю фотографии и формирую папки. Я завоевала ее сердце, позволив ей печатать дома. От этого нам просторнее.

Сегодня вечером ужинала с графом Шуленбургом (или «послом», как его все называют, хотя послов здесь несколько). Посреди обеда он случайно упомянул, что убит Хайнрих Витгенштейн. Я застыла от ужаса. Он удивленно на меня взглянул, так как не знал, что мы были дружны. Всего несколько дней назад, в Берлине, Хайнрих позвонил мне на работу. Он только что был в ставке Гитлера, где получал из рук «всевышнего» дубовые листья к своему рыцарскому железному кресту. Он сказал по телефону: «*Ich war bei unserem Lliebling*» [«Я был у нашего душки»]. И

добавил, что, к его удивлению, у него не отобрали пистолет, прежде чем допустить в «Присутствие» (как теперь обычно делается), так что можно было «пристукнуть» его прямо тут же. Он продолжал развивать эту тему, пока я не заметила, что, возможно, желательнее было бы продолжить этот разговор где-нибудь в другом месте. Когда мы встретились немного позже, он начал рассуждать о возможности взорвать себя вместе с Гитлером в следующий раз, когда они будут обмениваться рукопожатием. Бедняга, он и не подозревал, что ему осталось жить всего несколько дней! Но он выглядел таким хрупким, что я всегда боялась за него. Он сделался лучшим ночным летчиком-истребителем Германии, постоянно вылетал и был явно измотан. Он часто говорил о том, как мучительно ему убивать людей и как при малейшей возможности он старается сбить самолет противника так, чтобы экипаж мог спрыгнуть.

Прямой потомок русского фельдмаршала наполеоновских времен, майор принц Хайнрих фон Сайн-Витгенштейн к моменту своей гибели уже сбил 83 самолета союзников, из них шесть в один памятный вылет. В ночь своей смерти он сбил еще пять, перед тем как самому быть сбитым английским истребителем.

Четверг, 27 января. Одна девушка из числа моих сослуживцев, ненадолго приезжавшая сюда из Берлина, привезла мне несколько фотографий Хайнриха Витгенштейна. Она много раз видела его, когда он заходил ко мне на работу. Она также пыталась разузнать об обстоятельствах его гибели, но пока что никаких подробностей не сообщается. Сначала нужно уведомить его родителей, а они живут в Швейцарии.

Пятница, 28 января. Вчера опять был сильный налет на Берлин. Но подробности пока неизвестны, так как всякая связь прервана.

Наконец-то познакомилась с Бланкенхорном. Мы встретились под фонарем одной здешней гостиницы. Шел проливной дождь. Мы отправились вверх по склону к нему домой и долго беседовали в гостиной за бытылкой вина и шоколадными конфетами. Этот рейнландец наделен поразительно острым умом. Мало сказать, что он предвидит крушение Германии. Похоже, что он его ждет-не дождется и имеет весьма конкретные идеи относительно ее будущего после поражения — разделение страны, создание отдельных автономных *Länder* [областей] и т.п.!

Именно на этих принципах и сложилось впоследствии конституционное устройство послевоенной Федеративной Республики Германии, в которой д-р Бланкенхорн стал одним из ближайших советников канцлера Аденауэра.

Русские прорвались в Ленинград; блокада длилась почти три года.

Блокада продолжалась 872 дня — с 8 сентября 1941 г. Отрезанный от своих коммуникаций с юга немцами и испанской «Голубой дивизией», а с севера финнами, город поддерживал связь с внешним миром только по Ладожскому озеру. Хотя этим маршрутом было эвакуировано более 500 тысяч человек, свыше миллиона ленинградцев погибло — главным образом от голода и холода. Наряду со Сталинградом, Ленинград стал одним из героических символов Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Воскресенье, 30 января. Я приобрела пару белых лыж, которые первоначально предназначались для солдат, воюющих в России, но так к ним и не попали.

Днем граф Шуленбург взял меня с собой к барону фон Рихтхофену, бывшему посланнику в Софии, женатому на очаровательной венгерке. Они живут в загородном доме довольно далеко отсюда. Очень приятная, успокаивающая атмосфера и весьма откровенные разговоры.

Я совсем упала духом: у Татьяны по-прежнему нет никаких известий от Паула Меттерниха, а Хайнрих Витгенштейн погиб.

Понедельник, 31 января. Вчера был еще один сильный налет на Берлин — как утверждают, самый страшный со времени ноябрьских налетов. Всякий раз, как это происходит, мы здесь, в горах, оказываемся полностью отрезанными от столицы. Непонятно, каким образом министерство вообще ухитряется работать.

Снег растаял, погода совсем весенняя. Ходила в другую деревню повидаться с одной девушкой, наполовину американкой, знакомой по Берлину. Она тоже заведует архивом, только другим. Застала ее в постели. Тут на все смотрят как-то сквозь пальцы. Она дала мне почитать много английских и американских журналов.

Среда, 2 февраля. Вернулся Бютнер, ездивший в Берлин на два дня. У него разбомбили дом, и теперь он срывает свою злость на всех, кто попадется под руку.

Четверг, 3 февраля. Сегодня под проливным дождем появился граф Шуленбург с рюкзаком, полным напитков. Он прекрасно ладит с Жаннетт С., щебечущей красоткой. Та любит пожилых солидных мужчин. Она без ума также и от Папá: засыпает его письмами. Мы напекли печенья и от души полакомились.

Пятница, 4 февраля. Я печатала срочный материал в соседней комнате, как вдруг меня позвали к телефону. Звонила из Берлина секретарша Адама Тротта. Наш дом на Войршштрассе разбомбило вдребезги, и я должна немедленно ехать приводить все в порядок. Сюда уже послана девушка мне на замену. Подо-

зреваю, что для этого срочного вызова есть и другие причины. Бютнер опять уехал, но заместитель главного кадровика согласился меня отпустить.

БЕРЛИН. *Суббота, 5 февраля.* Встала в пять утра, кое-как дотащилась до станции. Тут выяснилось, что тем же поездом в Берлин едет Бланкенхорн. Он тоже улизнул со службы. Существует идиотское правило: никто не может выехать из нашей деревни без особых на то документов, но мы все равно то и дело сбегаем, потому что тут просто не выдержишь — взаперти, вдали от друзей, находящихся в постоянной опасности. Поезд на Берлин был переполнен, большую часть пути мы стояли, но зато Бланкенхорна ожидала машина и он подвез меня до нашего бюро. Там я застала Адама Тротта и Алекса Верта.

Алекс умный и исключительно порядочный человек; к счастью для нас, после того как его дом разбомбили, его подселили к нашему главному начальнику, д-ру Сиксу, и хотя последнего мы все ненавидим и презираем, Алекс может время от времени использовать свое особое положение при нем в благих целях. В результате атмосфера уже не так неприятна, как раньше. Алекс очень недоволен работой Бютнера, что меня крайне обрадовало.

То немногое, что я успела увидеть в Берлине, произвело на меня самое гнетущее впечатление... Похоже, что после налета 30 января все уже окончательно перестало работать.

Потом мы с Адамом отправились на Войршштрассе к Марии Герсдорф. Хотя улица сильно пострадала и раньше, сейчас она разрушена практически целиком; мы постояли в толпе, наблюдающей за тем, как крушат единственную уцелевшую стену. Наш скверик полностью выгорел, за единственным исключением — дома Герсдорфов.

Пообедав с Адамом, я провела с ним остаток дня. Выглядит он совсем нехорошо. Мне так хотелось бы, чтобы он был вместе с нами там, в Круммхюбеле, но я знаю, что он ни за что не согласится уехать из Берлина в такой момент. Он дал мне кое-какие книги и отвез меня на вокзал, где я села на поезд до Потсдама. Готфрид и Мелани Бисмарк были одни. Я словно вернулась к себе домой.

Воскресенье, 6 февраля. Вернулась в Берлин и пошла в церковь, пройдя полгорода пешком. Разрушена значительная часть Курфюрстендамм. Попыталась разыскать Зигрид Герц, которая жила совсем рядом. Ее дом был единственным уцелевшим. Я стала подниматься по лестнице, но лестница обрывалась на полпути, а ее квартиры не было вообще. Никто не знает, где она теперь. Обедала с Хансом Флотовом, которого тоже наконец сильно потрепало. Он очистил свою квартиру от всей оставшейся мебели, чем-то подпер заваливающиеся стены и живет там в

палатке, как бедуин. Потом я вернулась к Марии Герсдорф, и она рассказала мне ужасную вещь. 26 декабря наш старый почтальон, которому она позволила воспользоваться моей разбитой комнатой под карнизом, заболел воспалением легких. Его семью эвакуировали, так что Мария и Хайнц перенесли старика вниз и устроили в кухне импровизированную постель. Врача так и не нашли, и старик умер 28-го. В течение трех дней никто не приходил за телом, и он лежал на кухонном столе, окруженный зажженными свечами. В конце концов к Марии заглянул профессор Гербрандт и, в ужасе от этого зрелища, дал знать властям. Но за телом по-прежнему никто не являлся. 30-го на наш скверик опять посыпались бомбы, и загорелись окружающие дома. Наш тоже загорелся, но был спасен усилиями Кикера Штумма и нескольких его друзей. Когда они носили воду заливать крышу, они много раз задевали труп, а Мария сидела у его ног и делала бутерброды для проголодавшихся мужчин. Какие-то соседи вызвались подбросить тело в развалины горящего дома; Мария предпочитала вырыть яму в так называемом саду, который теперь превратился в груду обломков. Бедняга почтальон оставался в доме еще два дня, и только после этого его наконец увезли.

Готфрид и Мелани Бисмарк вернулись из загородного имения его матери, Шенхаузена. Именно там сбили самолет Хайнриха Витгенштейна. Мелани привезла немного земли и какие-то куски самолета — ветровое стекло, части мотора. Она подумала, что его родителям в Швейцарии захочется иметь что-нибудь на память. Я сомневаюсь. От этого только хуже. Если бы только, когда началась война, они не отправили своих троих мальчиков обратно в Германию! Они, по существу, даже и не немцы. Предки у них русские и французские. Полагают, что Хайнрих был без сознания, когда ударился о землю, так как его парашют был не раскрыт и его нашли без обуви на довольно большом расстоянии от самолета. Обычно он ходил в легких ботинках и в одном пальто поверх неформенной одежды. Я помню, как он один раз вылетел в плаще поверх смокинга. Он стал таким асом, что делал все, что вздумается. Остальные члены его экипажа остались живы, потому что он приказал им прыгать, когда самолет подбили. Либо он повредил голову, когда прыгал последним, либо был ранен и не смог раскрыть парашют. Мелани дала мне на память несколько кусочков металла. Может быть, это заставит меня наконец осознать, что мы действительно потеряли его.

Понедельник, 7 февраля. Татьяна получила телеграмму, в которой сообщается, что Паул Меттерних опасно болен на фронте под Ленинградом. Здесь невозможно получить какие бы то ни было сведения. Поскольку испанский военный атташе Хуан Луис Рокамора уехал, никто не знает, что вообще происходит с испан-

ской «Голубой дивизией», к которой Паул прикомандирован в качестве офицера связи.

Объявился Фердль Кибург из Вены, где, судя по всему, живут пока еще довольно беззаботно. Его поразил контраст с Берлином. С тех пор как его, члена фамилии Габсбургов, вышвырнули из флота, жизнь для него утратила смысл. Он служил на крейсере «Принц Евгений» в том самом легендарном сражении, в котором были потоплены и «Худ», и «Бисмарк». Сейчас он учится в Венском университете.

Позже — чудесный ужин у Бисмарков в Потсдаме.

Вернулся из Швеции Рюдгер Эссен, привез омаров, американский журнал «Вог» и т.п. Другой совсем мир!

Ночью — звонок от Лоремари Шенбург из Вены: она просрочила свой отпуск и у нее опять неприятности. Потом еще один звонок — от графа Шуленбурга из Круммхюбеля. Не пугайтесь, сказал он; в мое отсутствие он вскрыл адресованное мне официальное письмо, из которого явствует, что Бютнер увольняет меня за отъезд в Берлин без его разрешения. Хорошо, что я попросила его вскрывать мою почту на случай новостей от Паула. Теперь я смогу обсудить создавшееся положение с Адамом Троттом и Алексом Вертом. Милый старый граф был искренне встревожен и весьма обрадовался, услышав, как спокойно я приняла эту новость.

Вторник, 8 февраля. Лоремари Шенбург вернулась из Вены. Услышав о моем увольнении, Алекс Верт сильно на Бютнера разозлился за злоупотребление властью и так далее. Я в шутку сказала ему, что была бы совсем не прочь получить небольшой отпуск, пока этот вопрос выясняется, но, как мне сообщили, главное начальство в лице д-ра Сикса и слышать о моем увольнении не хочет.

Решив воспользоваться ситуацией, я отправилась к парикмахеру. Возможно, раз уж так все сложилось, я просто уйду. Но сейчас, если ты не работаешь в государственном учреждении, тебя немедленно отправляют на военный завод, а то и куда похуже. *Qui vivra — verra.* [Поживем — увидим].

Среда, 9 февраля. Сегодня мы с Лоремари Шенбург появились на работе с самым смиренным видом. Мое увольнение пока не отменено, а она три недели отсутствовала без позволения. Забавно, что я всегда предостерегала Лоремари от легкомысленного отношения к «тотальной войне», а тут ей хоть бы что, а меня вроде увольняют.

Алекс Верт отправил меня прямехонько в самое логово д-ра Сикса. Результат разговора: мне надлежит ни на что не обращать внимания, ехать обратно в Круммхюбель, а затем 21-го вернуться в Берлин за дополнительными материалами. С Бютнером поговорят здесь.

На обратном пути в Потсдам купила тюльпанов. Несколько раз меня останавливали и спрашивали, где я их достала. Все так трогательно стараются поддерживать хоть какое-то подобие цивилизованной жизни.

Вечер провела с Готфридом Бисмарком. Звонили в аппарат адмирала Канариса, так как Хассо Эцдорф сообщил мне, что один полковник Абвера только что вернулся с того участка фронта, где находится Паул Меттерних и, возможно, что-либо знает о его состоянии. Когда благодаря Хассо я в конце концов дозвонилась до этого полковника, он вначале принял меня за Татьяну и был весьма сдержан. Это напугало меня, особенно когда, узнав, что я скоро уезжаю из Берлина, он настоял на личной встрече. Мы договорились встретиться завтра в отеле «Адлон». Готфрид попытался приободрить меня, сказав, что он, наверное, просто хочет познакомиться с красивой девушкой. Но мне все равно страшно

Четверг, 10 февраля. Рюдгер Эссен отвез нас в город. Полковник из Абвера был очень доброжелателен и рассказал мне все, что знал: у Паула Меттерниха двусторонняя пневмония, он лежит в тыловом госпитале в Риге и будет отправлен обратно в Германию, как только станет транспортабельным. Но пока сделать ничего нельзя, так как состояние его очень тяжелое. Полковник старался внушить мне оптимизм. Не исключено, что это как раз к лучшему, потому что полк Паула понес большие потери во время недавнего наступления русских, и Паул сам говорил нам, что это только начало.

Позже у меня был долгий разговор с Хансом-Берндом фон Хафтеном, нашим берлинским старшим кадровиком. Он уже получил все документы относительно моего увольнения. Повел он себя очень порядочно. Похоже, что все улажено, но он хочет, чтобы я извинилась перед Бютнером: «В конце концов, вы же поставили его в трудное положение... уехали без его разрешения... он тяжело травмирован... он нервно расстроен...» Уходя, я столкнулась на лестнице с самим Бютнером и, желая поскорее с этим разделаться, начала было извиняться. Но тут завыла сирена, он пробормотал «nicht jetzt, nicht jetzt» [«потом, потом»], и на том все кончилось.

Адам Тротт отвез меня на вокзал; по дороге мы заблудились. Теперь, когда кругом сплошные развалины, это немудрено. Он оставался со мной, пока поезд не тронулся. Поезд, как всегда, был битком набит. Я оставалась стоять в коридоре, и даже там было тесно. В Хиршберге я упустила пересадку и доехала до Круммхюбеля только к полуночи, совершенно разбитая.

Мисси не разъясняет, в сущности, почему Адам Тротт именно в этот момент вызвал ее в Берлин. Ведь названная им причина, а именно, что разрушен дом Герсдорфов (где она проживала), не соответствовала

истине: именно их дом уцелел. Как будет видно дальше, он ее вызывал каждый раз, когда готовилось покушение на жизнь Гитлера. Готовилось ли такое покушение и в начале февраля 1944 года? Исторически это не документировано.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Пятница, 11 февраля.* Снега нанесло на метр в высоту. Ненадолго заглянув в наш главный штаб в «Танненхофе», я зашла к графу Шуленбургу и с его помощью попыталась дозвониться Татьяне, которая опять лежит в больнице в Дрездене. ·Поеду к ней туда на уикэнд. Какой он чудесный старик, как хорошо, что он здесь! Мы вместе пообедали, и я вернулась на работу. Там меня ожидала телеграмма от Хассо Эцдорфа, адресованная Татьяне. Он подтверждает, что Паул Меттерних серьезно болен, но добавляет: «ausser Gefahr» [«вне опасности»]. Слава Господу!

Татьяна прислала мне свежих яиц. Жаннетт С. на седьмом небе.

Суббота, 12 февраля. Работала все утро и отправилась на станцию в два часа дня. Хорошо, что у меня было с собой немного бутербродов, так как поездка в Дрезден оказалась прямо жуткой. Я упустила все пересадки. Потом села не на тот трамвай и добралась до больницы только к полуночи. Бедная Татьяна спала; когда я разбудила ее, она разревелась. Она всего-навсего проходит безобидное обследование, но она очень слаба. Новости о Пауле Меттернихе не помогают.

Воскресенье, 13 февраля. Весь день провела с Татьяной. Я привезла ей захваченные на работе несколько выпусков лондонского «Татлера»; она узнала там нескольких довоенных друзей. Ее начинает немного раздражать постоянное и довольно тягостное присутствие обоих родителей, и я ее не виню. Я предложила погостить у меня в Круммхюбеле. Ей будет полезно на время сменить обстановку.

Понедельник, 14 февраля. Сегодня утром обратное путешествие из Дрездена снова безумно затянулось. Наши офисы перевели из «Танненхофа» в новые, наспех состряпанные помещения, куда я сразу же и направилась. Хотя они еще не полностью готовы, мы тем не менее уже перевезли туда всю документацию и даже обставились вполне приличной мебелью. Когда я к ним приблизилась, что-то показалось мне странным; внезапно я поняла, что одного ряда домиков не хватает — он весь сгорел до основания. Наш домик тоже исчез. Выяснилось, что дома загорелись в субботу ночью и сгорели за один час. Ребята из *Arbeitsdienst* [трудовой службы], у которых тут неподалеку лагерь, спасли много мебели, но большая часть моего драгоценного фотоархива погибла во второй раз. Погибли и все досье Бютнера (невелика потеря!), а также принадлежащая д-ру Сиксу ценная

Слева направо: Татьяна Меттерних; мать Мисси княгиня Л.Л.Васильчикова; Мисси

⇐ Мисси в 1940 г.

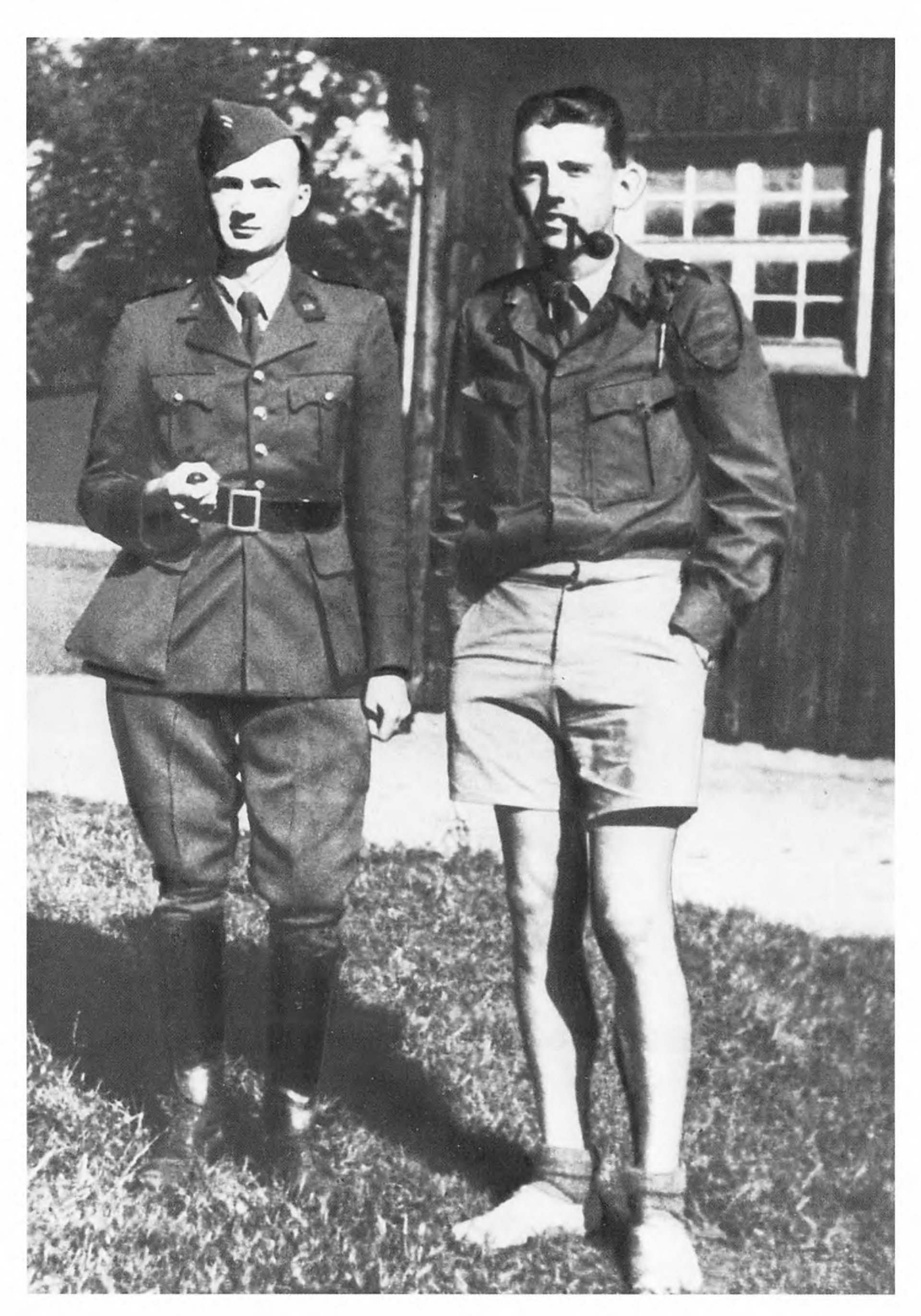
Отец Мисси князь И.С.Васильчиков

Брат Мисси Георгий («Джорджи») Васильчиков

«Ц.-Ц.» фон Пфуль и Ирина Васильчикова

Двоюродный брат Мисси князь Иван («Джим») Вяземский (справа) в немецком плену

Майор принц Хайнрих фон Сайн-Витгенштейн

Принц Иеронимус («Ронни»)
фон Клари-Алдринген

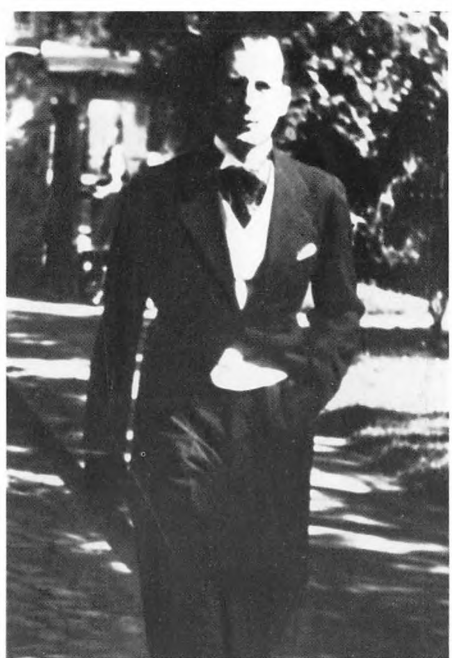

Принцесса Антуанетт фон Крой

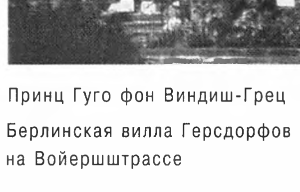
Принцесса Элеонора-Мария («Лоремари») фон Шенбург

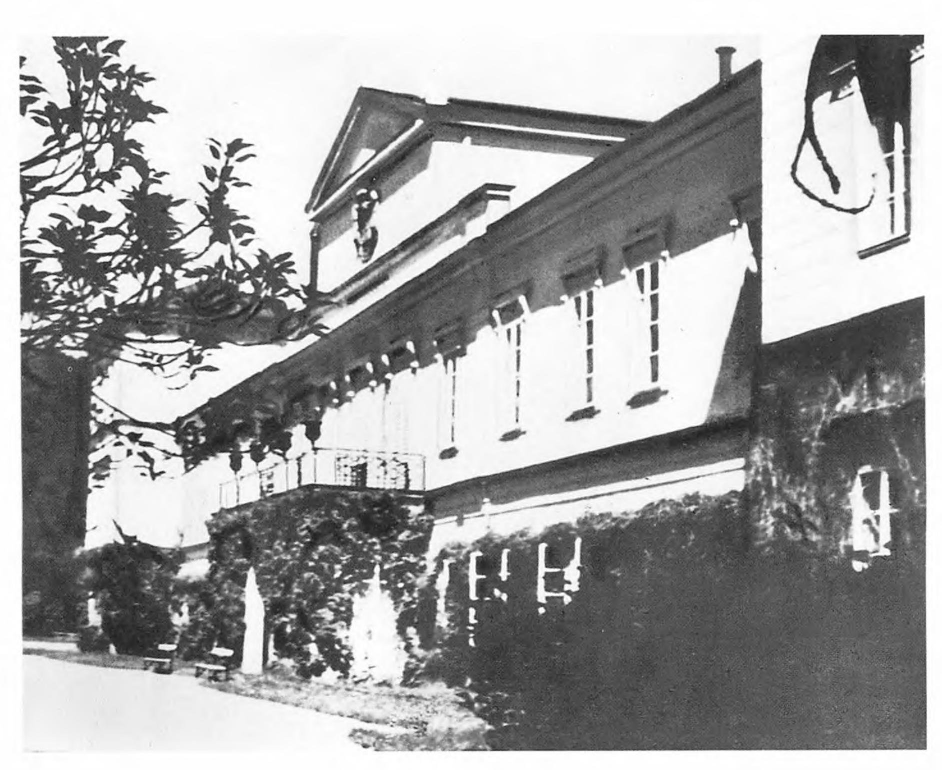

Принц Гуго фон Виндиш-Грец

Берлинская вилла Герсдорфов на Войерштрассе

Барон Ханс фон Флотов

Баронесса Мария фон Герсдорф

Замок Меттернихов в Кенигсварте

Принц Константин Баварский с женой в день их свадьбы

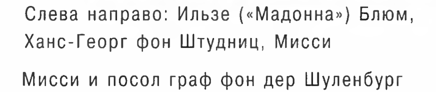
Замок Гогенцоллернов в Зигмарингене

Слева направо: Ильзе («Мадонна») Блюм, Ханс-Георг фон Штудниц, Мисси

Мисси и посол граф фон дер Шуленбург

Барон Рюдгер фон Эссен с женой Эрминой

Д-р Херберт Бланкенхорн

Коллеги Мисси в Министерстве иностранных дел (слева направо): 2. Бютнер, 3. «Алекс» Верт, 4. «Джаджи» Рихтер, 5. Адам фон Тротт, 6. Йозиас фон Ранцау

Последнее посещение штаб-квартиры фюрера в Растенбурге перед покушением полковника фон Штауфенберга. Слева направо: 1. Штауфенберг, 4. Гитлер, 6. фельдмаршал Вильгельм Кейтель

Комната, где 20 июля 1944 г. взорвалась бомба, подложенная полковником фон Штауфенбергом

Слева направо: 1. д-р Шлайер, 4.французский премьер Пьер Лаваль

Председатель «Народного суда» д-р Фрайслер

Глава полиции Берлина граф фон Хельдорф

Генерал-полковник Фридрих Ольбрихт

Старший лейтенант Вернер фон Хафтен

Полковник Генерального штаба
граф Клаус Шенк фон Штауфенберг

Д-р Франц Сикс

Адам фон Тротт на суде

Д-р Ханс-Бернд фон Хафтен на суде

Д-р Хассо фон Эцдорф

Тюрьма Моабит на Лертерштрассе

Помещение, где казнили заговорщиков. (Современная фотография)

Граф Готфрид фон Бисмарк с женой Мелани в день их свадьбы

Граф Готфрид фон Бисмарк во время суда

Госпиталь люфтваффе в Вене. (Современная фотография)

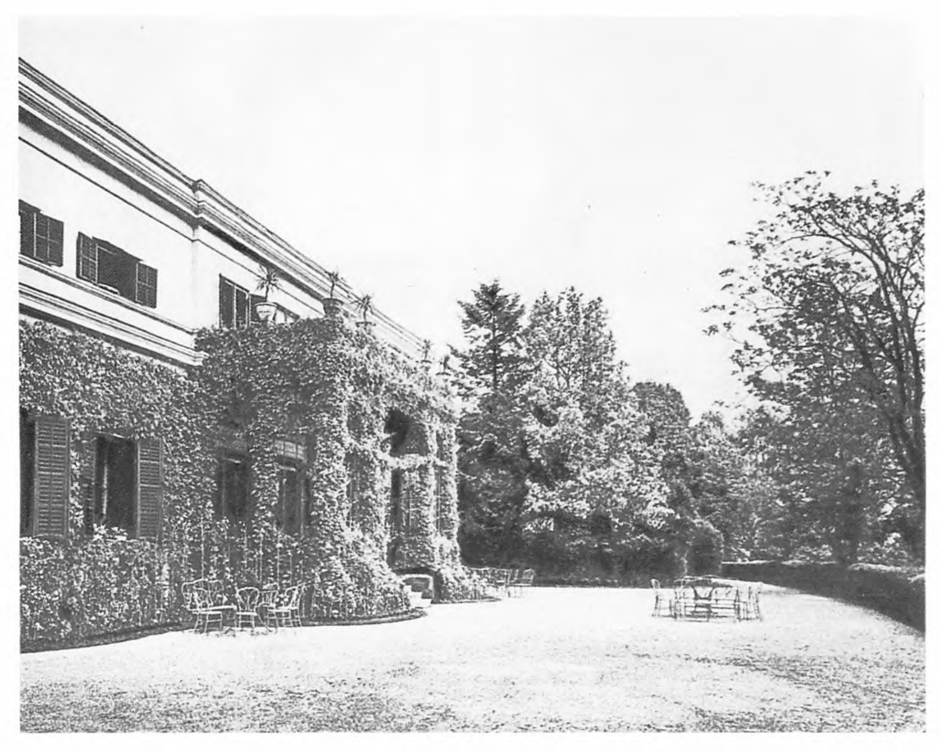
Мисси и принцесса Кармен («Сита») фон Вреде

Графиня Елизавета («Сизи») фон Вильчек

Граф Геза Пеячевич

Кенигин-вилла принцев Ганноверских в Гмундене

Мисси в 1941 г.

Венчание Мисси с Питером Харнденом 28 января 1946 г. Справа — Татьяна Меттерних

После венчания Мисси с Питером Харнденом. Слева направо: 1. Паул Меттерних, 2. Мисси, 3. Питер, 4. Татьяна Меттерних, 5. дядя С.Н.Исаков

Мисси в 1945 г. ⇒

картина, конторское оборудование и копировальные машины, стоящие 100 тысяч марок штука. Должно быть, это дело рук враждебно настроенных военнопленных. Таким образом, нам придется начинать все сначала. Говорят, что когда д-р Сикс услышал об этом в Берлине, он расхохотался: подумать только, ведь нас послали сюда для того, чтобы уберечь от «превратностей войны!»

Поскольку я пока что ничем не могу помочь, я отправилась домой и рано легла спать. Здесь быстро начинает клонить ко сну; должно быть, это горный воздух.

Вторник, 15 февраля. Мы переехали обратно в «Танненхоф». Вместе с одним сослуживцем я перетащила остатки нашего хозяйства в комнату на верхнем этаже, где я устроила себе кабинет. Оттуда превосходный вид, к тому же окна выходят прямо на крышу, и значит там можно будет загорать. Двое русских пленных помогли нам внести наверх мебель; я дала им карточки на хлеб и сигареты.

Мой фотоархив находится в самом плачевном состоянии: большая часть фотографий размокла и уже непригодна, остальные слиплись. Я потратила много времени, стараясь разлепить их, просушивая их на кровати, а затем раскладывая пачки фотографий под сиденьями моих сослуживцев, чтобы разровнять их.

Телеграмма от Мама́: «SOS. Татьяна хочет ехать к Паулу в Ригу. Отговори ее», и так далее. Поскольку Татьяна приезжает сюда в четверг, я предпочитаю подождать и спокойно с ней все обсудить при встрече. Граф Шуленбург откладывает поездку к себе домой ради того, чтобы увидеться с ней.

Среда, 16 февраля. После обеда мы с Мадонной Блюм в первый раз брали урок игры на аккордеоне у музыканта-чеха по фамилиии Холинко, который замечательно играет.

Четверг, 17 февраля. Сегодня приехала Татьяна. Узнала, что союзники разбомбили в Италии знаменитый монастырь Монте-Кассино.

Пятница, 18 февраля. Начальник Мадонны Блюм, симпатичный пожилой мужчина, некогда генеральный консул в Стамбуле, не знает, как ему быть: ему некуда пристроить семью, потерявшую кров во время бомбежки. Я предложила Татьяне взять их к себе в Кенигсварт. Частные дома не могут оставаться не полностью занятыми, а эти люди все же лучше, чем кто-то совершенно незнакомый.

Суббота, 19 февраля. Обедала с Татьяной, затем отправилась с Мадонной Блюм кататься на лыжах с крутого склона позади большого роскошного дома, в котором, по слухам, должен поселиться сам министр иностранных дел фон Риббентроп. По возвращении мы застали Татьяну и Жаннетт С. за лихорадочным приготовлением бутербродов, так как на ужин назвался граф

Шуленбург со своим помощником Ш., у которого день рождения. Жаннетт даже испекла торт, а из Кенигсварта только что прибыл запас вина, так что все прошло очень весело. Мадонна играла на аккордеоне, но потом она улеглась: должно быть, от сытной еды и еще оттого, что утром, катаясь на лыжах, неудачно упала и ушибла голову.

Воскресенье, 20 февраля. После обеда, воспользовавшись на редкость хорошей погодой, мы впятером отправились на длительную прогулку: мы с Мадонной Блюм на лыжах, остальные на санках. Пришлось много подниматься пешком, так как лыжных подъемников, разумеется, нет.

На горе мы слышали, как далеко внизу, в долине, завыла сирена воздушной тревоги. Это прозвучало совершенно нереально. Здесь порой трудно поверить, что идет война.

Татьяна получила очень тоскливое письмо от Паула, который жалуется на бессонницу, на сильные боли в груди и т.п. Граф Шуленбург обещал, что если Паула в скором времени не отправят в Германию, то он попробует помочь ей поехать к нему в Ригу. Я против этого, потому что на железных дорогах сейчас царит полный хаос, особенно на Востоке.

Новости с русского фронта крайне противоречивые — как всегда, обе стороны трубят о своих успехах.

К этому моменту русские уже отвоевывали прибалтийские государства и достигли границ довоенной Польши. Южнее только что были уничтожены десять немецких дивизий, окруженных под Черкассами. Хотя даже после Сталинграда немцы еще смогли развернуть несколько крупных наступлений, после Курской битвы (июль—август 1943 г.) — крупнейшего сражения броневых войск в истории, в котором немцы потеряли почти 3000 танков! — их успехи были сугубо тактическими, и инициатива повсюду сохранялась за русскими. К октябрю они достигли Днепра и освободили Киев, а в конце марта 1944 г. перешли границу с Румынией.

Понедельник, 21 февраля. Предполагалось, что сегодня я поеду в Берлин показывать д-ру Сиксу свой план создания нового фотоархива. Но мою поездку отложили, так как его там нет.

Сегодня вечером мы видели «*Ochsenkrieg*» [«Войну волов»] — фильм о войне в средние века. Особенно успокоительно было видеть, как люди колотят друг друга деревянными дубинками. После пяти или шести часов «бойни» на поле битвы осталось семь трупов!

Среда, 23 февраля. Сегодня в ресторане «Гольденер Фриден» нам подали на обед микроскопические кусочки несъедобного мяса, несмотря на то что мы отдали им наши карточки. Татьяна пожаловалась, и вместо мяса нам принесли маленькую колбаску.

Вечером пришел и остался ужинать Бланкенхорн. Он обещал позвонить врачу Паула Меттерниха в Ригу. Это очень кстати, так как граф Шуленбург на неделю уехал домой, а с его помощником у нас не такие близкие отношения. Увы: человек, обещавший устроить Татьяне эсэсовский пропуск в Ригу, только что погиб в автомобильной катастрофе.

15-го опять был сильный налет на Берлин. Большая бомба попала в отель «Бристоль», один из немногих еще действующих столичных отелей, во время многолюдного официального банкета. Завалило шестьдесят человек, в том числе несколько крупных генералов. Откопали их только через пятьдесят часов, к этому времени большинство уже умерло. [*Как будет видно в дальнейшем, разрушению гостиницы «Бристоль» суждено было оказать роковые последствия для многих участников «Заговора 20 июля»*].

Четверг, 24 февраля. Бланкенхорн все не может дозвониться до Риги.

Пятница, 25 февраля. Сегодня утром Бланкенхорн наконец дозвонился до Риги. Сообщают, что Паул Меттерних вне опасности, но еще недостаточно окреп, чтобы путешествовать.

Днем у меня поднялась температура, и я, к ликованию Бютнера, пошла домой и легла в постель. Говорят, что он носился по «Танненхофу», потирая руки и приговаривая: «Jetzt habe ich sie, jetzt habe ich sie!» [«Ну, теперь я ей покажу! Теперь я ей покажу!»] Жуть!

Суббота, 26 февраля. Теперь слегла Татьяна.

Воскресенье, 27 февраля. Наконец-то бодрое письмо от Паула Меттерниха.

Понедельник, 28 февраля. Сегодня утром опять не пошла на работу: чувствую себя прескверно. Бланкенхорн пришел в ужас, узнав о нашем состоянии, и обещал найти врача. Врач прибыл днем — молодой и, как говорят немцы, «спортивный». Жаннетт С. тут же им заинтересовалась, он явно ответил ей тем же и в скором времени придет опять, теперь уже к ней. Узнав от Бланкенхорна, что у Паула Меттерниха нарыв в легком, он сказал, что это очень опасная вещь, которая крайне редко встречается.

Вторник, 29 февраля. Вышла на работу. Луизетт и Йозиас Ранцау только что прислали мне из Бухареста изумительную ветчину. Некоторое время назад Йозиас получил назначение в тамошнее посольство. Это чрезвычайно кстати, потому что у нас кончились продовольственные карточки и неизвестно, чем кормить Татьяну, которая пока не в состоянии выходить.

Вчера вернулся граф Шуленбург. Какое облегчение!

Суббота, 4 марта. У Лоремари Шенбург снова неприятности. Я только что получила письмо от Ханса-Бернда фон Хафтена (нашего берлинского старшего кадровика). Он хотел бы, чтобы я

на нее повлияла, и может быть, уговорила уйти с работы: политическая ситуация становится все более рискованной, и ее неосторожность внушает им всем большие опасения. Она как раз только что написала мне из Вены, что собирается обратно в Берлин, так что это будет для нее неприятным сюрпризом.

Воскресенье, 5 марта. Сегодня утром уехала Татьяна.

Бланкенхорн подавлен последней речью Черчилля и вообще позицией союзников. Он надеялся, что Германия сможет придти с ними к взаимопониманию «при определенных обстоятельствах», но теперь это представляется маловероятным. Они согласны только на «безоговорочную капитуляцию». Безумие!

Имеется в виду выступление Уинстона Черчилля в Палате общин 22 февраля, в котором он выдвинул положение, что после победы необходимо будет обеспечить Польше компенсацию на Западе (т.е. за счет Германии) за все территории, которые ей, возможно, придется уступить СССР.

Понедельник, 6 марта. Опять сильный налет на Берлин, на сей раз среди бела дня. Теперь бомбят еще и американцы, а их самолеты способны лететь выше, чем британские. Дневные налеты еще хуже ночных, так как все люди находятся в городе или в дороге. Говорят, что разрушена киностудия УФА в Бабельсберге. Боюсь, как бы не задело Потсдам, это ведь близко.

Строго говоря, круглосуточные налеты на Германию, когда днем бомбила американская авиация, а ночью — британская, начались еще в 1943 году. Первый налет американцев на Берлин, в котором участвовало 29 «летающих крепостей» Б-17, состоялся двумя днями ранее. Тот налет, о котором здесь пишет Мисси, обошелся американскому воздушному флоту дороже, чем какой-либо иной вылет бомбардировочной авиации за всю войну в Европе: из 658 вылетевших самолетов погибло 69.

Набирается все больше фотографий монтекассинского сражения. Какой ужас, что уничтожен такой прекрасный монастырь. Что будет с Флоренцией, Венецией, Римом? Уцелеют ли они? Как странно: мы и представить себе не могли, что эта война будет такой кровавой и разрушительной, какой она теперь становится...

Вторник, 7 марта. Звонила в Вену в надежде отговорить Лоремари Шенбург возвращаться в Берлин, но она уже уехала.

Среда, 8 марта. Опять сильный дневной налет на Берлин. Нельзя туда дозвониться.

Мы с Жаннетт С. обе ждем посылок: я с вином, она с маслом; но пока ничего нет.

Татьяна прислала целую пачку писем, многие из них — от Паула Меттерниха. Он пишет о том, как ему живется в Риге. Его

хорошо кормят: гоголь-моголь, яичница, настоящий кофе и тому подобное. Прямо слюнки текут. Ему гораздо лучше, но он все еще слаб. Его обследовала медицинская комиссия, на которую его случай произвел глубокое впечатление: дело в том, что у него был нарыв в левом легком, распространившийся вширь и окруживший сердце. Его нельзя было оперировать, и он выжил только потому, что нарыв вскрылся сам.

Антуанетт Крой написала Татьяне из Парижа о том, что некоторое время назад Джорджи вызывали в Гестапо по поводу некоторых «советов», полученных им в письмах от Папá. Право, иногда хотелось бы, чтобы родители поменьше вмешивались в нашу жизнь и вели себя поосторожнее, особенно если учесть, что мы не всегда сообщаем им, чем занимаемся.

В Гестапо брату Мисси предъявили письма — разумеется, вскрытые цензорами, — в которых его отец выражал беспокойство по поводу слухов о его «деятельности». Подразумевалась, естественно, политическая деятельность, то есть Сопротивление. Не без труда Джорджи удалось обратить оплошность отца в забавное недоразумение, уверяя, что тот скорее всего имел в виду торговлю на черном рынке, которой в то время занимались многие французы.

Суббота, 11 марта. Ходила на лыжах с Мадонной в надежде достать овощей к подаренному ей зайцу, которого она готовит у себя дома для всех нас.

Воскресенье, 12 марта. Жизнь в Круммхюбеле организована исключительно плохо. Почти нет угля (хотя мы находимся в Силезии, а это угледобывающий район); а когда уголь есть, наши помещения превращаются в топки. Так что мы попеременно замерзаем и потеем.

Заяц Мадонны Блюм был восхитителен, и гости оставались допоздна. А я снова должна быть на ногах в пять утра, поскольку еду в Бреслау за фотографиями для пополнения моего архива.

Понедельник, 13 марта. Одевалась в темноте; было очень странно снова оказаться в юбке.

К счастью, железнодорожное сообщение с Бреслау еще действует, и я была там к десяти часам. Город показался мне унылым, хотя разрушений в нем пока нет. С работой я справилась быстро, наскоро осмотрела рыночную площадь и собор, а затем решила подкрепиться в местном ресторане, но кормили там так скверно, что я через силу выхлебала какой-то омерзительный суп и поспешила обратно на вокзал.

В купе вместе со мной ехали несколько женщин. Одна старуха все время мотала головой из стороны в сторону: никак не могла оправиться от шока после налета. Другая потеряла полруки, но выглядела вполне бодрой. Она направлялась в какую-то

сельскую больницу. Почему-то я испытала непонятную брезгливость, и вдруг, словно угадав мои мысли, кто-то достал одеколон и опрыскал им купе. В Хиршберге к нам подсела одна девушка из нашего министерства. Она ехала из Берлина. Она виделась с Лоремари Шенбург, которая теперь хочет приехать ко мне в Круммхюбель.

Вторник, 14 марта. Письмо от Мама́. У нее давно нет никаких вестей от Ирины. В Италии царит хаос. Мне вдруг стало очень тоскливо, я пошла в церковь и некоторое время сидела там, пытаясь все это как следует обдумать. Судя по всему, Ирина у себя в Риме совсем затосковала от одиночества и хочет присоединиться к нам еще перед концом войны. Какая это была бы ошибка!

Среда, 15 марта. Письмо от Лоремари Шенбург, подтверждающее ее намерение приехать сюда. Мы пошлем ей официальное письмо с приглашением войти в состав нашей группы на постоянных началах. В Берлине она чересчур суетится и тем подвергает опасности жизнь очень нужных людей.

Ужин в ресторане «Пройсишер хоф». Там только что закололи свинью, и все набросились на потроха. Я стойко держалась сыра.

Телеграфная служба вконец расстроилась по всей Германии. Отправить сообщение телеграфом — вернейший способ сделать так, чтобы оно не дошло. Что, впрочем, теперь порой бывает кстати.

Четверг, 16 марта. Посылок с едой все нет, так что сегодня мы ели на ужин сухарики, смоченные в растопленном жире от индейки.

Вчера вечером генерал Дитмар (официальный военный радиокомментатор) признал, что дела на Востоке плохи, так как русским благоприятствует *Schlammperiode* [сезон грязи]. Нам следует быть готовыми к серьезным поражениям, сказал он.

Что же касается союзников, то они бомбили Рим, а также Штутгарт. Берлин в последнее время не трогают.

Пятница, 17 марта. Ничто не нарушает монотонность нашего серого существования — вот разве то, что граф Шуленбург прислал нам индейку.

Суббота, 18 марта. Целый день каталась с Мадонной Блюм на лыжах под сильным снегом, а когда пришла домой, то застала Жаннетт С. за попытками справиться с ящиком вина от Меттернихов, который только что доставили на санках помощник посла Ш. и шофер. Мы тотчас же откупорили бутылку и устроили себе тихий пир. Я подарила Жаннетт пол-ящика в благодарность за гостеприимство.

Воскресенье, 19 марта. Опять катались на лыжах.

Дома нас ожидал граф Шуленбург. Он только что получил посылку с орехами, изюмом и сушеным инжиром из Турции. Еще он принес кофе и коньяк, так что у нас был настоящий пир.

Жаннетт С. хочет на неделю вернуться в Берлин. Поскольку налетов там в последнее время не было, она даже собирается взять с собой свою маленькую дочку, которая здесь с ней живет. Помоему, это крайне неблагоразумно.

Вторник, 21 марта. Сегодня днем у нас было первое совещание с Бютнером после того, как он меня уволил. Он пытался быть любезным. Видимо, решил помириться.

Помощник графа Шуленбурга сказал Жаннетт С., что немецкая армия оккупировала Венгрию, а русские занимают Румынию. Официально об этом пока не сообщается. Приятные же нас ожидают перспективы!

Среда, 22 марта. Встали ни свет ни заря. После завтрака с настоящим кофе Жаннетт С. с ребенком отправились в путь. Мела метель. Сопровождал их помощник графа Шуленбурга Ш., явно за ней ухаживающий. Я рада, что немного побуду одна. Займусь починкой одежды и вообще приведу все в порядок.

В некоторых отношениях у Круммхюбеля безусловно есть свое сельское очарование: сегодня утром я пошла за покупками, и вдруг меня окликнул почтальон — он видел меня в булочной и после этого обошел все гостиницы (так меня и не отыскав), потому что у него было для меня заказное письмо. Трогательно!

Работала допоздна, так как из Бреслау прибыли кипы фотографий и канцелярские принадлежности; сейчас мы ищем тележку, чтобы доставить их к себе в бюро вверх по склону. У министерства есть специальный фонд сигарет — чтобы подкупать местное население переносить нам тяжести: ведь транспорта здесь практически нет.

Приглашаю гостей, пока есть вино. По-прежнему нет угля. В доме все холоднее и холоднее; когда приходят гости, я включаю два жужжащих электрических вентилятора.

Четверг, 23 марта. Теперь это уже официально: Венгрия оккупирована «нашими» войсками. Новым премьер-министром стал бывший посланник в Берлине — Штояи, которого я несколько раз встречала на ужинах у Валери Аренберг: она ведь тоже венгерка. От Макиавелли в нем, насколько я помню, очень немного.

Хотя Венгрия немало поживилась за счет дружественных отношений с нацистской Германией, возвратив себе значительную часть территории, утраченной после Первой мировой войны, ее приверженность этому союзу была, мягко говоря, относительной, а участие в военных действиях Гитлера на Востоке — скромным. После того как во время Сталинградской битвы венгерские вооруженные силы были практичес-

ки уничтожены, вероломный регент Венгрии адмирал Хорти вступил тайно в контакт с союзниками. Это стало известно Гитлеру; 17 марта он вызвал Хорти в Берхтесгаден. В его отсутствие немецкие войска заняли страну и объявили премьером фельдмаршала Доэма Штояи.

Пятница, 24 марта. Мои продовольственные запасы тают на глазах.

Вечером зашла к графу Шуленбургу, он показал мне телеграмму из Мадрида: ночью 17-го французское Сопротивление пустило под откос экспресс Париж-Андэ; погибли оба Ойарсабаля. Подробности не сообщались, говорилось только, что похороны состоялись в Мадриде. Они ехали домой в отпуск: Мария Пилар только что вернулась из Швейцарии, куда она ездила навестить их маленького сына — он учится в школе Ле Розэ. На свадьбе Татьяны он нес за ней шлейф. Это трагическая утрата для всех нас, ведь они были одними из самых дорогих наших друзей. Провела вечер дома абсолютно подавленная.

Суббота, 25 марта. Закончила работу в полдень; затем, переодевшись, присоединилась к графу Шуленбургу и его помощнику, и мы отправились в санях, запряженных лошадьми министерства, на Пфаффенберг — лесистый холм посредине нашей долины. У министерства тут целый конный завод. Кучер с азиатской внешностью оказался бывшим советским военнопленным из Азербайджана. Их тут довольно много, так как немцы не хотят использовать их на Восточном фронте. Одетые в немецкую форму не по росту и очень странно в ней выглядящие, они, в общем, добродушны.

К немалому удивлению немцев, практически с самого начала кампании на Востоке значительное число русских пленных добровольно вызывалось служить захватчикам. Среди этих людей были жители самых различных регионов Советского Союза, но особенно охотно шли на сотрудничество представители нерусских национальных меньшинств (таких, как упоминаемые Мисси азербайджанцы), чьи земли вошли в состав Российской империи относительно недавно и у которых были свои националистические и (у мусульман) религиозные счеты с их атеистическими московскими правителями. Кто-то шел на это лишь для того, чтобы не умереть голодной смертью в немецком лагере, но многие по идеологическим мотивам, придя к выводу, что Сталин (чьи чистки совсем недавно опустошили страну) — это враг еще хуже Гитлера. К концу войны таких перебежчиков насчитывалось от 1,5 до 2,5 миллиона, чего никогда еще не бывало за всю многовековую историю России!

Уже в начале кампании кое-кто из немецкого командования понял, что единственный шанс на победу на Востоке заключается для

немцев в том, чтобы заручиться поддержкой русского народа в борьбе с его коммунистическими правителями, и вскоре появились воинские части, состоящие из бывших красноармейцев в немецкой форме — сначала на вспомогательной службе в тылу, а затем и в качестве регулярных боевых частей, призванных служить также и центром притяжения для новых перебежчиков. В 1942 г. был взят в плен на Волховском фронте заслуженный советский генерал, один из любимцев Сталина, Андрей Власов, отличившийся предыдущей зимой при обороне Москвы. Вместе с еще несколькими советскими генералами он взялся создать Русское Освободительное Движение, которое, по их расчетам, разделавшись со Сталиным, повернулось бы и прогнало в свою очередь и немцев. Хотя это движение получило поддержку у многих высших германских военачальников и даже у некоторых высших чинов СС (под конец и у самого Гиммлера!), оно так и не развернулось из-за непреклонной позиции Гитлера, не желавшего об этом и слышать. В его планах для русских, даже антикоммунистически настроенных, места не было никогда — разве что в качестве рабов. Только в ноябре 1944 г. (когда советские войска уже готовились к конечному удару) Власову было позволено учредить «Комитет за освобождение народов России» и «Русскую освободительную армию», состоявшую из двух плохо экипированных дивизий, успевших лишь освободить Прагу от эсэсовских частей до того, как туда вошли советские войска. После этого они отступили на Запад и сдались союзникам, которые, выполняя ялтинские соглашения, выдали их на милость Сталина. Многие из этих «жертв Ялты» предпочли возвращению на родину самоубийство. Другие были либо расстреляны на месте, либо отправлены в ГУЛАГ, откуда мало кто вернулся. Сам Власов вместе со своим генералитетом был повешен в Москве в августе 1946 г.

На вершине холма есть небольшой замок, принадлежащий какому-то барону X., который сдает там комнаты, и по предварительной договоренности там можно пообедать. Нас любезно приняли хозяин и хозяйка, но когда гостей пригласили к столу, они ретировались. Нас проводили в очаровательную небольшую столовую, отделанную ситцем бледно-голубых и белых тонов, с мягким освещением — словом, в такую обстановку, о которой мы у себя в деревне давно и думать забыли. Подали восхитительный обед, завершившийся персиками со взбитыми сливками. Мы радовались, как дети на празднике. Позже хозяева дома снова вышли к нам и провели нас по замку. У них есть даже небольшая оранжерея, и они с гордостью показали нам свою первую розу. Потом подали коньяк, после чего за нами заехали сани, и мы отправились обратно в Круммхюбель.

Понедельник, 27 марта. Еще одна ветчина от Йозиаса Ранцау — дай ему Бог здоровья!

Вторник, 28 марта. В прошлую пятницу опять был сильный налет на Берлин. Я беспокоюсь, так как Жаннетт С. со времени своего отъезда не подает признаков жизни.

Ужин у Мадонны Блюм. Позже зашел карикатурист Брунс, и мы играли на трех аккордеонах. Он приехал сюда на две недели; обычно он работает ночью, а днем бегает на лыжах или играет нам на аккордеоне, пока работаем мы. Он исключительно одарен, у него неисчерпаемый репертуар, и он многому нас научил. Он крошечного роста, очень талантливый художник и, подозреваю, тайный коммунист. У него весьма «оригинальные» взгляды на нынешнюю Германию.

Среда, 29 марта. Все снег и снег.

Ханс-Бернд фон Хафтен позвонил мне из Берлина узнать, не сможет ли Татьяна приютить у себя в Кенигсварте семью Джаджи Рихтера — их дом тоже разбомбили. Во время дневного налета, когда Джаджи сидел в бункере на работе, в его дом попала фугасная бомба, разбросав членов семьи во все стороны. Слава Богу, никто не пострадал, но теперь им некуда деться. Пытаюсь дозвониться до Татьяны, но междугородняя связь, как обычно, не действует.

Четверг, 30 марта. Письмо из Берлина: меня просят приехать после пасхи. Я в восторге: очень трудно так долго находиться вдали от «центра событий». Наше здешнее малоподвижное существование полезно лишь для физического восстановления сил.

Сегодня вечером мы с Мадонной Блюм готовили картошку на ужин, и вдруг, едва держась на ногах, появляется Жаннетт С. со своей девочкой и тащит огромный чемодан. Не успела она приехать в Берлин, как в первую же ночь в ее тамошний дом попала одна из самых мощных бомб. Подвал обрушился, похоронив заживо одиннадцать человек. Сами они каким-то чудом спаслись, но ее матери теперь некуда деться, мне придется отсюда выехать, чтобы освободить ей место. Судя по всему, в Берлине сейчас сплошной ужас: нет воды (семья получает по два ведра в день, их разносят солдаты), нет света, нет газа... Жаннетт С. несколько раз возбуждала на улице неудовольствие прохожих своей «вызывающей» косметикой: теперь это считается «непатриотичным». Шляп больше не носят — в лучшем случае закутываются в шарф, чтобы не задохнуться в дыму.

Пятница, 31 марта. Весь отдел окунулся в бурную деятельность. Завтра приезжает д-р Сикс с Джаджи Рихтером и другими высшими начальниками, и они зайдут во все шале и все гастхаусы по очереди. По случаю столь важного события откуда ни возьмись вдруг появился уголь, и наше жилье отапливается практически в первый раз за зиму. Более того, «Танненхоф» заново покрасили и выстелили коврами. Бютнер в смятении

издал «Приказ дня»: в воскресенье всем быть на своих рабочих местах от девяти до двенадцати. Можно подумать, что ожидается визит папы римского!

Погода наконец-то начала улучшаться, и поэтому мы особенно ворчим.

Суббота, 1 апреля. Намеренно пришла на работу поздно — из-за завтрашнего дня. Бютнер уже рыскал по территории. Он подчеркнуто объявил, что находится там с восьми утра. Нынешний объект его придирок — после того, как он оставил в покое меня, — это профессор Михель, который, когда его отчитывают, обычно замечает: «Das kostet mir nur ein müdes Lächeln» [«Это обходится мне всего-навсего в усталую улыбку»].

Воскресенье, 2 апреля. Пришла на работу чуть позже девяти. Погода была ясная и солнечная. Аккордеон Брунса на время спрятали, на каждом столе поставили табличку, удостоверяющую, какой именно областью нашей деятельности здесь занимаются: *Bildarchiv* [фотоархив], *Schrift und Wort* [письменное слово] и т.п.; все напряженно стояли в ожидании явления Великого Могола. Я сидела на веранде и грелась на солнышке с Брунсом и сослуживицей из Берлина, когда меня срочно вызвали: Бютнеру требовалось обсудить какие-то тексты и заголовки.

Этим мы и занимались, когда появилась процессия, возглавляемая д-ром Сиксом, за которым следовали Джаджи Рихтер, выглядевший так, словно у него болел живот, Бем, Блант и секретарша Сикса фрау Зойстер, плюс власти предержащие Круммхюбеля, то есть Бец и прочие. Господа из Берлина были в несколько растрепанном виде: с непривычки к скользкому льду и снегу они явно спотыкались и падали по дороге к нам наверх. После этого все собрались на веранде, где к нашему всеобщему изумлению Бютнер разразился нескончаемой речью о нашей «исключительно важной» деятельности. Что за фарс! Сикс молча устремил на него взгляд, он сбился и стал запинаться. Я стояла сзади, прислонившись к двери. Когда речь Бютнера кончилась, Сикс сказал несколько слов о необходимости обеспечить больше места для фотоархива (следовательно, для меня!) и т.п., и они заковыляли обратно вниз по склону, а мы пошли бегать на лыжах.

В течение следующих трех дней Сикс будет занят где-то в другом месте, так что нас не будут беспокоить, но он объявил, что нанесет нам еще один инспекционный визит в среду.

Вчера его секретарша фрау Зойстер неожиданно пришла ко мне и умоляла явиться сегодня утром на работу. Как я поняла, они боялись, что я вместо этого пойду бегать на лыжах! Что они, с ума сошли: это в присутствии Тигра-то? Он слишком опасный для меня человек, чтобы я позволила себе легкомысленно относиться к своим обязанностям, пока он здесь. Да и вообще с моей стороны было бы непростительной глупостью настраивать его против себя

по такому пустяковому поводу, зная, что нам предстоит. [*Здесь Мисси явно опять намекает на готовящееся покушение на жизнь Гитлера*].

Фрау Зойстер обещала Джаджи и еще двоим господам из Берлина, помогавшим ей в дороге справиться с ее тяжелым багажом, чашку кофе. Я предложила ей принять их в нашем доме, так как больше ей сделать это негде. Мы с Мадонной Блюм едва успели дойти до дома, снять боты и предупредить Жаннетт С., как появились Джаджи, Бем и Блант. Фрау Зойстер обеспечила кофе, а я вино. Мы очень мило побеседовали: ведь эти трое — одни из последних оставшихся в отделе порядочных людей. Они не знают, как быть с Сиксом, и спросили у нас, не могут ли они привести его к нам с собой после ужина. Что же, возможно, это будет с нашей стороны умной политикой. Вечером они действительно привели его с собой, и мы принимали гостей допоздна, причем ноту веселости в наше общение вносила одна лишь Жаннетт.

Понедельник, 3 апреля. Семейство Ранцау переправляет все свои ценные вещи из Бухареста сюда, к родственнице Йозиаса. Судя по всему, они там очень встревожены, ведь фронт приближается с каждым днем.

Вторник, 4 апреля. Погода быстро портится, и я, воспользовавшись присутствием Джаджи Рихтера, решила поехать с ним тайком в Кенигсварт на уикэнд. Он наконец решился отправить свою семью к Татьяне, и не исключено, что мне удастся даже выхлопотать официальное разрешение его сопровождать. Ехать поездом будет тяжело: теперь поездка занимает восемнадцать часов вместо пяти.

Среда, 5 апреля. Джаджи Рихтер не только добился у д-ра Сикса разрешения для меня сопровождать его в Кенигсварт, но и устроил так, что мы выезжаем уже в пятницу (обосновав это тем, что должен переговорить со мной еще по ряду служебных вопросов).

Сегодня такое жаркое солнце, что мы с фрау Зойстер забрались на крышу нашей веранды. Там мы говорили о делах, и скоро к нам присоединились Джаджи и профессор Михель, а рядом в уголке, сняв рубашку, загорал Брунс. Джаджи неожиданно сообразил, что ранее Брунс ни в каких совещаниях участия не принимал. Поскольку здесь все немедленно получает гриф *streng geheim* [«совершенно секретно»], то было решено, что как только мы спустимся с крыши, Брунс принесет присягу секретности.

Четверг, 6 апреля. Сегодня утром меня попросили явиться к д-ру Сиксу после кофе, так как он захотел поговорить со мной наедине. Я не вполне поняла, что означает «после кофе». К счастью, по дороге на обед я наткнулась на самого Сикса. Он многозначительно взглянул на свои часы. Означало ли это, что я ухожу слишком рано, или же что-то другое? Трудно сказать. С

таким человеком очень непросто найти верный тон и скрывать свое отвращение и страх под маской бравады: мне, мол, наплевать. Позже зашел Джаджи Рихтер и сообщил, что нас обоих ожидают в пять. Как хорошо, что мне не пришлось идти одной! В «Танненхофе» нас встретил лично Сикс. Нам были предложены булочки, кофе и коньяк; обсуждались общие вопросы — если только можно назвать это обсуждением. Любой спор он неизменно завершает напоминанием, что является наиболее высокооплачиваемым сотрудником нашего учреждения и, следовательно, за ним должно оставаться последнее слово.

КЕНИГСВАРТ. *Западная страстная пятница, 7 апреля.* Сегодня утром встала в пять. На станцию успела как раз к тому моменту, когда д-р Сикс и Джаджи Рихтер садились в поезд, а местные круммхюбельские власти в лице Беца и иже с ним стояли на платформе, провожая «нас». К счастью, в Герлице наши пути разошлись. Поезд, на котором мы с Джаджи предполагали сесть, пришел настолько переполненным, что мы не смогли на него попасть даже через окна, так что пришлось три часа ждать следующего поезда и в Мариенбад мы прибыли в одиннадцать ночи, проведя в пути почти двадцать часов; но Джаджи был в хорошем настроении и время прошло быстро.

Добравшись до дома, я немедленно разделась и поужинала. Потом появилась Мамá. Я была рада видеть ее, ведь я не была здесь с рождества. Между нами тут же разгорелся политический спор. Такая вынужденно бездеятельная жизнь плохо сказывается на динамичных натурах. Вчера из Риги приехал Паул Меттерних. Он выглядит очень усталым, но совсем не таким исхудавшим, как я ожидала, и настроение у него бодрое.

Суббота, 8 апреля. Погода чудесная. Здесь гораздо меньше снега, чем в Круммхюбеле. Мы с Мамá ходили в деревню и встретили гуляющую семью Рихтеров. После сытного обеда — что значит по нынешним временам быть владельцами имения! — долго каталась по окрестностям. У Паула Меттерниха сильная одышка, но в остальном он держится бодро. Как жаль, что Круммхюбель так далеко и я не могу приезжать сюда чаще! Меттернихи надеются летом поехать в Испанию — у Паула отпуск по болезни. Он даже собирается ехать туда на автомобиле своей матери, который спрятан здесь в сарае с самого начала войны. Его эта идея чрезвычайно воодушевляет: ведь сейчас пользование частным транспортом запрещено.

Западное пасхальное воскресенье, 9 апреля. Приходили обедать Рихтеры. Джаджи умница. Как хорошо, что в министерстве еще есть кто-то, кому можно доверять.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Вторник, 11 апреля.* Встали в 4.30 утра. Поезд был переполнен, и всю дорогу нас преследовал вой сирен воздушной тревоги. Приехала в Круммхюбель в 7 вечера и

немедленно направилась домой, где нашла много писем и несколько посылок.

Среда, 12 апреля. Посылки были от Ханни Ениша: он прислал масло, бекон и колбасу. Я растрогалась. Мы тут же организовали пиршество, завершив его чашкой кофе.

Днем было общее собрание, на котором объявили о недостатках, обнаруженных д-ром Сиксом во время его визита: среди прочего он отметил, что мы недостаточно аккуратно отбываем свое рабочее время. С другой стороны, было объявлено, что если здесь будет воздушный налет, то мы имеем право разойтись куда хотим. Разумный совет, тем более что иной альтернативы нет!

Ужинала с графом Шуленбургом, потом ходила в кино.

Хотя в то время Мисси этого не знала, д-р Сикс, находясь в Круммхюбеле 3—4 апреля, выступал на семинаре «экспертов по еврейскому вопросу», прикомандированных к германским дипломатическим миссиям в Европе. Он сделал доклад на тему «Политические структуры мирового еврейства», в котором заявил, что «физическое истребление европейских евреев лишает еврейство его биологических резервов».

Четверг, 13 апреля. Сегодня утром позвонил Ханс-Георг фон Штудниц. Он находится здесь вместе с полномочным посланником Шмидтом, начальником отдела иностранной прессы АА. Они совещаются с Тидо Гаспаром, занимающим аналогичный пост в Словакии, а заодно и пост министра пропаганды. Позже Ханс-Георг зашел ко мне на работу и мы посидели на скамье, греясь на солнце. Он переполнен новейшими берлинскими сплетнями. По-моему, он многое выдумывает, но он превосходный рассказчик.

В обеденное время мы пошли с ним вверх по склону посмотреть на комнату, которую граф Шуленбург нашел для меня в другом шале, так как Жаннетт С. просит меня освободить мою теперешнюю комнату, где поселится ее мать. Новая комната более чем скромна, но снабжена проточной водой, а это теперь большой плюс. На днях приедет Лоремари Шенбург, мы будем жить там вместе и, думаю, устроимся уютно. На мосту над водопадом мы столкнулись с самим посланником Шмидтом; он оказался, к моему удивлению, совсем молодым человеком. Он устраивал *Kameradschaftsabend*, то есть вечеринку своих сослуживцев, в отделе прессы в гостинице «Тайхманнбауде» и пригласил и меня. Вместе с Мадонной Блюм и еще несколькими приглашенными мы отправились туда в конном экипаже.

За исключением нас, все девушки были из Отдела прессы. Мы сидели за длинными столами, моим соседом был Штудниц, продолжавший рассказывать свои берлинские саги. В ходе вечера посланник Шмидт опрокинул стакан вина на юбку Мадонне. Его

словацкий гость Тидо Гаспар пригласил нас к себе в Словакию и обещал мне свою последнюю книгу — *«Mille et une femmes»* [«Тысяча и одна женщина»]: он поэт и драматург. Напитки подавались в изобилии — коньяк, всевозможные вина, шампанское; были также превосходные бутерброды. Присутствовал и бургомистр Круммхюбеля; он недвусмысленно шепнул мне, что крайне мной заинтригован — *qu'est-ce que je fichais dans cetts galere?* [что побудило меня оказаться в такой компании?] Вечеринке не было видно конца, но в два часа ночи я предложила нашей группе откланяться.

Пятница, 14 апреля. Весна: повсюду вырастают крокусы.

Мы с Мадонной Блюм решили съездить в Берлин на автобусе Ханса-Георга Штудница, который возвращается туда завтра. У Мадонны отпуск. А я — зайцем!

Суббота, 15 апреля. Встала в пять утра и встретилась с Мадонной Блюм в условленном месте. Появилось огромное белое чудище на угольной тяге, управляемое жизнерадостным австрийцем. Остальные трое пассажиров тоже были австрийцы. Вообще-то в автобусе тридцать мест. Часть пути проходила по *Autobahn* [автомагистрали], и нам все время приходилось останавливаться, чтобы водитель мог заправить свою топку. В Кенигсвустерхаузене, где сошел один из наших пассажиров, был в разгаре воздушный налет; над головами кружилось много истребителей, а близ дороги было несколько воронок. Но вскоре дали отбой, и мы поехали дальше. В Берлине нас высадили на площади Инсбрюкер Плац.

У Герсдорфов я застала Марию и барона Корфа. Мария принялась варить мне яйца, как вдруг вошел Папá. Он приехал в Берлин на русскую Пасху. Я позвонила Готфриду Бисмарку, который сообщил мне, что Лоремари Шенбург живет в отеле «Централь», возле железнодорожной станции Фридрихштрассе. Поскольку получить комнату в отеле сейчас очень трудно, это, несомненно, дело рук графа Хельдорфа. Я позвонила ей и попросила забронировать комнату и мне. Большую часть дня провела с Марией, потом пошла в отель. Путь пролегал через Тиргартен, представляющий сейчас грустное зрелище. Вообще запущенный вид Берлина поражает и удручает.

На Унтер ден Линден прошла мимо отеля «Бристоль». На первый взгляд он выглядел не так уж плохо: фасад сохранился, с балконами и всем остальным. Но внутри все разворочено: там и сям валяются телефонные трубки, кафель, люстры, обрывки ковров, осколки зеркал, битые статуи и осыпавшаяся штукатурка.

В отеле «Централь» меня встретили с подчеркнутой вежливостью и немедленно дали комнату. Я заказала ужин и прилегла поспать. Через два часа появились Лоремари, Тони Заурма, Александра фон Бредов (племянница Готфрида), Кикер Штумм и

еще один приятель; мы сидели, пили коньяк и болтали до полуночи.

Несмотря на все усилия ее спрятать и попытки ее очень способного адвоката д-ра Лангбейна (который в то время сам имел неприятности и сейчас находится в тюрьме) мать-еврейку Зигрид Герц опять арестовали — теперь уже окончательно. Помочь больше ничем нельзя, и мне страшно ее жаль. Все это напомнило мне, как года два назад мы сидели с Зигрид и с Лоремари на кухне у Лейндорфов, обсуждая эти возмутительные преследования евреев. Кто-то подарил мне тогда бутылку бенедиктина, и мы, разлив его в пивные стаканы, запивали им наш «ужин», состоявший из сухой колбасы.

Д-р Карл Лангбейн был давно уже близок к группе антинацистских сопротивленцев из окружения бывшего посла фон Хассела и бывшего прусского министра финансов д-ра И.Попица. Пользуясь своими поездками в Швейцарию, он также служил контактом с союзниками. Но одновременно он же имел контакты и с Гиммлером, которого он старался убедить порвать с Гитлером. В сентябре 1943 г. его арестовали, долго пытали и под конец казнили. Его дочь, кстати, автор немецкого перевода книги Мисси.

Воскресенье, 16 апреля. На пустой желудок отправилась в русскую церковь причаститься, к сожалению безуспешно. Там была такая давка, из-за множества беженцев и депортированных «остов» из Советской России, что я даже не могла пробиться ко входу. После настоящей кулачной драки с каким-то скотиной, который ворвался в телефонную будку и пытался меня оттуда вытеснить, я дозвонилась до Лоремари Шенбург и вернулась к себе в гостиницу. Скоро появился Тони Заурма на своей машине, и мы поехали в гостиницу «Эден» пообедать. Так как фасадной части здания еще нет, доступ туда теперь с заднего входа. Но уже восстановили пятьдесят комнат. Мы легко получили стол, и нам подали удивительный обед, состоящий из редиски с маслом и котлет из дичи (дичь не рационирована). Мы начали с коктейлей, затем несколько сортов вина, затем шампанское и завершили все это бутылкой коньяка из погреба Тони. Мы уже долгие месяцы так хорошо не ели.

Завернув часть обеда в бумажные салфетки, мы понесли это Марии Герсдорф, где нашли Готфрида Крамма и Папа́. Готфрид сейчас очень расстроен, так как Швеция попросила его больше не приезжать. Он часто бывал там благодаря дружбе со старым королем — оба большие любители тенниса. Может быть, то интрига англичан?

Мы пробыли у Марии почти весь день; потом Тони ушел, а я одна отправилась в отель, так как должна была вернуться в

Круммхюбель завтра же утром, и мне никак нельзя будет опаздывать на поезд.

Вторник, 18 апреля. Переехала из шале Жаннетт С. в свою новую комнату, которая находится в получасе ходьбы от работы; в этом немало преимуществ. Комната имеет балкон с чудным видом.

В Круммхюбеле сразу же наткнулась на Беца, которому и призналась, где провела уикэнд, но моей вылазки никто, похоже, и не заметил.

Потом приехала Лоремари с огромным чемоданом. Мы вместе втащили его вверх по склону. Живописные окрестности ей понравились, но она твердо намерена пробыть здесь минимум времени.

Суббота, 22 апреля. Постепенно начинаю понимать, как трудно работать с Лоремари Шенбург — именно потому, что мы такие близкие подруги.

Понедельник, 24 апреля. Долгий разговор с Лоремари Шенбург: она дуется, так как винит *меня* в том, что ее перевели в Круммхюбель. Не могу же я сказать ей, что истинная причина заключается в том, что из-за ее безрассудного поведения само ее присутствие в Берлине ставит под угрозу людей, которые (хотя она этого не знает) в гораздо большей степени, чем она, вовлечены в то, что предстоит. [*Опять намек на предстоящее покушение на Гитлера!*]. За ужином у нас был еще один долгий разговор, и это несколько разрядило атмосферу.

Завтра я возвращаюсь в Берлин недели на две.

БЕРЛИН. *Вторник, 25 апреля.* Лоремари Шенбург проводила меня до станции и помогла донести чемодан. До Герлица — это в двух часах езды — ехать было довольно удобно: я даже сидела. Но в Герлице наш вагон по неизвестной причине отцепили, и всем пришлось выйти и искать места в других вагонах: дальше стояла всю дорогу до Берлина.

Была очень рада снова увидеть Алекса Верта и Адама Тротта. Все как в былые времена. Мы долго говорили, прежде чем я отправилась в кабинет к Джаджи Рихтеру. Все возмущены, поскольку их переводят в новое помещение в соседнем доме, где условия не отвечают самым элементарным требованиям: там нет даже телефона. Поэтому они решили перебраться в отель «Карлсбадерхоф», где еще есть свободное место. Адам привез меня к себе на чай, а потом отвез на станцию Шарлоттенбург.

В Потсдам я приехала довольно поздно; к ужину меня ожидали Готфрид Бисмарк, Рюдгер Эссен и Жан-Жорж Хойос. Мелани за городом. Переводчик Гитлера посол Паул Шмидт попал в тяжелую автомобильную катастрофу — два перелома черепа. Надеюсь, что он поправится: он приятный, порядочный человек. Была также тяжелая авиакатастрофа, в которой погиб

генерал-полковник Хубе. Он только что получил алмазы к своему рыцарскому железному кресту с дубовыми листьями.

Среда, 26 апреля. Тружусь над макетом нового журнала, который задумал выпускать д-р Сикс.

Вечер провела с Марией Герсдорф. Я так редко вижу их обоих, а они всегда такие душки и так добры ко мне! Они более или менее привели в порядок первый этаж, теперь там можно сидеть, но по-прежнему очень холодно. Скверик перед домом тоже выглядит лучше: среди развалин цветут персиковые деревья и гиацинты — маленький оазис.

Четверг, 27 апреля. Сегодня утром была у графа Хельдорфа. Какой-то грубый чиновник попытался было меня остановить, но я все-таки к нему прошла. Принял он меня, как всегда обаятельно, что никак не дает мне разобраться, каков же он на самом деле: ведь очень многие мои друзья ему не доверяют. Однако мнение Готфрида Бисмарка я ставлю очень высоко, а потому твердо намерена и впредь относиться к нему хорошо. Он подвез меня к отелю «Адлон». Я сидела рядом с ним впереди; позади ехали два крупных полицейских чина. Я чувствовала себя в полнейшей «безопасности»: это же самые высокопоставленные лица в берлинской полиции!

Обедала с Тютю Штуммом. «Адлон» — Вавилонская башня, где собираются последние из могикан. Устраивать коктейли теперь не принято, так что все и каждый, кого я когда-либо встречала на подобных приемах и кто уцелел, заглядывают сюда по меньшей мере раз в день. Сегодня, например, там были Франц-Эгон Фюрстенберг, Хельга Неринг, Лалли Хорстман, Фрици Шуленбург (бывший вице-президент берлинской полиции, заместитель Хельдорфа), сестры Лоренц, Карл Залм... Есть что-то зловещее в этой атмосфере обреченной обороняющейся крепости.

После обеда заглянула в швейцарскую миссию к Перси Фрею. Приятно время от времени чувствовать под ногами нейтральную почву! Потом поехала к художнику Лео Малиновскому, который живет в Николасзее — этот берлинский пригород так хорош в это время года, когда повсюду цветут крокусы и миндаль.

Попили с Лео кофе в его квартирке. У него очаровательная старушка мать, которая живет с ним; чудесная, типично русская интеллектуальная атмосфера. Лео сильно хандрит: только что покончил с собой в тюрьме один из его ближайших друзей, работавший в геббельсовском листке «Дас Райх» и часто бывавший у нас в Отделе информации. Лео подозревает, что его заставили это сделать. Художникам сейчас приходится особенно трудно. Молодые все мобилизованы, если еще не погибли; а те, кто постарше, судя по всему, ушли в подполье, поскольку, нечего и говорить, взгляды у них по большей части в высшей степени нонконформистские; так что в обоих случаях им нелегко выжить.

Я выпила так много кофе, что весь остаток дня у меня все плыло перед глазами. Кофе — единственный напиток, который я пью в огромных количествах, как только предоставляется возможность: похоже, что он заменяет все то, чего мы лишены. Курить я практически бросила.

После этого я направилась прямо в Потсдам. Готфрид Бисмарк был один. С ним можно разговаривать о чем угодно, он так хорошо все понимает; но стоит ему оказаться в окружении людей, его раздражающих, как он нервничает и ведет себя, как необъезженная лошадь.

Пятница, 28 апреля. По утрам Рюдгер Эссен отвозит меня в Берлин. К сожалению, скоро он навсегда уезжает в Стокгольм. Нам будет очень его не хватать; он спокоен, как скала в бушующем море, и никогда не выпускает трубки изо рта. Сейчас его сослуживцы один за другим устраивают в его честь прощальные вечеринки, с которых он возвращается лишь к утру сильно подвыпившим.

На работе застала всеобщую суматоху: *«Luftgefahr 15 — höchste Alarmstufe»*. Это означает, что вот-вот будет крупнейший налет. Однако, на наше удивление, ничего не произошло. В два часа дня д-р Сикс и Алекс Верт предложили мне пойти с ними в Клуб иностранной прессы обсудить за обедом некоторые деловые вопросы. Клуб сейчас находится в пригороде, так как красивое здание в центре города, где он размещался прежде, полностью разрушено. Мы проезжали по районам Берлина, где не осталось ни одного стоящего здания. В клубе мы встретили Адама Тротта: он как раз собирался пообедать с двумя друзьями. Нам достался столик в середине комнаты, окруженный немецкими газетчиками и людьми из АА. Был там и посланник Шмидт, начальник Ханса-Георга Штудница. Он в плохих отношениях с Сиксом (а кто в хороших?) и чтобы позлить его, подошел ко мне пожать руку и громким шепотом сказал: «Не говорите ему, о чем мы разговаривали в Круммхюбеле..»

Стараниями Алекса Верта обед прошел удовлетворительно. Мы говорили о кадровых вопросах Круммхюбеля: у некоторых девушек там растет нервозность. Судя по всему, Сикс привыкает к тому, что я время от времени появляюсь здесь, иногда неожиданно. Он лишь интересуется, что я делаю и когда собираюсь уезжать, а других вопросов больше не задает.

Ужин у Штудница с Берндтом Муммом и Фольратом Вацдорфом. Ханс Флотов одолжил ему для этого свою квартиру. Я была единственной девушкой. Штудниц мастер вести застолье. Он остроумен и беспощаден, любит производить эффект и не щадит ради этого никого. На этот раз мы столько смеялись, что меня прямо-таки свело судорогой. Такое бывает нечасто и очень полезно.

ЯНСФЕЛЬДЕ. *Суббота, 29 апреля.* Утро началось прекрасно. Рюдгер Эссен высадил меня у киностудии УФА на Лейпцигерштрассе, в самом центре города: я должна была взять там фотографии немецких актрис. Не успела я начать просматривать материал, как завыли сирены. Нас немедленно согнали в глубокий просторный подвал. Там находилось около 500 человек, все они были сотрудниками УФА. Две девушки, с которыми я сидела у входа, учили наизусть стихи, а я погрузилась в автобиографию мадам Табуи *«Ils l'ont appellée Cassandre»* [«Ее называли Кассандрой»], но тут раздался грохот и погас свет. Немедленно заработали резервные генераторы. Несмотря на то, что здесь все вроде бы прекрасно организовано, я подумала, что могу оказаться заваленной и никто не узнает, где я; эта мысль не подбодрила. Зенитки палили без отдыха, бомбы то и дело разрывались совсем близко. Кругом носились медсестры с пакетами первой помощи. Каждые десять минут нужно было отправлять двоих мужчин-добровольцев качать в подвал свежий воздух.

Через час все кончилось. Я поспешно закончила отбирать фотографии хорошеньких женщин и пошла в издательство «Дойчер ферлаг», то самое, где в свое время подметали полы братья Вандевры; несколько месяцев назад в него попало несколько бомб, и теперь там хаос.

Воздух был насыщен дымом, и мне больно щипало глаза. Я надеялась добраться обратно на работу трамваем, но поняла, когда увидела огромную воронку на перекрестке Лейпцигерштрассе и Мауэрштрассе, что не получится. Там только что разорвалась фугасная бомба, разворотив пути. Яма была метра четыре в глубину и столько же в ширину, а по обе стороны от нее ярко пылали дома. Но поскольку дело происходило посреди дня, зрелище было не такое уж и страшное.

Дорога обратно в бюро пешком заняла у меня больше часа. На сей раз бомбили в основном административный центр города. Проходя мимо отеля «Карлсбадерхоф», куда планировалось перевести наше министерство, я увидела большое оживление. Здания больше не существовало: в него угодило три бомбы. Я наткнулась на фрау фон Карнап, которая никак не могла оправиться от потрясения. Она и Ханнеле Унгельтер укрывались в подвале справа от коридора, когда левый подвал был разрушен прямым попаданием. Там погибли две девушки и многие были ранены. Позже я слышала, что откопали их всех только через двое суток. Ханнеле сказала, что все произошло так быстро, что они даже не успели испугаться. Соседний дом, в котором находились военнослужащие, обрушился на людей, стоявших на улице со шлангом. Один человек еще много часов стонал внутри здания: «Wenn ich nur bewustlos wäre!» [«Если бы я только был без сознания!»]. До него так и не добрались.

Я ненадолго зашла на работу, а потом отправилась обедать к Марии Герсдорф, где застала Готфрида Крамма, чету Багге и других. К нам присоединился и Ханс-Георг Штудниц; он сказал, что на Вильгельмштрассе нас ожидает машина, которая отвезет нас к Пфулям: у них мы проводим уикэнд.

Мы поехали на Вильгельмштрассе на метро, но на полпути пришлось выйти и идти дальше пешком, так как впереди были разрушены пути. Ангальтский вокзал выглядел просто ужасно. Сегодня утром во время налета в него врезался скорый поезд, пылающий, как факел. Еще три поезда готовились в путь; два из них отошли до того, как упала бомба, но третий застрял.

Добравшись, наконец, до Вильгельмштрассе, мы узнали, что машины нет. Некоторое время мы ждали: а вдруг все-таки. Потом решили ехать поездом.

На вокзале мы встретили Бланкенхорна с рюкзаком за плечами. Он был в счастливейшем настроении: только что вернулся из Италии. Теперь он направлялся в Швейцарию каким-то таинственным маршрутом. В суматохе я забыла книгу мадам Табуи у билетной кассы. Мгновенно пришла в ужас: ведь книга в Германии запрещена! В конце концов я получила ее обратно у кассира — ее передал ему какой-то пассажир. Но за это время мы упустили два поезда.

Женевьева Табуи — одна из самых авторитетных журналистов Франции предвоенного, военного и послевоенного времени. Племянница двух видных дипломатов-политиков Третьей Республики, братьев Камбон, она долго являлась главным политическим обозревателем левоцентристской ежедневной газеты «Эвр».

Ханс-Георг начал обзванивать своих друзей, прося о помощи, и в конце концов один добрый самаритянин приехал за нами и отвез нас к Ц.-Ц., где нас накормили до отвала и напоили кофе, сваренным на спиртовке, заправленной одеколоном, поскольку никакого другого горючего нет.

Дом Ц.-Ц. окружен усадьбами, которые арендуют иностранные дипломаты, лишившиеся своих разрушенных городских домов. Мы располагаемся на чердаке, так как большая часть дома занята испанцами и румынами.

Воскресенье, 30 апреля. Долго разговаривала с двумя русскими горничными — прислугой у Ц.-Ц.Пфуля. Одна из них, двадцати четырех лет, потеряв мужа и единственного ребенка во время воздушного налета, осталась на свете одна-одинешенька; милая, приветливая девушка, очень обрадовавшаяся возможности поговорить по-русски, она весьма реалистически оценивает свое положение и относится к будущему со спокойным безразличием. Другой девушке всего восемнадцать. Одетая в черное, в белом

переднике, она неизменно приседает, когда к ней обращаются, очень хороша собой и могла бы быть французской субреткой из пьесы. Она только что из Киева, и мы говорим с ней на смеси русского, польского и украинского, но прекрасно друг друга понимаем. Прислуга в Янсфельде очень пестрая: эти русские девушки, немцы — кухарка и няня, множество испанцев, обслуживающих дипломатов, и француз-дворецкий, предводительствующий этим курятником и именуемый при обращении «мусью».

После обеда слушали официальное коммюнике: вчерашний воздушный налет был назван *Terrorangriff* [террористическим налетом]. Боюсь, что родители снова будут сильно волноваться, так как я не могу позвонить и успокоить их. Позже Тони Заурма отвез нас в Бухов на чай к Хорстманам. Там были испанский посол Видаль и Федерико Диез. Последний сообщил мне подробности о смерти Марии-Пиляр и Игнасио Ойарсабалей. Его посылали опознавать трупы. Свои спальные места они выиграли в карты у другой испанской супружеской четы; проигравшие остались живы. Единственное утешение — в том, что они скончались мгновенно. Видаль подробно расспрашивал о Круммхюбеле, так как в скором времени туда будут эвакуированы все иностранные миссии. Не знаю, успеют ли. Лалли Хорстман сказала, что Элизабет Чавчавадзе сейчас возглавляет медицинское подразделение союзников в Марокко. До войны мы все были такими близкими друзьями...

Вечером в Янсфельде мы сидели у камина и говорили о Распутине.

БЕРЛИН. П*онедельник, 1 мая.* Вернулась в Берлин. Погода по-прежнему плохая. Рассказывают, что английские летчики сбросили венок над могилой Хайнриха Витгенштейна; тем более бессмысленной выглядит вся эта бойня.

После работы долго сидела у Марии Герсдорф с Готфридом Краммом; мы с ним постепенно подружились. Поначалу он держался замкнуто, но теперь все больше поражает меня своей редкостной душевностью. Он показал мне рамку красной кожи с тремя фотографиями одной и той же девушки. Я узнала Барбару Хаттон.

Вечером — «Похищение из сераля» Моцарта с Перси Фреем. Потом легкий ужин в «Адлоне». С Перси чувствуешь себя так хорошо; он ненавязчив, но в то же время понимает многое с полуслова, напоминая этим скорее англосакса, чем швейцарца. Он проводил меня пешком через Тиргартен и обомлел, увидев развалины вокруг нашего дома. Нам пришлось перебираться через нагромождения обломков, и это его поразило. Меня нет. Мы уже больно долго живем, как кролики в загоне.

В описываемое время д-р Ханс («Перси») Фрей возглавлял отдел швейцарской миссии в Берлине, занимавшийся защитой интересов ряда стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны.

Вторник, 2 мая. Сегодня утром мне удалось обменять просроченные мясные карточки Перси Фрея на большую колбасу. Затем на работе я устроила небольшой аукцион, и одна девушка купила ее у меня за несколько меньшую сумму, чем она мне стоила, но зато заплатила за нее действующими карточками, которые я теперь отдам Перси. Я очень горжусь собой!

Оставалась на работе допоздна; затем поехала с Адамом Троттом к нему домой и поужинала там с ним. Наша дружба меня несколько ошеломляет, и до сих пор я сознательно избегала этого. Он совершенно необыкновенный человек. Все его мысли и старания сосредоточены на вещах и ценностях высшего порядка, которым не отвечает умонастроение ни в этой стране, ни у союзников. Он принадлежит к более цивилизованному миру — а этого, увы, нельзя сказать ни о той, ни о другой стороне. Поздно ночью он отвез меня домой.

Среда, 3 мая. Ужинала у Ханны Бредов, сестры Готфрида Бисмарка, в Потсдаме. Дочь Ханны Филиппа была во время субботнего налета в Министерстве авиации. Несмотря на то, что швейцар пытался ее остановить, она вырвалась оттуда, так как в отеле «Эспланад» у нее был припрятан чемодан, который она хотела спасти. В здание министерства попало восемнадцать бомб, причем некоторые прошли через все семь его этажей. В подвале (где ей полагалось укрываться) было убито пятьдесят человек, а ранено гораздо больше. Я сама в тот момент была поблизости и вполне могла бы оказаться в этом же убежище. Так что и впрямь дело только в везении.

Пятнадцатилетнего сына четы Бредовых, Херберта, призывают в войска противовоздушной обороны. У него красивые глаза. Если он останется жив, то будет сердцеедом. Поразительно, как зрело он судит о вещах и как ненавидит нынешний режим. В прошлом году его мать гадала мне по руке и предсказала, что я уеду из Германии и больше не вернусь. Теперь я попросила ее снова погадать мне. Она погадала и подтвердила свое предсказание.

Четверг, 4 мая. Днем, прежде чем вернуться в Потсдам, мы с Адамом Троттом долго гуляли по Грюневальду. Идут сильные дожди, но все же весна, и несмотря на холод, повсюду цветы. Адам рассказал мне о своей первой любви и о жизни в Англии и в Китае. Всякий раз узнаешь его с неожиданной стороны.

Воскресенье, 7 мая. Встала рано, чтобы пойти в маленькую русскую православную церковь, что неподалеку от зоопарка. Там нет подвала. Ждала в очереди исповедоваться, когда заревели

сирены. Народу было немного, главным образом остарбайтеры (русские), некоторые сосредоточенно молились. Никто не двинулся с места, певчие продолжали петь. Насколько приятнее было находиться там, чем прятаться в каком-нибудь безымянном убежище! Все свечи вокруг икон были зажжены, и пение звучало поистине вдохновенно. Я исповедалась незнакомому священнику, говорившему: «люби ближнего своего», «когда возвратишься домой» и все прочее — все это под завывание сирен. Снаружи сперва стояла полная тишина, и я начала уже думать, что самолеты улетели, как вдруг они все сразу оказались прямо над головой. Их было множество, они летели волна за волной. Была сильная облачность, зенитки стрелять не могли, и они летели очень низко. Гул их моторов был такой же громкий, как разрывы бомб, одно невозможно было отличить от другого. Казалось, что ты стоишь под железнодорожным мостом, по которому мчится экспресс. Внезапно хор замолк. Прихожане попытались было продолжить пение, но пели нестройно. В какой-то момент ноги попросту отказали мне, я доковыляла до паперти и села там на ступеньки. Рядом со мной стояла красивая монашка, и мне было как-то легче возле нее. Она наклонилась и прошептала: «Не надо бояться, с нами Бог и все святые!» — а когда на моем лице отразилось сомнение, она добавила: «Во время литургии ничто не может случиться». Уверенность ее была так тверда, что я сразу приободрилась. Отец Михаил продолжал молиться вслух, словно и не слышал шума снаружи, и к моменту причастия стало потише. Когда служба кончилась, я ощущала себя на пятьдесят лет старше и совершенно без сил.

Позже я услышала, что в это утро над Берлином пролетело тысяча пятьсот самолетов. В начале войны нам казалось, что тридцать самолетов — это уже достаточно опасно. Странно, что хотя теоретически я полностью смирилась с возможностью погибнуть под бомбами, но стоит только начаться гулу бомбардировщиков и грохоту разрывов, как меня физически парализует страх, и с каждым налетом этот страх делается, похоже, все сильнее.

Пообедала у Герсдорфов, где нашла одну Марию с Готфридом Краммом. Загнанный в подвал в Вильмерсдорфе, он пытался читать Шопенгауэра, но не смог сохранить серьезное лицо, так как очутился посреди старушек, у которых подбородки были подвязаны полотенцами, и из них, словно бороды, торчали мокрые губки; считается, что это предохраняет от фосфорных ожогов.

Потом мы прошлись по центру города. Унтер ден Линден, Вильгельмштрассе, Фридрихштрассе сильно пострадали. Было много дыма и множество новых воронок, но американские бомбы — американцы прилетают днем, англичане ночью — причиняют,

кажется, меньше ущерба, чем английские. Последние взрываются горизонтально, тогда как первые уходят вглубь, отчего соседние здания не так легко рушатся.

Понедельник, 8 мая. Пришла на работу рано. Никого еще не было. Снова объявили «люфтгефар 15», высшую степень опасности. Я попыталась взять некоторые «важные» документы, но секретарша мне их не дала, так как все документы должны оставаться внизу в сейфе, пока опасность не минует. Тогда я прочитала в «Лайфе» очерк про то, как хорошо работает наш отдел по сравнению с аналогичными информационными службами в Соединенных Штатах.

Алекс Верт только что откуда-то приехал и привез большую банку кофе «Нескафе». Мы устроили второй завтрак и перекур.

Вскоре нам сообщили, что самолеты полетели куда-то в другое место. Но не успели мы приняться за работу, как завыли сирены и нас отправили в бункер на площади, смешную маленькую бетонную коробку с лестницей, ведущей в самую глубь земли — на станцию метро Ноллендорфплац. На этой станции бесконечные подземные коридоры, а наверху лишь тонкий слой грунта. По всей длине коридоров в разных направлениях торчат низенькие стены; их наскоро возвели на половину человеческого роста — очевидно, чтобы пресечь воздушную волну «в случае чего...»

Мы старались не стоять под домами, а находиться там, где, по нашим представлениям, сверху было открытое пространство и ничто не могло обрушиться на нас, помимо бомб. Народу все прибывало. Джаджи Рихтер и я старались держаться вместе. По мере приближения разрывов Джаджи начал нервничать; он вообще в плохом состоянии, беспокоится о семье и т.п. Я старалась развлекать его разговором, но он прервал меня: «Если потолок рухнет, падайте на живот и прячьте голову под согнутым локтем...» Другой коллега не нашел ничего лучшего, как рассказать нам в самых кровавых подробностях, как его дом прошлой ночью был разрушен прямым попаданием. Наш налет был, судя по всему, крупный, но скоро дали отбой.

Вернувшись в бюро, мы обнаружили, что прорвало водопровод. Я пошла на улицу принести ведро воды с колонки на углу, так как мы собирались еще раз подбодрить себя Алексовым кофе.

Появился Перси Фрей, с которым мы договорились вместе пообедать, и мы пошли в отель «Эден». Здесь во двор упало три бомбы, и все внутри снова разлетелось вдребезги, хотя стены уцелели. Метрдотель и официанты со своими салфетками под мышкой сновали там и тут, пытаясь без особого успеха расчистить груды кирпича и штукатурки. Посреди улицы зияла большая воронка от бомбы, упавшей рядом со входом в подвал. Так как все водопроводные трубы лопнули, то сейчас те, кто находился в подвале, выплывали оттуда по залитой воронке. В Берлине снова

упало столько бомб, что улицы наполовину затоплены. Кроме того, в городе стоит сильный запах газа.

Мы отправились дальше в отель «Ам Штайнплац», пообедали там и под дождем пошли обратно в бюро. Возможно, на Троицу Перси приедет в Кенигсварт.

Вечером Клаус Б. завез меня к Марии Герсдорф, а после ужина отвез обратно в Потсдам. В такие времена, как сейчас, чувствуешь, что «все люди братья», и я постепенно начинаю разговаривать с ним, хотя избегала его не один год. В свое время он начал с того, что ходил за мной по улицам, затем как-то раз явился ко мне на работу — вот прямо так. Меня поразило его нахальство. Я никогда не понимала, кто он такой и чем занимается. Внешность у него эффектная, но странно, как человеку его возраста удается так свободно разъезжать по Европе, не нося военной формы. Он снова и снова пытался со мной подружиться и даже вызвался стать «семейным почтальоном» между нами и Джорджи, а также нашими кузинами в Париже, куда он часто ездит. Все это я вежливо, но твердо отклоняла. С другой стороны, он все же ухитрился встретиться с парижскими кузинами и привез мне от них письмо. Он также знаком с Антуанетт Крой. Но чем он занимается, остается вопросительным знаком.

Вторник, 9 мая. Завтра еду обратно в Круммхюбель. Адам Тротт возил меня к себе домой ужинать. Я забираю с собой в Круммхюбель много книг, и он помог мне их нести. Позже пришел его молодой друг Вернер фон Хафтен (брат нашего старшего кадровика, который служит здесь в Резервной армии), и они долго разговаривали в соседней комнате. Вскоре после того, как Адам отвез меня обратно в Потсдам, завыли сирены. Это снова был *Störflug* [нецеленаправленный налет], когда над головой кружит много самолетов, сбрасывающих бомбы куда придется. Я уложила вещи и не ложилась спать, пока они не улетели.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Среда, 10 мая.* Встала в шесть и после обильного завтрака отправилась в путь, обремененная тяжелым чемоданом. Поскольку у меня не было официального разрешения на поездку, я опасалась, что придется всю дорогу стоять, но добродушный проводник согласился пустить меня в особое купе, забронированное для *Reichsbahndirektion* [железнодорожного правления]; он запер меня там, и таким образом я ехала совершенно одна, вытянувшись в полный рост на мягком сиденье, при радостном свете солнца.

В Круммхюбель я прибыла в три. Лоремари Шенбург была по-прежнему там, еще в постели и очень удрученная.

Она намерена во что бы то ни стало вернуться в Берлин; для нее все остальное не имеет никакого значения; она даже этого не скрывает. Я, конечно, ее понимаю: когда находишься подолгу

здесь, все становится уж слишком нереальным и далеким. К счастью, что касается меня, я теперь должна буду проводить в Берлине по меньшей мере десять дней в месяц.

Русские отбили Севастополь. Кажется, немцы его особенно и не защищали.

Пятница, 12 мая. Граф Шуленбург вернулся из Парижа и привез нам много маленьких подарков. Гретль Роан, тетушка Лоремари Шенбург, пригласила нас на уикэнд в Сихров — их имение в Богемии. Граф тоже согласился туда ехать, но нам очень хотелось бы избавиться от его помощника. Может быть, он для того и существует, чтобы следить за ним?

СИХРОВ. *Суббота, 13 мая.* Полакомившись за обедом превосходным гусем, мы поехали в Сихров. После того, как немцы заняли страну в марте 1939 года, в Протекторат (как ныне именуют Чехословакию) ехать можно только по особым пропускам. Граф Шуленбург достал мне такой пропуск; он действителен на несколько месяцев. Мы ехали по горным дорогам, кругом было так красиво: бескрайние пустынные леса, покрытые снегом вершины. Пограничники на чешской границе очень придирчиво проверяли нашего водителя. Он солдат, а в Протекторате сейчас скрывается много дезертиров. Власти нередко прочесывают деревни, стремясь их вытравить.

Приехав в Сихров, мы застали дома только одну из дочерей (всего их шесть): вся семья отправилась в близлежащий городок Турнау, где младшей из сестер только что удалили аппендикс. Мы очутились в несколько неловком положении, так как оказалось, что нас вовсе и не ждали. К счастью, князь Роан и граф Шуленбург немедленно сошлись. Я только что воспользовалась редкостной роскошью — настоящей горячей ванной.

Воскресенье, 14 мая. Церковь, с красивым пением по-чешски, а потом осмотр имения. Погода теплая, но знаменитые азалии и рододендроны еще не расцвели, хотя весна здесь наступает раньше, чем в Круммхюбеле. Повсюду выглядывают из травы тюльпаны и нарциссы. За обедом к нам присоединилась наша хозяйка Гретль Роан. Перед этим я ходила смотреть, как доят коров. Одна из дочерей, Мари-Жанна, раздавала молоко арендаторам, и я тоже потихоньку вдоволь напилась.

После превосходного обеда, состоявшего главным образом из дичи с клюквенным желе, мы все вышли на лужайку полежать на солнце и даже сумели неплохо загореть. Завтра рано утром мы уезжаем обратно.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Понедельник, 15 мая.* Дети Роанов пришли попрощаться с нами до начала своих занятий. Они учатся с восьми до часа, а потом еще после обеда. В доме живет много домашних учителей, а также беженцы из различных разбомбленных городов.

Наш завтрак затянулся, и в Круммхюбель мы добрались только к одиннадцати вечера. На работе у нас не знали о нашем отъезде, но кто-то видел, как мы выходим из машины графа Шуленбурга, и это немедленно вызвало завистливое раздражение. На нашу дружбу с ним явно смотрят неодобрительно.

Вторник, 16 мая. Вторжение союзников в Европу начнется вот-вот, и газеты только и пишут, что о «нашей готовности». Совсем не работается; заботишься только о том, как бы прожить день. Сослуживцы то и дело исчезают «по семейным обстоятельствам», что обычно означает разрушение бомбами их жилья.

Среда, 17 мая. Я делаю успехи в игре на аккордеоне.

Четверг, 18 мая. Обнаружила, что, пока я была в Берлине, кто-то влез ко мне в шкаф и украл мой крестильный крест с цепочкой, а также мой запас кофе. Потеря креста вывела меня из себя. Поговорила с нашей экономкой, и та вызвала полицию. Вечером мы ожидали Бланкенхорна, и вдруг явился усатый вахтмайстер (сержант), которого моя игра на аккордеоне заинтересовала гораздо больше, чем кража. Он составил протокол и обыскал наши две комнаты без всякого успеха. Тут вошел Бланкенхорн и решил, что меня пришли арестовывать.

Пятница, 19 мая. Бланкенхорн предложил нам с Лоремари Шенбург перебраться в так называемый «гастхаус» — красивое большое шале в глубине небольшого леса, зарезервированное для высокопоставленных посетителей, каковые до сих пор ни разу не появлялись.

КЕНИГСВАРТ. *Пятница, 26 мая.* На уикэнд поехала с Лоремари Шенбург в Кенигсварт. Нас подвез граф Шуленбург: он ехал в свое собственное имение, расположенное неподалеку от имения Меттернихов, — чудный способ избежать кошмарного путешествия на поезде. Хотя я и уведомила начальство о нашем отъезде, мы встретились, словно заговорщики, позади станции, причем Лоремари и я шли разными дорогами, чтобы не привлекать внимания. Даже одежду мы несли в свертках, чтобы нас не видели с чемоданами.

Погода была неважная, но вокруг все так красиво: цветут сирень и яблони. Мы перекусили у дороги. Наше движение несколько задерживала Лоремари: время от времени, заприметив замок очередного из своих многочисленных родственников, она предлагала, к негодованию нашего водителя, заехать *zum Jausen* [на чаек]. В конце концов мы действительно заехали в Теплиц и заглянули на чай к Альфи Клари и его сестре Элизалекс Байе-Латур. Было чудесно снова увидеться с ними. В последний раз я была там в 1940 году, во время французской кампании. Уже тогда они так беспокоились за своих мальчиков. Теперь Ронни, старший и самый многообещающий, погиб в России, а Маркус и Чарли оба на фронте. Бедный Альфи сильно изменился. Граф

высадил нас в Мариенбаде. Он приедет в Кенигсварт в воскресенье.

Прибыли мы изголодавшимися; за столом нам составили компанию родители и Ханс-Георг Штудниц (и он приехал из Берлина на уикэнд). Потом приехали из Вены сами Паул Меттерних и Татьяна. Татьяна привезла с собой множество новой одежды. Мы не ложились до пяти утра. Паул все еще очень худ и нервозен, но настроение у него уже гораздо лучше.

Суббота, 27 мая. Встала очень поздно и до обеда ничего не делала. Нас становится все больше: сегодня вечером приезжают Мели Кевенхюллер и Мариэтти Штудниц, жена Ханса-Георга. Погода сейчас изумительная.

Имела долгие и трудные разговоры с обоими родителями. Похоже, что их больше занимает прошлое, чем то, как теперешние события могут повлиять на наши индивидуальные судьбы в ближайшем будущем; кроме того, они все беспокоятся, как там в Париже Джорджи, положение которого весьма шаткое: учится в университете, сидит без денег и к тому же, говорят, ввязан во что-то рискованное.

Вскоре после того, как брат Мисси переехал во Францию осенью 1942 г., он стал заниматься подпольной сопротивленческой деятельностью, которая продолжалась до самого освобождения Парижа в августе 1944 г.

После ужина приехал Перси Фрей. Им занялись Паул Меттерних и Татьяна. И Мамá, и Папá неизменно реагируют на каждого моего нового приятеля мужского пола недоуменным поднятием бровей.

Воскресенье, 28 мая. После ранней мессы все мы лежали в саду на одеялах, греясь на солнце. К обеду приехали Ханс Берхем и граф Шуленбург. Это развлекло родителей, в то время как мы уложили еду в корзину и отправились в экипаже на пикник.

Гостей все больше и больше, а места в доме все меньше и меньше. Я устроилась ночевать в Татьяниной гостиной. Джаджи Рихтер тоже тут: гуляет со своими детишками в саду.

Понедельник, 29 мая. Опять провела весь день на воздухе. Папá и Мамá оба очень огорчены тем, что я уделяю им так мало времени. Они не понимают, что после всех ужасов нашей повседневной жизни любой краткий момент отдыха и веселья — это дар богов, который необходимо использовать как можно полнее.

Мариэтти Штудниц рассказывала жуткие вещи о том, как гадко повели себя люди, которых она приютила после того, как их собственный дом разбомбили. Эта война начинает превращать многих людей в озлобленных животных.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Суббота, 3 июня.* Сегодня утром Лоремари Шенбург уехала в Берлин — на сей раз окончательно. Она была

счастлива, ей здесь было противно, но мне теперь тоскливо; мы с ней не всегда ладили, но я знаю, что мне будет ее не хватать.

Посланник Шлайер, бывший доныне ближайшим помощником Абеца — германского посла в Париже, назначен нашим кадровиком. Он заменит Ханса-Берндa фон Хафтена, который в последнее время часто болеет. Боюсь, что по сравнению с порядками при Хафтене и его предшественнике Йозиасе Ранцау нам придется худо. Говорят, что Шлайер — мерзавец; своей деятельностью в Париже он составил себе гадкую репутацию. У него и внешность соответствующая: толстый морж с гитлеровскими усиками и в черепаховых очках. Сейчас он в Круммхюбеле, изучает нас. Сегодня нам повелели собраться в «Танненхофе» — знакомиться с ним. Он произнес громогласную патриотическую речь.

Бывший бизнесмен, д-р Р.Шлайер после падения Франции возглавил нацистскую партийную организацию в этой стране и был назначен заместителем посла Абеца, то есть фактически надсмотрщиком при нем (Абец нередко не соглашался с политикой Берлина). Позже, в ходе войны, Риббентроп поручил ему подготовку антиеврейских акций за рубежом. Одним из следствий этого явилось уничтожение венгерских евреев летом 1944 г.

Сегодня вечером был *Kameradschaftsabend* [товарищеский ужин] в отеле «Гольденер Фриден», на котором нас всех обязали присутствовать. К счастью, кое у кого здесь все-таки есть чувство юмора, и время от времени мы понимающе подмигивали друг другу, особенно когда началось хоровое пение. Мадонну заставили играть на аккордеоне; я играть отказалась, чем всех разочаровала.

Воскресенье, 4 июня. Сегодня союзные войска заняли Рим. Беспокоюсь, как там Ирина: осталась она или уехала в Венецию. Что ж, по крайней мере для нее война теперь окончена.

Вторник, 6 июня. Наконец-то: долгожданный «День Д!» Союзники высадились в Нормандии. Нам столько твердили про пресловутый *Atlantikwall* [Атлантический вал] и про то, как якобы несокрушима оборона; что ж, теперь посмотрим! Но страшно подумать, сколько еще жизней унесет этот последний раунд. [*Потребовались, действительно, еще восемь месяцев и многие миллионы жизней, чтобы закончилась война в Европе*]. Мы ведем очень тихую жизнь, ходим друг к другу пить чай. Кажется, я тут единственная, кто более или менее доволен. Так хорошо знать, что можно всю ночь проспать спокойно. Конечно, мне легче, чем другим, потому что, когда в этих стенах становится совсем уж душно, я получаю телеграмму из Берлина от Адама Тротта или сама придумываю какое-нибудь мнимое там совещание и сажусь

на поезд, ни у кого уже не спрашивая разрешения. Теоретически это запрещено, но все так привыкли к тому, что я периодически исчезаю на несколько дней, что даже Бютнер больше не протестует.

БЕРЛИН. *Среда, 14 июня.* Придя сегодня утром на работу, я узнала, что меня вызывают в Берлин на совещание у д-ра Сикса, которое состоится завтра. Я села на дневной поезд и приехала в Берлин к ночи; здесь обнаружилось, что Лоремари Шенбург отослана обратно в Круммхюбель, так что мы разминулись.

Четверг, 15 июня. Живу у Герсдорфов. Теперь, когда я приезжаю в Берлин, каждый раз всего на несколько дней, я предпочитаю жить в городе, а не ездить ночевать к Бисмаркам в Потсдам.

Завтракала и ужинала с Марией. Сегодня вечером мы были одни, так как Хайнц дежурит в комендатуре. Только что начался воздушный налет. Всегдашние фугасы, которых я боюсь гораздо больше, чем обычных бомб, хотя их каждый раз сбрасывают всего около восьмидесяти.

Пятница, 16 июня. Д-р Сикс сейчас в Стокгольме, и я должна дожидаться его возвращения. Так бывает часто: придя в ярость, он вызывает меня из Круммхюбеля, а к моменту моего приезда обычно уже забывает, чего он от меня хотел, и тогда я могу несколько дней пожить спокойно.

К этому моменту даже Гиммлер разуверился в победе Германии и предпринимал попытки установить тайные контакты с союзниками. Поездка д-ра Сикса в Стокгольм в июне 1944 г. (в которой его сопровождал Алекс Верт) как раз и была одной из таких попыток. Она оказалась безуспешной, так как англичане отказались иметь с ним дело.

Джаджи Рихтер возмущается тем, что Сикс все время к нам придирается, но Адам Тротт считает, что наши проблемы — сущие пустяки по сравнению с его собственными теперешними заботами, и он совершенно прав. Мне часто бывает стыдно и обидно, что не занимаюсь всерьез чем-нибудь действительно стоящим, но что я, иностранка, могу поделать?

Суббота, 17 июня. Сегодня вернулся д-р Сикс; он немедленно затребовал Джаджи Рихтера и меня к себе в кабинет, чтобы обсудить новое иллюстрированное издание, которое он задумал выпускать. Он просто не понимает, что уже не существует технических возможностей для выпуска какого бы то ни было издания, с иллюстрациями или без: все, кто для этого необходим, давно мобилизованы, так что это все пустые разговоры.

Воскресенье, 18 июня. Приехал друг из Парижа с письмами от Джорджи и Антуанетт Крой. Она только что вышла замуж за

доблестного, увешанного орденами офицера по имени Юрген фон Герне.

Понедельник, 19 июня. Утром была на работе. Я перестала ходить туда регулярно. Дело в том, что здание столько раз бомбили и все работают в такой тесноте, что никто не возражает, если я не претендую на отдельный стол. Обычно я располагаюсь в секретариате Джаджи Рихтера, но там работают четыре девушки и они так шумят — иногда даже заводят граммофон или гадают друг другу, — что я ничего не могу довести там до конца. Поэтому я просто вхожу в курс дела, вижусь с друзьями, забираю иностранные журналы, сколько смогу, и направляюсь обратно в Круммхюбель.

Обедала у Зигрид Герц. О ее матери с момента ее ареста ничего не известно. Предполагается, что ее отправили в гетто на Востоке.

Графиню Герц отправили в «образцово-показательное гетто» Терезиенштадт — концлагерь в традициях «потемкинских деревень», куда время от времени привозили иностранных посетителей и который, если не обращать внимания на вооруженных охранников, выглядел почти как обычное поселение. Графиня Герц была одной из тех немногих, кому удалось выжить.

Ужин с друзьями. Я была единственной женщиной; сейчас это в порядке вещей, ведь большинство женщин уехало или эвакуировано из Берлина из-за налетов.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Вторник, 20 июня.* Вернулась утренним поездом. Нашла, что в доме поселилась Лоремари Шенбург и одна ее венгерская кузина.

Лоремари не ладит с нашим домоправителем: тот все время звонит и жалуется Бланкенхорну. Он говорит, что чувствует себя, как няня при непослушном ребенке. Лоремари действительно порой переходит все границы: стирает свитера, кладет их сушиться на постель и забывает убрать. Наутро вся постель мокрая, вплоть до матраса. Нам так повезло, Бланкенхорн был к нам так добр — хотя бы уже тем, что позволил нам здесь жить. Право, ей следовало бы вести себя тактичнее.

Среда, 21 июня. Бланкенхорн объявил, что сегодня вечером придет и будет нам читать вслух. В прошлый раз он читал Ронсара; у него хороший вкус, и он прекрасно читает, по-немецки лучше, чем по-французски. С ним интересно поговорить, у него совершенно независимый ум, но остается ощущение, будто он ожидает крушения прежде, чем отважится схватиться за руль. Этим он очень отличается от Адама Тротта, что, возможно, и объясняет их дружбу.

Четверг, 22 июня. Лоремари Шенбург пытается раздобыть справку, которая позволила бы ей вернуться в Берлин; без этого

д-р Сикс не разрешит ей уехать из Круммхюбеля. Мы приготовили полный термос крепчайшего кофе и несколько крутых яиц — все это она проглотит перед самым осмотром: она надеется, что это резко поднимет ей пульс и вообще как-то повлияет на ее обмен веществ. Врачи теперь, как правило, очень придирчивы. Вообще-то мне самой жаловаться не приходится: меня дважды посылали в горы, а один раз даже в Италию. В понедельник мне снова предстоит ехать в Берлин на несколько дней: предполагается некое «очень важное» совещание.

КЕНИГСВАРТ. *Пятница, 23 июня.* Сегодня утром точно в срок пришла на работу, подолгу говорила с разными людьми, дала всем понять, что я здесь, а потом со спокойной совестью отправилась на уикэнд в Кенигсварт. Я объяснила кадровику, что просто заезжаю туда по дороге в Берлин.

Поездка оказалась ужасной. В Герлице пришлось несколько часов ожидать дрезденского поезда, а когда он подошел, я едва в него втиснулась. Какая-то женщина сунула мне в руки здоровенного младенца, а сама села в другой вагон, и я всю дорогу до Дрездена вынуждена была держать его на руках. Ребенок пищал и ерзал, а я изнемогала. Мне пришла в голову неудачная идея взять с собой аккордеон, и от этого мой багаж сделался еще более громоздким. Но на сей раз я решила оставить побольше своих вещей у Татьяны, так как вскоре я собираюсь перебраться в Берлин окончательно, чтобы именно теперь быть вместе с друзьями. А там мне не следует обременять себя лишним имуществом.

В Дрездене мать забрала своего малыша, а я еще три часа ждала поезда на Эгер. По приезде в Кенигсварт в кои-то веки застала одних лишь своих.

Воскресенье, 25 июня. Большую часть времени занимались тем, что строили планы на будущее. Всякий раз, когда я приезжаю сюда, мы думаем: а вдруг это в последний раз?

Понедельник, 26 июня. Вчера в полночь Татьяна, Паул Меттерних и я поехали в Мариенбад, чтобы попасть на поезд Вена-Берлин. Мы сидели в экипаже у станции до пяти утра — поезд так и не пришел. В конце концов нам сказали, что около Пильзеня сошел с рельсов более ранний поезд и сообщение прервано. Тогда мы поняли, что ничего не получится: я уже не успею в Берлин на совещание, так как оно назначено сегодня на три часа дня.

На этот раз я действительно смущена и обеспокоена, потому что сегодняшнее совещание считается особенно важным. Послала телеграмму Джаджи Рихтеру: «*Zug entgleist*» [«Поезд сошел с рельсов»]. Это звучит как дурная шутка. Когда Мамá проснулась, она никак не ожидала обнаружить всех нас снова дома и в постели.

БЕРЛИН. *Вторник, 27 июня.* На сей раз наш поезд пришел вовремя. Но когда до Берлина оставалось всего полчаса, он

остановился прямо посреди поля, так как объявили воздушный налет. Вскоре над нами появились сотни самолетов — пренеприятное ощущение: ведь они вполне могли сбросить на нас часть своего груза. Все смолкли и заметно побледнели. Воздушные нападения на поезда — едва ли не худшее, что может быть: чувствуешь себя таким уязвимым, загнанным в ловушку и беззащитным. Один лишь Паул Меттерних оставался невозмутимым. Сначала все повысовывались из окон, но тут какой-то сердитый пожилой мужчина крикнул, что «они» будут целиться прямо в поднятые к небу лица, сияющие на солнце. На что одна девушка откликнулась: «Erst recht, wenn sie ihre Glatze sehen!» [«Особенно, когда увидят вашу лысину!»]. Вскоре нам приказали рассеиваться в поле. Татьяна, Паул и я уселись в канаве посреди посевов. Оттуда нам было слышно, как бомбы падают на город, был виден дым и взрывы. Через шесть часов поезд снова тронулся в путь, но все равно пришлось объезжать Берлин и высаживаться в Потсдаме. Опять прощай мое совещание, если, конечно, оно состоялось.

Готфрид Бисмарк заказал нам комнаты в отеле «Паласт», поскольку его дом переполнен. Сам Потсдам не бомбили, но весь город покрыт густым желтым дымом от берлинских пожаров.

Мы помылись, переоделись и поехали на электричке в Берлин. Я отправилась прямо на работу, а остальные к Герсдорфам. К счастью — или, скорее, наоборот — д-р Сикс был еще у себя, и Джаджи Рихтер, сказав, что из-за меня он раньше времени поседеет, велел мне немедленно к нему зайти.

Я заверила Сикса, что поезд действительно сошел с рельсов, но, кажется, сегодняшний налет смягчил его гнев, потому что он был вежлив. Вообще, как я понимаю, он разражается тирадами на мой счет, когда меня нет, но в лицо всегда корректен. Адам Тротт ненавидит его холодной ненавистью и говорит, что, как бы он ни старался проявлять дружелюбие, мы никогда не должны забывать, кого и что он представляет. Сикс, со своей стороны, видимо, скрепя сердце признает, какой необыкновенный человек Адам, находится в какой-то степени под его обаянием и даже боится его. Ведь Адам, должно быть, единственный оставшийся в его окружении человек, который никогда не боится ему перечить. А Адам относится к Сиксу с бесконечным снисхождением, и, как ни странно, тот с этим мирится.

В час ночи снова налет. Я немного поторопила Татьяну и Паула, так как стреляли уже очень сильно. В конце концов они оделись и мы спустились в подвал — угрюмое помещение, похожее на старинную крепостную башню, узкое, высокое и набитое трубами с горячей водой, от которых делалось страшновато: в случае попадания затопит кипятком. Во время воздушных налетов я становлюсь все более и более нервной. Я даже не могла разговаривать с Татьяной, потому что повсюду на стенах раскле-

ены надписи «*Sprechen verboten*» [«Разговаривать запрещается»] — вероятно, чтобы расходовать поменьше кислорода, если нас завалит. Мне даже страшнее, когда со мной Паул и Татьяна, чем когда я одна, и это странно. Должно быть, тревога усугубляется страхом за других. Но Паул, как и я, непременно хочет быть здесь именно теперь и все время изобретает предлоги, чтобы приехать в Берлин. Пока стоял грохот, а грохот был ужасающий, он был погружен в толстую книгу о его предке — канцлере. Через два часа мы вышли наверх.

Четверг, 29 июня. Сегодня утром в одиннадцать состоялось долгожданное большое совещание. Во главе длинного стола сидел д-р Сикс; я сидела между Адамом Троттом и Алексом Вертом на другом конце. Они моя единственная поддержка, и мне было бы невыносимо одиноко без них. Адам все время подсовывал мне под столом «совершенно секретные» документы — в основном новости из-за рубежа.

Мы шепотом вели беседу *à trois* [втроем] и курили, пока на сотрудников орали по очереди. Сегодня Сикс был в отвратительном настроении, и бедному Джаджи Рихтеру едва удавалось усмирять разбушевавшиеся воды. В промежутках между вспышками ярости Адам делал саркастические замечания, которые присутствующие проглатывали. Мне нравится, как он перечит Сиксу. Потом он сложил руки и заснул. Тем временем я готовилась к разносу, так как приближалась моя очередь. Алекс Верт, желая ободрить меня, шепотом напомнил мне об одной из моих приятельниц, г-же д-р Хорн, которая, когда на нее Сикс однажды заорал и она не знала, как приостановить поток упреков, встала и завопила всей мощью своих легких: «Господин посланник Сикс!» — после чего тот, ошеломленный, замолчал. Разумеется, я тоже получила свою долю поношения, хотя и шла последней в списке. Его мечта — немецкий «Ридерс дайджест», для которого он хотел бы устроить в Круммхюбеле издательство. Он обвинил меня в том, что я никогда не работаю с полной отдачей под тем предлогом, что все технические сотрудники мобилизованы. Но ведь это истинная правда. Как всегда, наша трехчасовая «беседа» кончилась практически ничем.

Обедала у Герсдорфов; после чего Тони Заурма повез Татьяну, Лоремари Шенбург и меня по городу посмотреть на разрушения, причиненные вчерашним налетом. На сей раз полностью разворочен весь район вокруг вокзала Фридрихштрассе, в том числе отели «Централь» и «Континенталь». В «Централе» я останавливалась с Лоремари на два дня в последний раз, когда была в Берлине, всего лишь несколько недель тому назад.

В «Адлоне» мне нужно было оставить записку, и в холле я наткнулась на Джорджио Чини. Он приехал в Берлин специально, чтобы попытаться подкупить СС освободить его отца, старого

графа Чини. Когда в прошлом году Италия перешла в лагерь союзников, старик (в прошлом министр финансов у Муссолини) был арестован в Венеции и отправлен в концлагерь Дахау, где провел последние восемь месяцев в подземной камере. У него грудная жаба, и он очень плох. Чини располагают миллионами, и Джорджио готов заплатить сколько угодно, лишь бы выцарапать отца. Он сам сильно изменился с тех пор, когда я последний раз видела его перед самой войной в Венеции. Он явно страшно встревожен. Он обожает своего отца, и в течение многих месяцев он не знал, где тот находится и вообще жив ли он. Сейчас он ждал какого-то крупного гестаповца. Как знать? С такой решимостью и силой воли — и с такими деньгами — быть может, он добьется успеха. Он хочет, чтобы они согласились на перевод его отца в госпиталь СС, а оттуда — в Италию. Его родные остались в Риме при союзниках, но он, кажется, поддерживает с ними связь.

В конце концов Джорджио Чини удалось купить отцу свободу. Сам он погиб в автомобильной катастрофе вскоре после войны. «Фонд Чини» в Венеции был назван его отцом в его память.

ФРИДРИХСРУ. *Суббота, 1 июля.* Поскольку мне пришлось оставить свой номер в потсдамском отеле, я перебралась обратно в Берлин и сейчас живу в отеле «Адлон». Отто Бисмарк пригласил Паула Меттерниха, Татьяну и меня во Фридрихсру, знаменитое имение Бисмарков под Гамбургом, на уикэнд. Мы никогда там еще не были, и неизвестно, представится ли такой случай в будущем, поэтому мы согласились. Провела утро на работе, а затем помчалась на вокзал, где ждали остальные. Когда мы приехали, Бисмарки очень удивились: оказалось, что нашей телеграммы они не получили. Отто был в пижаме — лег поспать после обеда; Анн-Мари и Джорджио Чини были в саду. Джорджио, выглядевший в бледно-голубой рубашке просто ослепительно, напомнил мне о Венеции в то последнее мирное лето пять лет назад.

Воскресенье, 2 июля. Отто Бисмарк устроил небольшую охоту на кабана, — но никто ничего не подстрелил. Единственный кабан, которого мы видели — размером с теленка, — прошел как раз мимо того места, где стоял Паул Меттерних. Услышав наши возгласы, Паул, поглощенный беседой с Анн-Мари Бисмарк, выстрелил наугад, но кабан, разумеется, ушел. Отто был явно возмущен: ведь он отвел Паулу лучшее место.

После обеда мы долго обсуждали с одним знаменитым зоологом, как лучше устранить Адольфа. Он сказал, что в Индии местные жители используют тигровые усы, очень мелко нарезанные и смешанные с пищей. Жертва погибает через несколько дней, и никто не может установить причину. Но где же взять тигровые усы?

Фридрихсру содержится в идеальном порядке.

БЕРЛИН. *Понедельник, 3 июля.* Встала в четыре утра, чтобы вовремя вернуться в Берлин. К несчастью, оставляя багаж в «Адлоне», я наткнулась на Шлайера, нашего нового отвратительного старшего кадровика, и он смог догадаться, что я куда-то уезжала (частные поездки официально не поощряются).

КРУММХЮБЕЛЬ. *Вторник, 4 июля.* Вернувшись в Круммхюбель, я увидела, что Мама́ (которую я пригласила к себе) уже приехала. Пока что она живет у нас, но долго быть здесь ей нельзя, так как нам не позволяют принимать гостей. Граф Шуленбург попрежнему в отъезде, а Лоремари Шенбург вернулась в Берлин, на сей раз точно навсегда. Ей даже разрешили взять там отпуск по болезни. Все удивлены, что Шлайер обошелся с ней так похорошему.

Среда, 5 июля. Подолгу гуляю с Мама́; она считает, что здесь красиво, и без устали фотографирует. Боюсь, что нам не удастся побыть с ней вместе столько, сколько она рассчитывала, потому что я все время на работе, а на следующей неделе должна снова ехать в Берлин.

Мадонна Блюм устроила в ее честь небольшой обед, а потом мы играли дуэтом на аккордеонах. Помощник графа Шуленбурга Ш. не вернулся из поездки в Швейцарию. Он ссылается на то, что сломал ногу, бегая на лыжах, но, похоже, это только предлог, и я боюсь, что у Шуленбурга могут быть в связи с этим неприятности.

БЕРЛИН. *Понедельник, 10 июля.* Вернулась в Берлин, остановилась в «Адлоне». Джорджио Чини все еще здесь.

Вчера мы ужинали там с Адамом Троттом. Мы заговорили поанглийски с метрдотелем, и тот с радостью продемонстрировал, что вовсе не забыл этот язык. На нас недоуменно оборачивались. Затем Адам повез меня по городу на машине, и мы, не вдаваясь в подробности, обсуждали грядущие события; он сказал мне, что их осталось недолго ждать. Мы с ним несколько расходимся во мнениях по этому вопросу: я по-прежнему считаю, что слишком много времени тратится на разработку деталей, тогда как для меня теперь по-настоящему важно только одно — физическое устранение этого человека. Что станет с Германией, когда он будет мертв, — этим можно заняться и позже. Возможно, мне все представляется излишне простым, поскольку я не немка, в то время как для Адама существенно, чтобы Германия в том или ином виде имела шанс выжить. Сегодня вечером мы с ним сильно сцепились по этому поводу, и оба очень расстроились. Как жаль — в такой именно момент...

Под «событиями, которых осталось недолго ждать», Адам Тротт подразумевал первую попытку убить Гитлера, которая планировалась на следующий день, 11 июля, но была отложена в последнюю минуту,

поскольку рядом с Гитлером не было Геринга и Гиммлера (которых предполагалось убить вместе с ним).

Вторник, 11 июля. Консультировалась с профессором Гербрандтом, врачом Марии Герсдорф. У меня явно что-то не в порядке со здоровьем: я ужасно худа. Он объясняет это щитовидной железой и пропишет мне длительный отпуск.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Среда, 12 июля.* Граф Шуленбург вернулся из Зальцбурга, куда его вызывал Риббентроп. Ему предписано отправиться с докладом в ставку Гитлера в Восточной Пруссии. Наконец-то понадобился его квалифицированный совет. Немного поздновато, но ходят слухи, что готовится какая-то сепаратная сделка на Востоке. [*Только теперь, три года спустя после его возвращения из Москвы, Гитлер ощутил впервые потребность принять графа Шуленбурга*]. Он дал мне почитать книгу бывшего румынского министра иностранных дел Гафенку «*Preliminaires de la Guerre à l'Est*» («Подготовка войны на Востоке»). Она очень интересна, и он в ней часто упоминается, так как Гафенку и он оба были послами в Москве в одно и то же время до войны. Иногда, говорил граф, Гафенку ошибается, но когда он беседовал с ним в Женеве, он повел себя вполне порядочно и принял все его поправки. Однако с этим придется подождать до окончания войны, так как поправки настолько дискредитируют Гитлера, что сейчас это вызвало бы скандал.

Здесь все разваливается, и я буду рада уехать из Круммхюбеля на следующей неделе — скорее всего, навсегда.

Четверг, 13 июля. Пообедав с нами, граф Шуленбург уехал. [*Больше Мисси не суждено было его никогда видеть*].

Письмо от Адама Тротта, улаживающее нашу недавнюю размолвку. Я немедленно ответила. Он уехал в Швецию.

Русские неожиданно начали очень быстро продвигаться.

На самом деле Адаму Тротту не было позволено поехать в Швецию, как планировалось первоначально. Последняя из нескольких его поездок в эту страну состоялась в июне; в тот раз, потеряв надежду получить от западных союзников заверения, которых так долго добивались заговорщики-антинацисты, он собирался связаться с советским послом Александрой Коллонтай через профессора Гуннара Мирдаля. Однако в последний момент он от этого плана отказался — главным образом из опасения, что в советское посольство в Стокгольме внедрились немецкие агенты.

Суббота, 15 июля. Льет дождь. Ходила в кино с Мамá и Мадонной Блюм.

Новый декрет: запрещается ездить на поездах штатским

лицам. Мамá придется немедленно уехать, так как декрет вступает в силу через два дня.

Вторник, 18 июля. Сегодня утром уехала Мамá. Вчера вечером мы ужинали с Мадонной Блюм и по пути домой подошли поговорить с русскими казаками, которые находятся здесь со своими лошадьми и, поскольку автомобилей больше нет, используются для перевозки высших чиновников. Мамá дала им сигарет, они стали петь и плясать и были рады снова поговорить по-русски. Несчастные сидят меж двух стульев: с одной стороны, они решили сражаться против коммунизма, но с другой, так и не допущены по-настоящему в состав немецкой армии.

На работе — телеграмма от Адама, о которой мы заранее договорились: меня вызывают в Берлин к завтрашнему дню.

Казаки, в основной своей массе традиционно антикоммунистически настроенные, были наиболее идеологически мотивированной частью русских добровольцев, сражавшихся на стороне германской армии. Они переходили к немцам — вместе с семьями — целыми станицами. Под командованием немецкого генерал-майора Хельмута фон Панвица и смешанного контингента немецких, бывших красноармейских и белоэмигрантских офицеров, казачьи части особо эффективно проявили себя в военных действиях против партизан в Югославии. В последние недели войны они пробились в Австрию, где около 60000 казаков сдалось англичанам. Последние поступили с ними так же, как с упоминавшейся ранее «Русской освободительной армией» генерала Власова. Убедив казаков, что они будут переселены в заморские страны, на самом деле, в соответствии с Ялтинскими соглашениями, их насильственно передали советской стороне. Многие из казаков (в том числе женщины и дети) покончили с собой. Высших офицеров повесили; большинство младших офицеров расстреляли; остальных отправили в ГУЛАГ, откуда мало кто вернулся.

1944

19 июля — сентябрь

Еще перед войной ряд видных военных и государственных деятелей Германии начали все более критически относиться к агрессивной внешней политике Гитлера, которая не ограничивалась несоблюдением постыдного Версальского договора (неприемлемого для всех немецких патриотов), а была нацелена на установление германской гегемонии над всей Европой и на захват восточноевропейских стран. Однако по мере того как Гитлер шествовал от одной дипломатической, а затем и военной победы к другой, оппозиция становилась все более обессиленной. К тому же ряды оппозиционеров редели — от смещений с постов, разочарований, арестов и даже казней.

Но когда начались неудачи на Восточном фронте, а затем произошла Сталинградская катастрофа, в рядах Вооруженных сил и Генерального штаба возобновилось брожение и появилось новое поколение сопротивленцев, которое сомкнуло ряды с уцелевшими элементами предшествовавших заговоров. Душою нового плана свержения нацистского гнета были видный военачальник генерал-полковник Фридрих Ольбрихт и

молодой, переживший тяжелое ранение, полковник граф Клаус Шенк фон Штауфенберг. Задуманную ими и их товарищами попытку убить Гитлера и захватить власть и описывает Мисси на следующих страницах.

Примечание Мисси:

Весь этот раздел был перепечатан мною в сентябре 1945 года на основе сделанных в то время лишь мне самой понятных стенографических записей.

БЕРЛИН. *Среда, 19 июля.* Сегодня я уехала из Круммхюбеля — подозреваю, навсегда. Я все упаковала и взяла с собой лишь самое необходимое. Остальное будет находиться у Мадонны Блюм, пока я не выясню, что со мной будет.

Мы доехали до Берлина в одиннадцать часов утра, но из-за недавних воздушных налетов все вокзалы в хаотическом состоянии. Наткнулась на старого принца Августа Вильгельма Прусского, четвертого сына покойного кайзера, который любезно помог мне донести багаж. Такси больше нет, и мы сели в автобус. В конце концов меня высадили у Герсдорфов.

Поскольку теперь лето, они обедают в верхней гостиной, хотя в ней все еще нет окон. Я застала там всегдашнюю компанию плюс Адам Тротт.

Позже у меня с Адамом был долгий разговор. Он выглядит очень бледным и усталым, но, судя по всему, рад меня видеть. Он в ужасе от того, что Лоремари Шенбург вернулась в Берлин. Его очень беспокоят ее непрекращающиеся попытки свести вместе людей, которых она подозревает в сочувственном отношении к тому, что я называю *die Konspiration* [заговор], и многие из которых уже принимают в нем активное участие, так что им и так с трудом удается отвести от себя подозрения. Каким-то образом она узнала и о причастности Адама; теперь она не дает покоя и ему и его окружению, в котором она получила прозвище «Лоттхен» (в честь убийцы Марата — Шарлотты Корде). Многие прямо считают ее опасным человеком. Она и на меня жаловалась: я де не желаю принимать активное участие в приготовлениях.

Дело в том, что между всеми *ними* и мной существует фундаментальная разница во взглядах: не будучи немкой, я заинтересована только в уничтожении Сатаны. Я никогда не придавала большого значения тому, что будет потом. Будучи немецкими патриотами, *они* хотят спасти свою страну от полного краха путем создания своего рода временного правительства. Я никогда не верила, что даже такое временное правительство окажется приемлемым для союзников, которые отказываются проводить различие между «хорошими» и «плохими» немцами. Это, конечно, их роковая ошибка, и все мы, вероятно, дорого за нее поплатимся.

Мы договорились не встречаться до пятницы. Когда он ушел, Мария Герсдорф заметила: «Он так бледен и истощен; иногда мне кажется, что ему осталось недолго жить».

По мере того как война затягивалась, вовлекая все новые и новые европейские государства и по мере того как росло число погибших, масштабы людских страданий и материальных разрушений и поступали все новые сведения о зверствах немцев, союзникам становилось все труднее проводить различие между Гитлером с его пособниками и так называемыми «хорошими немцами» и вести политику, которая позволила бы Германии, очищенной от нацизма, снова войти в сообщество цивилизованных наций. Тем более что за исключением заверений и обещаний со стороны немногих отдельных лиц, никогда не было никаких весомых доказательств того, что Гитлер не представляет Германию в целом. Как уже в мае 1940 г. это сформулировал Антони Иден: «Гитлер есть не феномен, а симптом, выражение воли огромной части немецкого народа». А 20 января 1941 г. Уинстон Черчилль дал британскому Форин-Оффису распоряжение игнорировать любые попытки мирного зондажа изнутри Германии: «Нашей реакцией на все такого рода запросы или предложения должно быть полное молчание...»
Именно эту стену недоверия и враждебности и пытались столь отчаянно преодолеть Адам Тротт и его друзья в антинацистском сопротивлении. Но ответ был дан раз и навсегда президентом Рузвельтом в январе 1943 г. в Касабланке: «Безоговорочная капитуляция». А это оставляло даже многим убежденным антинацистам только один путь: держаться до конца.

На ужин к нам пришла Ага Фюрстенберг. Она теперь живет в Грюневальде, в доме актера Вилли Фрича. Это очаровательный коттеджик, который он поспешно оставил после нервного срыва во время одного из недавних налетов. Говорят, что он целый день лежал на кровати и рыдал, пока его жена не вернулась в Берлин и не вывезла его за город. Ага делит дом с Джорджи Паппенхаймом, обаятельным человеком, который много лет был дипломатом и которого только что отозвали из Мадрида, вероятно, из-за фамилии (Паппенхаймы — один из старейших аристократических родов Германии). Он прекрасно играет на фортепиано.

Мне дали отпуск по болезни на четыре недели, но с правом воспользоваться за один раз только двумя неделями и с условием, что я подготовлю себе помощницу, которая будет за все отвечать в мое отсутствие.

Четверг, 20 июля. Сегодня днем Лоремари Шенбург и я сидели на лестнице в конторе и разговаривали, как вдруг ворвался Готфрид Бисмарк с пылающими щеками. Я еще никогда не видела его в таком лихорадочном волнении. Сначала он увел в сторону

Лоремари, потом спросил меня, какие у меня планы. Я сказала ему, что планы неопределенные, но что мне очень хотелось бы уйти из АА как можно скорее. Он сказал мне, чтобы я не беспокоилась, что через несколько дней все будет решено и все мы узнаем, что с нами будет. Потом, попросив меня приехать к нему в Потсдам с Лоремари как можно скорее, он вскочил в машину и уехал.

Я вернулась за свой стол и позвонила в швейцарскую миссию Перси Фрею, чтобы отменить нашу договоренность вместе пообедать, так как я спешила в Потсдам. Ожидая, пока ответит номер, я повернулась к Лоремари, стоявшей у окна, и спросила, почему Готфрид был в таком состоянии. Может быть, это *Konspiration?* (И все это с трубкой в руке!) Она прошептала: «Да! Именно! Все свершилось. Сегодня утром!» В это время Перси подошел к телефону. Все еще с трубкой в руке, я спросила: «Мертв?» Она ответила: «Да, мертв!» Я бросила трубку, обхватила ее за плечи, и мы закружились по комнате в вальсе. Затем я схватила кое-какие документы и сунула их в первый попавшийся ящик стола, после чего мы, крикнув швейцару, что мы *dienstlich unterwegs* [уходим по служебным делам], ринулись на станцию Цоо. По дороге в Потсдам она шепотом сообщила мне подробности, и хотя в купе было полно народу, мы даже не пытались скрыть свое волнение и радость.

Граф Клаус Шенк фон Штауфенберг, полковник Генерального штаба, подложил бомбу у ног Гитлера во время совещания в ставке верховного главнокомандования в Растенбурге, в Восточной Пруссии. Бомба взорвалась, и Адольф погиб. Штауфенберг ждал снаружи до момента взрыва, а потом, увидев, как Гитлера выносят на окровавленных носилках, побежал к своему автомобилю, спрятанному где-то поблизости, и вместе со своим адъютантом, Вернером фон Хафтеном, поехал на местный аэродром и прилетел обратно в Берлин. Во всеобщей неразберихе никто не заметил его исчезновения.

Прибыв в Берлин, Штауфенберг немедленно явился в ОКХ (Главное Командование Сухопутных Сил) на Бендлерштрассе, который к этому времени был занят заговорщиками и где собрались Готфрид Бисмарк, Хельдорф и другие. (ОКХ находится по другую сторону канала от нашей Войршштрассе). Сегодня вечером в шесть предполагалось сделать сообщение по радио, что Адольф мертв и сформировано новое правительство. Новым рейхсканцлером должен быть Герделер, бывший мэр Лейпцига. Он связан с социалистами и считается блестящим экономистом. Наш граф Шуленбург или посол фон Хассел будет министром иностранных дел. Первое, что я подумала — может быть, не следует ставить лучшие мозги во главе того, чему суждено быть всего лишь временным правительством.

Тридцатисемилетний Штауфенберг присоединился к антинацистскому сопротивлению сравнительно поздно — только в июле 1943 г. В юности он, как и многие патриотически настроенные немцы, верил, что Гитлер призван спасти Германию от катастрофических последствий и позора Версальского договора. Состоя при легендарном Роммеле в Северной Африке, он был тяжело ранен, лишился глаза, правой руки и двух пальцев на левой руке — увечье, оказавшееся роковым в момент покушения. В июне 1944 г. он был назначен начальником штаба Армии Резерва, так называемой Ersatzheer, заместитель командующего которой, генерал-полковник Фридрих Ольбрихт был давним антинацистским заговорщиком. По должности Штауфенберг должен был регулярно являться с докладом лично к Гитлеру. Поскольку в окружении Гитлера никто больше не мог или не решался взять на себя его ликвидацию, Штауфенберг решил сделать это во время одной из таких встреч.
Две первые попытки — 11 и 15 июля — были отменены в последнюю минуту. К тому времени аресты множились уже и среди военных. Было ясно, что Гестапо подбирается к заговорщикам. Когда 20 июля Штауфенберг был снова вызван к Гитлеру, он решил: будь что будет, на сей раз он подложит бомбу.

Когда мы добрались до «Регирунга» в Потсдаме, был уже седьмой час. Я пошла умыться. Лоремари поспешила наверх. Прошло всего несколько минут, когда я услышала за дверью медленные шаги, и она вошла со словами: «Только что было сообщение по радио: «Некто граф Штауфенберг пытался убить фюрера, но провидение его спасло».

В действительности первое сообщение по радио, сделанное в 18.25, не содержало никаких имен. В нем говорилось лишь следующее: «Сегодня было совершено покушение на жизнь Фюрера с применением взрывчатки... Сам Фюрер не пострадал, если не считать легких ожогов и царапин. Он немедленно вернулся к работе и, согласно программе, принял Дуче (т.е.Муссолини) для длительной беседы». Только в последовавшем за этим комментарии был скрытый намек на то, кто совершил покушение («дело вражеских рук»). Но в тот момент Гитлер еще не понимал, что бомба была лишь частью значительно более крупного заговора, имевшего целью свержение нацистского режима. Он сообразил это лишь позже, когда узнал о попытках переворота в Берлине, Париже, Вене.

Я взяла Лоремари за руку, и мы побежали наверх. Бисмарки были в гостиной, Мелани застыла от ужаса, Готфрид шагал по комнате туда и обратно, туда и обратно. Я боялась взглянуть на него. Он только что вернулся с Бендлерштрассе и повторял: «Этого не может быть! Это обман! Штауфенберг *видел* его мертвым. «Они» разыгрывают комедию и пользуются двойником

Гитлера, чтобы симулировать, что он жив». Он пошел к себе в кабинет позвонить Хельдорфу. Лоремари последовала за ним, а я осталась с Мелани.

Она начала ныть: это Лоремари втравила Готфрида в это дело; она его обрабатывала много лет; а если он теперь погибнет, то не кто-нибудь другой, а она, Мелани, останется вдовой с тремя маленькими детьми; может быть, Лоремари и может позволить себе такую роскошь, но кто останется сиротами? Чужие дети, не ее... Это было поистине ужасно, и что мне было сказать?

Готфрид вернулся в гостиную. Он не дозвонился до Хельдорфа, но кое-что узнал; заговорщики захватили главную радиостанцию, но не смогли выйти в эфир, а теперь она опять в руках эсэсовцев. Однако офицерские училища в пригородах Берлина восстали и сейчас движутся на столицу. И действительно, через час мы услышали, как по Потсдаму грохочут танки Крампницского бронетанкового училища. Мы высунулись в окна, глядя, как они проезжают, и молились. На улицах, практически пустых, никто, похоже, не знал, что происходит. Готфрид все настаивал, что Гитлер не мог уцелеть, что «они» что-то скрывают...

Немного позже по радио объявили, что в полночь Фюрер выступит с обращением к германскому народу. Мы поняли, что только тогда узнаем наверняка, обман это все или нет. И все же Готфрид упорно цеплялся за надежду. Он говорил, что даже если Гитлер действительно жив, его ставка в Восточной Пруссии расположена так далеко от всего, что режим все-таки можно свергнуть, прежде чем он снова захватит контроль над самой Германией. Но нам всем становилось не по себе.

С 1943 г. в Штабе командования сухопутных сил на Бендлерштрассе существовал план на случай чрезвычайных обстоятельств под кодовым наименованием «Валькирия», предусматривавший, какие меры должны быть приняты в случае внутренних беспорядков или крупномасштабного саботажа со стороны миллионов иностранных рабочих, находившихся тогда в Германии. Главная роль, согласно этому плану, отводилась Армии Резерва, а также частям, расквартированным в столице и вокруг нее — гвардейскому батальону в самом Берлине и офицерским военным училищам в его окрестностях. По иронии судьбы, план «Валькирия» был утвержден самим Гитлером! Однако Ольбрихт, Штауфенберг и другие соучастники заговора разработали секретное приложение к этому плану, благодаря которому его удалось бы использовать также и для свержения нацистского режима, после чего к власти пришло бы новое правительство, которое немедленно приступило бы к мирным переговорам. С самого начала план страдал роковыми просчетами. Например, из тех членов высшего военного командования, которым по плану «Валькирия» предстояло захватить власть в свои руки не только в Германии, но и во всей остальной оккупированной

Европе, лишь немногие были осведомлены об истинных намерениях заговорщиков. Рассчитывали на то, что остальные, начиная с генерал-полковника Фридриха Фромма, командующего Армией Резерва, от которого так много зависело, «примкнут», как только смерть Фюрера освободит их от данной ему присяги; иными словами, все зависело от физического устранения Гитлера. Предполагалось также, что на несколько часов будет прервано всякое сообщение между Растенбургом и внешним миром — чтобы предотвратить принятие контрмер. Наконец, будущий убийца, Штауфенберг, должен был не только прикончить Гитлера, но и благополучно вернуться в Берлин, чтобы проследить за надлежащим исполнением плана «Валькирия». Дело осложнялось еще тем, что средний немецкий солдат к этому времени был так основательно идеологически обработан, что трудно было предугадать, какова будет его реакция на приказ захватить ключевые учреждения страны.

Несколько раз звонил Хельдорф. Звонил также нацистский гауляйтер (т.е. партийный руководитель) Бранденбурга, который спрашивал у регирунгспрезидента Потсдама графа Бисмарка, что он, черт побери, собирается делать, так как, насколько ему, гауляйтеру, известно, в столице начались беспорядки и, возможно, даже бунт. Готфрид имел нахальство сказать ему, что, согласно приказу Верховного главнокомандования, Фюрер предписывает всем высшим чиновникам оставаться на своих постах и ожидать дальнейших приказов. На самом деле Готфрид рассчитывал, что скоро восставшие придут и арестуют самого гауляйтера.

С наступлением ночи распространились слухи о том, что восстание развертывается не столь успешно, как это ожидалось. Кто-то позвонил с аэродрома: «*Die Luftwaffe macht nicht mit*» [«Военно-воздушные силы не присоединились»]; они требовали личного приказа Геринга или самого Фюрера. Теперь и Готфрид высказался скептически — впервые! Он сказал, что такие вещи надо делать быстро; каждая потерянная минута наносит делу непоправимый урон. Тем временем полночь давно прошла, и хотя Гитлер все еще не выступал, я пришла в такое уныние, что отправилась спать: не было никакого смысла ждать дальше. Скоро моему примеру последовала и Лоремари.

В два часа утра заглянул Готфрид и сказал упавшим голосом: «Это был он! Сомнений нет!»

Гитлер выступил по радио в час ночи 21 июля. Он сказал, что маленькая клика тщеславных, бесчестных и преступно глупых офицеров, не имеющих ничего общего с Германскими вооруженными силами, а тем более с германским народом, организовала заговор с целью устранить его и одновременно свергнуть верховное командование вооруженных сил.

Бомба, подложенная полковником графом фон Штауфенбергом — единственный, кого он назвал, — взорвалась в двух метрах от него и серьезно ранила нескольких преданных сотрудников, одного смертельно. Сам он остался цел и невредим, если не считать незначительных царапин и ожогов, и он рассматривает это как подтверждение воли Провидения, чтобы он продолжал дело всей своей жизни — борьбу за величие Германии. Теперь эта крошечная кучка преступных элементов будет безжалостно истреблена. Затем следовали распоряжения по восстановлению порядка.

На рассвете мы снова услышали, как по городу идут танки из Крампница; они возвращались в свои казармы, так ничего и не добившись.

Курсанты Крампницского бронетанкового училища были одной из тех частей, которые, по расчетам заговорщиков, должны были захватить Берлин. Когда им сообщили с Бендлерштрассе, что Гитлер мертв — убит эсэсовцами, — что вступает в силу план «Валькирия», они двинулись в Берлин и заняли там предписанные им позиции. Но когда их командир (не причастный к заговору) узнал, что Гитлер не убит и что некоторые офицерские круги предприняли путч, он собрал свои танки и повел их обратно в казармы.

Пятница, 21 июля. За завтраком мы узнали, что Готфрид и Мелани Бисмарки уехали на машине в Берлин (вероятно, увидеться с Хельдорфом). Лоремари Шенбург выглядела страшнее покойницы. Я вернулась в Берлин одна, оставив ее в постели. Мы еще не вполне сознавали масштабы бедствия и опасность нашего собственного положения.

По дороге в город я заехала к Аге Фюрстенберг в Грюневальд и оставила у нее мои ночные принадлежности. Потсдам очень далеко, а у Герсдорфов жить дальше невозможно из-за постоянных бомбежек, и я решила испробовать этот новый вариант. Ага была обескуражена событиями, но явно не имела понятия, кто в них замешан. Будет трудно, но теперь придется делать вид, что ничего не знаешь, и говорить о происходящем с напускным удивлением — даже с друзьями.

Пробыв на работе очень недолго, я пошла к Марии Герсдорф. Она была в отчаянии. Она сказала, что граф Штауфенберг был расстрелян вчера вечером в штабе командования сухопутных сил на Бендлерштрассе вместе со своим адъютантом, молодым Вернером фон Хафтеном. Генерал Бек, которого собирались сделать главой государства, покончил с собой. Генерал Ольбрихт, заменивший колеблющегося генерала Фромма на посту командующего Армией Резерва, был расстрелян вместе с остальными.

В Растенбурге в планах Штауфенберга сразу же обнаружились просчеты. Ежедневные совещания Гитлера, обычно проводимые в подземном бункере, теперь из-за сильной жары были перенесены в наземное деревянное помещение, стены которого при взрыве бомбы рассыпались, дав выход значительной части энергии взрыва. Поскольку Штауфенберг был однорук и смог завести только одну бомбу (вместо двух, которые первоначально предполагалось разместить в его портфеле), сам взрыв оказался более слабым. Как назло, когда Штауфенберг вышел из комнаты, будучи, как было заговорщиками условлено, вызван к телефону, штабной офицер, споткнувшись о портфель под столом с картой, над которой склонился Гитлер, передвинул портфель по другую сторону тяжелых деревянных козел. Это в какой-то мере защитило Гитлера от взрыва.

В 12.42 раздался оглушительный грохот, и здание превратилось в облако из пламени и дыма. Штауфенберг и его адъютант Хафтен, беседовавшие неподалеку с другим заговорщиком — начальником связи Гитлера генералом Эрихом Фельгибелем, вскочили в свой автомобиль и, не дав опомниться часовым контрольно-пропускных пунктов, вскоре получившим сигнал тревоги, помчались на аэродром, откуда немедленно вылетели обратно в Берлин.

По плану, генерал Фельгибель должен был сообщить по телефону о смерти Гитлера генералу Ольбрихту в Берлин и затем немедленно прервать всякое сообщение между Растенбургом и внешним миром. К его удивлению и смятению, он увидел, как Гитлер выбирается из развалин — поцарапанный, в пыли, в растерзанных брюках, но явно живой. Он едва успел передать в Берлин сообщение в осторожных выражениях: «Произошла ужасная трагедия... Фюрер жив...», — как эсэсовцы перехватили его канал связи. Остались невыполненными уже два ключевых условия успеха заговора: смерть Гитлера и контроль заговорщиков над коммуникациями Растенбурга. Более того, теперь была известна личность покушавшегося, и по всей Германии передавался по телексу приказ об аресте Штауфенберга.

За неделю перед тем план «Валькирия» уже дважды вводился в действие, но был поспешно отменен, когда Штауфенберг, надеясь убить одновременно и Гиммлера и Геринга вследствие их отсутствия на совещании у Гитлера, откладывал свои попытки. Поэтому на сей раз, получив двусмысленное сообщение Фельгибеля, генерал Ольбрихт не поторопился дать плану ход, пока не будет точно известно, что происходит.

В 15.50 самолет Штауфенберга приземлился на отдаленном военном аэродроме, но оказалось, что его шофер еще не прибыл. Когда Хафтен позвонил на Бендлерштрассе, чтобы выяснить, что случилось, Ольбрихт спросил у него, погиб ли Гитлер. Получив положительный ответ, он отправился к генералу Фромму за разрешением ввести в действие «Валькирию». Но у Фромма тут же возникли подозрения, он позвонил в Растенбург и связался с фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем,

который подтвердил, что имело место покушение на жизнь Фюрера, но безуспешное. Как раз в этот момент в комнату ворвались Штауфенберг и Хафтен. Фромм сказал, что «Валькирия» более не нужна. На что Штауфенберг взорвался: Кейтель лжет; Гитлер действительно погиб, он видел его мертвым, он ведь сам подложил бомбу! К тому же все равно уже поздно: «Валькирия» уже введена в действие. «По чьему приказу?» — спросил Фромм. «По нашему», — ответили Ольбрихт и Штауфенберг. Бледный от гнева, но более всего испугавшийся за свою собственную судьбу, Фромм приказал Штауфенбергу застрелиться, а Ольбрихту — отменить «Валькирию». Вместо этого они разоружили Фромма и посадили его под арест в собственном кабинете.

Обратного пути теперь не было, и в 5.30 пополудни — пятью часами позже, чем по плану следовало — телексы ОКХ начали выстукивать приказы «Валькирии» различным военным штабам. И поскольку Растенбург фигурировал в списке штабов первоначального, одобренного самим Гитлером плана, и никто — еще одно упущение — не подумал о том, чтобы его вычеркнуть, Гитлер узнал об их намерениях от самих заговорщиков. Через час германское радио начало передавать сообщение о покушении — и о его провале — вместе с первыми приказами Фюрера об ответных действиях.

Тем временем на Бендлерштрассе начали собираться другие ведущие участники заговора: генерал Людвиг Бек (бывший долголетний начальник Генерального штаба вермахта и кандидат заговорщиков на пост главы государства), фельдмаршал Эрвин фон Вицлебен (который должен был возглавить Вооруженные силы), генерал Эрих Хепнер (намеченный преемником Фромма), граф Хельдорф, Готфрид Бисмарк и другие. Многие из них затем ушли — некоторые возмущенные, все встревоженные, так как они видели, что царит все большая неразбериха и никто не знает, что делать дальше. Бек и Штауфенберг продолжали требовать от различных штабов, чтобы те последовали примеру Берлина, однако безуспешно. Но и в самом Берлине они теряли инициативу: танки из Крампница пришли и ушли; главная радиостанция была взята и оставлена; гвардейский батальон бросился было занимать правительственные учреждения, но остановился на полпути. Из членов высшего нацистского руководства в тот день в Берлине находился только Геббельс, он и спас положение. Когда майор Отто Ремер, многажды награжденный командир гвардейского батальона, явился арестовать Геббельса по приказу коменданта города генерал-лейтенанта фон Хазе, Геббельс соединил его с Растенбургом, лично с Гитлером, и тот, немедленно произведя Ремера в полковники, приказал ему отправиться на Бендлерштрассе и восстановить там порядок. Но ко времени его прибытия путч там уже кончился.

Действительно, за эти часы верные Гитлеру офицеры захватили здание, освободили Фромма и арестовали заговорщиков. Генералу Беку было позволено покончить с собой, и после того, как он сделал две неудачные попытки, его прикончил унтер-офицер. Ольбрихт, его на-

чальник штаба полковник Мерц фон Квирнхайм, Штауфенберг и его адъютант Хафтен после фарсового военно-полевого суда были отведены во двор и расстреляны при свете фар. Тяжело раненный в потасовке Штауфенберг нашел в себе силы крикнуть: «Да здравствует наша святая Германия!» Трупы сначала похоронили на кладбище, но на следующий день по приказу Гитлера их эксгумировали, сорвали с них форму и ордена и кремировали, рассеяв пепел по ветру.

Несколько месяцев назад Лоремари сказала мне, что она однажды посетила генерала Ольбрихта во время одной из ее роковых вербовочных операций, поскольку она слышала, что он «положительный элемент». Он, конечно, не среагировал на ее намеки. Однако он строго доверительно сообщил ей, что у него хранятся мешки с более чем 30 тысячами писем от немецких солдат, взятых в плен в Сталинграде в 1943 году, но что Гитлер приказал их сжечь. Официально говорилось, что в этой «доблестной» битве не выжил никто. Хотя и от одного из ее собственных братьев не было вестей со времени Сталинграда, Ольбрихт, как она его ни умоляла, не дал ей взглянуть на письма.

Мария немного знала Штауфенберга, так как с ним был в большой дружбе кто-то из ее двоюродных братьев. Она дрожит за их судьбу. Я познакомилась с молодым Хафтеном у Адама Тротта месяца два назад. Однажды вечером, когда я ужинала у Адама одна, влетел кудрявый симпатичный молодой капитан, представился и вытащил Адама из комнаты. Они сидели уединившись довольно долго. Впоследствии Адам интересовался, какое впечатление он на меня произвел. Я ответила: «Типичный заговорщик, про таких читаешь в книжках для детей». Я тогда не знала, какая у него роль. Теперь у Марии я все время думала о Готфриде и Адаме. Оба вчера в то или иное время были на Бендлерштрассе. Станет ли это известно? Мне же следует постоянно притворяться удивленной, даже озабоченной, но не испуганной...

Мисси ошибалась. На самом деле Адам фон Тротт, Алекс Верт и Ханс-Бернд фон Хафтен провели день в главном здании Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе, которое они должны были захватить в случае успеха путча.

Позже вечером за мной заехал Перси Фрей. Так как мне было не до ужина, мы поехали в Грюневальдский лес, вышли из машины и гуляли. Я пыталась объяснить ему, какая это ужасная, огромная трагедия. Когда он наконец проникся, он был потрясен и исполнен сочувствия. До тех пор он тоже верил в официальную версию, а именно, что все это дело рук кучки авантюристов.

Я *просто должна* видеть Адама. Но хотя мы договорились встретиться сегодня, я пока не смею ему звонить.

Суббота, 22 июля. Сегодня утром все газеты вышли с обращением, в котором предлагается миллион марок любому, кто укажет местонахождение человека *namens Goerdeler* [«по имени Герделер»]. Слава Господу! Это значит, что он еще на свободе.

Прошел слух, что жену и четверых детей Клауса Штауфенберга также убили. Она была урожденной баронессой фон Лерхенфельд и крестницей Мамá, так как ее родители перед Первой мировой войной жили в русской Литве.

За считанные дни после неудавшегося переворота в соответствии с недавно введенной практикой Sippenhaft (ареста всех родных) были арестованы не только жена и дети Штауфенберга, но также его мать, теща, братья, двоюродные братья, дядья, тетки (и все их жены, мужья, дети).
Обращаясь к нацистским гауляйтерам в Позене 3 августа, Гиммлер так оправдывал репрессивные меры против родственников: «Пусть никто не говорит нам, что это большевизм. Нет, это не большевизм, это древний германский обычай... Когда человека объявляли вне закона, то говорили: этот человек предатель, у него дурная кровь, в ней живет предательство, она будет вытравлена. И... вся семья, включая самых отдаленных родственников, истреблялась. Мы разделаемся со Штауфенбергами вплоть до самых отдаленных родственников...»

Зайдя сегодня утром к Джаджи Рихтеру, я застала там старшего Хафтена, Ханса-Берндa (нашего бывшего старшего кадровика). Он сидел у себя за столом и ел вишни из бумажного мешочка. А его брата накануне застрелили как собаку! Он улыбнулся мне и заговорил так, как будто ничего не произошло. Когда он вышел, я спросила Джаджи, знает ли он о брате. Джаджи сказал, что знает. Сам Джаджи выглядел встревоженным и опечаленным, но, конечно, совсем не так, как если бы он узнал правду об Адаме Тротте.

Я прошла в комнату Адама. Он был там с одним из своих помощников. Когда помощник ушел. Адам бросился на диван и, показав себе на шею, сказал: «Я в этом вот по куда!» Он выглядел ужасно. Мы разговаривали шепотом. Видя его, я мучилась еще больше. Я сказала ему об этом. Он сказал: да, но для меня это, как если бы я потеряла любимое дерево в своем саду, а для него потеряны все надежды. Зазвонил интерком: его желал видеть наш начальник д-р Сикс. Мы условились встретиться вечером. Я оставила записку его секретарше, в которой писала, что буду ждать его звонка.

Зайдя к Марии Герсдорф, я сказала ей, как волнуюсь за Адама. «Почему же? — спросила она. — Ведь он едва знал Штауфенберга, разве нет? Нет, я уверена, что он не глубоко замешан». — «Да, — сказала я, — совсем не замешан».

Позвонил Адам, и мы договорились встретиться у Аги Фюрстенберг после шести. Потом я пошла в отель «Адлон», где у меня была назначена встреча с Лоремари Шенбург и Агой. Ага была в бешенстве, потому что Хассо Эцдорф, повстречавшись с ней на улице, отвернулся. Полагаю, что он тоже сильно скомпрометирован. Мы затем собрались у Аги и сели пить чай на лужайке. Там были также Тони Заурма и Джорджи Паппенхайм. Потом к нам присоединился Адам. Он был у д-ра Сикса и пытался сбить его со следа. Выглядел он — хуже не бывает. Я поехала с ним к нему домой и сидела на балконе, греясь на солнышке, пока он переодевался. Раздался сигнал воздушной тревоги; он раздражал, как пчелиный рой, не более. Когда Адам пришел, мы сели рядом на балконе, и он кое-что мне рассказал.

Штауфенберг, сказал он, был замечательный человек, наделенный не только блестящим умом, но и исключительной энергией. Он был одним из немногих заговорщиков, имевших частый доступ к Гитлеру. Он дважды был в ставке со своей бомбой, но всякий раз возникало какое-нибудь препятствие или же в последний момент либо Гиммлер, либо Геринг, либо кто-то еще из тех, кого он хотел убить вместе с Гитлером, не приходили на совещание. Когда его вызвали в третий раз, он сказал товарищам по заговору, что взорвет, что бы ни случилось, хотя бы одного Гитлера. Напряжение становилось для него непереносимым, и не удивительно. Если бы только был кто-нибудь, кто мог выстрелить из пистолета, попытка могла бы удаться. Но Штауфенберг был слишком искалечен... Адам сказал, что он потерял в его лице ближайшего друга. Он выглядел совершенно раздавленным.

Сам Адам провел весь день 20-го в АА на Вильгельмштрассе, ожидая захвата его военными. Он сказал, что знает, что его арестуют, он слишком серьезно скомпрометирован. Я не стала спрашивать, насколько серьезно. Он решил отправить подальше свою горничную; она была свидетельницей слишком многих встреч в этом доме и, если ее станут расспрашивать, может сболтнуть. Он боялся, что и Хельдорф не выдержит пыток (я помню, как Хельдорф говорил Лоремари, что он сам этого боится).

Адам теперь спрашивает, не следует ли ему, возможно, поместить заметку в лондонской «Таймс» с объяснением, что представляли собой эти люди. Я отговорила его, поскольку в Германии это было бы немедленно воспринято так, будто бы они на содержании у неприятеля; а теперь, после провала, здешнее общественное мнение станет сочувствовать им еще меньше.

Затем Адам рассказал, как вскоре после поражения Франции в 1940 году он получил письмо от своего старого друга лорда Лотиана (в то время британского посла в Вашингтоне), в котором

тот призывал его работать на примирение Германии и Англии. Имел ли в виду Лотиан только *не*нацистскую Германию (ему, конечно, была известна ненависть Адама к режиму), Адаму было не вполне ясно. Но для него идея какой бы то ни было «сделки» между двумя странами, пока Гитлер у власти, была настолько неприемлема, что он никому не упоминул о существовании этого письма. Впоследствии, сказал он, его не раз охватывали сомнения, правильно ли он поступил.

Мы сидели и разговаривали всю ночь, прислушиваясь к случайным звукам, и всякий раз, когда раздавался шум подъезжающей машины, я видела по выражению его лица, о чем он думает...

Я просто не могу оставить его в таком состоянии. Если за ним придут, пока я здесь, я смогу по крайней мере предупредить его друзей. Адам говорил, что Алекс Верт знает все и что если его арестуют, тот будет знать, что делать. Он думает, что д-р Сикс тоже что-то подозревает, потому что он настойчиво советует Адаму уехать в Швейцарию. Я тоже стала настаивать, чтобы он уехал — немедленно. Но он не уедет — из-за жены и детей. Он сказал, что если его арестуют, он будет все отрицать — чтобы выбраться и начать все заново. В 4 утра он отвез меня домой и обещал позвонить мне попозже утром, чтобы я не беспокоилась за него.

Лорд Лотиан принадлежал к небольшой, но влиятельной в определенный период группе консервативных политиков (так называемой «клайвденской группировке»), которая, критически относясь к методам Гитлера, с сочувствием воспринимала его усилия избавить Германию от унизительных условий Версальского договора (который они всегда осуждали) и отдавала должное очевидному успеху, с каким Гитлер решал экономические проблемы страны. Вместе с тем, более всего они были обеспокоены перспективой новой европейской войны, которая, последовав так скоро за кровавой баней 1914—1918 годов (ветеранами которой были многие из них), могла бы, по их мнению, роковым образом ослабить Европу, привести к гибели колониальных империй, вообще западной цивилизации и открыть двери мировому коммунизму. Однако все возрастающая жестокость гитлеровской внутренней политики и его безжалостная решимость превратить Германию в господствующую державу Европы любой ценой свела на нет все их усилия. Многих из них впоследствии окрестили «умиротворителями».

Примечание Мисси (сентябрь 1945 года): Адам никогда не рассказывал мне о точной его роли в заговоре. Я знала только, что каждая его поездка за границу — в Швейцарию, в Швецию — хотя и предпринималась всегда под каким-нибудь официальным предлогом, всякий раз была связана с его неустанными усилиями

создать платформу для мирных переговоров с союзниками после того, как произойдет «событие» (т.е. убийство Гитлера).

Он искренне верил, что, если союзники будут иметь дело с «приличным» немецким правительством, они сделаются более сговорчивыми. Я часто пыталась развеять эти иллюзии и настаивала, что *единственное*, что действительно важно, — это физическое устранение Гитлера, ничто иное. Думаю, последующие события подтвердили, что я была права.

До конца своих дней Мисси отказывалась признаться, в какой мере она была осведомлена о заговоре до 20 июля. Но многие случайные фразы, неосмотрительно брошенные ею то тут, то там, начиная с первого упоминания о «conspiratcj» (заговоре) от 2 августа 1943 г., затем постоянные требования заговорщиков, чтобы она помогла убрать Лоремари Шенбург из Берлина, частые ссылки на «предстоящие события», ее вызов из Круммхюбеля в Берлин Адамом Троттом с 10 по 17 июля 1944 г., — а ведь первая попытка Штауфенберга убить Гитлера намечалась именно на 11 июля, и кончая той все раскрывающей записью от 19 июля 1944 г. с фразой «Мы (т.е. Адам фон Тротт и она) договорились не встречаться до пятницы», — показывают, что она знала гораздо больше, чем говорила, и что ей даже была известна точная дата запланированного переворота! Вернее всего, она этим старалась уберечь память Адама Тротта и других от упрека в том, что они слишком много «болтали», тем более иностранке.

Воскресенье, 23 июля. Адам Тротт позвонил, как обещал. Пока все в порядке. Я сказала ему, что еду в Потсдам и позвоню ему оттуда.

Я застала Готфрида Бисмарка плещущимся в купальном костюме в своем фонтане. Очень жарко. Были также Мелани и Лоремари Шенбург. Сейчас Мелани выглядит спокойнее; она даже собирается уехать к себе в деревню, чтобы создать впечатление, что все нормально.

Я сказала им, как я беспокоюсь за Адама Тротта. Готфрид не думает, что его арестуют. В наибольшей опасности, сказал он, сейчас Хельдорф. Его роль в неудавшемся перевороте была чересчур заметна, и он не сможет найти себе алиби.

Мы поговорили о Фрици Шуленбурге, племяннике посла и бывшего заместителем начальника берлинской полиции при Хельдорфе. Говорят, что его тоже расстреляли на Бендлерштрассе в четверг. Я помню его молодым человеком в Восточной Пруссии до войны; одно время он был нацистом, но уже тогда относился к режиму резко отрицательно. Адам сказал, что вчера вечером он видел секретаршу Штауфенберга; она описала, как Фрици выбежал из своего импровизированного кабинета в штабе сухопутных

сил, получил пулю в спину в коридоре и как его, раненого, вытащили во двор и там прикончили.

Этот слух оказался ложным. Арестованный на Бендлерштрассе Ф. Шуленбург одним из первых предстал перед так называемым «Народным судом». Его приговорили к смерти и повесили 10 августа 1944 г.

После обеда мы все легли поспать: напряжение изматывает. Позже Лоремари сказала мне, что Готфрид показал ей два больших свертка в шкафу у себя в кабинете, сказав, что не знает, что с ними делать. Когда она спросила, что это такое, он ответил: «Взрывчатка, оставшаяся от бомбы». Она умоляла его избавиться от свертков, так как скоро несомненно начнутся обыски. Он отказался, сказав, что взрывчатку очень трудно было достать и что он собирается сохранить ее для новой попытки. Она убедила его, по крайней мере, спрятать ее в подвале.

Взрывчатка немецкого производства — смесь гексогена и тринитротолуола — была добыта заговорщиками еще в 1942 г. с немалым риском, поскольку трудно было объяснить, зачем взрывчатка нужна штабным офицерам (каковыми они в большинстве были). Часть ее использовалась в различных предыдущих покушениях на Гитлера. Запалы — британского производства — были захвачены у французского Сопротивления.

Звонил Адам. У него все в порядке. Ужинала с Перси Фреем.

Понедельник, 24 июля. Мелани Бисмарк попросила меня заказать в русской церкви панихиду за упокой души погибших в четверг и молебен за тех, кто в опасности. Одних друзей и знакомых так много: Адам Тротт... Готфрид Бисмарк... Хельдорф... Она не решается отслужить в католической или протестантской церкви, но думает, что православная не так на виду. Я согласилась поговорить об этом с отцом Иоанном Шаховским. Мы также договорились, что присутствовать буду я одна, чтобы не привлекать внимания.

Провела утро на работе, потом, хотя Адам уже пообедал в столовке, уговорила его поехать со мной к Марии Герсдорф. Я дала ему икону св.Серафима Саровского и рассказала про идею Мелани насчет службы. Он сказал, чтобы мы не беспокоились: Клаус Штауфенберг был таким набожным христианином, что сейчас по нему служат во всех храмах Германии. Пришли еще некоторые друзья, и мы заговорили о другом. При расставании Адам сказал мне и Лоремари Шенбург, что если никого из нас не останется в живых, то невозможно будет повторить попытку, а значит, мы теперь должны вести себя очень, *очень* осторожно, не должны встречаться, за нами

следят и т.п. У них всех тот же лейтмотив: они *должны* попытаться еще раз!

Вечером Готфрид отвез нас в Потсдам. Мы поужинали с ним. Он сказал, что сегодня утром арестовали Хельдорфа. Полицей-президиум не сообщает никаких сведений: «Президент вышел сегодня утром и все еще не вернулся».

После ужина явилась Ханна Бредов, сестра Готфрида. Это своеобразная личность. Вцепившись в зонтик, она села: «Готфрид, я хочу знать, насколько ты замешан в это дело! Ты не имеешь права все от меня скрывать. Я слишком хорошо вижу, что происходит. Я *должна* знать, в каком мы положении!» Готфрид бормотал, мямлил и ничего ей не сказал. Ханна беспокоится за своих дочерей; девятнадцатилетняя Филиппа часто виделась с молодым Вернером фон Хафтеном, адъютантом Штауфенберга, который был расстрелян вместе с ним и который, видимо, говорил с ней откровенно, чересчур откровенно. [*В семействе Бредов уже 16 июля стали говорить, что ставка Гитлера на этой неделе будет взорвана*]. Потом Ханна гадала нам на картах: она это умеет. Выяснилось, что никто из нас пока что не обречен. Позже мы пошли к ней домой, где Джорджи Паппенхайм прекрасно играл на фортепиано. Затем мы с Агой Фюрстенберг вернулись в Грюневальд к Аге ночевать. Налет поднял нас с постели. На сей раз бомбы ложились совсем рядом с нами, и мы укрылись в убежище — смехотворном деревянном сооружении под дерновой насыпью. Прямо возле нас упали две фугаски, связанные цепью. Падали они долго, поскольку были сброшены на парашюте. Мы скорчились на полу, нахлобучив на голову каски. Ага со своей скособоченной каской выглядела так, что я в самые страшные моменты не могла удержаться от хихиканья. Кухарка, абсолютно глухая, блаженное создание, не слышала ни звука из этого пандемониума и бросилась на землю только потому, что это сделали мы.

Сегодня после обеда я виделась с отцом Иоанном. Он считает, что служить в русской церкви было бы опасно, но у него в квартире есть маленькая часовня, и мы отслужили там. Я была единственной прихожанкой и проплакала всю службу навзрыд. Когда я сказала Лоремари, что не могла в тот момент припомнить, как зовут Хельдорфа, она в изумлении воскликнула: «Aber, Missie! Wölfchen!» [«Что ты, Мисси! Вельфхен!» — Вельфхен, уменьшительное от Вольф. — *Прим. перевод.*]

Вторник, 25 июля. Сегодня рано утром я позвонила домой Адаму Тротту; с ним пока все в порядке. Но позже, когда я зашла к нему в кабинет, его там не было, была только его секретарша — хорошая девушка, с которой я дружу, с перепуганным выражением лица. В спешке пообедала у Марии Герсдорф и вернулась в бюро. На этот раз секретарша Адама попыталась вытолкнуть меня

из его кабинета. Я прошла мимо нее и вошла. За его столом сидел маленький человечек в штатском и рылся в ящиках стола. Еще один растянулся в кресле. Сволочи! Я поглядела на них повнимательнее: есть ли у них что-нибудь в петлицах, но потом вспомнила, что гестаповские значки носят с внутренней стороны. Я достаточно громко спросила секретаршу: «Wo ist Herr von Trott? Noch immer nicht da?» [«Где же г-н фон Тротт? Его все еще нет?»] Оба подняли головы и взглянули на меня. Когда мы с секретаршей вышли из комнаты, она посмотрела на меня умоляюще и прижала палец к губам.

Перемахивая через три ступеньки, я ворвалась в кабинет к Джаджи Рихтеру. Я сказала, что необходимо немедленно что-то предпринять, чтобы Адам не приходил на работу, поскольку его кабинет обыскивает гестапо. Джаджи уныло на меня взглянул и сказал: «Поздно. Они взяли его в полдень. Хорошо, что с ним был Алекс Верт: он поехал за ними в другой машине, и надеюсь, что он скоро вернется, может быть, ему удастся выяснить, за что Адама арестовали». Джаджи явно все еще ничего не подозревает. Он добавил, что Адам присутствовал на ежедневном совещании в главном здании Министерства иностранных дел на Вильгельмштрассе. В это время здесь к нему в кабинет явились гестаповцы и потребовали сообщить, где он находится. Секретарша хотела выскользнуть, чтобы предупредить его, но они задержали ее и не позволили выйти из комнаты. Он влетел прямо в засаду. Государственный секретарь Кепплер (высокопоставленный нацистский чиновник Министерства иностранных дел, возглавлявший в свое время отдел Свободной Индии) ожидал его на обед в «Адлоне» к часу. В настоящий момент д-р Сикс как будто хлопочет о его освобождении; он послал своего адъютанта узнать, в чем он обвиняется. Но сомневаюсь, что он и дальше будет так держаться.

Я побежала к Марии Герсдорф. Там был Стеенсон-Лет, датский поверенный в делах, и я не могла разговаривать; я просто разрыдалась. Мария пыталась успокоить меня: это явно ошибка, Адам не имеет к этому никакого отношения, и тому подобное. Если бы только она знала! А я ничего не смею говорить.

Немного позже вернулся домой Хайнц Герсдорф. У него тоже неприятности, так как его начальник, военный комендант Берлина генерал фон Хазе (с которым мы хорошо знакомы и который организовывал нам посещения Джима Вяземского в лагере для военнопленных) был в заговоре по уши. Он теперь тоже арестован после бурного разговора с Геббельсом. Почему Хазе не застрелил эту крысу прямо там же?

Несколько человек покончили с собой, среди них граф Лейндорф, в имении которого в Растенбурге, в Восточной Пруссии, размещается ставка Гитлера. Принц Харденберг выстрелил себе в желудок, когда пришли его арестовывать, и сейчас находит-

ся в тяжелом состоянии. Рано примкнувший к Сопротивлению, он на подозрении потому, что Штауфенберг и Вернер Хафтен провели последний уикэнд у него в доме. Двое гестаповцев, которые его арестовали, погибли на обратном пути в Берлин в автокатастрофе — хоть одна хорошая новость! Сегодня утром был арестован и наш Ханс-Бернд фон Хафтен. Говорят, что нашли списки.

В действительности граф Лейндорф сначала был арестован, но в Берлине ему удалось скрыться, однако затем его вновь арестовали и повесили.

Без некоторых списков, очевидно, нельзя было обойтись (например, без списков офицеров, которые должны были поддерживать связь с различными штабами для введения в действие плана «Валькирия»). Составление других было менее простительно (например, списков будущего правительства), особенно если учесть, что с некоторыми из упомянутых в них лиц, например, с графом Шуленбургом, даже не посоветовались.

Спала на диване в гостиной у Герсдорфов. Окон в ней все еще нет, но сейчас так жарко, что это все равно. В полночь был воздушный налет, и самолеты оказались над головой так быстро, что мы едва успели что-то на себя накинуть и забраться в подвал соседнего дома, который сгорел еще в ноябре. Бомбили фугасами. Впервые за эти годы мне не было страшно.

Среда, 26 июля. Сегодня утром Джаджи Рихтер был все еще сравнительно спокоен. Он явно не знает, насколько серьезно скомпрометированы Адам Тротт и Ханс-Бернд Хафтен. Он думает, что все это ошибка и скоро все выяснится. Но когда вошел Алекс Верт и просто взглянул на меня с выражением отчаяния, я разрыдалась. Джаджи и Лейпольдт (другой наш сотрудник) были заметно удивлены.

Я больше не могла усидеть на работе и пошла домой. Мария Герсдорф сейчас не находит себе места. Арестован граф Петер Йорк фон Вартенберг, сестра которого — одна из ее лучших подруг.

Высокопоставленный гражданский чиновник и давний участник Сопротивления, граф Йорк фон Вартенберг упоминался в одном из составленных заговорщиками списков будущего правительства.

После обеда меня навестил Перси Фрей. Я повела его в развалины по соседству с нашим домом и сказала, что не должна больше с ним встречаться; за нами у Марии, вероятно, следят, а его новехонький автомобиль со швейцарским номером чересчур бросается в глаза. Сейчас никому из нас не следует афишировать свои знакомства с иностранцами. Мы сошлись на том, что он

время от времени будет звонить мне в логово льва, то есть в министерство.

Перед ужином я решила погулять по Груневальду в одиночестве. Я просидела там на скамейке в полном отчаянии почти весь вечер, не обращая внимания на то, что подумают прохожие.

Сегодня вечером по радио снова выступил Геббельс с речью о неудавшемся покушении; он обливал грязью всех, кого только мог. Однако общественное мнение, судя по всему, не на стороне властей. На улицах люди выглядят бледными и упавшими духом; они, похоже, не смеют глядеть друг другу в глаза. Трамвайный кондуктор, громко высказываясь насчет речи Геббельса, сказал мне «Alles ist zum Kotzen!» [«Прямо тошнит от всего этого!»]

На самом деле донесения СД (нацистской внутренней разведки) о настроениях населения (ставшие известными после войны и, как ни странно, весьма объективные) показывают, что покушение не вызвало одобрения ни у человека с улицы, ни у военных на фронте. Официально его осудили даже церкви. Действительно, германское Сопротивление не было массовым движением; оно складывалось из разрозненных действий отдельных лиц или групп, лишь немногие из которых были в контакте друг с другом, причем действия эти были весьма разнородны — от обличения беззакония и гонений и помощи преследуемым вплоть до подготовки государственного переворота и даже покушения на жизнь Гитлера. А этот последний шаг был этически неприемлем даже для многих убежденных антинацистов.

Четверг, 27 июля. Сегодня Джаджи Рихтер сказал мне, что дело Адама Тротта выглядит скверно. Занимающийся им следователь подтвердил адъютанту д-ра Сикса, что найдены списки. Адама собирались назначить заместителем статс-секретаря по иностранным делам! Сикс, кажется, все еще склонен попытаться его выцарапать. Алекс Верт уговаривает его днем и ночью сделать это. По крайней мере в настоящий момент он, по-видимому, не станет усугублять тяжесть его положения. Кое-кто надеется, что удастся прибегнуть к вмешательству нейтральной иностранной державы, но, по-моему, это еще опаснее.

Готфрид Бисмарк приезжает в город ежедневно, и мы встречаемся в развалинах около нашего дома. Сегодня он был еще полон надежды. Он не думает, что Адама убьют, но Хельдорф, сказал он, обречен: Гитлер особенно в ярости на него, так как он был партийным ветераном и высокопоставленным руководителем СА. Говорят, что покончил с собой генерал-квартирмейстер Вагнер.

Ветеран Сопротивления, генерал Эдуард Вагнер скомпрометировал себя, снабдив Штауфенберга самолетом, на котором тот улетел из Растенбурга. Он застрелился 23 июля.

Завтра Готфрид собирается поехать в Райнфельд, на свою ферму в Померании. Он считает, что теперь, когда всю эту неделю он спокойно просидел дома в доказательство того, что ему нечего бояться, полезнее будет уехать из города. Он хочет, чтобы я и Лоремари Шенбург его сопровождали, но я не могу. Я должна делать вид, что добросовестно работаю, хотя на самом деле я ничего не делаю.

Пятница, 28 июля. Сегодня утром ходила к парикмахеру делать перманент.

Геббельс объявил *«Totaler Krieg»* [«тотальную войну»], что означает закрытие всех «излишних» магазинов и всеобщую мобилизацию гражданского населения. Он, очевидно, надеется, что в условиях, когда призваны все взрослые жители, свержение режима в тылу станет практически невозможным. *Ersatzheer* [Армия Резерва], которая до сих пор была укомплектована приличными офицерами, но была скомпрометирована последними событиями, ставится теперь под командование Гиммлера. Войска больше не будут отдавать честь, козыряя, как велит традиция, а станут вскидывать руку и рявкать «Хайль Гитлер». Все возмущаются, но эти безумные указы почти что смехотворны.

Никто ничего не знает о генерале Фромме, бывшем командующем Армии Резерва. Готфрид Бисмарк говорит, что заговорщики ему не доверяли, поскольку он не дал прямого согласия участвовать; поэтому они арестовали его в самом начале переворота и заперли его в собственном кабинете на Бендлерштрассе, а командование перенял генерал Ольбрихт.

Фромма освободил некий майор Ремер, командир Гроссдойчланд-вахтбатальона, части, охраняющей все правительственные учреждения. Этого Ремера следовало, конечно, устранить еще до начала восстания. Говорят, Хельдорф предлагал это сделать, но военные не послушались его. Будто вначале Ремер готов был примкнуть, но когда он пошел арестовывать Геббельса, тот наладил ему разговор по телефону с самим Адольфом.

Трусость генерала Фромма в день переворота не помогла ему. Он был арестован на следующий же день, провел в тюрьме много месяцев, подвергался жестоким пыткам и был в конце концов казнен в марте 1945 года.

После обеда заехали проститься Готфрид и Лоремари Шенбург. Они собираются вернуться через неделю. Они снова стали уговаривать меня поехать с ними. Оба в большой опасности, но выглядят ничуть не озабоченными. Тони Заурма отправился к себе домой в Силезию. Все мои приятели разъехались. Я одна остаюсь. Но я просто *должна* тут остаться.

ЯНСФЕЛЬДЕ. *Суббота, 29 июля.* В положении Адама Тротта никаких перемен. Приложены большие усилия; теперь надо ждать. На уикэнд собралась к Пфулям.

Сегодня утром на работе зазвонил телефон. Это была Лоремари Шенбург. «Откуда?» — «Из «Адлона». Я здесь с Мелани (Бисмарк). Никому не говори. Это секрет. Прелестно, а?» Это означало только одно: Готфрид Бисмарк все-таки арестован. Я сказала, что приеду в обеденное время. Прибыв в «Адлон», я нашла их там в обществе Отто, старшего брата Готфрида, который, видимо, приехал ночью из Фридрихсру. Они собирались в Потсдам. Мелани, бледная, но спокойная, намерена пойти на все, лишь бы вызволить Готфрида. Она сказала, что будет обращаться ко всем. А Отто пойдет к Герингу. Лоремари рассказала мне, что произошло. Вчера по выезде машина Готфрида сломалась, и они поехали дальше на поезде. В Райнфельде (имение Бисмарков) они едва кончили ужинать в три часа утра, как явились трое гестаповцев и арестовали Готфрида. Они также обыскали дом. Они дали ему время поговорить с Мелани, а затем увезли его в Берлин. Мелани сказала мне, что ее предупредили, что за домом Герсдорфов следят и наш телефон прослушивается. Она умоляла меня не встречаться с Перси Фреем. Я пообещала по крайней мере не приводить его больше в дом.

После обеда в министерстве появилась Лоре Вольф, только что приехавшая из Лиссабона. Она ждет ребенка и вернулась в Германию рожать. Она выглядит так, словно прибыла с другой планеты — во всем новом, отдохнувшая и подтянутая. Произошедшие у нас перемены ее потрясли. До замужества она работала у Джаджи Рихтера. Татьяна и Луиза Вельчек были обе еще не замужем, и здесь был Йозиас Ранцау. Как давно все это было!.. Встретила Перси Фрея и Тино Солдати на станции Цоо, и они отвезли меня к Пфулям, где мы застали Агу Фюрстенберг и Джорджи Паппенхайма.

Воскресенье, 30 июля. Говоря о 20-м июля, Ц.-Ц. Пфуль подчеркнуто осторожен. Я упоминаю какую-нибудь подробность, он выглядит изумленным; я перехожу на другую тему. Интересно, знал ли он что-либо заранее. Я была бы удивлена, если нет, поскольку он служит в Абвере, а там многие участвовали в заговоре; но ведь сейчас все так осторожны...

После обеда приехал Перси Фрей и увез нескольких человек в Бухов, к Хорстманам, но я осталась. Не хочу никого видеть.

БЕРЛИН. *Понедельник, 31 июля.* В министерстве полный кавардак. Провозглашение «тотальной войны» Геббельсом вселило ужас во всех и каждого. Наш отдел информации обязан освободить 60 процентов персонала: мужчины пойдут на фронт, женщины на военные заводы. Эдит Перфал, Уш фон дер Гребен и Лоремари Шенбург уволены. Меня оставляют. Непонятно

почему, так как последние техники, фотографы и т.п. из моего фотоархива тоже уходят.

Вообще-то я заметила, что со дня ареста Адама Тротта д-р Сикс обращается ко мне с необычной уважительностью, настолько, что я даже подумала поговорить с ним об Адаме, но Джаджи Рихтер уговорил меня не делать этого, поскольку на самом деле он, как утверждают, в бешенстве. Он говорит, что арест Адама скомпрометировал весь отдел. В то же время он ни разу не произнес имя Адама публично, исключая одно-единственное собрание, где он объявил: «Wir haben zwei Schweinehunde unter uns gehabt». [«Среди нас было два мерзавца»], подразумевая Адама и Хафтена. Видимо, он счел необходимым хотя бы раз публично высказать свою позицию. Но больше он о них не упоминает. Более того, карточка с фамилией Адама все еще красуется на двери его кабинета, так же, как у всех. Это утешает меня, как если бы это был единственный признак того, что он еще существует. Но если карточку снимут, то тогда...

Начиная с весны 1944 г. Гиммлер предпринимал попытки мирного зондажа через Швецию. Некоторые поездки д-ра Сикса в Швецию преследовали именно эту цель. Если даже Гиммлер сомневался в победе Германии, то гораздо более умный и прагматичный Сикс тем более должен был ощущать, что их ждет. Его отношение к Тротту и даже к Мисси как до, так и после покушения 20 июля вполне могло объясняться трезвым расчетом на то, что, когда наступит день расплаты, их связи в лагере союзников и ему пригодятся. И действительно, один из доверенных сотрудников Сикса, д-р Ханс Монке, подтвердил, что Сикс дал ему и еще одному высокопоставленному эсэсовскому офицеру, д-ру Шмицу, распоряжение приготовить проект письма Гиммлеру, содержавший следующие рекомендации: даже если окажется, что некоторые арестованные сотрудники Министерства иностранных дел (имелись в виду Тротт и Хафтен) действительно виновны, то будет благоразумнее не казнить их, а держать на случай потенциального использования в переговорах с союзниками. Утверждают, что Гиммлер поддержал эту идею, но когда он изложил ее Гитлеру, с последним чуть не сделался эпилептический припадок, и он заорал, что «АА хуже всех, и их нужно всех повесить до последнего человека».

Во время обеда позвонил из «Адлона» Паул Меттерних. Я в ужасе от того, что он рискнул приехать сюда в такое время. Но он слишком тревожится за своих друзей, чтобы сидеть у себя. Он сказал, что не признался, куда едет, сказав Татьяне, что отправляется в Прагу по делам еще одного своего чешского поместья. Он добавил, что Джорджио Чини снова здесь. Я рада, что Паул поблизости, но выбрал же он время приезжать в Берлин!

Позже я присоединилась к Паулу и Джоржио в «Адлоне». Там были также Отто Бисмарк и Лоремари Шенбург. К Аге Фюрстенберг возвращается чувство юмора. Увидев Паула, она крикнула ему через весь холл: «Ты что, тоже заговорщик, Паул, что ты такой мрачный?» Сейчас она и Тони Заурма у нас *enfants terribles* [опасные шалуны]. На следующий день после покушения Тони, встретив на улице знакомого офицера, щелкнул каблуками и представился: «Штауфенберг!».

Отто вскоре отправился с Джорджио во Фридрихсру, и пока Паул с кем-то беседовал, Лоремари отвела меня в уголок и сказала мне, чем она эти последние два дня занималась.

Прежде чем гестаповцы увезли Готфрида, он успел сообщить ей, что взрывчатка, оставшаяся от бомбы Штауфенберга, спрятана в его сейфе в Регирунге в Потсдаме, и передал ей ключ. Ринувшись в Потсдам на молочном поезде, она прибыла туда задолго до Готфрида с его охранниками и нашла два свертка. Они были размером с коробку для обуви и завернуты в газету. Тогда она взяла один из наших велосипедов и, закрепив один из свертков на руле, поехала в парк Сан-Суси. По дороге она столкнулась с мальчиком-разносчиком и упала вместе со свертком. Испугавшись, что он может взорваться — она, разумеется, не имеет о подобных вещах ни малейшего понятия, — она героически прикрыла сверток собой. Ничего, конечно, не произошло. В конце концов она бросила сверток в один из прудов в парке. Он все время всплывал, а она топила его веткой. В конце концов, отчаявшись, она выловила его и закопала за какими-то кустами. Она уже собиралась сесть на велосипед и уехать, как вдруг, подняв голову, увидела человека, который стоял на другом берегу пруда и смотрел на нее. Что он видел? Донесет ли? Она поспешила обратно в Регирунг, но теперь она была слишком напугана, чтобы повторить эту операцию со вторым свертком, и она зарыла его под одной из клумб в саду. Ей помогала Анна, горничная Бисмарков, не выказавшая при этом ни малейшего любопытства. Возможно, что Лоремари буквально спасла Готфриду жизнь, потому что дом весь перетрясли, причем первый визит полицейских состоялся всего через несколько часов после того, как она все это сделала.

Я преклоняюсь перед смелостью и находчивостью Лоремари, хотя часто это граничит с опасным фанатизмом.

Перекусив у Марии Герсдорф, Паул настоял, чтобы мы поехали в Потсдам. Он хотел, чтобы Мелани и Готфрид знали, что их друзья их не бросают. Мы приехали туда очень поздно и застали только Отто и Лоремари. Посидев с ними около часа, мы сели на последний обратный поезд в Берлин. По дороге я так плохо себя почувствовала, что мы сошли на какой-то станции, и на платформе меня сильно вырвало, а Паул терпеливо стоял рядом. Вероятно, сказалось нервное напряжение всех этих дней.

Присутствие Паула очень помогает — он, как всегда, спокойный и деловой. Он, конечно, прав, говоря, что все, что сейчас происходит, было абсолютно неизбежным и мы ничего не можем тут поделать. Раз переворот провалился, то естественно, что всем его участникам придется расплачиваться. Более того, нацисты получили долгожданную возможность избавиться от всех, кого они давно ненавидели и боялись.

Как заметил другой ведущий заговорщик, генерал-майор Хеннинг фон Трешков, незадолго до своего самоубийства, последовавшего за провалом переворота: «Никто из нас не имеет права жаловаться на судьбу. Всякий, кто вступил в Сопротивление, надел кровавую рубашку Несса (Несс — кентавр, убитый Гераклом с помощью стрелы, пропитанной ядом лернейской гидры; впоследствии Геракл скончался, надев рубашку, пропитанную кровью умирающего Несса. — Прим. перев.). Но доблесть человека измеряется лишь его готовностью пожертвовать жизнью за свои убеждения».

Паул ходит с тростью, некогда принадлежавшей его предку, канцлеру. Пользоваться тростью он не привык и часто об нее спотыкается. Она выглядит обманчиво легкой, будучи обтянута какой-то тканью, создающей впечатление тростника. На самом деле она сделана из сплошного железа, весит тонну и, когда падает, то громыхает, как пистолет. В первый раз я подпрыгнула на милю. Паул намеревается в случае необходимости пустить ее в ход.

Вторник, 1 августа. Разузнав обо всем, Паул Меттерних уехал сегодня утром. Он настоятельно просил меня воспользоваться своим правом на отпуск по болезни и приехать к ним в Кенигсварт. Я согласилась, так как первый процесс заговорщиков состоится, как нам сообщили, не раньше чем недели через три.

На обед к Марии Герсдорф приехал Отто Бисмарк. Он изо всех сил старается выручить Готфрида, но пока что ни его, ни Мелани никто из власть имущих не принял. Через Гестапо они послали ему продукты, но не знают, дошли ли. Алекс Верт послал Адаму Тротту чемодан, но опять-таки не знает, дошел ли он по назначению.

Вечером я встретилась в развалинах с Перси Фреем, и мы обсуждали различные возможности побега. Лоремари Шенбург обрабатывает Перси с целью добыть для тех, кому удастся бежать, документы на въезд в Швейцарию. Из Вены приехала Алиса Хойос (сестра Мелани), она пытается узнать, в какой тюрьме их держат.

Позже Перси отвез меня в Ваннзее, куда меня и Отто пригласил на ужин Анфузо, посол Муссолини в Германии. Анфузо живет там с женой, красивой венгеркой по имени Нелли

Ташнади, на которой недавно женился. Она немного похожа на Татьяну, только блондинка.

Я не успела спросить Отто, собирается ли он упоминать о том, что случилось с Готфридом, но скоро поняла, что не собирается. Это меня несколько удивило, так как они с Анфузо большие друзья; с другой стороны, Анфузо — один из немногих итальянских послов, сохранивших верность Муссолини после его падения, и я его за это уважаю. Мы поужинали, а потом сидели и беседовали. Анфузо может говорить только о «бомбе». Он был в Растенбурге непосредственно после покушения, т.к. сопровождал Муссолини во время его официального визита в ставку. Он сказал, что в тот вечер Гитлер был единственным, кто выглядел спокойным; все его окружение еще не успело прийти в себя. Анфузо в шутку сказал, что поначалу он сам сидел, как на угольях, поскольку боялся, что покушение совершил кто-то из итальянцев, поддерживающих Бадольо; было таким облегчением узнать, что то был немец. Остроты из него так и сыпались. Отто и я старательно изображали беззаботность и даже веселье.

Уехали мы рано. Отто вел машину, его шофер сидел сзади. Он спросил меня по-английски, видела ли я в последнее время Лоремари, так как Мелани сегодня вечером была арестована в Потсдаме. Двое мужчин и женщина пришли за ней в Регирунг, где она все еще живет, поскольку Готфрид официально продолжает оставаться регирунгспрезидентом. Они обыскали дом, но не сад. Слава Господу! К счастью, Лоремари переехала в «Адлон». Отто уверен, что и он, как член семьи, на очереди, и попросил меня поехать с ним в «Адлон», так как если полиция его там уже ждет, то я смогу предупредить его жену Анн-Мари во Фридрихсру. Я так и сделала. Было уже за полночь. Отто внимательно осмотрел вестибюль, полку для писем и осведомился, спрашивал ли его кто-нибудь; но все было спокойно. Мы договорились, что я позвоню ему завтра утром в десять. Если мне скажут, что он ушел, я буду знать, что что-то случилось.

Среда, 2 августа. Я теперь сама живу в «Адлоне» с Лоремари Шенбург. Позвонила Отто Бисмарку вчера в условленное время. Все как будто было в порядке. Я также дозвонилась до Татьяны; Паул Меттерних благополучно вернулся в Кенигсварт. Я сказала ей, что скоро приеду.

Сегодня вечером опять был воздушный налет. Мы слишком устали и в убежище идти не хотели, но вдруг услышали два громких разрыва, натянули брюки и свитера и все-таки спустились в бункер. Все обитатели отеля, похоже, одевались в спешке; дирижер Караян, всегда такой нарядный, был бос, в военной полушинели и взлохмаченный.

Четверг, 3 августа. Лоремари Шенбург большую часть времени проводит теперь в штаб-квартире Гестапо на Принц-

Альбрехтштрассе, где она наладила «контакт». Речь идет об одном из адъютантов Гиммлера, с которым она когда-то была знакома. Она пытается вызнать у него, как обстоят дела у Готфрида Бисмарка и Адама Тротта. Он сообщает ей самые неутешительные сведения, говоря, что эти *«Schweinehunde»* [«мерзавцы»] поплатятся головой. Лоремари, которая умеет пускать в ход свои чары, спорит с ним, изображая невинность. На деле она хочет выяснить, нельзя ли подкупить кого-нибудь из тюремщиков. Она также пытается попасть к СС-обергруппенфюреру Вольфу, известному в качестве сравнительно не кровожадного эсэсовского генерала, ненадолго приехавшему из Италии, где он является заместителем фельдмаршала Кессельринга. Обергруппенфюрер Лоренц, считающийся, по «их» стандартам, порядочным человеком и занимавшийся главным образом расселением немцев, репатриированных из Восточной Европы, приходится дядей жене Алекса Верта — у него две очаровательных дочери, с которыми наш Джорджи когда-то часто виделся. Говорят, что он делает для Адама все, что может; но сейчас он не на очень хорошем счету, — возможно, именно потому, что он не так плох, как остальные. Но тоже поэтому от него, возможно, не будет особого толку. Во время одного из посещений Гестапо Лоремари наткнулась в коридоре на самого Адама. Он был в наручниках, должно быть, его вели на допрос; он ее узнал, но посмотрел сквозь нее. Лицо у него было такое, говорит она, как будто он был уже не от мира сего.

Однажды на лестнице Лоремари видела также посла фон Хассела. Он был в смирительной рубашке, и рука у него была на перевязи. Она обедала с ним за несколько дней до этого, и тогда ничего с рукой у него не было. Их, несомненно, пытают. Во время этих случайных встреч ни те, ни другие не подают вида, что друг друга знают.

Многих из арестованных, действительно, не только нещадно били, но и жестоко пытали; чаще всего использовалось завинчивание пальцев, поножи с шипами и даже средневековая «дыба». К чести заговорщиков 20 июля, сломались немногие. Этим объясняется то, что, несмотря на последовавшую кровавую баню, немало участников заговора выжило и что к моменту окончания войны Гестапо так о многом и не знало.

Хассел, вместе с графом Шуленбургом, упоминался в списке заговорщиков в качестве потенциального министра иностранных дел. После провала переворота, он несколько дней бродил по улицам Берлина, пока не вернулся к себе в бюро, где стал спокойно ожидать ареста. Большинство скрывшихся отказалось подвергать опасности своих друзей, прячась у них; другие прямо шли на арест, чтобы спасти родных от «кровной мести».

Сегодня утром я «работала» в министерстве, когда вошел Петер Биленберг. Он давний друг Адама. Он пришел к Алексу Верту, которого в этот момент не было. Мы уселись на лестнице, и я рассказала все. Он настаивал, что *должен* быть какой-то способ вызволить Адама. Он сказал, что его держат в тюрьме, но каждый день возят из тюрьмы на допрос в штаб-квартиру Гестапо на Принц-Альбрехтштрассе под конвоем одного лишь надзирателя. Следует просто устроить засаду на их автомобиль, после чего Адама переправят в Вартегау (т.е. в оккупированную немцами Польшу), где Петер управляет заводом, и спрячут у польских партизан, с которыми сам Петер связан. Какое облегчение слышать, что кто-то готов действовать и не боится вступить в борьбу с самими СС! Собственно, если учесть, как много офицеров, занимавших ключевые должности, участвовало в заговоре и что арестовать всех пока просто не смогли, это и впрямь выглядит осуществимым.

Вначале лица, замешанные в покушении 20 июля, содержались в подвалах штаб-квартиры Гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Но по мере увеличения их числа их переводили в так называемую Zellengefängnis Moabit [тюрьму Моабит] на Лертерштрассе, в двух с половиной километрах оттуда, и привозили их из этой тюрьмы на допросы.

Постепенно становится ясно, что переворот имел успех почти везде, кроме Берлина. В Париже все прошло удачно, все высшие эсэсовцы были арестованы, и заговорщики вот-вот должны были взять под свой контроль весь Западный фронт. Теперь генерал фон Штюльпнагель, командовавший войсками во Франции, попытался застрелиться, но не погиб, а только ослеп. Маршал фон Клюге, главнокомандующий Западным фронтом, вел в свое время длительные переговоры с Готфридом, но, кажется, его пока не трогают. Лоремари говорит, что Роммель тоже состоял в заговоре, но его машину обстреляли самолеты союзников незадолго до 20 июля и он сейчас все еще в госпитале.

В заговоре участвовали многие высшие офицеры на Западе, начиная с главнокомандующего Западным фронтом фельдмаршала Ханса фон Клюге и военного губернатора Франции генерала Хейнриха фон Штюльпнагеля. В 6.30 пополудни 20 июля генерал Бек позвонил последнему с Бендлерштрассе: «Вы с нами?» — «Конечно!» — ответил тот, и через несколько часов, без единого выстрела, 1200 важнейших руководителей из СС и Гестапо во главе с представителем Гиммлера во Франции, группенфюрером СС Карлом-Альбрехтом Обергом были взяты под стражу. Но когда позже той ночью — к этому времени уже стало известно, что Гитлер жив и что путч в Берлине проваливается, — окружение Клюге стало настаивать, чтобы он действовал дальше на

свой страх и риск и заключил перемирие с союзниками, он струсил и приказал освободить эсэсовцев. К полуночи путч кончился и в Париже. Вскоре Штюльпнагеля вызвали в Берлин. Зная, что его там ожидает, когда его автомобиль проезжал через Верден (где он сражался в Первую мировую войну), Штюльпнагель приказал шоферу остановиться, чтобы он мог «размять ноги». Вдруг шофер услышал выстрел, бросился на звук и увидел своего генерала с пистолетом в руке, ослепленного, но все еще живого. Невзирая на ранение, Штюльпнагеля заставили предстать перед «Народным судом». 30 августа 1944 г. его повесили вместе с несколькими другими членами «западной группы». Их судьбу предстояло разделить еще многим.

Фельдмаршал Роммель, долгое время один из любимых генералов Гитлера, неоднократно подвергался зондажу со стороны заговорщиков и несомненно сочувствовал их целям, но так и не дал согласие участвовать. Однако после высадки союзников в Нормандии он отправил Гитлеру ультиматум с требованием немедленно прекратить войну на Западе с тем, чтобы все силы сосредоточить на защите от наступающей Красной Армии. Через два дня, когда он возвращался с нормандского фронта, его автомобиль обстреляли самолеты союзников и он получил тяжелое ранение. Пока он выздоравливал, выявились его контакты с заговорщиками. 14 октября он, в свою очередь, получил ультиматум: покончить с собой или ожидать ареста и суда вместе с семьей. Роммель принял яд. Ради соблюдения приличий Гитлер устроил ему торжественные похороны.

В Вене тоже все прошло гладко, но заговорщики продержались только двое суток. За это время все участники так раскрылись, что практически никто не избежал ареста.

В Вене, как и в Париже, захват всех учреждений военными прошел успешно. Но когда через несколько часов местное командование осознало, что план «Валькирия» — это прикрытие для свержения нацистского режима, они струсили и сдались эсэсовцам и Гестапо.

В действительности, в противоположность тому, что думала Мисси, призывы заговорщиков к свержению режима не встретили положительного отклика нигде больше на территории Германии или в оккупированных немцами странах даже в рядах вооруженных сил.

Сегодня вечером Лоремари, Джорджи Паппенхайм, Тони Заурма и я собрались на ужин у Аги Фюрстенберг. Говяжья тушенка, даже виски — последние запасы Джорджи из Испании. Потом Тони отвез нас с Лоремари обратно в «Адлон». Благодаря своему ранению он все еще имеет право ездить на машине. Теперь без него никак не обойтись. Он всегда шутит, подбадривает, он такой надежный и мужественный. Как мало осталось таких, как он...

С самого момента ареста Адама я пыталась связаться с Хассо фон Эцдорфом, который, как я теперь узнала, рано примкнул к Сопротивлению. Вот почему он держался так осторожно, даже со мной. Я слышала, что он в городе, и надеялась, что он что-нибудь придумает. Несколько дней назад он проезжал мимо меня на машине по Курфюрстендам, остановился и вышел поздороваться со мной. Потом, взяв меня под руку, он провел меня через развалины на заднюю лестницу разбомбленного дома известного фотографа Вога. Только там мы заговорили. Он подтвердил слух, что у Фрици Шуленбурга были списки участников и их будущих ролей. Безумие! Я сказала, как отчаянно я старалась с ним связаться и как я на него рассчитываю. Хуже всего то, ответил он, что не осталось никого на сколько-нибудь влиятельном посту, к кому можно было бы обратиться. Он все время осматривался и прекращал разговор при любом постороннем звуке. Он обещал навестить меня в ближайшие дни, но с тех пор от него ни звука.

КЕНИГСВАРТ. *Суббота, 5 августа.* Сегодня утром я села на ранний поезд в Кенигсварт, где предполагаю пробыть столько, сколько позволит мой отпуск по болезни.

Воскресенье, 6 августа. Приехал Ханзи Вельчек, проходящий военную подготовку неподалеку от Дрездена, он проведет с нами уикэнд. Его жена Зиги здесь все лето, она лечится вместе с Татьяной. Большую часть времени мы лежим на солнышке на острове и говорим о 20-м июля. Паул Меттерних угощает нас своими лучшими винами, и Ханзи толстеет на глазах. К чаю во двор въехал огромный лимузин. Танхофер, верный мажордом и секретарь Паула, забаррикадировал все двери. Мы были уверены, что это полиция. Татьяна пошла вниз их встретить, стараясь выглядеть беззаботно. Распахнулась дверь, и появилась Рени Стиннес, сестра Зиги. Она приехала на машине своего дружка. Он довольно симпатичный левантинец, торгует на черном рынке или что-то в этом роде. Рени выпила с нами чаю и рассказывала о Будапеште, куда она только что ездила обновить свой гардероб. По ее рассказам, это просто оазис.

Вторник, 8 августа. Во всех сегодняшних газетах извещение на первую полосу: фельдмаршал фон Вицлебен, генерал-лейтенант фон Хазе, генерал-полковник Хепнер, генерал-майор Штиф, граф Петер Йорк фон Вартенберг и другие — всего восемь человек — вышвырнуты из армии и предстанут перед этим жутким *Volksgericht* [Народным судом]. Это явно означает, что их приговорят к смерти — или расстрелу, или повешению. Обвиняются они в измене родине. Никто другой из знакомых нам арестованных не упоминается. Это дает нам крохотную надежду на то, что власти стараются не делать слишком большого скандала.

Уже 24 июля Мартин Борман предупредил всех гауляйтеров, что Гитлер не желает, чтобы высказывания по поводу неудавшегося переворота превратились в тотальные гонения на весь офицерский корпус. Следует изобразить покушение как изолированный акт, а не как широкий заговор. Со своей стороны, старшие генералы немедленно сделали все, чтобы предотвратить возможные нападки на вооруженные силы в целом. 4 августа специальный суд чести, возглавляемый весьма уважаемым фельдмаршалом Гердом фон Рундштедтом, лишил мундира всех военнослужащих, замешанных в заговоре, тем самым отдав их в руки палача.

Радио союзников делает невесть что: они называют имена людей, которые, как они утверждают, участвовали в заговоре. А между тем многие из них пока официально к заговорщикам не причислены.

Я помню, как я предупреждала Адама Тротта, что это произойдет. Он все надеялся, что союзники поддержат «порядочную» Германию, а я говорила, что они поставили себе цель уничтожить *любую* Германию, не задумываясь истребить «хороших» немцев вместе с «плохими».

Автору настоящих комментариев оказалось исключительно трудно получить точные сведения об этих британских радиопередачах, безусловно оказавшихся роковыми для многих, кто в противном случае мог бы остаться в живых. Сэр Хью Грин, впоследствии глава Би-Би-Си, а во время войны — руководитель немецкого отдела этой вещательной корпорации, утверждал, что ничего о них не знает. Материалы германских радиоперехватов — те совершенно секретные розовые «Abhorberichte», о которых кое-где упоминает Мисси, — найти не удалось. Не обнаружены и сами тексты передач. Записи Сефтона Делмера, отвечавшего за «черную» пропаганду на Германию, которая велась на германских волнах Органами политической войны (PWE), были уничтожены после войны. Тем не менее в том, что эти роковые передачи были, нет никаких сомнений. Как пишет Кристабел Биленберг, жена Питера, в своем бестселлере «Прошлое — это я»: «Утешения не было нигде... Недальновидная удовлетворенность Черчилля тем, что «немцы убивают немцев»; или эта бойкая команда с радиостудии «Солдатензендер Айнс», которая всегда нас так смешила, но тут вдруг начала с жутковатым бойскаутским весельем загонять гвозди в крышки гробов, причисляя всех, кто только приходил на ум, к тому, что они именовали «заговором за мир»...» До недавнего времени ближе всех в Англии к признанию существования этих передач и их назначения подходили Майкл Бальфур и сам Сефтон Делмер. «В то же время, — пишет Бальфур, — «Солдатензендер Кале» (другая станция «черной» пропаганды), давая пищу для слухов о замешанных в заговоре лицах, многое сделала также и для того, чтобы посеять недоверие между

партией и армией, что было единственным бесспорным результатом...» (Майкл Бальфур. «Пропаганда в войне. 1939—1945», Лондон, 1970). «Солдатензендер Айнс» и «Солдатензендер Кале» вели на германских длинах волн «черную», т.е. деморализующую пропаганду на Германию. Они подчинялись Министерству информации в Лондоне.

Делмер в своих мемуарах высказывается гораздо определеннее; он вспоминает, что давал своим сотрудникам следующие инструкции: «Не забудьте, мы должны впутать в это дело как можно больше офицеров...» Далее он добавляет с явным удовлетворением: «Одна из наших целей заключалась в том, чтобы упомянуть в связи с заговором тех немецких офицеров, на которых мы хотели навлечь подозрения Гестапо и СД... К тому времени, когда полностью прошли в эфир все наши сообщения об этом событии, мы сумели представить в качестве участников «путча за мир» столько чинов из вермахта, МИД и вообще администрации, что количество названных имен почти сравнялось с общим фактическим числом заговорщиков, которое стало известно после победы союзников над Гитлером в 1945 году...» («Черный бумеранг», Лондон).

Отметим, что определенную ответственность за эти передачи, возможно, несло само Сопротивление, преувеличивавшее количество и влиятельность своих сторонников с целью произвести на союзников впечатление.

Двусмысленное отношение союзников к немецкому антинацистскому Сопротивлению, столь обескураживавшее заговорщиков до 20 июля, сохранялось и после провала переворота. В то время как поддерживаемый Советами «Национальный комитет за свободную Германию» уже 23 июля призвал вермахт и гражданское население поддержать движение, несмотря на то, что оно уже потерпело поражение, англичане и дальше уклонялись от какой-либо четкой позиции. Лишь недавно автор настоящих комментариев получил свидетельство очевидца, бывшего служащего Би-Би-Си, принимавшего непосредственное участие в подготовке передач. Из этого свидетельства явствует, что спустя день или два после неудавшегося июльского путча немецкий отдел Би-Би-Си, по распоряжению самого Хью Грина (!) и на основании длинного списка, вероятно, составленного Органами политической войны, также выпустил в эфир сообщение, где упоминались высокопоставленные лица, которых желательно было скомпрометировать как заговорщиков. В списке значился, в частности, генерал-полковник Бек. До того момента сами нацисты назвали только одно имя — графа Штауфенберга. Само собой разумеется, что многие из упомянутых были вскоре казнены.

Через некоторое время Би-Би-Си получила распоряжение интерпретировать события не как начало гражданской войны (что она начала было делать), а всего лишь как свидетельство того, что немецкие генералы, сознавая неизбежность поражения, сочли дальнейшие военные действия бессмысленными.

Итак, британская «психологическая война» д е ф а к т о *помогла Гестапо разгромить антинацистское подполье и тем самым, возможно, способствовала продлению войны. Но все это, несомненно, было лишь логическим следствием отказа союзников проводить различие, по выражению Мисси, между «хорошими» и «плохими» немцами и их сознательного курса на уничтожение Германии — л ю б о й Германии — как крупной европейской державы, курса, который сформулировал Уинстон Черчилль, когда Брендан Брэкен сообщил ему о бомбе Штауфенберга: «Чем больше немцы убивают друг друга, тем лучше».*

Трагическая ирония этого рокового курса состояла в том, что за последние 10 месяцев правления Гитлера на полях сражений в Европе, в воздушных налетах и в нацистских лагерях смерти погибло, вероятно, больше людей, чем за все четыре предшествующих года войны — и не только немцев, но и союзников тоже.

Среда, 9 августа. Паул Меттерних получил открытку от Альберта Эльца, который только что пробыл несколько часов в Берлине. «Дорогой Паул. Я в Берлине. Нахожусь в совершенном отчаянии. Какая трагедия! Какой ужас! Рухнули все наши надежды. Что ты скажешь о покушении на жизнь Фюрера? Хвала Провидению, наш великий вождь вновь спасен. Твой любящий Альберт!»

Пятница, 11 августа. Газеты сообщают подробности о первом заседании фольксгерихта и о допросе первой группы обвиняемых. Большая часть их ответов, в том виде, в каком они напечатаны, представляется чистейшей выдумкой — по образцу сталинских показательных процессов. Иногда эти ответы совершенно несуразны, и их явная цель — представить заговорщиков в смехотворном виде в глазах нации. Председатель суда, некто Фрайслер, циничная сволочь. Его никто не забудет.

Все обвиняемые приговорены к повешению. Генерал фон Хазе и его семья были нашими близкими друзьями; особенно часто с ними виделась Мамá. Они даже приезжали сюда. Граф Йорк был близким другом Адама Тротта. Все его братья и сестры тоже арестованы, за исключением одной — вдовы покойного посла фон Мольтке.

Бывший некоторое время марксистом (его обратили в марксистскую веру в сибирском лагере военнопленных в Первую мировую войну), д-р Роланд Фрайслер (1893—1945) принимал участие в роковом Ваннзейском совещании 20 января 1942 г., которое открыло путь к «окончательному решению» еврейского вопроса в оккупированной немцами Европе. В августе 1942 г. он был назначен председателем фольксгерихта, трибунала, созданного для рассмотрения — при закрытых дверях и без права обжалования — дел обвиняемых в преступлениях против Третьего Рейха.

Гитлер лично разработал принципы судопроизводства: «Главное — чтобы им не позволялось произносить длинные речи. Но Фрайслер за этим присмотрит. Он наш Вышинский!» — имелся в виду сталинский главный обвинитель на московских показательных процессах. Чтобы обвиняемые выглядели в глазах специально подбиравшейся публики комичнее, у них отбирали галстуки, подтяжки и брючные ремни, — тем самым давая Фрайслеру возможность насмехаться над тем, как некоторые из них поддерживали на себе брюки.

По сигналу Фрайслера пускались в ход скрытые камеры, после чего он начинал визгливо поносить обвиняемых, чтобы деморализовать их и произвести впечатление на зрителей — особенно на самого Гитлера, которому немедленно доставлялась проявленная пленка. Инженеры жаловались, что из-за этого крика на звуковой дорожке ничего нельзя разобрать. Его насмешки и вульгарные оскорбления шокировали даже министра юстиции д-ра Тирака (который был сам ответственен за большую часть преступных уголовных законов Третьего Рейха: позже он покончил с собой в плену у союзников); он пожаловался Мартину Борману, что поведение Фрайслера «весьма сомнительно и наносит ущерб серьезности этого важного акта». Первоначально Геббельс предполагал показать весь процесс в еженедельной кинохронике, но первый же показ произвел такое отрицательное впечатление даже на избранную нацистскую аудиторию, что эту идею оставили. Сохранилась только одна копия всего фильма — в Восточной Германии, где ее обнаружили лет через тридцать и показали потрясенной аудитории по западногерманскому телевидению в июле 1979 г.

Суббота, 12 августа. Получила письмо от Марии Герсдорф. Пишет в самых завуалированных выражениях. Очевидно, многое не может сказать... «Все так грустно и неутешительно...» Я не теряю надежды, что она имеет в виду первый процесс, но тем не менее очень тревожусь.

Приехала из Карлсбада Антуанетт Крой с мужем. Она сообщила нам последние сведения из Парижа. Она часто виделась там с Джорджи. Оказывается, он предложил достать ей через свои связи в Сопротивлении поддельное удостоверение личности, чтобы она могла расторгнуть свою помолвку и остаться во Франции до конца войны. Он даже привез это удостоверение на вокзал, когда она уезжала, в надежде, что в последний момент она передумает!

Пятница, 18 августа. Плавали голыми в озере. Живем тихонько и с виду беззаботно, но постоянное беспокойство, как железный обруч, который стягивает голову все туже и туже. Мой отпуск, пошедший, как я полагаю, на пользу моему здоровью, заканчивается через три дня. Как ни странно, я этому рада, потому что тишина здесь невыносима. Кроме того, иногда бывает трудно с родителями, которые часто не проявляют понимания,

возможно, потому что ничего не знают, но начинают что-то подозревать, беспокоятся за меня и требуют полной откровенности. А я им почти ничего не рассказываю, чтобы их не расстраивать, и от этого делается еще хуже.

БЕРЛИН. *Вторник, 22 августа.* Приехала в Берлин сегодня рано утром и сразу пошла к Марии Герсдорф. Она завтракала. Я спросила ее, какие новости. Она взглянула на меня в изумлении. «Так ты не знаешь? Адам, Хафтен, Хельдорф, Фрици Шуленбург и многие другие были приговорены к смерти и повешены в прошлую пятницу!» Я сейчас же позвонила Лоремари Шенбург, но она не могла выговорить ни слова, сказала лишь, что немедленно приедет. Мария сказала, что теперь все усилия Лоремари направлены исключительно на то, чтобы выяснить, где находится наш граф Шуленбург. Он исчез вчера вечером.

Пришла Лоремари, мы сидели на ступеньках и невидящими глазами смотрели на окружающие развалины. Она парализована происшедшим. Однако она не уверена, что Адама действительно повесили. Ходит слух, что он единственный, чью казнь отложили.

11 августа Министерство иностранных дел было извещено о том, что Тротта приговорят к смерти на ближайшем заседании Народного суда, во вторник 15-го или в среду 16 августа. Но позже Мартину Борману сообщили, что «поскольку Тротт несомненно многого не сказал, смертный приговор, вынесенный Народным судом, не приведен в исполнение, с тем, чтобы (осужденного) можно было использовать для дальнейшего выяснения обстоятельств».

Тони Заурма присутствовал на процессе, что уже само по себе удивительно, так как допускают только специально отобранных зрителей. Лоремари ждала снаружи в машине. Когда он вышел, он не выдержал и заплакал. Все обвиняемые признали, что хотели убить Гитлера. Хафтен сказал, что если бы он мог, то попытался бы сделать это снова. Он назвал Гитлера бичом Германии и величайшим злодеем, который привел страну к пропасти и отвечает за ее крушение. Судья Фрайслер спросил его, понимает ли он, что то, что он говорит, — это государственная измена. Хафтен ответил, что он знает, что будет повешен, но взгляды его от этого не меняются.

Хотя на самом деле Ханс-Бернд фон Хафтен был против убийства Гитлера по этическим соображениям, в отличие от Тротта, он, по-видимому, никогда не сомневался, какова будет его судьба, если переворот закончится неудачей. Поехав за город и попрощавшись с семьей, он вернулся в Берлин, где его арестовали одним из первых.

Адам сказал, что Гитлер пришел к власти обманным путем и что многие присягали ему против воли. Он сказал, что хотел положить конец войне, и признал, что вел за границей переговоры с представителями враждебных держав. Хельдорф сказал, что желал свержения Гитлера со времени Сталинграда, что он является угрозой для страны.

Тони говорил, что все они были бледны, но трудно было сказать, пытали ли их. Я уверена, что пытали, поскольку при последней нашей встрече Адам сказал мне, что будет все отрицать, для того чтобы выпутаться и начать все снова. Но может быть, доказательства их вины неопровержимы.

Я добрела до министерства и поднялась к Джаджи Рихтеру и Алексу Верту, которые были одни. Мы говорили только шепотом. Алекс сказал, что он *знает*, что Адам еще жив, так как они установили контакт с одним полицейским, присутствующим при казнях. Все остальные мертвы. Хельдорфа повесили последним, чтобы он видел, как умирают остальные. Оказывается, их не просто вешают, а медленно душат фортепианной струной на крюках мясников, и что к тому же им делают инъекции сердечных стимуляторов, чтобы продлить агонию. Утверждают, что умерщвление снимается на пленку и Гитлер открыто злорадствует, просматривая эти фильмы у себя в ставке.

Казни происходили в тюрьме Плетцензее, недалеко от тюрьмы на Лертерштрассе, где содержалось большинство осужденных. Поскольку в Германии не было виселиц (обычно казнили путем отсечения головы), то к железной балке, имевшейся в потолке камеры для казней — отдельного сооружения в пределах тюремного комплекса, — прикрепили обыкновенные крюки для подвешивания мясных туш. Казни снимали на пленку, освещая камеру софитами. На них присутствовали Главный прокурор рейха, несколько охранников, два кинооператора и палач с двумя своими помощниками. На столе стояла бутылка коньяка — для зрителей. Осужденных вводили по одному; палачи надевали им на шею узел (Гитлер распорядился заменить веревку фортепианной струной, чтобы смерть наступила не от перелома шеи, а от медленного удушения); и пока они бились и дергались, некоторые целых двадцать минут, а кинокамеры стрекотали, палач — известный своим циничным юмором — отпускал непристойные шуточки. Потом пленку доставляли в ставку Гитлера, чтобы тот мог потешить себя. (Зато один из кинооператоров сошел с ума!) Здание тюрьмы Плетцензее теперь мемориал.

Жену Адама Клариту тоже арестовали. Ей не позволили увидеться с Адамом после того, как ему вынесли приговор. Я мало ее знала, так как последние несколько лет она жила больше за

городом со свекром и свекровью. Их девочек тоже взяли гестаповцы, и никто не знает, где они находятся, но Алекс развернул бешеную деятельность, чтобы их вызволить.

Узнав об аресте Адама, его жена Кларита помчалась в Берлин в надежде увидеть его, но тщетно; в ее отсутствие гестаповцы забрали их дочек, одной из которых было два с половиной года, другой — девять месяцев. В день суда над Адамом Алекс Верт попытался провести ее в здание суда, но их увидела уборщица и донесла на них эсэсовскому охраннику. Последний, к ее удивлению, попробовал наоборот помочь ей пройти — но безуспешно. Когда она тем не менее поблагодарила его, он пробормотал: «Мы все понимаем!» Через два дня и Клариту арестовали.

Теперь я живу у Лоремари в квартире Тони в двух шагах от Курфюрстендам. В квартире две комнаты, где почти нет мебели — только два дивана, а также кухня и ванная. Тони мечется между своей ротой, расквартированной за городом, и Берлином — главным образом для того, чтобы не спускать глаз с Лоремари, которая, по его убеждению, следующая на очереди. Он даже боится оставлять нас одних по ночам. Нам не хватает постельного белья, но стоит такая жара, что это не важно.

Лоремари действительно в большой опасности; она ходит в штаб-квартиру Гестапо практически каждый день, пытаясь что-нибудь разузнать. Отто Бисмарк установил контакт с инспектором Гестапо, в ведении которого находится досье Готфрида; тот сказал, что дело Готфрида «очень серьезное»; Фюрер, сказал он, к замешанным в 20 июля безжалостен до одержимости; он каждый день звонит в штаб-квартиру Гестапо узнать, скольких еще повесили. Человек, с которым там контакт у Лоремари, говорит, что когда Гестапо хочет выиграть время — а именно так они, видимо, поступают в некоторых случаях для того, чтобы побольше узнать о заговоре, — Фюрер впадает в бешенство и требует, чтобы они поспешили.

Я подумывала переехать к Бредовам в Потсдам, хотя Ханны, сестры Готфрида, там нет, но только что узнала, что трое из сестер Бредов тоже арестованы. Сначала забрали Филиппу, приятельницу молодого Хафтена, ей девятнадцать лет; потом позвонили двадцатилетней Александре, попросили привезти одеяло для сестры, и арестовали и ее; потом позвонили третьей, Диане, которая нахально спросила, не практичнее ли будет привезти постельные принадлежности сразу для всей семьи. Ей сказали: да, пожалуй. Пока не тронули одну Маргерит, работающую врачом в больнице. Ее все время вызывают в Гестапо, но когда начинают задавать вопросы, она держится возмущенно и возражает, что у нее осталась без присмотра целая палата раненых. Из братьев старший на фронте, остальные еще слишком молоды.

Среда, 23 августа. Сегодня газеты опубликовали длинный отчет о суде над Адамом Троттом, после которого все осужденные, как утверждается, были незамедлительно казнены. Адама назвали «советником Штауфенберга по иностранным делам». Странно, что даты, указанные в этих сообщениях прессы, редко совпадают с действительными — вероятно, это делается с целью ввести в заблуждение всякую еще сохранившуюся оппозицию. После этого сообщения табличку с фамилией Адама наконец сняли с двери его кабинета, а вместо нее повесили чью-то другую. Мне делается дурно, когда я на нее смотрю. Стараюсь не смотреть. Я вообще стараюсь по возможности не ходить на его этаж. Его машина все еще стоит в саду, ею никто не пользуется, она уже выглядит запущенной. Однако Алекс Верт говорит мне, что, по его мнению, он все еще жив, хотя д-ру Сиксу официально сообщили, что его действительно повесили 18-го вместе с остальными.

Лоремари Шенбург начала новый подкоп. Какой-то полковник люфтваффе, живущий в Каринхалле, загородной усадьбе Геринга, беседовал с ней целую ночь. Он думает, что обратит ее в национал-социалистки, а она тем временем пытается убедить его, что было бы весьма полезно, если бы она увиделась с Герингом. Последний некоторое время нигде не показывается и пока что отказывает во встрече даже Отто Бисмарку, у которого он часто охотился во Фридрихсру. Он, по-видимому, страшно боится оказаться как-либо причастным к недавним событиям.

У Мелани Бисмарк в тюрьме был выкидыш, и сейчас она лежит в Потсдамской больнице под охраной. Никому не позволяют видеть ее, но можно поговорить с медсестрой.

О графе Шуленбурге нет никаких известий с тех пор, как в прошедший вторник он исчез. В понедельник он звонил Лоремари из «Адлона», куда только что приехал из ставки Гитлера. Она пообедала с ним и рассказала обо всем, что произошло. По его словам, он был не в курсе, новости сильно расстроили его, особенно известие об Адаме. Они прошлись по вестибюлю отеля под злобным взглядом посланника Шлайера (что не очень благоразумно с их стороны!) и договорились снова пообедать вместе на следующий день. Лоремари явилась в назначенное время, но его не было. Тогда она позвонила на Вильгельмштрассе, но там его сотрудники ничего не знали, где он, и сами начинали уже беспокоиться, так как они ожидали его с утра. Мы уверены, что он арестован. Но в какую тюрьму его поместили?

Герделера пять дней назад узнала одна *Blitzmädchen* [девушка из женской вспомогательной службы армии], она донесла на него, и его арестовали. Он скрывался в какой-то деревне в Померании. Мы подозреваем, что Адама пока не казнят именно из-за него (они были в тесном контакте) и что им устраивают перекрестный допрос. Если бы только Адам вовремя уехал за границу! И как мог

Герделер надеяться укрыться в Германии, если за его поимку предложили миллион марок?

Ордер на арест Герделера был выдан еще до попытки переворота, 17 июля. Его предупредили, и он скрылся сначала в Берлине (один из его укрывателей, еврей, бывший заместитель мэра Берлина д-р Фриц Эльзас, заплатил за это своей жизнью), потом за городом. Арестованный 12 августа, он был приговорен к смерти 8 сентября, но оставался в живых еще пять месяцев за счет того, что по капле выдавал «разоблачения» и писал бесчисленные показания о планах на будущее Германии, якобы составлявшихся заговорщиками. В конце концов Гестапо разгадало его игру, и 2 февраля 1945 года он тоже был казнен.

Я пойду на все, чтобы выцарапать Адама и Готфрида, и графа Шуленбурга тоже, если понадобится. Просто невозможно больше вести такое пассивное существование, покорно ожидая, пока упадет секира. Теперь, когда арестовывают родных и даже друзей заговорщиков, многие так напуганы, что достаточно упомянуть при них чье-то имя, и они отводят глаза. Я решила испробовать новый подход: я попытаюсь добраться до Геббельса. Лоремари тоже считает, что через Геббельса можно кое-чего добиться, хотя бы уже потому, что он умен и, должно быть, понимает безрассудство всех этих казней. Я не очень представляю себе, как к нему подступиться, потому что моя единственная знакомая, которая хорошо его знает, фрау фон Дирксен, немедленно сообразит, что к чему. Может быть, лучше сделать вид, что я хочу получить роль в фильме. Поэтому я позвоню Дженни Джуго, она одна из самых популярных немецких кинозвезд.

Четверг, 24 августа. Сегодня утром я позвонила Дженни Джуго. Когда я ее молила о немедленной встрече, она встревожилась. Она сказала, что снимается на студии УФА в Бабельсберге и что если я поеду на трамвае, то она пошлет машину довезти меня. Я приехала взмыленная и была доставлена на студию странного вида юношей с длинными белокурыми волосами и в яркой рубашке. Дженни я застала в момент съемки, с молодым человеком у ног, он страстно приник к ее коленям. К счастью, эпизод снимался недолго, вскоре она прошла к себе переодеться. Костюмершу она отослала, чтобы мы могли поговорить, но и после этого мы разговаривали только шепотом.

Я сказала, что мне *нужно* видеть Геббельса и что она *должна* устроить мне встречу с ним. Она ответила, что если это абсолютно необходимо, то она, конечно, это сделает, но сама она с ним в ссоре и не встречалась уже два года. «А что, неприятности у Татьяны или у Паула Меттерниха?» — «Не у них», — сказала я. Она облегченно вздохнула. «У моего началь-

ника», — я объяснила, что его приговорили к смерти, но мы подозреваем, что он еще жив, и надо действовать быстро. В конце концов, Геббельс был героем дня — это ведь он подавил восстание! Я скажу ему, что Германия не может позволить себе терять так много исключительно одаренных людей, которые могли бы принести стране столько пользы, и так далее. Дженни спокойно выслушала все это, а потом повела меня в сад. Там она взорвалась: моя идея — полное безумие! Геббельс — абсолютный мерзавец, он не станет помогать *кому бы то ни было. Ничто* не заставит его и пальцем пошевелить *ни для кого* из них. Когда повесили Хельдорфа, он отказал во встрече его сыну, который пришел просить об отсрочке казни — они когда-то вместе вступали в партию, — и у него даже не хватило порядочности сказать, что его отца уже нет в живых. Она сказала, что это жестокий, порочный садистишка, что его ненависть ко всем замешанным в покушении на Гитлера просто невероятна, что у него утробное отвращение ко всему, за что они стоят, что он самый последний подонок, и что если я хотя бы мимоходом попадусь ему на глаза, то окажется втянутой вся семья, арестуют Паула, и мне самой несдобровать. Она умоляла меня отказаться от этой затеи и добавила, что студия УФА кишит стукачами Геббельса, которые вынюхивают потенциальных изменников среди актеров. Два дня назад был политический митинг, и когда в зале появился Геббельс, то на предназначенной для него красной трибуне красовалась сделанная мелом надпись по-французски «*Merde*» [«говно»], и никто не осмелился подойти и стереть ее. У нее самой прослушивается телефон, она каждый раз слышит щелчок. Целуя меня на прощанье, она сказала мне на ухо, что если кто-нибудь спросит о цели моего приезда, то она объяснит, что я хотела сниматься.

Я вернулась в город окончательно обескураженной и без сил. В квартире я застала Лоремари Шенбург и Тони Заурма, Лоремари была в полной истерике. Я ни разу не видела ее в таком состоянии. Она сказала, что днем приходила полиция; оказалось, что соседи донесли, что у нас плохое затемнение, но несмотря на пустячность повода, Лоремари вдруг испугалась. У Тони новости похуже: фельдмаршал фон Клюге, немецкий главнокомандующий на Западе, покончил с собой, а это означает, что их пытают и кто-то его выдал, так как практически никому не было известно, что он участвует в заговоре.

Робость Клюге в день неудавшегося путча ему не помогла. Хотя он был одним из наиболее прославленных и ценимых Гитлером военачальников, обнаружились его тесные связи с заговорщиками. Будучи отстранен от командования и отозван в Германию 17 августа, он понял, что его тоже отдадут под суд, и покончил с собой по дороге.

Лоремари вела себя все более и более истерично. Никто из нас, сказала она, не выпутается; они делают такие уколы, которые парализуют силу воли и заставляют говорить. Она умоляла меня выйти замуж за Перси Фрея и немедленно уехать в Швейцарию. Ей вторил Тони, он сказал, что готов увезти ее с собой в Швейцарию, как только она пожелает, поскольку сам он собирается бежать в конце недели; но сперва он должен съездить в Силезию за кое-какими ценными вещами. Дело в том, что Тони начинает волноваться и за себя: кто-то донес на него, что он в пьяном виде стрелял в портрет Фюрера в офицерской столовой. Лоремари сказала, что она не уедет с ним, пока он на ней не женится, иначе ее родителей хватит удар. При всем драматизме ситуации я нахожу эту внезапную заботу о приличиях довольно комичной. Тони категорически отказался, заявив, что они могут подумать об этом позже. Атмосфера сгущалась, напряжение росло, и скоро за кухонным столом все были в слезах. Тони вскочил и начал шагать взад и вперед, говоря, что не может больше выносить это напряжение и слезы и что он твердо намерен дать деру. Я сказала, что они могут делать все, что угодно, но что касается меня, то я остаюсь, и Лоремари следовало бы сделать то же самое; в Швейцарии она не будет получать известий от своих родных до самого конца войны; эта перспектива привела ее в ужас. В конце концов мы все решили остаться.

Затем Тони пришел ко мне в комнату и рассказал мне все о суде над Адамом. Адам заметил его, долго пристально смотрел на него, но ничем не подал виду, что узнал, а затем стал наклоняться вперед и назад, как бы покачиваясь. Он был без галстука, чисто выбрит и очень бледен. Тони весьма внимательно обследовал зал суда и пришел к выводу, что отбить кого-либо силой там совершенно невозможно. Даже так называемая «публика» состояла в основном из головорезов и полицейских, причем вооруженных. Он ушел из зала еще до оглашения приговора, зная с самого начала, каким он будет.

Сейчас каждую ночь налеты, но Тони устроил нам пропуск в служебный бункер фирмы Сименса, что через дорогу. У них чудесный подвал глубоко под землей, там чувствуешь себя в полной безопасности. Мы обычно пережидаем налеты вместе с ночной сменой; один из рабочих — симпатичный француз, и мы вместе мечтаем вслух о том, как прекрасен будет снова Париж, когда война кончится.

Пятница, 25 августа. Лоремари Шенбург оправилась от краткого приступа отчаяния и снова готовится в поход. Мы наконец выяснили, что место их заключения — военная тюрьма — находится возле станции Лертер. Она уже побывала там и с помощью сигарет, добытых Перси Фреем, подкупила одного из охранников, который согласился передать Готфриду Бисмарку

записку на крохотном кусочке бумаги. Он даже принес ответ, в котором Готфрид жаловался на паразитов, просил прислать порошок от вшей и немного еды, так как им дают только черный хлеб, а он у него не усваивается. Он не получил ни одной передачи, так что, видимо, единственная альтернатива — каждый день приносить ему бутерброды. Лоремари хочет спросить охранника, не находится ли там также и Адам Тротт, но следует проявлять осторожность, поскольку официально его нет в живых и любое необдуманное проявление любопытства может насторожить их и затруднить бегство или даже ускорить его казнь.

Многие, включая Лоремари, шокированы тем, что я так радуюсь, что Адам, возможно, еще жив. Гораздо лучше быть мертвым, говорят они, чем ежедневно подвергаться пыткам. Но я не соглашаюсь и продолжаю надеяться на чудо.

Вдруг я подумала о Петере Биленберге и его плане устроить засаду на автомобиль, которым Адама возили на допросы в штаб-квартиру Гестапо. Когда он тогда приходил в министерство, он был так полон надежды и оптимизма. Сегодня я поехала автобусом к нему домой, в Далем. Мне открыла девушка, которая подозрительно оглядела меня, преградила дорогу и отказалсь вступать в разговор; она только сказала, что Петера нет и некоторое время не будет. Я почувствовала, что она знает больше, чем говорит, но не доверяет мне, поэтому я сказала ей, что я из Министерства иностранных дел и что я работала с господином фон Троттом. Выражение ее лица изменилось, она ушла в глубь дома, и ко мне вышла другая девушка. Эта оказалась более дружелюбной; она сказала мне, что Петер пропал, не видели его и на фабрике за городом, где он работает. Я попросила дать мне его адрес, так как мне необходимо срочно с ним встретиться. Она сказала, что охотно верит, но писать нет никакого смысла, поскольку письма все равно не дойдут. Что означало, что он тоже арестован.

Я ушла совершенно растерянная. В ожидании автобуса я уселась на обочине, от усталости и огорчения не в состоянии даже стоять. Куда ни пойду, все исчезают один за другим; не осталось никого, к кому можно было бы обратиться за помощью. Сейчас арестовывают тех, кто был просто знаком с заговорщиками или работал с ними в одном учреждении. Не знаю, был ли сам Петер активным участником заговора, но в Геттингенском университете он и Адам принадлежали к одному и тому же братству и были близкими друзьями. Одного этого достаточно, чтобы его скомпрометировать.

Петер Биленберг был в то время директором фабрики в Польше, оккупированной Германией. Узнав 25 июля об аресте Тротта, он поспешил в Берлин, чтобы организовать его спасение; именно тогда он

обсуждал свой план с Мисси. Но не успел он вернуться в Польшу, чтобы окончательно доработать этот план, как его самого арестовали и поместили в ту же тюрьму на Лертерштрассе.

И тут я вспомнила про Клауса Б. Хотя в прошлом я всегда уклонялась от чрезмерно приятельских отношений с ним, потому что не была уверена, какую игру он ведет, теперь я решила, что если он действительно работает там, где я подозреваю, то он единственный, кто может мне помочь. Вернувшись в город, я нашла еще действующий пока телефон-автомат и позвонила к нему на работу. Я сказала, что должна срочно увидеться с ним. Он велел мне ждать его у станции Цоо. Мы прошли мимо разрушенной церкви Гедехтнискирхе по улице Будапештерштрассе; я рассказала ему все. Когда я кончила, он остановился и, глядя на меня с лукавой улыбкой, сказал: «Так вы думаете, что я один из *них*?» — «Я *надеюсь*, что это так, — выпалила я, — потому что тогда вы, возможно, сумеете что-нибудь сделать!» Он тут же посерьезнел и сказал, что постарается выяснить, как обстоят дела, и если хоть что-то сделать *можно*, то я могу на него положиться. Мы договорились встретиться завтра у разрушенного отеля «Эден».

Суббота, 26 августа. Сегодня я спросила посланника Шлайера, нельзя ли меня уволить, поскольку я хочу поступить в Красный Крест и стать медсестрой. Ведь если что-нибудь случится с Джаджи Рихтером и Алексом Вертом — моими последними друзьями здесь, — то я останусь один на один с этой шайкой. Единственная проблема заключается в том, что это может быть воспринято как жест солидарности с теми, кого уже «ушли». Ответ Шлайера был малоутешителен: доктор Сикс, сказал он, никого не отпускает по собственному желанию. Видимо, единственный выход — снова заболеть.

После работы я поспешила к отелю «Эден». Клаус Б. прохаживался туда и обратно с довольно большим газетным свертком подмышкой. Без единого слова он подвел меня к скамейке в том, что осталось от парка Цоо. Удостоверившись, что вблизи никого нет и нас не услышат, он сказал, что навел справки, что сделать решительно никто ничего не может, а тем более кто-либо вроде меня; что Гитлер жаждет мести; что никому из замешанных в этом деле не спастись; что все так напуганы, что даже те, кто мог бы оказать смягчающее влияние, не пошевельнут и пальцем, чтобы не вызвать на себя подозрение. Далее он сказал, что все, кто имел какие-либо связи с кем-либо из заговорщиков, находятся под наблюдением и что я сама сейчас в величайшей опасности; что при их методах допроса меня могут заставить говорить и выдать других, которые еще находятся на свободе, и мне необходимо избежать ареста любой ценой. Тут он приоткрыл уголок свертка,

и я увидела небольшой пистолет-автомат. «Если за вами придут, без колебаний расстреляйте их всех и бегите что есть сил. Поскольку это будет для них неожиданностью, вам, может быть, и удастся удрать...» Я не могла сдержать улыбку. «Нет, Клаус. Если мои дела действительно так плохи, то лучше я не стану усугублять свое положение еще и обвинением в убийстве...» Он был искренне разочарован.

Простившись с ним, я поехала в Потсдам за кое-какими своими вещами, остававшимися в Регирунге; я поговорила с обеими горничными. Они сказали, что на Мелани Бисмарк кто-то в их поместье в Померании донес, что она красит ногти и завтракает в постели, что осложнило ее положение, так как сделало ее к тому же «асоциальной». Она очень слаба, и когда вчера в больнице она в первый раз встала с постели, то потеряла сознание, упала лицом вниз и сломала челюсть. Просто сердце разрывается. Ее брат Жан-Жорж Хойос получил разрешение увидеться с ней. Она все время спрашивала его: «Il est mort?» [«Он мертв?»]. Позже я съездила на велосипеде на огороды и обменяла немного кофе на две дыни, которые мы попытаемся доставить в тюрьму.

По возвращении в Берлин я застала Лоремари у Герсдорфов. Она рассказала, что, когда сегодня охранник принес ей грязное белье Готфрида для стирки, она шепотом спросила его, там ли еще «г-н фон Тротт». Он ответил: «Ja, ja, er ist noch da» [«Да, да, он все еще здесь»], и сказал, что она может написать ему записку; а завтра он принесет ответ. Она написала: «Нужно ли что-нибудь принести? С любовью, Мисси и Лоремари». Она спросила охранника, очень ли голодает Адам; он сказал, что нет, граф Бисмарк делится с ним своими передачами. Если бы только мы могли быть уверены, что этот человек не лжет! [*В действительности в тот самый день Адам фон Тротт был повешен в тюрьме Плетцензее*].

От графа Шуленбурга по-прежнему никаких вестей. Теперь мы знаем, что все камеры с номерами 100 и больше заняты теми, у кого еще есть шанс выжить; а с номерами 99 и меньше — уже приговоренными. У Готфрида камера номер 184, у Адама — 97. Ходят слухи, что они закованы в кандалы.

Алексу Верту удалось увезти в безопасное место детей Адама, сейчас они за городом, но его жена Кларита все еще в тюрьме. Детей Штауфенберга держат в приюте под чужой фамилией, но где именно — стало известно, и со временем их можно будет разыскать.

Одних детей заговорщиков насчитывалось около пятидесяти, среди них были и грудные. Первоначальный план нацистов состоял в том, чтобы перебить родителей и старших братьев и сестер, а остальных разбро-

сать под новыми фамилиями по школам и семьям СС, чтобы воспитать их в нацистском духе. Почему-то от этого плана отказались, и в октябре 1944 г. некоторых детей отпустили домой, а остальных запрятали в обычные школы-интернаты. Но даже по окончании войны потребовалось некоторое время, чтобы все семьи воссоединились.

Говорят, что племянница Готфрида, Филиппа фон Бредов, тоже предстанет перед «Народным судом»; им удалось заставить ее говорить, и она заявила, что знала заранее от молодого Хафтена дату планируемого покушения на жизнь Гитлера.

Долгий разговор с Отто и Анн-Мари Бисмарк, которые оба здесь; они пытаются пробиться к кому-то на самом верху. Лоремари Шенбург считает, что некоторых тюремщиков можно подкупить, если только им самим помогут бежать. Она надеется, что ради этой цели Бисмарки согласятся расстаться со своими жемчугами. У нас самих особых ценностей нет. Кажется, у каждого заключенного шесть тюремщиков. Даже если нам удастся их подкупить, то это будет означать, что придется тайно вывозить за границу троих заключенных и восемнадцать тюремщиков. Представляю, какое выражение лица будет у Перси Фрея! На что Анн-Мари саркастически замечает: «Отчего бы не устроить им прощальный коктейль на аэровокзале Темпельхоф?» Мы обсуждали все это в отеле «Адлон» в одной из спален.

Приехал из-за города Готфрид Крамм. Я ему не рада. Придется теперь беспокоиться еще и из-за него. Последний раз мы с ним виделись 20 июля. Он тоже был другом Адама Тротта, так что мы по крайней мере можем говорить о нем свободно. Теперь он сказал: «Я не желаю слышать о том, что с ними происходит. Я только хочу знать, выкарабкается ли кто-нибудь из них, кто еще на свободе и когда они собираются возобновить попытку. Если собираются, то могут рассчитывать и на меня!» В то же время он в ужасе от того, что бомбой Штауфенберга убило одного из заговорщиков, некоего полковника Брандта, который до войны был известным чемпионом по конному спорту. Он присутствовал на роковом совещании у Гитлера и был убит наповал. Сначала его похоронили с почестями, как одну из жертв «трусливого предательства», но затем, когда его имя обнаружилось в каком-то списке, тело вырыли, сожгли и пепел развеяли по ветру.

Старший офицер оперативного отдела ОКВ (Верховного командования вермахта) полковник Хайнц Брандт, не будучи сам активным заговорщиком, был дружен со многими из них и сочувствовал их идеям. Однажды, в 1943 г., он уже едва не погиб во время предыдущего покушения на Гитлера, когда бутылка коньяка со спрятанной в ней бомбой (о чем он не знал) не взорвалась в самолете во время возвращения

Гитлера и его свиты в Растенбург с Восточного фронта. 20 июля именно он невольно спас Гитлеру жизнь, отодвинув в сторону портфель Штауфенберга. Когда бомба взорвалась, все, кто стоял справа от стола с картой, в том числе и сам Брандт, были либо убиты, либо тяжело ранены.

Готфрид Крамм хочет, чтобы я устроила ему встречу с Алексом Вертом. На работе нельзя, а другого места нет, разве что у Марии Герсдорф, если она не будет против. Но она очень боится за своего мужа, который был тесно связан с казненным генералом фон Хазе.

Воскресенье, 27 августа. Большую часть дня мы прибирали квартиру. Потом Перси Фрей отвез нас к Аге Фюрстенберг, где мы сидели и загорали в саду.

Из письма Мисси из Берлина 28 августа 1944 года, написанного матери в замок Кенигсварт:

Прилагаю несколько писем от Джорджи, которые привез из Парижа один его друг, уехавший перед самым занятием города союзниками. Как вы увидите, у него как будто все благополучно... Здесь, в Берлине и окрестностях, вот уже несколько недель не было дождя. Живем как в печи. В довершение всего, кругом столько тревог и несчастья. Воздушные налеты каждую ночь и почти каждый день, но мало что происходит... Я, вероятно, на следующей неделе проведу часть отпуска в Кенигсварте, а то он у меня пропадет. Послезавтра еду обратно в Круммхюбель.

КРУММХЮБЕЛЬ. *Среда, 30 августа.* Сегодня рано утром я поехала в Круммхюбель. В Хиршберге опоздала на пересадку, пришлось ждать три часа. Сходя с поезда, я заметила, что за мной следует Бланкенхорн. Моя первая реакция на появление кого-либо связанного с Адамом Троттом — разрыдаться. Я оставила чемодан в камере хранения и вышла на улицу — Бланкенхорн шел за мной. Проходя мимо, он тихо сказал: «Идите в парк и сядьте на скамейку». Идя с разных сторон, мы приблизились к скамейке одновременно. Только тогда он решился заговорить.

Он рассказал мне, что виделся с Адамом в Грюневальдском лесу 21-го. Он спросил Адама, все ли документы тот уничтожил. Адам ответил утвердительно. Однако некоторые бумаги все же были найдены, главным образом памятные записки о его различных зарубежных поездках. Какое безумие! Я спросила Бланкенхорна, как он считает, убьют Адама или нет. Он сказал: «Нет ни малейшего сомнения!» Я сообщила ему, что граф Шуленбург тоже исчез. Он этого не знал, но сказал, что если его действительно арестовали, то его тоже обязательно убьют. Я сказала: «Невозмож-

но. Будет слишком большой скандал за границей». — «Какое им дело до *этого*?» Он сказал мне, что Герделер под чужим именем снимал номер в отеле «Бристоль», где он держал сейф со всеми своими секретными документами. В феврале «Бристоль» разбомбило фугасом. Через две недели после покушения на Гитлера сейф случайно обнаружили в развалинах. Мало того, он был цел и невредим вместе со всеми бумагами, которые в нем находились: обнаружилось, что некоторые из этих документов были аннотированы и выправлены собственной рукой посла фон Хассела. Что и объясняет арест последнего. Бланкенхорн сказал, что каждый день арестовывают все больше людей. Мы поехали в Круммхюбель одним и тем же поездом, но договорились там не видеться. Я так рада, что он еще на свободе, и молюсь о том, чтобы его не взяли.

Послезавтра я еду обратно в Берлин. Упаковываю последние пожитки и отсылаю их в Йоханнисберг, хотя там восстановлена пока что только крыша замка. Но наверняка найдется какой-нибудь амбар. Круммхюбель стал для меня совершенно невыносимым, а без графа Шуленбурга я тут еще более несчастна. Я зашла поговорить с его подчиненными; они еще ничего не знали о его исчезновении, но его секретарша, фройляйн Шиллинг, и его помощник Ш.(который, слава Богу, не остался в Швейцарии, как мы боялись) вызваны в Берлин. Там они, несомненно, узнают.

Точное число казненных в связи с заговором 20 июля до сих пор не установлено. Согласно официальным нацистским источникам, после мятежа было арестовано около 7000 человек. В 1944 г. всего было казнено 5764 человека, а в оставшиеся пять месяцев нацистского правления в 1945 г. — еще 5684. Из них непосредственно замешано в заговоре было примерно 160—200 человек. Из них: 21 генерал, 33 полковника и подполковника, 2 посла, 7 дипломатов высших рангов, один министр, 3 государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших полицейских чиновников, губернаторов провинций и крупных гражданских чиновников.

БЕРЛИН. *Пятница, 1 сентября.* Сегодня пять лет, как началась война.

Я приехала в Берлин к обеду и сразу пошла к Марии Герсдорф. Она была несколько бледнее, чем обычно, и сказала мне с полным спокойствием: «Мисси, отныне тебе придется жить у нас. Лоремари Шенбург и Перси Фрей привезли все твои вещи, — при этом она показала на несколько мешков для песка, из которых торчали мои пожитки. — Вчера утром арестовали Тони Заурма. Обвинение: стрелял в портрет Фюрера и заявил после покушения Штауфенберга: «Ну, ничего, в следующий раз не промажут». Перси уже нашел адвоката, он юрист, работающий у швейцарцев в их агентстве по охране интересов враждебных

стран. Он известный антинацист — что само по себе не слишком-то полезно в данном случае! — и превосходный человек; к тому же он живет неподалеку от нас. Лоремари вернулась в «Адлон» и вызвала мать Тони из Силезии. Тони тоже содержится в тюрьме на Лертерштрассе, но так как он офицер, его будут судить военно-полевым судом. Это означает, что если его приговорят к смерти, то расстреляют, а не задушат. Ну и утешение!

Суббота, 2 сентября. Лоремари Шенбург теперь тоже переехала к Марии Герсдорф; мы вместе занимаем бывшую комнату Готфрида Крамма. Лоремари слишком издергана, чтобы жить одной. Кроме того, мы предпочитаем встретить полицию вместе — в случае, если...

Папá был здесь два дня и сегодня уехал обратно в Кенигсварт. Он оставил мне крест своего прадеда, который тот носил на протяжении всех войн России против Наполеона. Он говорит, что этот крест спас предка тогда и спасет меня теперь.

Тем временем Лоремари подружилась с булочником возле тюрьмы на Лертерштрассе. Он подрабатывает тюремщиком и уже передавал письма и сигареты Тони Заурма. Она ходит туда ежедневно, надеясь еще получить и ответ от Адама Тротта на ее последнюю записку, но тюремщик, которому она ее отдала, теперь избегает ее, хотя два дня назад он сказал: «Кто-то должен что-нибудь сделать для графа Шуленбурга, он слабеет с каждым днем». Это первое подтверждение того, что он тоже находится в этой тюрьме. Носить ему еду придется мне, так как нам следует, насколько это возможно, заниматься каждым порознь.

После обеда мы потратили довольно много времени на резку хлеба и поджаривание крошечного цыпленка, присланного Отто Бисмарком. Потом мы разложили все по трем пакетам: один для посла, один для Готфрида Бисмарка и один для Адама. Лоремари также понесет фрукты и овощи для Тони. Последнему не разрешают ни хлеба, ни мяса — ничего подкрепляющего. Их намеренно держат полуголодными — чтобы сделать их «покладистее»!

Перси Фрей подвез нас на своей машине и высадил на некотором расстоянии от тюрьмы. Лоремари точно проинструктировала меня, как себя вести, но, признаюсь, у меня дрожали коленки. Я была там в первый раз. Здание — из красного кирпича, издали выглядит как любая другая казарма. Мы договорились, что я буду спрашивать только про графа, пока Лоремари у другого входа справляется насчет Тони. Только после того, как я вернусь, она в свою очередь войдет и передаст пакеты для Готфрида и Адама.

У ворот стояли два эсэсовских охранника, потом был двор, и наконец — большой подъезд, тоже с двумя эсэсовцами. Они остановили меня. Я сказала, что хочу говорить с *Geheime Staatspolizei* [Гестапо]. После этого один из них повел меня по широ-

кому коридору и привел к огромной канареечно-желтой железной двери. Слева от нее имелось окошечко, за которым сидел толстяк, тоже в эсэсовской форме. Он спросил меня, что мне нужно. Я достала пакет и сказала, что прошу передать его послу графу фон Шуленбургу. Он велел мне подождать и исчез. Тем временем железная дверь несколько раз отворялась и из нее выходили охранники. Каждый раз я успевала увидеть кое-что внутри. Я видела обширное открытое пространство со множеством маленьких железных лестниц и платформ на разных уровнях; по обеим сторонам этих платформ тянулись камеры; их двери немного не доходили доверху, словно в дешевом туалете. Там было очень шумно из-за охранников, которые расхаживали повсюду в тяжелых сапогах, свистя и перекликаясь. Все это выглядело омерзительно. Скоро вернулся надзиратель, или тюремщик, или кто он там был и спросил, как имя графа. Я растерялась, но потом вспомнила, что его зовут Вернер. Тот заметил мою растерянность и рявкнул: «Если вы им так интересуетесь, вам следовало хотя бы знать, как его зовут!» Это задело меня, и я ощетинилась: «Спутать невозможно. Как известно каждому, есть только один посол граф фон дер Шуленбург. А так как ему за семьдесят, то я никогда не называла его по имени». Тогда он велел мне написать все на листочке бумаги, вместе с моим собственным именем, адресом и т.п. К этому я добавила несколько приветливых слов, спросив, могу ли я что-нибудь ему принести. Мне было не по себе, когда я отдавала эту бумажку, хотя к тому времени разницы не было никакой, они ведь все равно легко могут меня выследить. Тюремщик снова исчез, и я увидела, как он советуется с двумя товарищами. В конце концов он возвратился, швырнул мне пакет обратно, но записку оставил и бросил мне: «Не здесь! Если вам нужны подробности, спрашивайте в штаб-квартире Гестапо, Принц-Альбрехтштрассе». Я выбралась оттуда едва живая. В витрине за углом я увидела отражение своего лица: оно было зеленое.

Я рассказала Лоремари, как все было, и отправилась домой, а она пошла пытаться протолкнуть *свои* пакеты. К Марии она возвратилась не скоро. Она была в слезах. Она долго ждала в тюрьме того тюремщика, который раньше передавал записки Адаму. Когда он наконец появился, он не обратил на нее никакого внимания. Тогда потеряв надежду, она вышла из здания. За ней следил другой тюремщик; он последовал за ней до метро и на ходу шепнул ей: «Зачем вы все приходите? Они же вас дурачат! Все это время я смотрел, как вы приносите письма, но я вам говорю: он мертв!» Он имел в виду Адама. Он, должно быть, решил, что она влюблена в него. Он продолжал: «Я сам не могу больше смотреть на страдания всех этих людей. Я схожу с ума. Я попросился обратно на фронт. Я вообще не хотел тут служить. Эти

ваши записки! Они тут над ними животики надрывают. *Пожалуйста*, сделайте, как я говорю. Не приходите больше. Уезжайте из Берлина как можно скорее. За вами следят. А тюремщика, который брал ваши письма, теперь перевели обратно в штаб-квартиру. Ему тоже больше не доверяют...» Речь шла о том самом человеке, который посоветовал ей прежде всего послать Адаму записку: «Er wird sich so freuen...» [«Он будет так рад...»] Лоремари не знает, кому верить.

Здание тюрьмы на Лертерштрассе, построенное в 1840-х годах, состояло из четырех корпусов, один из которых — военная тюрьма — подчинялся вермахту, а три других перешли в ведение Гестапо и использовались для содержания политических заключенных. Там держали большую часть заговорщиков 20 июля. Условия, по описаниям оставшихся в живых узников, были суровые: четыре стены; койка, на которой запрещалось лежать в дневное время; деревянная табуретка; маленький встроенный в стену стол; в углу — нечто вроде туалета, для которого надзиратели выдавали обрывки газет недельной давности; не было карандаша и бумаги, не было книг, не было газет, не было прогулок во дворе, и нельзя было видеть, что происходит снаружи.

Охрана состояла из обыкновенных тюремных надзирателей, но за ними, в свою очередь, присматривали эсэсовцы — в основном фольксдойче (репатриированные из Восточной Европы) и приученные к жестокости операциями против партизан в России. Убирали камеры, разносили еду и раздавали бритвенные приборы вспомогательный персонал из евреев, других политических заключенных или членов секты «свидетели Иеговы». За исключением последних, которые в силу своей этики неучастия чаще всего отказывались помогать товарищам по несчастью, эти люди часто были единственным связующим звеном между заключенными и внешним миром.

От заката до рассвета в камерах горел свет — если только над головой не было бомбардировщиков союзников. В этих случаях, пока охрана укрывалась в убежище, узники оставались запертыми в камерах, и многие из них погибли, когда бомба попала в один из корпусов тюрьмы. Несколько человек, оставшихся в живых, засвидетельствовали, что посреди падающих бомб их охватывало чувство безопасности — это были единственные моменты, когда за ними не наблюдали.

Среди узников (многие из которых были верующими христианами) имелось несколько священнослужителей. Подкупив охранников или как-то иначе заручившись их благосклонностью, католические священники могли даже исповедовать и отпускать грехи: персонал приносил исповедь в закрытом конверте, а в другом конверте уносили отпущение грехов с освященной облаткой. Таким образом, несмотря на одиночное заключение и требование абсолютного молчания, сплеталась сеть христианской солидарности, которую даже Гестапо бессильно было разорвать.

Каждый день мы с Перси Фреем посещаем адвоката Тони. Это молодой, рано поседевший человек, на досуге занимающийся искусством, возможно, гомосексуал и несомненно умный. Сегодня, услышав рассказ Лоремари Шенбург о ее посещениях тюрьмы, он всплеснул руками и велел ей немедленно уезжать из Берлина; эти посещения — безумие; в конце концов нас самих всех арестуют; более того, всем этим мы ни в малейшей степени никому не помогаем. Он тоже полагает, что Адам Тротт все еще жив, но он добавил: «Лучше бы он был мертв, чем переносил все то, что он сейчас переносит». Кажется, только я одна надеюсь, что война закончится достаточно скоро, чтобы он мог до этого дожить.

Мы решили, что Лоремари следует вернуться к семье. Здесь она больше никому не может помочь. А если она дальше будет оставаться в Берлине, то ее непременно арестуют. Ага Фюрстенберг будет носить передачи Тони. Ее по крайней мере там еще не знают в лицо. Но сейчас не так просто выбраться из Берлина, нужен специальный пропуск. Правда, Лоремари получила телеграмму о том, что умирает ее дед; возможно, это позволит ей купить билет.

Воскресенье, 3 сентября. Хотя сегодня воскресенье, пришлось идти на работу — противовоздушное дежурство. Делом не занималась ни минуты, упражнялась на аккордеоне. После обеда зашли Альберт Эльц и Лоремари Шенбург, мы посидели и поговорили. Неожиданно Альберт выхватил свой револьвер, завопил: «Где Сикс? Я его пристрелю!» — и бросился вниз по лестнице. Я удержала его, вцепившись в его мундир люфтваффе, так как д-р Сикс как раз был у себя и работал.

Потом мы ужинали у Перси Фрея. По дороге туда Альберт останавливал полицейских и спрашивал, что они думают о графе Хельдорфе. Он хотел выяснить, насколько они осведомлены, и отпускал их только после того, как они заявляли, что все это *Schweinerei* [мерзость]. Он просто с ума сошел! Эти истерические выходки можно объяснить только реакцией на постоянное напряжение.

Был сильный налет; мы переждали его в полуподвале напротив дома Перси, так как вернуться к Тони не решались.

Понедельник, 4 сентября. Сегодня утром Лоремари Шенбург уехала к своим, не утруждая себя раздобыванием официального пропуска. Одна из горничных Герсдорфов проводила ее до вокзала и видела, как она вскочила в уже отъезжавший поезд: она прошла турникет с перронным билетом. Последнее, что видела служанка, — как с ней заговорил проводник. Хотя я уговаривала ее уехать, я очень беспокоюсь, потому что уезжать подобным нелепым образом означает рисковать тем, что узнаются все ее прошлые проделки. Но как адвокат Тони Заурмы, так и Мария Герсдорф вздохнули с облегчением.

Я пока остаюсь, поскольку завтра состоится предварительное слушание дела Тони в военном суде. Адвокат настроен пессимистически в том, что касается второго обвинения — насчет фразы «В следующий раз не промажут!» За одно это Тони может поплатиться жизнью. Хорошо, что его полковой командир дал ему хорошую характеристику. Адвокат находит, что Тони в неплохой форме и не слишком упал духом. Он объясняет ему, как вести себя на суде: не слишком агрессивно. Теперь я жалею, что отговорила его бежать в Швейцарию. Может, и удалось бы.

Помню, как Тони рассказывал мне про ту ночь, когда был арестован Готфрид Бисмарк. Сам он в тот момент ехал на машине в Силезию. Полиция выставила заслоны на дорогах, его тоже остановили. Он угостил их сигаретами, они дружелюбно побеседовали, и полицейские показали ему приказ: арестовать человека, едущего с девушкой в серебряной «Татре». Он тут же сообразил, что речь идет о Готфриде и Лоремари, поскольку знал, что они выехали в Райнфельд. Он был уверен, что они не доберутся. На самом деле, они благополучно доехали в Райнфельд только потому, что машина сломалась и они поехали дальше поездом.

Вторник, 5 сентября. Первый день слушания дела Тони Заурмы. Дело было сразу же отложено на две недели, пока прибудут дополнительные данные из Силезии. Любая задержка сейчас бесценна. Но адвокат обеспокоен, потому что улик накапливается все больше и все материалы говорят не в пользу Тони. Похоже, что теперь все будет зависеть от порядочности судей. Сегодня я написала Тони письмо, поскольку завтра уезжаю в Кенигсварт. На работе друзья Адама Тротта полагают теперь, что его действительно уже нет, хотя адвокат Тони придерживается противоположного мнения. Но никто из нас ничего не может больше сделать ни для него, ни для Готфрида Бисмарка, ни для графа Шуленбурга. Кажется, суд над Готфридом тоже отложен благодаря неустанным усилиям Отто Бисмарка выиграть время. Имя его пока ни разу не упоминалось в печати. Верно, это не слишком хорошо звучало бы: Бисмарк пытается убить Гитлера. Даже *они* это понимают. Остается только ждать и молиться...

Теперь и мне пора уезжать. Мне еще причитается отпуск по болезни, я могу теперь им воспользоваться. Я рада, что уезжаю, но на душе все-таки тяжело. Все эти недели мы находились в таком напряжении. Мы так переживали происшедшее, что теперь все другое представляется совершенно неважным. И потом, несмотря на страх, я теперь так привыкла жить среди этих развалин, постоянно чувствуя запах газа, перемешанный с запахами битого камня, ржавого железа, а порой даже с вонью разлагающейся плоти, что мысль о зеленых полях, спокойных ночах и чистом воздухе Кенигсварта меня даже пугает.

Так или иначе, похоже, что моей берлинской жизни наступил конец. Через восемь дней Паул Меттерних и Татьяна встретят меня в Вене и, несомненно, начнут уговаривать побыть в Кенигсварте, пока я окончательно не поправлюсь. Я могу сопротивляться давлению семьи издалека, но когда мы будем все вместе, я, вероятно, соглашусь.

Все эти недели я боялась, что союзники сообщат по радио новые подробности о заговоре 20 июля (как они делали поначалу), раскрыв, например, цели зарубежных поездок Адама и тем усугубив его положение; но насчет Адама они долго сохраняли милосердное молчание и начали писать о нем только после того, как немецкая пресса объявила о его казни.

«Das Schwarze Korps» [«Черный корпус», официальная газета СС] беснуется по поводу *«blaublutige Schweinehunde und Verräater»*. [«мерзавцев и предателей с голубой кровью»], но в недавней анонимной статье в *«Angriff»* [«Наступление», орган СА] прозвучала, как ни странно, противоположная нота: ни один общественный класс в Германии, говорилось там, не принес больших жертв и не понес, в пропорциональном пересчете, больших потерь в этой войне, чем германская аристократия. Похоже, что некоторые наци начинают подумывать о будущем.

После войны обнаружилось, что по мере приближения поражения начали колебаться даже многие в среде СС, и прежде всего сам Гиммлер. Еще в 1942 г. он спрашивал своего финского массажиста Феликса Керстена: «Как вы думаете? Не сумасшедший ли этот человек?» — и завел досье болезней Фюрера. Сталинград еще сильнее пошатнул его веру в звезду Гитлера, и — как уже отмечалось — в начале 1944 г. д-р Сикс пытался по поручению Гиммлера осуществить мирный зондаж союзников.

Некоторые высшие генералы СС пошли еще дальше. Начальник уголовной полиции обергруппенфюрер СС Артур Небе, хотя и повинный в массовых убийствах в России, был близок к группе 20 июля и после покушения был повешен. Некоторое время генералы СС Феликс Штайнер и Зепп Дитрих (последний в течение многих лет командовал личной охраной Гитлера и был его главным палачом в «ночь длинных ножей» 1934 г.) планировали нападение на ставку Гитлера. Преемник Канариса на посту главы объединенной разведывательной службы Абвера и СД полковник СС Вальтер Шелленберг обдумывал идею похищения Гитлера и выдачи его союзникам. В Париже во время и после событий 20 июля весьма двусмысленным было поведение обергруппенфюрера СС Карла Оберга, представителя Гиммлера во Франции. Обергруппенфюреру СС Карлу Вольфу суждено было сыграть решающую роль в капитуляции сил Оси в Италии. И именно опять-таки Шелленберг организовал весной 1945 г. переговоры между Гиммлером и шведским графом Фольке

Бернадоттом, с помощью которых рейхсфюрер СС намеревался в последний момент вывести Германию из войны.

Вчера у нас обедала Путце Сименс — она близкая приятельница Марии Герсдорф. Она в глубоком трауре по своему брату Петеру Йорку, которого повесили одновременно с фельдмаршалом Вицлебеном. Эта чисто житейская реакция на столь нежитейскую трагедию производила впечатление щемяще неадекватной такому горю. Она много расспрашивала меня об Адаме, который был их другом, но мы ее брата не упоминали. Я не нашла бы слов.

Мои руки все еще в порезах от вскрывания тех устриц, что Тони привез нам перед самым своим арестом.

ВЕНА. *Среда, 6 сентября.* Провела свой последний вечер в Берлине с Агой Фюрстенберг и Джорджи Паппенхаймом. Джорджи провожал меня до дома на трамвае; всю дорогу он играл на губной гармошке к восторгу других пассажиров. Он остался ночевать, так как мы с Марией были одни и хотели, чтобы с нами был мужчина на случай воздушного налета. Он спал в гостиной на одном диване, а я на другом. Когда старая кухарка Марта будила меня сегодня утром, она проворчала: «In meiner Jugend kam so atwas necht vor, aber dieser 20. Juli stellt alles auf dem Kopf» [«В моей молодости такого не бывало, но это 20 июля все поставило вверх дном!»]

1945

ЯНВАРЬ — СЕНТЯБРЬ

Примечание Мисси, написанное в сентябре 1945 года:

Уехав из Берлина в отпуск по болезни в сентябре 1944 года, я провела четыре месяца с родными в Кенигсварте, стараясь восстановить силы для последнего — как всем нам было ясно — раунда. По дороге в Кенигсварт я провела несколько дней с Татьяной и Паулом Меттернихом в Вене. Там я прошла тщательнейшее медицинское обследование, и профессор Эппингер признал меня «нетрудоспособной» на несколько месяцев. Он обнаружил у меня увеличенную щитовидную железу, которой и объяснялась моя худоба — все это возникло в большей или меньшей степени на нервной почве. С этого времени я стала принимать крупные дозы йода.

КЕНИГСВАРТ. *Понедельник, 1 января.* Нанесло много снега, и большую часть времени мы проводим на воздухе, неуклюже катаясь с гор на санках и, словно дети, играя в снежки. Еды много, но едим мы на кухне: прислуга постепенно вся ушла — мужчины в вооруженные силы, женщины в военную промышленность.

Готовит экономка Лизетт. Все наши вечерние туалеты уложены. Играем в разные игры и наслаждаемся лучшими винами Паула. Ведь завтра нам опять разъезжаться.

Вторник, 2 января. Паул Меттерних вернулся к себе в полк: он признан излечившимся от того страшного нарыва в легких, который чуть не свел его в могилу в прошлом году на русском фронте. Я остаюсь еще на день, чтобы приободрить Татьяну. Она совсем упала духом.

ВЕНА. *Среда, 3 января.* Весь свой последний день в Кенигсварте вела долгие разговоры по очереди с каждым из членов семьи. На сей раз действительно похоже на то, что die grosse Entscheidung [великая развязка] произойдет еще до того, как мы вновь увидимся. Мама́ хочет, чтобы я оставалась, но мой отпуск по болезни кончился и я должна ехать; иначе у меня будут неприятности с *Arbeitsamt* [бюро трудоустройства]. Глубокой ночью Татьяна отвезла меня на станцию Мариенбад.

Четверг, 4 января. Ночью в поезде только и говорили, что о налетах на Вену: они набирают силу. Бомбят здесь по большей части американцы, прилетающие со своих баз в Италии, причем обычно днем. Трамваи (единственный пока еще работающий городской транспорт) ходят, говорят, только в дневные часы. Я встревожилась, потому что у меня, как обычно, было чересчур много багажа, да еще и гусь (ощипанный). Но мне повезло: один бывший русский пленный вызвался донести мои вещи в обмен на порядочное количество сигарет. По дороге он разговорился и сообщил мне, что Сталин вот-вот объявит амнистию, «так что, может, мы все скоро отправимся домой». Он добавил, что в последнее время почти ничего не ел, и когда мы прибыли к месту назначения — то есть в двухкомнатную квартиру Антуанетт Герне-Крой на Моденаплац, где мы будем жить с ней вдвоем, — я отдала ему всю еду, которую там нашла. Сама Антуанетт сейчас гостит у мужа в Югославии.

Союзники долго щадили Австрию — первую жертву попытки Гитлера покорить Европу. За этой страной настолько прочно закрепилась слава «бомбоубежища Рейха», что туда были переведены многие военные заводы. И это оказалось для нее роковым. Уже 13 августа 1943 г. первый налет на авиационные заводы Винер-Нойштадта положил конец неприкосновенности Австрии. Впоследствии большинство и ее крупных городов было также обращено в груды развалин.

Меня ожидала повестка — из местного бюро трудоустройства. Видно, они времени не теряют!

Обедала с Францлем Турн-унд-Таксисом в отеле «Бристоль». Братьев Турн-унд-Таксис (которых все зовут сокращенно «Таксисами») выгнали из армии, как лиц королевской крови, и

теперь они учатся в здешнем университете. В «Бристоле», кажется, ничего не изменилось с тех пор, как я там была с Меттернихами четыре месяца назад. В своем обычном углу сидят Альфред Потоцкий и его мать, старая графиня «Бетка», все еще на редкость элегантная, несмотря на свои восемьдесят три года. Им пришлось бросить свое всемирно известное имение «Уансут», когда в Польшу вошли русские. Это имение называли Версалем Восточной Европы, и до последнего времени оно оставалось в целости и сохранности, так как, благодаря Герингу, часто охотившемуся там до войны, там квартировал только высший германский генералитет.

Пятница, 5 января. Зашла в бюро трудоустройства. Мне предложили пойти работать медсестрой. Именно этим мы с Татьяной и хотели заняться, когда началась война, но нас отвергли из-за наших литовских паспортов. Теперь же мне сказали, что медсестер не хватает, и никого, судя по всему, не беспокоит, что я прошла всего-навсего двадцатичасовой курс первой помощи. От подруг я знаю, как изнурительна бывает эта работа при нынешних условиях. Поэтому, наверное, в бюро и удивились, что я так охотно согласилась.

Суббота, 6 января. Войдя в квартиру, я наткнулась на груду чемоданов — вернулись Антуанетт и ее муж, Юрген Герне.

Антуанетт радостно бросилась ко мне и стала рассказывать, как она ездила в Вельдес [Блед], где часть Юргена сражается с югославскими партизанами. Она ужасно испугалась, так как в их машину стреляли в лесу — около радиатора огромная пробоина, испорчено зажигание. Местность, говорит она, изумительной красоты, но жилось ей там, насколько я понимаю, не очень-то весело: ее не выпускали за дверь, потому что партизаны теперь похищают людей, и она явно рада, что вернулась.

Заходил повидать меня Фердл Кибург. С того времени, как его выгнали из флота за королевскую кровь (он из семьи Габсбургов) он тоже учится в здешнем университете.

*Воскресенье, 7 января. С*егодня утром — церковь. Вечером ординарец Герне поджарил гуся, которого я привезла с собой из Кенигсварта. Ввиду того, что он раньше никогда еще не занимался приготовлением подобных тварей, теперь он сидел перед духовкой с ложкой в одной руке и поваренной книгой в другой. Однако результат оказался вполне удовлетворительным, и нашу домохозяйку — немку, жену полковника, который сейчас на фронте, — тоже угостили. Наши гости: Францл Таксис, Фердл Кибург и Сита Вреде (которая работает медсестрой в здешнем госпитале люфтваффе).

Четверг, 11 января. Мой день рождения.

Сита Вреде уговорила врачей своего госпиталя люфтваффе взять меня туда на работу. Сегодня со мной беседовал *Chefarzt*

[главный врач], смуглый человек, восемнадцать лет проживший в Индии. Я рада: их госпиталь считается лучшим в Вене. Но, возможно, мне придется пройти дополнительный курс обучения, так как они хотят заменять мужчин-фельдшеров, которых сейчас отправляют на фронт. Обучение включает первую помощь под огнем (на тот случай, если нас пошлют работать на аэродром) и тому подобное. Мне выдали униформу Красного Креста, новый набор документов и металлическую бирку, на которой моя фамилия выгравирована дважды: если я «погибну на боевом посту», бирку сломают пополам и одну половинку пошлют моим «родным и близким». Веселенькая перспектива!

Вечером явился Фердл Кибург с бутылкой шампанского, и мы отпраздновали мои двадцать восемь лет втроем.

Суббота, 13 января. Была приглашена на чай к Траумансдорфам, которые живут во дворце Шенбург. Он принадлежит деду Лоремари Шенбург. Построенный одним из самых знаменитых архитекторов своего времени — Лукасом фон Хильдебрандтом, этот красивый небольшой городской особняк XVIII века стоит посреди обширного сада, полного прекрасных деревьев, но в сравнительно непрестижной части города, и соседние улицы довольно малопривлекательны. Одна из главных достопримечательностей дома — небольших размеров совершенно круглый бальный зал.

Альфред Потоцкий пригласил меня, Габриелу Кессельштат и троих братьев Лихтенштейн в театр. Старший из братьев — ныне царствующий князь Лихтенштейна, Франц-Иосиф. Всем им за тридцать, и они болезненно застенчивы. Потом мы ужинали в «Бристоле», и бедняга Альфред что было сил старался вовлечь их в разговор. Габриела живет через дорогу в отеле «Империал». Но меня Альфред, безвременно впавший в маразм, ни за что не хотел отпускать домой одну, а так как никто из Лихтенштейнов провожать меня не вызвался, то он раздобыл неведомо откуда пожилую даму — он сказал, что к ее услугам он часто прибегает, когда его матери хочется выйти на прогулку.

Вторник, 16 января. Русские вступили в Восточную Пруссию.

Четверг, 18 января. Вместе со многими другими медсестрами меня вызвали в люфтгаукоммандо (окружной штаб военно-воздушных сил), где мне предложили назначение в Бад Ишль — это в горах Зальцкаммергут (Западная Австрия). Я оказалась перед дилеммой: с одной стороны, уезжать из Вены мне сейчас не хотелось, а с другой — совершенно ясно, что если я останусь, то могу вообще не выбраться, потому что русские неуклонно продвигаются. В конце концов я сказала, что предпочитаю пока остаться работать в Вене. Когда сегодня вечером я сообщила об этом решении Антуанетт Герне и Фердлу Кибургу, то они пришли в ужас.

Русские взяли Варшаву.

Воскресенье, 21 января. Венгрия заключила перемирие с союзниками.

Несмотря на присутствие германской оккупационной армии, адмирал Хорти не отказался от надежды вывести свою страну из войны. 15 октября 1944 г. он денонсировал союз Венгрии с Германией и приказал Венгерским вооруженным силам, сражающимся с наступающими русскими, прекратить военные действия. После этого его вместе с семьей отправили в немецкий концлагерь, а на его место посадили германскую марионетку — фашистского вождя Ференца Салаши. Вскоре Советы учредили альтернативное правительство Венгрии, которое 31 декабря 1944 г. объявило Германии войну. К этому времени Будапешт был окружен. В феврале 1945 г. он пал; в ходе осады погибло около 20 тысяч будапештцев и была разрушена треть города.

Воскресенье, 28 января. Ходила в русскую церковь, а остальные — в Штефансдом (собор св. Стефана). Не успела я вернуться к себе на квартиру, как начался сильный воздушный налет. Фердл Кибург обнаружил надежное убежище: подвал дома его дяди Гогенлоэ, расположенный неподалеку. Я не люблю ходить туда одна — мой вечный страх: вдруг меня завалит, а никто даже не знает, где я, — но сегодня у меня не было выбора. Выйдя из убежища, я увидела, что наш район сильно пострадал. Антуанетт Герне не появлялась, и я начала беспокоиться: не случилось ли с ней чего-нибудь.

Села писать письма при свете свечи, воткнутой в бутылку, так как в нашем районе вот уже несколько дней нет света. Поскольку у нас нет также и воды, сходила в отель «Империал» и чудесно искупалась в номере у Габриелы Кессельштат. Потом вернулась Антуанетт, и мы с ней потащились к уличной колонке за водой. Набрали по два ведра. Сначала мы думали, что можно будет набрать в ведра снега, но когда он растаял, то вода оказалась черной, а поверху плавали картофельные очистки.

Понедельник, 29 января. Начала работу в люфтваффен-лазарете. Раньше эта больница называлась Кауфмэнишес Шпиталь (Госпиталь купечества). Все было бы хорошо, но она находится на холме позади парка Тюркеншанцпарк в 19-м районе, а это почти за городом. На трамвае туда ехать и так целый час, а тут еще нынешняя мучительная медлительность всякого транспорта: улицы то изрыты воронками от бомб, то занесены снегом. Приходится вставать в шесть утра.

Работаю одной из двух ассистенток во внутренней амбулатории, где мой начальник д-р Тимм принимает около 150 пациентов

в день. Это включает различные обследования, рентген и т.п. Он диктует мне свои заключения. Он родом из Кенигсберга и довольно остроумен, хотя и язвителен. Мы работаем до 7 или 8 вечера с получасовым перерывом на обед, каковой состоит из совершенно омерзительного супа.

Сита Вреде (она-то и устроила меня на эту работу) работает хирургической сестрой; она занимается этим почти с самого начала войны, и по сравнению с нами она ветеран: она еще до этого прослужила года два медсестрой во время гражданской войны в Испании. Мне легче оттого, что она поблизости, но она расстроена, что меня назначили не в ее отделение, и утверждает, что это было сделано намеренно, «потому что они не хотят, чтобы мы, аристократы, работали вместе»! Однако она будет приходить ко мне каждое утро и приносить бутерброды, так как имеет доступ к специальным продовольственным припасам для раненых. Кроме того, она будет доставать мне молоко — по детской бутылочке в день, так что несмотря на изнурительную работу и переутомление, я надеюсь, что буду хорошо себя чувствовать. Подумать только: уйти из Министерства иностранных дел в Берлине, причем под предлогом болезни, и вдруг оказаться здесь, где приходится работать с гораздо большим напряжением, чем я когда-либо работала там. Ну ничего, это даже лучше: не будет времени думать...

Сита начала знакомить меня с персоналом и пациентами. Самые тяжело раненные лежат в так называемой *Kellerstation* [подвальной палате], на самом деле она находится не совсем под землей, но обеспечивает больным относительную безопасность во время налетов, ведь они нетранспортабельны. За этой особой палатой закреплены трое из наших лучших медсестер, в том числе одна очень славная девушка по имени Агнес, родом из Вестфалии. Мы с ней уже подружились. Другая девушка, довольно некрасивая, по имени Лютци, помолвлена с молодым лейтенантом люфтваффе, которого, беднягу, привезли сюда две недели назад: у него оторвало обе ноги во время тренировочного полета. А до этого у него за всю войну не было ни царапины. Его зовут Хайни, он хорош собой, ему около тридцати, но у него уже седые волосы. Хотя они с Лютци влюблены друг в друга, им нельзя этого показывать, так как личные отношения между сестрами и ранеными запрещены.

Вторник, 30 января. Поскольку я еще не ухаживаю за ранеными, *Oberschwester* [старшая медсестра] — она очень славная — позволяет мне ходить без полагающегося по форме чепца. Но это уже вызвало протест: кое-кто из сестер заявляет, что у меня *Hollywood Allüren* [голливудские замашки]. Сейчас в Германии, чтобы быть на хорошем счету, нужно выглядеть как комок глины! Но пока врачи и старшая сестра позволяют, я этот чепец носить

не буду. Достаточно того, что приходится привыкать обходиться без губной помады, хотя и тут я отвыкаю постепенно. Это выводит Ситу Вреде из себя: она все время просит меня стереть помаду.

Сегодня старшая сестра распорядилась, чтобы меня осмотрел наш Truppenarzt [врач по персоналу] д-р Тиллих. Сита объяснила мне, что это дело нешуточное, так как он считается местным Гэри Купером. Когда у нее был тонзиллит, сказала она, она ему притронуться к себе не дала. Сита даже помчалась к старшей сестре и подняла шум по этому поводу, а когда я пошла на рентген, пошла со мной и встала подбоченясь, готовая дать отпор самому сатане. Но в конце концов ей пришлось оставить меня с ним наедине, что она сделала с заметной неохотой. Мы долго беседовали — причем я была одета в это время далеко не полностью — о том, как я упала с лошади в Берлине несколько лет назад и повредила себе позвоночник. Звучало это все сугубо профессионально. Однако он действительно привлекателен. Насколько я понимаю, это любимый ученик профессора Эппингера, которому я обязана возможностью выбраться из Берлина.

Вторник, 6 февраля. Юрген Герне все это время настаивал, чтобы Антуанетт уехала из Вены немедленно, пока еще не поздно. Ее родные в Вестфалии тоже очень беспокоились. Поэтому вчера она уехала к школьной подруге, живущей под Тутцингом, в Баварии. Мне так будет ее нехватать! Герне прислал своего ординарца помочь с отправкой, и вчера мы заодно упаковали и мои вещи тоже, потому что я не хочу жить одна у нашей фрау оберст (госпожи полковницы). Попробую опять перебраться в отель «Бристоль» (я останавливалась там в прежние приезды в Вену) и устроиться там на постоянное жительство в самом крошечном номере, какой у них найдется (у меня по-прежнему очень мало денег). Думаю, что получится: ведь я работаю на *kriegswichtiger Betrieb* [предприятии военного значения].

Кроме того, у меня кончились продовольственные карточки, пришлось взять их взаймы у Кристиана Ганноверского. Он живет в «Империале» и учится в университете. Его выгнали из армии, так как он тоже принц королевской крови и к тому же родственник британской королевской фамилии.

Воспользовавшись свободным от работы утром, я обсудила свои жилищные проблемы с администратором «Бристоля» г-ном Фишером; он меня обнадежил.

Среда, 7 февраля. Сегодня утром опять был сильный налет. Я пересидела его в подвальной палате, где лежат тяжелораненые. Правда, толку от этого немного: слышишь свист каждой падающей бомбы и чувствуешь каждый разрыв. В таких случаях я взяла за правило сидеть с самыми тяжелоранеными: когда видишь, как беспомощны *они*, ощущаешь себя сильнее. Хорошо, что Антуанетт Герне успела уехать: разбомбило центральный вокзал.

Четверг, 8 февраля. Опять сильный налет.

Татьяна звонила из Праги, она там проходит очередной курс лечения. Было приятно слышать ее голос.

Г-н Фишер сообщил мне, что я могу поселиться в «Бристоле» в конце недели.

Суббота, 10 февраля. Налеты становятся все чаще. Вот уже третий за три дня. Наш главный врач распорядился, чтобы ходячие раненые и младшие медсестры не оставались во время налетов в госпитале, а укрывались в длинном железнодорожном туннеле, проходящем через Тюркеншанцпарк, — это примерно в пяти минутах ходьбы. Похоже, что все местные жители считают этот туннель наиболее безопасным местом: туда набивается ежедневно более восьмидесяти тысяч человек. Они становятся к нему в очередь с девяти утра, и к тому моменту, когда завоют сирены, у входа бурлит толпа — все хотят пробиться внутрь. Проделывать все это каждый день просто невозможно, тем более что мы обязаны оставаться в госпитале до последнего момента, а значит, приходим последними. Поэтому мы были там всего раз-другой. Должна, однако, признаться, что мои нервы (и без того надорванные теми налетами, которые я пережила в Берлине) не окрепли, и когда бомбы начинают рваться еще и здесь, в Вене, меня каждый раз бросает в дрожь.

Воскресенье, 11 февраля. Сегодня у меня выходной, и я могу переехать в «Бристоль», где мне дали крошечную, но безукоризненно опрятную комнату. Однако администратор г-н Фишер сомневается, что мне удастся прожить в ней долго, так как отель набит эсэсовцами. Но ведь я добросовестный член общества, занятый тяжким трудом, — разве мне не полагается хотя бы мало-мальски приличная крыша над головой?

Обедала с Францлем Таксисом и Хайнцем Тинти. Квартира Францла сильно пострадала, и он свез остатки своего имущества в соседний «Гранд-отель». Там нашлись два велосипеда, и мы поездили на них по коридорам отеля, прежде чем отправиться ко мне на квартиру. Мы погрузили на них мои вещи и отвели навьюченные велосипеды в «Бристоль». Там администратор сообщил нам, что когда Паул Меттерних проживал у них в последний раз, он оставил две бутылки коньяка «Наполеон». Поскольку налетов им скорее всего не пережить, мы выцыганили у него эти бутылки, как он ни сопротивлялся, и одну распили.

Понедельник, 12 февраля. Воздушный налет.

Вторник, 13 февраля. Воздушный налет.

Среда, 14 февраля. Воздушный налет.

Единственное, что еще действует в Вене, — это Оркестр филармонии. После госпиталя я почти ежедневно хожу на его концерты.

Закончилось совещание союзников в Ялте. Мой маленький приемник ловит только германское радио, а оно, естественно, сообщает об этом очень мало.

Говорят, что Дрезден стерт с лица земли двумя налетами союзников подряд.

Русские вошли в Будапешт.

На этом последнем совещании «в верхах», проведенном союзниками в ходе войны (с 4 по 11 февраля), Черчилль, Рузвельт и Сталин договорились о стратегии завершения конфликта и фактически решили, как будут проходить границы в послевоенной Европе.

Накануне Ялтинской конференции союзники приняли решение возобновить массированные воздушные удары по центрам гражданского населения, чтобы произвести впечатление на Сталина, сломить боевой дух немцев и создать новые орды беженцев, которые затруднят передвижение войск и подвоз припасов. Дрезден практически не защищался истребительной авиацией и зенитной артиллерией, немногочисленные имевшиеся там военные объекты не входили в зону бомбежек, так же как и основные коммуникации. С другой стороны, город был сокровищницей архитектуры барокко. Серия массированных налетов британской и американской авиации, начавшаяся 13 февраля и продолжавшаяся до апреля, практически уничтожила этот старинный исторический город. В бушующих пожарах, вызванных налетами, погибло от 90 тыс. до 150 тыс. жителей и беженцев (некоторые оценивают количество жертв даже в 200 тыс.) Сознательное уничтожение Дрездена было одной из самых кровавых и не поддающихся оправданию акций западных союзников в последней войне. Даже Черчилль, сам приложивший руку к разработке тактики массированных бомбежек гражданских объектов, почувствовал запоздалые угрызения совести, и когда зазвучали колокола победы, ни слова похвалы не было сказано по адресу маршала авиации Харриса и его бомбардировочной команды.

Четверг, 15 февраля. Заболеваю. Вчера из-за налета пришлось прервать работу на три часа, а потом наверстывать. К девяти вечера я чувствовала себя так плохо, что пока врач осматривал пациента, я измерила себе температуру: было 39,4. Весело потирая руки, д-р Тимм сказал, что это просто от усталости; завтра (то есть сегодня) все пройдет, и я смогу вернуться к работе.

К самому концу рабочего дня привезли двоих американских летчиков, сбитых вчера утром. Каждого из них с обеих сторон поддерживали немецкие солдаты. Они сильно изранены и едва передвигали ноги. У одного было обожжено лицо, оно было совершенно черное, а над ним торчком стояли светлые волосы. Сейчас у нас в госпитале около тридцати американских летчиков.

С ними обращаются хорошо, но в подвальное убежище их берут только при самых сильных налетах. Я хотела бы поговорить с ними, но это строго запрещено. Одна из сестер, до войны служившая в Англии гувернанткой, принесла кому-то из них цветы; ее немедленно уволили. Тем не менее однажды во время налета Сита Вреде сводила меня в особую палату, где они лежат. Вид некоторых из них очень симпатичный, но большинство так сильно пострадало, что они почти полностью в бинтах. Как правило, тело у них в сплошных ожогах.

В моем отделении все раненые в более или менее тяжелом состоянии. Большинству либо уже за пятьдесят, либо нет и двадцати. В основном это только что призванные; нашему д-ру Тимму приходится выяснять, действительно ли они больны или просто симулируют. Из-за его довольно извращенного чувства юмора это ведет иногда к жалостным, иногда к забавным диалогам.

Домой опять добиралась бесконечно долго.

Суббота, 17 февраля. Сегодня в первый раз за десять дней не было налета. Температура у меня упала, и днем я встала, накачалась аспирином и потащилась к парикмахеру, моля Бога, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из наших врачей. Заходили друзья. К счастью, отель присылает поесть мне в номер.

Воскресенье, 18 февраля. Воздушный налет.

Утро провела в госпитальном полуподвале; потом показалась нашему Гэри Куперу — д-ру Тиллиху. Он поставил диагноз «острый тонзиллит» и велел мне уйти домой и не появляться до среды. Я совсем потеряла голос.

Сита негодует, что я заболела, едва приступив к работе в госпитале: «Что они подумают о нас, аристократах, если ты так сразу свалилась?» Что-что, а *это* мне в голову не приходило!

Вторник, 20 февраля. Воздушный налет.

Среда, 21 февраля. Сегодняшний налет был особенно сильным. Когда он начался, я была еще в отеле. Все мы собрались в подвале, стараясь забиться как можно ниже: Винци Виндиш-Грец, Марта Пронай, Потоцкие, Сапеги, Этти Берхтольд со своей матерью и т.д. Грохот был оглушительный — без конца что-то рушилось и разбивалось вдребезги.

После отбоя я пошла по Рингу с Файхтлем Штарембергом. Кто-то сказал нам, что разбомбило дворец Лихтенштейнов. Дойдя до дворца, мы увидели, что крышу снесло, но в остальном здание не очень пострадало. Перед ним по всей мостовой были разбросаны обломки сбитого американского самолета; они все еще весело пылали, и время от времени в них что-то взрывалось — видимо, боеприпасы. Почти весь экипаж погиб. Только один человек выбросился с парашютом, но ударился о карниз крыши, которым ему оторвало обе ноги, и застрял там. Как сказали нам

стоявшие рядом очевидцы, в течение всего налета было слышно, как он кричит от боли, но никто не решался выйти из убежища, а когда наконец добрались, он был уже мертв.

Мы пошли дальше. Около Бургтеатра лежала невзорвавшаяся бомба замедленного действия. Весь район был оцеплен, но мы проследовали мимо как ни в чем не бывало. Город был весь в дыму, а на площади Карлсплац, по другую сторону Ринга от нашего отеля, зияла огромная воронка.

Четверг, 22 февраля. Совершенно охрипла. После последнего налета общественный транспорт больше не ходит, пришлось идти на работу пешком. Это заняло у меня два часа.

Пятница, 23 февраля. Ночевала в госпитале. Сита Вреде дежурила, и я воспользовалась ее раскладушкой, стоящей в кабинете ее начальника.

Суббота, 24 февраля. Опять ночевала на раскладушке Ситы Вреде. Гораздо удобнее ночевать на работе, чем каждый день ходить пешком туда и обратно за много километров.

Д-р Тиллих предложил мне стать его ассистенткой, поскольку сестра, которую я заменяла во внутренней амбулатории, возвращается на работу. Мне это не слишком по душе. Он очень приятен и привлекателен, но он также наш «политишер ляйтер» [политический руководитель] и тем самым отвечает за моральнобоевой дух персонала. Каждый понедельник в часовне проводится лекция на политические темы, на которой всем нам полагается присутствовать, невзирая ни на какие важные дела. В день моего приезда он давал нам краткое наставление «об обязанностях медсестры в нынешний, пятый год войны». Суть сказанного: поменьше сострадания, поскольку многие из пациентов симулянты; врачам следует быть строже, так как каждый физически здоровый человек необходим на фронте; с другой стороны, если мы увидим, что с кем-нибудь плохо обращаются, мы обязаны вмешаться. В качестве предостережения — «строго по секрету» — он рассказал нам также об одной сестре, которая сделала молодому раненому солдату — другу своего погибшего сына — инъекцию, на время сделавшую его непригодным к службе, чтобы его не послали обратно на фронт: «Ей дали десять лет!» Мы приперты к стенке, добавил он. У нас нет иного выхода, кроме как драться до последнего человека! И т.д. и т.п. Все это звучало так устрашающе, что больше я на эти лекции не ходила, ссылаясь на непрекращающийся приток новых раненых. Некоторое время я ждала неприятностей, но д-р Тиллих ни разу не сказал ни слова.

В то же время старшая сестра говорит, что меня могут назначить в ассистентки князю Ауэршпергу, нашему ведущему неврологу. Это слегка чудаковатый, но обаятельный человек, одна из наших местных знаменитостей. Так что, похоже, насчет меня еще ничего не решено.

Уже собиралась домой, как вдруг завыли сирены. Ужинала с друзьями, после чего Мели Кевенхюллер взяла меня с собой в гости, где играл один очень хороший джазовый пианист в стиле Чарли Кунца. Мы сидели допоздна, уплетали ветчину и слушали его.

Воскресенье, 25 февраля. Месса в соборе св.Стефана. Улицы полны народа. Сейчас тысячи венцев из пригородов толпятся в центре города, так как считается, что древние катакомбы — самое надежное убежище; никто не надеется на обычные подвалы, они слишком легко обрушиваются и погребают под собой тысячи жертв. Большая часть этих людей живет в рабочих предместьях, и сюда они добираются часами.

Обедала с Потоцкими, они прямо расстарались: они угощали некую фрау Хериц, жену немецкого миллионера из Лодзи, — это в оккупированной немцами Польше, — они надеются узнать от нее что-нибудь о своем поместье. Угощение было изумительное: был даже паштет из гусиной печенки!

Моя диета разнообразна: от жиденьких супов в госпитале до пиршеств — нечастых — в отеле. Если бы мне только хватало продовольственных карточек! У меня их не остается уже через десять дней после начала месяца. *Schwester* Агнес иногда угощает меня гоголь-моголем, который специально сбивают для тяжелораненых; к счастью, им этот гоголь-моголь нравится меньше чем мне, и его всегда немного остается.

Заходила Сизи Вильчек, последние четыре года работающая хирургической сестрой в госпитале в Хофбурге. Зашли к знакомым на кофе, а потом долго гуляли. Перед дворцом Лихтенштейнов все еще валялись остатки сбитого в среду американского самолета, хотя их частично растащили любители сувениров. В дверях появился «Бэ» Лихтенштейн с большим розовым аккордеоном, который он оставляет у меня, так как сам он, как он сообщил, уезжает из Вены «навсегда».

Почему-то я оказываюсь хранителем всего того барахла, которое люди оставляют, уезжая из Вены в страхе перед приходом Советов. Между тем, если уж кому-то и следует спасаться от Советов, то в первую очередь именно мне, «белой русской», а когда я отсюда выберусь — если выберусь, ведь в этом нет никакой уверенности, — то все это все равно пропадет.

Встретили Гезу Андраши — он беженец из Венгрии. Он сказал, что его сестра Илона отказалась уезжать из Будапешта, где она тоже работает медсестрой Красного Креста. Под конец все мы очутились во дворце Вельчеков на улице Херренгассе. После этого я пошла домой спать. Я так устаю, что по вечерам уже почти никуда не хожу.

Понедельник, 26 февраля. Братья Таксисы прислали мне гуся из их фамильного имения в Богемии. Сегодня мы его приготови-

ли у Мели Кевенхюллер. Хотя делить пришлось на пятерых, все равно получился настоящий пир: мы ведь по большей части ходим полуголодными.

Умер отец «Пуки» Фюрстенберга. Это был очаровательный австрийский дипломат старой школы. Я замечаю огромную разницу между его поколением австрийских аристократов, которое еще управляло своей империей, и нынешним, выросшим в урезанной, обкорнанной маленькой стране без будущего. Почти все представители этого нового поколения глубоко провинциальны, и даже когда у них много денег, они с трудом говорят на иностранных языках, и большинство из них вообще никогда не выезжало за пределы Австрии. Более того, при всем своем обаянии и общительности, они в большинстве своем легковесны, в них мало той надежности, которая характерна для порядочных немцев того же поколения, — со многими из которых я была хорошо знакома в Берлине. Возможно, это отчасти объясняется аншлюссом 1938 года, почти сразу же увенчавшимся этой войной.

Вторник, 27 февраля. Сегодня закончила работу немного раньше обычного и поэтому смогла посетить нашего зубного врача.

Вечером Сизи Вильчек привела с собой Гезу Андраши, и мы приготовили ужин у меня в комнате на моем маленьком электронагревателе; мы даже сварили изумительный кофе с помощью прибора, который мне подарил Кристиан Ганноверский.

Среда, 28 февраля. Звонила Татьяна. Она пока в Праге, но скоро поедет к Отто Бисмарку во Фридрихсру, под Гамбургом, так как Паул Меттерних переведен в близлежащий Люнебург. Говорят, что туда направляется также и Готфрид Бисмарк, который наконец выпущен из концлагеря, куда он был интернирован после того, как суд прошлой осенью его оправдал. Но я все никак не могу поверить, что его действительно выпустили: он был слишком сильно скомпрометирован заговором 20 июля. Эта предстоящая поездка Татьяны внушает мне тревогу: теперь пассажирские поезда тоже постоянно бомбят.

Пятница, 2 марта. Два дня назад, во время налета, мы меняли перевязку Хайни (летчику с ампутированными ногами). Лютци, его невесты, не было; свет погас, и мне пришлось держать над врачом и сестрами две керосиновых лампы, пока они работали. Какие муки переносит всякий раз бедный Хайни, просто трудно себе представить: кости раздроблены на мелкие кусочки; они все время высовываются, и их приходится вытаскивать пинцетом. Сита говорит, что если я могу смотреть на это без того, чтобы закружилась голова, то я смогу перенести все. Как ни странно, и это действительно можно выдержать, особенно если сама помогаешь. Возникает такая полная сосредоточенность на

том, что делаешь, и при этом еще такая своеобразная отстраненность от пациента, что ничего другого просто не осознаешь. И слава Богу.

Суббота, 3 марта. Сегодня налета не было, так что мы хоть раз смогли уйти домой вовремя.

В госпитале стало очень холодно, потому что кончился уголь, а теперь даже госпитали лишены особого снабжения.

Воскресенье, 4 марта. Я отправлялась в собор св. Стефана с Ханзи Опперсдорфом, когда завыли сирены. Он теперь часто ходит со мной: он находится на излечении после того, как ему прострелили голосовые связки. Говорит он только шепотом.

Позже я зашла к Мели Кевенхюллер. Она работает на военном заводе, и ей не позволят уйти до прихода русских. Но ей должны тайком доставить из их семейного поместья телегу и пару лошадей на случай, если придется спасаться бегством в последний момент.

Сегодня получила посылку, которую Мамá отправила из Кенигсварта... 2 января. Почта доставляла ее два месяца — на сегодняшний день это рекорд.

Вторник, 6 марта. Умерла бабушка Фуггер. В последние дни здесь находился ее сын «Польди», генерал люфтваффе. Сизи Вильчек уговаривает меня попросить его, чтобы меня перевели в какой-нибудь другой авиационный госпиталь подальше на западе. Он пользуется кое-каким влиянием, так как был воздушным асом в Первую мировую войну и награжден орденом *«Pour le Merite»* [«За заслуги»] — высшей наградой за воинскую доблесть в Германской империи. Сама она отправляется вместе со своими сослуживцами в Гмунден под Зальцбургом. Но ей тоже не хочется пока уезжать из Вены, и она тянет время. У принцев Ганноверских в Гмундене есть замок, превращенный теперь в госпиталь, и Кристиан предложил, чтобы мы с Сизи поселились там в доме его родителей, если и когда мы туда попадем; он обещает все наладить. Это очень обнадеживает, так как если мы вообще вырвемся, то наверняка в последний момент и сломя голову.

Среда, 7 марта. Сизи Вильчек познакомила меня с Польди Фуггером. Он седой, но лицо у него совсем молодое. Он исключительно красив и обаятелен. Он обещал поговорить обо мне с люфтгауарцтом (главным врачом авиационного округа), который для нас — всемогущий бог, а для него приятель. Честно говоря, я делаю все это главным образом для того, чтобы успокоить друзей, которые считают, что Вена теперь больше десяти дней не продержится, и в ужасе от того, что я все еще здесь. И действительно, русские неуклонно наступают, и если они не окажутся здесь еще раньше, то уж, во всяком случае, не из-за сопротивления немцев, которое, как все чаще поговаривают, заметно ослабло.

Сегодня вечером Владши Митровский пригласил меня, Габриэлу Кессельштат и Францла Таксиса пообедать в отеле «Захер» в отдельном кабинете. Атмосфера была совершенно допотопная — официанты в белых перчатках, фазаны, лично подстреленные нашим хозяином, шампанское в ведерках и т.п. Он по-прежнему живет жизнью богатого землевладельца, в то время как фронт сейчас в каких-нибудь нескольких километрах от его порога!

Четверг, 8 марта. Воздушный налет. Поэтому снова пришлось работать допоздна, чтобы наверстать пропущенное время.

Союзники перешли Рейн, и сейчас, как сообщает радио, идут бои под Кельном и Бонном. Но несмотря на то, что они повсюду продвигаются, сопротивление немцев на западе все еще очень упорное. Этого я не понимаю. Казалось бы, если уж выбирать между теми и этими, то следовало бы прежде всего отбиваться от Красной Армии.

Суббота, 10 марта. Некий г-н Мюльбахер (мне незнакомый) привез мне письмо от Антуанетт Герне и Фердла Кибурга (он тоже уехал из Вены в прошлом месяце). Они сейчас в Мюнхене и умоляют меня немедленно покинуть Вену. Я встретилась с ним в холле отеля, так как предполагается, что он поможет мне организовать отъезд. Это будет нелегко, потому что неделю назад любые частные поездки были запрещены. Он вручил мне чистый бланк разрешения на поездку, выданного рюстунгскоммандо (командованием оборонной промышленности) в Мюнхене. Я должна, сказал он, только вписать туда свое имя и адрес. Но даже такое разрешение не годится, так как я не могу уйти из госпиталя, пока не воцарится полная паника, а к тому времени перестанут ходить поезда и вообще будет уже поздно. Тем не менее я тронута усилиями Антуанетт.

Посреди ночи из Карлсбада по вермахтсляйтунг (линии связи вооруженных сил) позвонила Марианна Тун по поручению Мама́, которая, по ее словам, сходит с ума от беспокойства. Я сообщила ей свои последние новости.

Вернувшись в отель, обнаружила телеграмму от Мама́. Хорошие вести сразу от Ирины из Рима и от Джорджи из Парижа. Поразительно, но даже сейчас личные сообщения каким-то образом пересекают линию фронта — должно быть, через Швейцарию. Она просит меня позвонить ей, но хотя я каждую ночь заказываю разговор с Кенигсвартом, дозвониться никак не удается.

Понедельник, 12 марта. Черный день для Вены.

Сита Вреде ворвалась в мою комнату в госпитале с сообщением, что приближаются крупные воздушные силы противника. У меня было много работы, и я не могла тут же броситься вместе с ней в туннель. Она любит приходить туда пораньше, когда народу еще не так много. Когда я, наконец, была готова, она

потеряла терпение и сказала, что теперь нам лучше оставаться на месте. Мне было неловко, так как вина была моя. Но, судя по всему, остались и многие другие: убежище в полуподвале было полно раненых и сестер. Я присоединилась к первым. Один из них, капитан Бауэр — знаменитый воздушный ас с дубовыми листьями к рыцарскому кресту. Он тяжело ранен в плечо, но ходит. Мы немного побеседовали, но тут погас свет, и вскоре шум снаружи заглушил все разговоры. Я заглянула в *Kellerstation* [подвальная палата] и обнаружила там сестру Агнес, которая залезла на стол и билась в истерике; молодой хирург похлопывал ее по спине. Вообще она славная и веселая, но во время налетов неизменно теряет всякое самообладание. Я села рядом с ней на стол, и мы прильнули друг к другу. Свист и грохот был такой, какого я никогда прежде в Вене не слышала. У нас на крыше дежурит наблюдатель, которому не полагается уходить ни при каких обстоятельствах. И вот теперь он дал знать, что туннель накрыт прямым попаданием. Мы сразу же подумали о тех наших раненых и сестрах, которые искали там укрытия. И в самом деле, минут через десять, когда шум немного поутих, прибежали люди с носилками, на которых несли тех самых мужчин и девушек, что весело туда уходили меньше часа назад. Сердце просто разрывалось! Некоторые кричали. Один, раненный в живот, схватил меня за ногу и умолял: «Наркоз, сестра, наркоз!» Он все скулил и скулил без конца. Нескольких человек оперировали тут же в подвале, где нет ни света, ни воды, но этот бедный мальчик вскоре умер. Главный врач непрерывно кричал на тех, кто оставался в госпитале вопреки его прямому приказанию. Он был взбешен, обнаружив здесь едва ли не всех своих подчиненных: «В случае прямого попадания я потерял бы сразу весь свой персонал!» Бомба упала перед входом в туннель как раз в тот момент, когда кое-кто из сидевших там вышел подышать свежим воздухом. Говорят, что разнесся ложный слух, будто налет уже кончился. Так или иначе, четырнадцать человек было убито на месте, а у нас в подвале, когда принесли оставшихся в живых, зрелище было такое, что я его никогда не забуду.

Позже мы забрались на крышу и посмотрели на город. Профессор князь Ауэршперг сказал, что видит, как горит Опера, но дыма было так много, что на самом деле было трудно сказать, что произошло.

Вечером явился Вилли Таксис. Он слышал про туннель и волновался за меня. Он подождал, пока я закончу работу, и мы вместе спустились в город пешком. Всюду были разрушения. Он сказал, что центр сильно пострадал — Опера, Жокейский клуб, даже наш отель «Бристоль». Я спросила его, существует ли еще моя комната. Он не знал. Когда мы дошли до центра, была уже ночь, и тем не менее во многих местах можно было читать газету

при свете пламени, охватившего строения. Стоял также сильный запах газа — как в Берлине в худшие дни.

Сначала мы пошли на Херренгассе к Вильчекам, чтобы их успокоить. Сизи лежала с тонзиллитом и высокой температурой. Все были слегка истеричны и вели себя как полупьяные. Нам сказали, что самое страшное несчастье приключилось в Жокей-ском клубе, где в подвале погибло 270 человек. Здание все еще горит, и никто не может подойти близко. Жози Розенфельд сказала мне, что в самые тяжелые моменты она прижималась к Польди Фуггеру, чувствуя, что во время воздушного налета безопаснее всего быть с орденоносным генералом военно-воздушных сил!

Польди еще здесь по случаю кончины его матери. Он все не может похоронить ее из-за отсутствия гробов. Говорят, что в первое время люди делали гробы из картонных листов, заменивших во многих домах разбитые окна, но теперь даже этого нет. Несколько дней назад Мели Кевенхюллер объявила мне, что запрещает мне умирать сейчас: «Ты не можешь нас так подвести!» — подразумевая, что мои похороны доставят им чересчур много хлопот! Не хватает не только гробов: друзья и родственники вынуждены сами рыть могилы, так как все могильщики призваны. Во многих местах лежат кучи самодельных гробов, ожидающих захоронения. Пока зима, это просто жутко выглядит, но Бог весть, что станет, когда придет весна и растает снег. На днях торжественно хоронили одного полковника. Был даже военный оркестр. В тот момент, когда гроб опускали в могилу, крышка съехала, и обнажилось лицо седой старухи. Церемония продолжалась!

Навестив Вильчеков, мы продолжили обход. Оперный театр все еще горел. В отеле «Бристоль» не осталось ни одного целого окна, и с улицы можно было войти прямо в зал ресторана. Вокруг суетились люди, растрепанные и пропахшие дымом.

Ужинала с Польди Фуггером, его дочерью Норой и сестрой Сильвией Мюнстер. Бывшая жена Польди перед самой войной вышла замуж за Курта Шушнига, бывшего австрийского канцлера, и сейчас они оба в концлагере.

В июле 1934 г. д-р Курт фон Шушниг (1897—1977) сменил убитого Э.Дольфуса на посту канцлера Австрии. Он до самого конца сопротивлялся гитлеровскому «аншлюссу», совершившемуся наконец в марте 1938 г., был арестован и вместе с женой до конца войны находился в концентрационных лагерях. Освобожденный американцами в 1945 г., он последние годы жизни провел в США, занимаясь преподаванием.

Администрация «Бристоля» поразительна: света нет, но на каждом столике свеча и ресторан работает, как обычно. Потом мы

зашли за углом в магазин Петера Хабига и смотрели, как горит Опера. У Петера были слезы на глазах. Для венца гибель его любимой Оперы — это личная трагедия.

Венская Опера была открыта в 1869 г. в присутствии императора Франца-Иосифа постановкой «Дон-Жуана» Моцарта. Любопытно, что последним оперным представлением в этом театре перед его разрушением была «Гибель богов» Вагнера! Вместе с театром погибли декорации примерно для 120 спектаклей и около 160 тыс. костюмов. Несмотря на все трудности послевоенной жизни, восстановление Оперы рассматривалось всей страной как первоочередная задача, и ее открытие вновь в ноябре 1955 г. лучше, чем что-либо иное, символизировало возрождение «цивилизованной» Австрии.

Среда, 14 марта. Снова пришлось идти в госпиталь пешком. Дорога туда и обратно теперь занимает у меня четыре часа. Скоро начну ездить на попутных машинах, но пока улицы настолько загромождены обломками разбомбленных зданий, что машины не ездят и все ходят пешком.

Четверг, 15 марта. Мне дали два дня отпуска. Теперь у меня будет другая работа: *Wehrbetreuung und Fürsorge* [служба советов и заботы о военнослужащих]. Пока мне не вполне ясно, что это означает, но полагаю, что придется вести переписку с люфтгау (областное командование воздушными силами) по поводу присвоения чинов и вручения наград раненым в нашем госпитале, а также давать им советы по личным вопросам. Нужно будет иметь дело с самыми разными людьми, а главный врач считает, что я как раз для этого подхожу. К сожалению, мне придется также иметь дело со всем, что касается смерти, а с момента нашей трагедии в туннеле у меня много душераздирающих встреч с родными. Сегодня пришла невеста одного из убитых мальчиков; она просила меня рассказать ей все жуткие подробности.

Пятница, 16 марта. Сегодня утром был еще налет. Я перешла через площадь Оперы в отель «Захер», так как их подвал считается более надежным, чем в «Бристоле». Ко мне присоединились братья Таксисы и Хайнц Тинти. Мы застряли там на четыре часа, и хотя на этот раз все обошлось, все нервничали больше, чем обычно. После отбоя Жози Розенфельд (у ее семьи поместье возле Линца) отправилась прямо на вокзал, хотя говорят, что поездов больше нет. Она совершенно обезумела от страха и не желает оставаться в Вене ни одного лишнего дня. Она оставила мне немного яиц.

Суббота, 17 марта. Сита Вреде и я снова провели несколько часов в подвале гостиницы «Захер». Он действительно выглядит надежным, но ведь никто не знает, под каким углом упадут бомбы.

С самого начала этих сильных налетов семья непрерывно шлет мне панические письма, но я не могу на них ответить, так как никакая почта из Вены больше не уходит.

Воскресенье, 18 марта. Была в церкви с Ханзи Опперсдорфом. Потом навестила Сизи Вильчек, которая все еще больна. В день, когда погибла Опера, ее дядя Кари написал мне письмо, датированное «самым трагичным днем, который когда-либо пережила Вена». Бедняга: он страшно подавлен, и отец Сизи тоже. Францл Таксис говорит, что для их поколения Вена была, как для нас наши спальни: каждый уголок «принадлежал» им, они знали каждый камень...

Обедала в «Бристоле» с Габриелой Кессельштат и неким князем Себастьяном Любомирским, еще одним беженцем из Польши. Потоцкие уехали три дня назад. Они все откладывали отъезд. Без них очень уж странно. Мы стали чем-то вроде семьи. Каждый отъезд оставляет пустоту. Потом мы пили кофе в отеле Габриелы по ту сторону улицы. Она только что купила себе несколько новых шляпок — единственный предмет одежды, который еще можно купить без карточек. Она вот-вот уезжает на машине, благо у нее лихтенштейнский паспорт (она двоюродная сестра правящего князя).

Понедельник, 19 марта. Еще один кошмарный день.

На этот раз на территорию госпиталя обрушился так называемый «бомбовый ковер». Мы были в туннеле, где произошла та последняя трагедия. С тех пор имеется прямая связь между госпиталем и туннелем, так что мы можем передавать туда сообщения о том, что видно с крыши. Сегодня три бомбы угодили в самый туннель. Сита Вреде закричала: «На колени!» — поскольку я выше ростом, чем большинство присутствовавших, и она боялась действия воздушной волны. Находившиеся в убежище вначале вели себя, как стадо, кричали, топали ногами, но через некоторое время успокоились. Хотя воздушная волна от каждого взрыва сбивала людей с ног, никто не пострадал и сам туннель выдержал. Еще семь бомб упали на территории госпиталя. Одна попала в операционный корпус, пробила три междуэтажных перекрытия и осталась лежать невзорвавшейся прямо над полуподвальным убежищем. Но окна все вылетели.

Неподалеку от госпиталя, в парке Тюркеншанцпарк, упал американский самолет, и нескольких сотрудников госпиталя отправили подобрать экипаж. Нашли четверых, пятый исчез.

Мы принялись за расчистку обломков, пробираясь между грудами битого стекла и камня. С девушкой, на чьем месте мне предстоит работать, сделалась истерика: налет застал ее по дороге сюда, и ей пришлось пережидать его в сарайчике. Я отправила ее домой и продолжала разбирать обломки мебели, куски оконных рам и тому подобное.

К 6 часам вечера я сама пошла домой. В это время кто-то швырнул на улицу с верхнего этажа сломанную оконную раму, и мне сильно поранило руку. Армейский автомобиль подвез меня к Вильчекам, где я надеялась найти Сизи. Ее не было дома, но ее отец обмотал мою руку полотенцем, и этого хватило, пока я не добралась до «Бристоля», где за меня взялись Сапеги. Они говорят, что на меня страшно было смотреть.

Жить стало особенно трудно из-за того, что в городе уже несколько недель практически нет воды. Не понимаю, каким образом нам готовят пищу. Никто из нас больше не решается пить чай или кофе. Света по-прежнему нет, и я быстро расходую запас рождественских свеч, которые мне подарила Сизи. Вечерами я сижу у себя в комнате в темноте и упражняюсь на аккордеоне.

Вторник, 20 марта. Улицы усеяны битым стеклом. Езжу в госпиталь на попутных машинах. Это нелегко, но вот уже два раза подряд меня подвозил один и тот же военный автомобиль, и водитель обещает высматривать меня на улице, так как ежедневно ездит этой дорогой. Петер Хабиг обещал мне одолжить свой новоприобретенный велосипед, который в дневное время ему не нужен. Это даст мне некоторую независимость.

Еще один налет. Разрушений нет.

Среда, 21 марта. Пятичасовой налет, но разрушений снова нет. Они прилетели из Италии и отправились дальше на Берлин — неплохо!

Каким-то образом до меня дошло одно из писем Джорджи. Он по-прежнему в Париже, работает в каком-то агентстве новостей и одновременно занимается в университете. Он советует нам «держаться вместе» — как говорят русские, совет «плыть к берегу». Ведь Татьяна и Паул Меттерних где-то на севере, родители в Кенигсварте, а я торчу тут в Вене! Но Джорджи исходит из самых лучших побуждений.

Суббота, 24 марта. Каждый вечер мы с Себастьяном Любомирским спускаемся в подвал и приносим воду в больших банках от варенья, ибо, хотя отель ежедневно наливает в каждую умывальную раковину по стакану воды для чистки зубов, мы очень грязные из-за всепроникающего дыма. В последнее время я принимала ванну в госпитале — во время воздушных налетов, но теперь они стали такими опасными, что я больше не рискую это делать; к тому же даже там воды очень мало. Военнопленные, в том числе и те из сбитых американских летчиков, кто покрепче, носят для госпиталя воду из соседнего водохранилища; воду эту, как полагают, сильно загрязненную, используют даже для приготовления пищи. Гигиенические условия быстро ухудшаются, и нам, медсестрам, сейчас делают прививки против холеры, так как в Будапеште разразилась эпидемия. Но мы так заняты, что у нас просто нет времени задумываться над этим и волноваться.

Я собираюсь переехать к Вильчекам. Сизи уезжает со своим госпиталем на следующей неделе, но ее брат Ханзи, хотя и тяжело раненный, офицер запаса и обязан оставаться до прихода русских. Ну что ж, по крайней мере, он будет сообщать мне об их продвижении. Я уже начала переправлять свои вещи на Херренгассе.

Наконец-то удалось проложить дорогу сквозь обломки к рухнувшему подвалу Жокейского клуба, начинают вытаскивать трупы. Запах стоит тошнотворный, ощущаю его постоянно, никак не избавлюсь. Стараюсь объехать на своем велосипеде вокруг собора св. Стефана, чтобы не проезжать мимо этого места.

То, что осталось от Филипсхофа, где размещался Жокейский клуб, взорвали в 1947 г., разбив на этом месте публичный сад. Большую часть трупов так и не извлекли, и они по сей день лежат под газоном. Но прошло целых 40 лет, пока удосужились поставить на этом месте мемориальную табличку!

Понедельник, 26 марта. Первый день на моей новой работе. Была все время очень занята.

Вчера я и дядя Кари Вильчек шли на мессу в собор св. Стефана (начинается западная страстная неделя), когда завыли сирены. Кругом было много пыли, но день был солнечный. Мы уселись на ступеньках церкви на площади Михаэлерплац, где к нам время от времени присоединялся Францл Таксис и сообщал, где находятся самолеты.

Дядя Кари сказал мне, что в субботу, когда Сапегам наконец разрешили уехать из Вены со своим имуществом (которое они вывезли из Польши на грузовике), они позвонили ему посреди ночи и сказали, что поскольку у них есть свободное место, то они могут взять с собой кое-что из багажа, оставленного Потоцкими, который теперь хранится во дворце Лихтенштейнов. Дядя Кари немедленно поехал туда и погрузил то, что было в пределах непосредственной досягаемости. Теперь, когда они уехали, он сверился с описью. Знаменитое поместье Потоцких «Уансут» было всемирно известно прославленной коллекцией фарфора, мебели, картин Ватто и Фрагонара и т.п., которые скупил за бесценок один из их предков, находившийся в Париже во время Французской революции, когда разворовывали Версальский дворец. Все это, благодаря покровительству Геринга, было благополучно эвакуировано в Вену. Но на грузовике с Сапегами, сказал дядя Кари со смущенной улыбкой, уехали ливреи частного оркестра Потоцких! Правда, они тоже восемнадцатого века; но представляю себе выражение лица у бедного Альфреда, когда он откроет эти ящики...

Вторник, 27 марта. В госпитале произошло небольшое недоразумение: я наградила нескольких солдат за храбрость, не зная, что это исключительная прерогатива главного врача. Приказы о награждении попали ко мне на стол с пометкой о том, что их надлежит выполнить незамедлительно. Главный врач в бешенстве, так как он относится к этим торжественным актам весьма серьезно.

Придя домой, я увидела, что на Михаэлерплац припаркована машина Гезы Пеячевича. Он муж сестры Сизи Вильчек. У меня сразу упал камень с души, потому что он из здешних мужчин самый смелый, инициативный и отчаянный. По рождению он венгр, но паспорт у него хорватский, так как их имение находится в бывшей Югославии. Его только что уволили с хорватской дипломатической службы, потому что его брат, который был хорватским послом в Мадриде, перешел к союзникам. Геза приехал забрать Сизи и застрял в Вене до тех пор, пока не найдет достаточно бензина, чтобы ехать дальше.

Потом я поехала на велосипеде в «Бристоль» за своим аккордеоном. На обратном пути на Херренгассе проклятый аккордеон упал — как раз когда я проезжала мимо злополучного Жокейского клуба. Наклонившись за ним, я ударилась о припаркованный перед развалинами грузовик. Ощутив все тот же жуткий запах, я подняла голову и увидела, что машина нагружена неплотно завязанными мешками. Из ближайшего ко мне торчали женские ноги. На них были туфли; я заметила, что на одной нет каблука...

Геза отвез меня в госпиталь, где я застала Ситу Вреде в весьма странном настроении. Она зашла ко мне в кабинет и шепнула, что должна поделиться тем, что у нее на душе: после того как разбомбили хирургический корпус, наши раненые лежат в страшной тесноте. Раньше у нас в подвале была так называемая *Wasserbad-Station* [ванная палата]. Это особое австрийское изобретение, которое делает чудеса. Оно заключается в том, что в ваннах, наполненных теплой водой, днем и ночью лежат раненые со спинальными травмами; их оттуда не вынимают, и они даже спят в воде. Это предотвращает истечение костного мозга из костей и уменьшает боль. Как-то я навещала там советского военнопленного; он был совсем молодой, с тяжелыми ранениями, и от боли все время кричал. Я надеялась, что ему станет легче от того, что кто-то поговорит с ним на родном языке. И действительно, скоро он уже играл на губной гармошке и чувствовал себя хорошо. Но после того как отключилась вода, нам пришлось положить этих раненых обратно в сухие постели. Один из них, серб, страдал гангреной и распространял такой дурной запах, что его невозможно было держать в одной палате с другими ранеными. В конце концов его оставили одного в палате, где было еще

восемь пустых коек. Врачи уже давно признали его состояние безнадежным, но он все держался, и для того, чтобы заполнить пустующие койки, они решили теперь — под строгим секретом — «избавить его от страданий». Сита только что узнала об этом и была страшно расстроена. Она повела меня к нему показать, в каком он безнадежном состоянии. Мы подошли к его койке, она подняла простыню и коснулась его руки. Рука была черная, как уголь, и ее палец прошел прямо сквозь нее. Он все смотрел на нас с безмолвным вопросом. Это было ужасно!

После работы Геза заехал за мной, мы поехали на Каленберг и посидели там некоторое время, приводя в порядок свои мысли. Потом вернулись в город. Я попрощалась с Габриелой Кессельштат, которая сегодня вечером наконец уезжает. Ужинала в «Бристоле» с Владши Митровским. По дороге туда видела старика, катившего тележку с гробом. На нем была надпись «герр фон Лариш» — вероятно, тот, который погиб в Жокейском клубе. Я подъехала к нему на велосипеде и, уже собравшись было потянуть его за рукав, сообразила вдруг, что я хочу его спросить... где он достал гроб!

Дворец Вильчеков тоже понемногу пустеет: родители Сизи и Рене (жена Ханзи), уехали десять дней назад. Остаются пока дядя Кари, Ханзи, сама Сизи, Геза, братья Таксисы (их дворец разбомбило две недели назад) и я.

Русские перешли австрийскую границу и быстро приближаются. Немцы, говорят, едва сопротивляются.

Среда, 28 марта. Сита Вреде настаивает, чтобы я поговорила с д-ром Тиммом, главным врачом, и объяснила ему, что я «белая русская» и было бы плохо, если бы Красная Армия меня здесь застала. Сегодня я так и сделала. Он ответил, что он астролог-любитель и что по его вычислениям Фюрер проживет еще десять лет. Следовательно — война еще не проиграна! После этого, распаляя себя, он завопил, чтобы я не распространяла тут панику, что он может велеть арестовать меня за пораженчество и так далее.

Я вышла, твердо решив больше не поднимать этого вопроса, а как только настанет время, просто уехать любым доступным способом. Но дело даже не во мне; невероятно, что до сих пор никто не готовится эвакуировать раненых и персонал. А ведь русские уже дошли до Винер-Нойштадта, а это практически пригород.

Домой меня опять отвез Геза Пеячевич.

Четверг, 29 марта. Сита Вреде вышла на тропу войны. Сегодня она имела бурный разговор с главным врачом и потребовала перевода в Байрейт. На что он ответил угрозой отправить нас всех на фронт, «если в рядах будет продолжаться пораженчество».

Сегодня вечером я спокойно работала у себя в кабинете, как вдруг Сита ворвалась с новостью: только что пришло распоряжение из люфтгау немедленно эвакуировать весь госпиталь — раненых, персонал и оборудование в Тироль.

Геза Пеячевич отвез меня домой, и я попыталась отправить родным телеграммы, чтобы наконец-то успокоить их; но телеграммы не принимаются. Поезда не ходят. Весь город охвачен паникой.

*Пятница, 30 мар*та. Провела все утро на работе, упаковывая то, что мне кажется важным, и завершая разные наиболее неотложные дела. Нам придется сжечь все, что не является абсолютно необходимым. Этому я даже рада, поскольку значительная часть этих бумаг — сплошной бюрократизм. Но многие раненые нуждаются в помощи и совете, так что я была занята весь день.

В 4 часа дня старшая сестра сказала мне, что мы обязаны быть на месте сегодня же вечером к девяти, когда будет уезжать первая группа раненых и персонала. Сита Вреде и я в этой первой группе. Геза Пеячевич и я бросились в «Захер» предупредить Ситу, у которой сегодня выходной, но не нашли ее. Мы оставили ей записку, и я помчалась домой собрать вещи.

Собственно, Геза не верит, что госпиталь действительно эвакуируется, и уговаривает меня бежать вместе с ним, Сизи Вильчек и Ситой. Но сначала он должен получить разрешение на выезд на своем автомобиле, а нам необходимо получить разрешение госпиталя на самостоятельный отъезд, иначе нас могут счесть дезертирами.

Бальдур фон Ширах, здешний гауляйтер, в прошлом глава «Гитлерюгенда», обклеил стены города плакатами, провозглашающими, что Вена будет превращена в крепость и станет сражаться до последнего человека.

С ранней юности энтузиаст нацизма (несмотря на американское происхождение его матери), Бальдур фон Ширах (1907—1974) возглавлял «Гитлерюгенд» с 1931 по 1940 г., когда его назначили в Вену гауляйтером (т.е.губернатором). Хотя с течением времени даже его вера в Гитлера выдохлась, он все же приложил руку к истреблению евреев и, после фиаско 20 июля, к преследованию участников антинацистского Сопротивления.

Возле отеля «Захер» я встретила Нору Фуггер, дочь Польди. Она была в слезах, так как грузовик, на котором она должна была уехать, не явился.

Сита и я отправились в госпиталь, взяв с собой все, что могли унести. Там мы обнаружили полную неразбериху. Никто пока не уехал; более того, никто не знал, уедем ли мы вообще или нет. Сита поговорила со старшей сестрой, и в конце концов мы получили свои *Marschbefehle* [путевые предписания]. Мы можем

уехать из Вены каким угодно транспортом, но обязаны прибыть в базовый госпиталь люфтваффе в Шварцах-Санкт-Файте (это в Тироле) к 10 апреля. Таким образом, на дорогу нам дается ровно десять дней. Началось всеобщее *sauve-qui-peut* [спасайся кто может]. Наткнулась на профессора Хеглера, он сказал, что остается, так как у него есть раненые, которых нельзя перевозить из-за тяжелого состояния. Так настроены и многие другие врачи. Сейчас они совещаются и, как сообщают шепотом, даже обсуждают возможность сделать инъекции безнадежным, с тем чтобы они не попали в руки русских!

Вскоре, после освобождения Праги, старшего брата Лоремари Шенбург, раненого офицера, лежавшего там в госпитале, вытащат из постели и недрогнувшей рукой убьют. В общей сложности Лоремари потеряла в войну пятерых братьев.

Суббота, 31 марта. Сита Вреде вернулась в госпиталь посмотреть, что там происходит. Часть раненых и самые молодые сестры уже уехали. Остальные удивились, что мы все еще здесь.

В полдень — *coup de théatre* [неожиданный поворот дела]: венгерским автомобилям не разрешается покидать Вену, а те, которые попытаются, подлежат конфискации. А у Гезы Пеячевича будапештский номер! Несмотря на этот удар, он все ищет горючее. Я тем временем обхожу знакомых и прощаюсь. Петер Хабиг выразил удивление по поводу того, что все так стремятся уехать; сам он остается; но он пожилой человек и немногим рискует; кроме того, он считает, что все будет тянуться и дальше, как в Берлине. Я не согласна. Берлинцы — это берлинцы, а венцы — это венцы! Совсем другой народ. Возле продырявленного купола Оперы наткнулась на Волли Зайбеля. Он был в котелке и помахивал зонтиком — зрелище смелое, но совершенно не вяжущееся с обстановкой. Ну что ж, он известный венский щеголь. «*C'est épouvantable, mais que faire? Je reste!*» [«Это ужасно, но что делать? Я остаюсь!»]

Закончили упаковку багажа. Сизи Вильчек все упаковывала и распаковывала свой единственный рюкзак. Пришли Ласло Сапари и Эрвайн Шенборн помочь нам запихать то, что всегда запихивают в последний момент. Оба только что выбрались из дворца Шенборн, во двор которого угодила бомба, прежде чем они успели добежать до подвала. Здание сильно пострадало, и сейчас они выискивают в развалинах охотничьи трофеи Эрвайна; у него было много слоновых бивней, отделанных серебром, а также два чучела орангутанов; скорее всего, все это погибло. Ласло хочет попробовать вернуться к себе в имение, но в том направлении уже слышна стрельба. Русские уже около Баден-бай-Вин.

Геза в своей стихии: у него назначено три встречи в разных местах в одно и то же время, а пока он ведет переговоры в разбомбленных подвалах с сомнительными типами, которые предлагают ему бензин за американские доллары по несусветной цене, — короче говоря, он лихорадочно наслаждается жизнью, а мы, три женщины, горестно сидим на своих узлах и ждем чуда.

Я отвела его в отель «Империал», где Сандро Зольмс (чиновник Министерства иностранных дел) повелевает судьбой марионеточных правительств Румынии, Болгарии и т.п., которые он эвакуирует в окрестности Зальцбурга. Мы не рискнули признаться ему в том, что Гезу вышвырнули с его собственной дипломатической службы, и предъявили Сандро его хорватский дипломатический паспорт, дабы оправдать наличие венгерского номера на его машине. Бедный Сандро сказал, что поскольку Бальдур фон Ширах взял на себя всю полноту власти, он ничего не может поделать, и посоветовал нам пойти в Бальхаусплац — знаменитый дворец бывших канцлеров Австрийской империи, где сейчас располагается штаб Шираха.

Геза бесстрашно направился в это логово зверя, а я ждала его в машине. Его не было очень долго. Меня подмывало пойти за ним, но я не решалась оставить автомобиль из опасения, что его конфискуют. В конце концов он возвратился. Он ничего не добился и теперь винил себя в том, что мы до сих пор в Вене. Подчиненные Шираха, сказал он, были вежливы, но тверды: господин гауляйтер все подписывает сам, а сейчас его нет в городе. Приходите завтра!

В доме Вильчеков все в крайнем смятении. Казармы Ханзи приведены в состояние полной боевой готовности, мимо домика швейцара снует живописнейшая толпа: Анни Тун с ведрами воды, Эрвайн Шенборн с лестницей (он все надеется выкопать своих орангутанов!), Фрици Гогенлоэ с черной косматой бородой и увешанной медалями грудью — он только что из Силезии, и от его рассказов волосы встают дыбом: о том, как советские поступают там с женщинами (массовое изнасилование, множество бессмысленных убийств и т.п.) Наших мужчин, начиная с дяди Кари Вильчека, это приводит в неистовство. Мы с Сизи решили, что если Геза до завтра ничего не придумает, мы отправимся пешком, иначе дядя Кари может наделать глупостей и попасть в беду.

В конце войны около 10 млн. немцев бежали или были изгнаны из своих жилищ в Восточной и Центральной Европе. Из них более полумиллиона погибло; многие женщины подверглись изнасилованию.

Обедала с Францлом Таксисом; мы ели огромные шницели, купленные на последние мясные карточки, что мне прислала Татьяна, и поджаренные на спиртовке — очень жирные, но

изумительно вкусные — и запивали их даже слишком изысканными для такого жаркого винами, которые Францл спас из подвала разбомбленного дворца Турн-унд-Таксисов; но жалко оставлять их захватчикам. Брат Францла Вилли, судя по всему, вступил в какое-то австрийское подпольное сопротивление и носится повсюду с таинственным видом.

Речь идет о так называемом «05», военной организации, координировавшей действия различных подпольных антинацистских групп. По окончании войны ее члены играли ведущую роль в восстановлении демократического австрийского государства.

Сегодня вечером Францл устроил настоящий прощальный ужин. Теперь к нам присоединился шурин Гезы Капестан (что за имя!) Адамович, который только что бежал из Хорватии со своей женой и многочисленной детворой и все ждет, что Геза отправит его дальше на запад. Двоюродная сестра Сизи Вильчек Джина Лихтенштейн (жена правящего князя) послала ей специальный напиток, укрепляющий нервы; мы пили из бутылки по очереди большими глотками, и она быстро опустела. Я непрерывно варила кофе на своей спиртовке, и пошла в ход последняя бутылка коньяка «Наполеон» Паула Меттерниха.

Каталин Кински со своими двумя дочерьми и Фредди Паллавичини находятся в том же положении, что и Геза, из-за венгерских номеров на своих автомобилях. Гига Берхтольд приехал на автомобиле, нагруженном съестными припасами; его остановили гестаповцы, которые все забрали, конфисковали машину и объявили ему, что он может продолжать свой путь пешком. В свое время он был знаменитым покорителем женских сердец. Как и Пали Пальфи, который тоже тут застрял.

До сих пор большинство из них прожили военные годы, как в «доброе старое время»: обитали в своих огромных поместьях, не зная трудностей и лишений, не говоря уже об опасности, в стране, где магазины до самого недавнего времени ломились от товаров (Будапешт был настоящей Меккой для всей оккупированной немцами Европы), часто не зная — и не желая знать, — за что, собственно, кто-то там воюет. А теперь, практически за день-другой, весь их мир рухнул, и русские заняли их родину, сметая все на своем пути. С продвижением советских армий постепенно меняется национальность беженцев — последняя волна была из района Братиславы по ту сторону Дуная.

Русские вступили в Данциг, откуда все началось.

Воскресенье, 1 апреля. Западная Пасха.

Ходила в собор св. Стефана и сказала себе: увижу ли я его еще когда-нибудь? Особенно ту Богородицу в правой часовне, которую так любит Татьяна. Потом зашла помолиться в ма-

ленькую церковь св. Антония Падуанского на Кернтнерштрассе.

Тем временем Геза Пеячевич опять ходил в Бальхаусплац, и опять ему сказали, что Бальдура фон Шираха нет в городе. После чего Сита Вреде взяла дело в свои руки — как всегда. Заявив, что она точно знает, где он находится — пересиживает события в специальном убежище, построенном для него на горе Каленберг, — она добавила, что знакома с Висхофером, его личным адъютантом, и попросит *его*. Она уехала с Гезой, а Сизи Вреде, Мели Кевенхюллер и я в чрезвычайном волнении пообедали отвратительными бутербродами в кафе неподалеку.

Мели все еще хладнокровно рассчитывает выскользнуть из Вены в последнюю минуту на своей телеге с конной тягой. Мы поговорили о молодых людях — наших здешних знакомых, большая часть которых, похоже, просто испарилась, даже не попрощавшись, не говоря уже о том, чтобы предложить нам помочь. Может быть, и не надо их винить, они ведь, наверное, в большей опасности, чем мы, девушки. Тем не менее нам все-таки представляется, что «слабому полу» не предоставляют той защиты, на которую мы вправе рассчитывать. И здесь бросается в глаза разница между старшим и младшим поколениями! Если бы не Геза, который всех нас так поддерживает, мы оказались бы вынуждены полагаться только на самих себя.

В городе, словно грибы, за одну ночь повсюду появляются истерические прокламации Бальдура фон Шираха. Он напирает на необходимость защищать «страну наших предков» от этой «новейшей орды варваров»; все время всплывает имя Яна Собеского, победившего турок в XVII столетии.

Сита и Геза вернулись. На этот раз в машине сидел Геза, а Сита отправилась в святая святых. Отстранив всех нижестоящих, она ворвалась к самому Висхоферу, адъютанту Бальдура — все-таки весьма странные дружеские связи сестер Вреде порой приносят пользу! — и вскоре была допущена к Бальдуру. Сославшись на свое знакомство с Генрихом Хофманом (придворным фотографом Гитлера и к тому же тестем Бальдура), она попросила его выдать специальное разрешение, на основании которого Геза мог бы уехать из Вены. Сначала Бальдур как будто бы готов был это сделать, но затем позвонил кому-то по телефону, и его тон резко изменился: «Мне только что сообщили, что граф Пеячевич больше не является хорватским дипломатом!» Сита сказала, что ей об этом ничего не известно, и объяснила, что он везет с собой трех медсестер, обязанных воссоединиться с уже эвакуированным госпиталем, в котором они служат. На что Бальдур ответил, что ничего не может сделать, что в крайнем случае Геза мог бы выехать с дипломатической колонной, с которой эвакуируются другие работники его посольства, или же он мог бы просто

остаться в Вене. И все! Вернувшись к нам, Сита всплакнула по поводу Висхофера (адъютанта), который, по ее словам, сказал ей на прощанье: «Мы больше никогда не увидимся. Здесь стоим, здесь мы и погибнем!» Я в этом сильно сомневаюсь: думаю, что все они в последний момент драпанут.

Когда Вена была занята русскими, Бальдур фон Ширах действительно бежал на Запад, где без труда нашел работу у американцев. Однако по прошествии некоторого времени он сдался союзным властям. Его судили в Нюрнберге и приговорили к двадцати годам тюремного заключения за преступления против человечества. На суде он был одним из тех немногих, кто признал себя виновным, усматривая свою вину в том, что привил поколению молодых немцев веру в человека, который оказался вдохновителем и организатором массовых убийств.

Геза, разумеется, не может присоединиться к своим бывшим коллегам, так как он не выносит их, а они — его. В конечном итоге мы, девушки, решили уехать одни, чтобы предоставить Гезе свободу действий. Наверное, ему будет проще без трех женщин, о которых надо заботиться. Францл Таксис (один из немногих остающихся «преданных») был отправлен на вокзал узнать о поездах. Он вернулся с известием, что на большей части дорог движение прекращено, но мы пока еще можем попытаться воспользоваться линией Донау-Уфер-Бан — местной линией, проходящей вдоль Дуная и обслуживающей все виноградарские деревушки между Веной и Линцем. Следующий поезд отходил в четыре часа утра.

Ситу отправили домой в «Захер» поспать; Сизи удалилась в комнату брата Ханзи; а мы с Гезой варили кофе. Никто не раздевался. Геза сказал мне, что он вошел в сговор с тремя сомнительными эсэсовцами в небольших чинах, которые обещали ему достать фальшивые документы на новые номерные знаки, если он согласится вывезти их из Вены. Итак, крысы бегут с тонущего корабля! Эта идея ему тем более нравится, поскольку у него нет выбора. Что ж, в нынешнем хаосе это, пожалуй, имеет смысл.

Мы попрощались с обитателями Херренгассе. Бедный дядя Кари Вильчек выглядел очень грустным; кто знает, когда мы его теперь увидим и увидим ли вообще. Потом Геза отвез Сизи и меня на вокзал Франца-Иосифа, по дороге мы забрали Ситу. Весь свой тяжелый багаж мы оставили в Вене, в том числе и наши меховые шубки; Геза обещал вывезти все, что сможет. Если не сможет, *tant pis!* [Бог с ними!]

ДОРФ-АН-ДЕР-ЭНС. *Вторник, 3 апреля.* На вокзале был строгий контроль, просто так никого не пропускали. К счастью, мы едем легально — на что мы уже и не надеялись — с заверенными печатью путевыми предписаниями. Мое гласило: «Медсес-

тра немецкого Красного Креста Мария Васильчикова командируется в Шварцах-Санкт-Файт в распоряжение передового отряда госпиталя люфтваффе 4/XVII»; далее говорилось, что любое передвижение в ином направлении может рассматриваться как дезертирство.

Поезд, естественно, был переполнен, так что мы с Сизи Вильчек втиснулись в один вагон, а Сита Вреде — в другой. Выехали мы строго по расписанию, сильно беспокоясь за Гезу Пеячевича. Поезд едва тащился. Ничего съестного у нас с собой не было, мы скоро проголодались. Около полудня, вскоре после Кремса, появились первые вражеские самолеты. Они проявили к нам некоторый интерес. Мы въехали в туннель и оставались там в течение шести часов, пока бомбардировщики сравнивали Кремс с землей.

Поезд, на котором они уехали, был последним поездом из Вены, так как этот налет перерезал все еще остававшиеся железнодорожные пути.

Помимо рюкзака и разных сумок, Сизи прижимает к груди пакет размером с коробку для обуви. Там несколько миллионов марок и столько же чешских крон — все наличные деньги семейства Вильчеков. Их следует передать ее родителям в Каринтии. Представляю, сколько тревог это маленькое состояние доставит нам в дороге.

Так как в туннеле мы начали задыхаться, мы вышли и стали бродить около туннельного выезда. Над нами пролетало множество бомбардировщиков, направляющихся к Вене. Когда мы снова тронулись в путь, было уже темно. Поезд все время останавливался, и каждый раз Сизи выходила из вагона и ложилась на землю рядом с рельсами. Мы страдали от тесноты и очень устали. К этому времени Сита уже ехала в нашем вагоне, вытянувшись в полный рост на полу под одной из лавок. На Херренгассе, перед самым отъездом, она собрала все, что Сизи выбросила за ненадобностью — старые туфли на пробковой подошве, термосы без крышек, фальшивые драгоценности, — и все это сейчас едет с нами, ибо, как она говорит, «как знать: а вдруг...»

В два часа ночи рядом с нами остановился товарный поезд. Сизи пошла на разведку. Она выяснила, что этот поезд отправится раньше нашего, и мы решили на него пересесть. Мы слезли, забыли пакет с деньгами, вернулись за ним и взобрались на товарный поезд, состоявший из открытых платформ, набитых людьми, закутанными в одеяла; это оказались беженцы из Венгрии. На одного из них Сита по ошибке уселась, и кто-то закричал: «Vorsicht! Frisch operiert» [«Осторожно! Его только что оперировали!»] Теперь мы снова были в пути. Стояла чудесная лунная ночь, только очень холодная. А потом над Дунаем взошло солнце.

Довольно долго мы стояли в Швертберге, где находится родовое гнездо Хойосов — родных Мелани Бисмарк. Тут мы узнали, что поезд, с которого мы сошли, быстро нагоняет нас и в конце концов обгонит. Сита, онемевшая от негодования, пристала к начальнику станции, показала ему наши путевые предписания и потребовала, чтобы нас отправили в первую очередь. Он только тупо смотрел на нее. Тогда она стала обрабатывать машиниста, предложила ему сигареты — столь же безуспешно. Наш прежний поезд, пыхтя, въехал на станцию и со скрежетом остановился. Мы в мгновение ока вскочили в него снова и вскоре доехали до Санкт-Валентина на реке Энс — это конечная станция этой линии.

В Санкт-Валентине мы по разбитым путям перебрались на другой поезд, который довез нас до Дорф-ан-дер-Энс (где находится имение Жози Розенфельд) к девяти часам утра. К этому времени мы были в дороге уже сутки и с самого отъезда ничего не ели. Дом Жози расположен в получасе ходьбы от станции. Мы поплелись туда, едва держась на ногах от голода, и ввалились к ней со всеми своими рюкзаками, сумками, пакетом с деньгами... Воображаю зрелище!

Жози немедленно занялась нами. Сначала мы позавтракали. Потом приняли ванну. Через два часа мы уже снова выглядели цивилизованными. Дом — как и многие усадьбы в этих местах — построен вокруг открытого, окруженного аркадой двора, и атмосфера здесь очень *fin de siècle* [конца века] и живописная. Жози живет здесь с матерью и двумя незамужними тетушками — добродушными, но суетливыми старушками, которые смотрят на нас с ужасом. Но она не собирается оставаться здесь при русских и уже лихорадочно упаковывает вещи. Тетушки отказываются трогаться с места, и к тому же ситуация осложняется присутствием двоих детей Гогенбергов, восьми лет и одного года, с их няней. Их отец, князь Эрнст, второй сын эрцгерцога австрийского Франца-Фердинанда (с убийства которого в Сараево началась Первая мировая война), был одним из первых австрийцев, интернированных в Дахау после аншлюсса. Мать их англичанка. Родители остались в Вене, где князь надеется в будущем принести Австрии пользу.

Мы приклеились к радиоприемнику, но о Вене ничего нового не сообщают. Кроме того, мы помогаем Жози упаковывать огромные количества довольно уродливого серебра в корзины для белья. Затем с помощью нескольких дружелюбных французских военнопленных, которые работают здесь в качестве батраков, мы прячем их в цементные трубы и закапываем в саду. После этого французы — все они типичные южане — заходят вместе с нами в дом выпить стаканчик вина. Все это делается при свечах, чтобы не возбудить подозрения у соседей. Разумеется, много шепота и смеха, но работа тяжелая.

Французские военнопленные использовались в сельском хозяйстве по всей Германии и Австрии и почти всегда проявляли дружелюбие, усердие и находчивость. Когда война закончилась и их освободили, они часто предлагали покровительство всем, кто в нем нуждался, и нередко охраняли своих бывших работодателей, когда те спасались бегством на Запад. Так было, в частности, с Паулом и Татьяной Меттерних. Каковы бы ни были их политические позиции (а среди них было немало с так называемыми «прогрессивными» взглядами), большинство предпочло дойти пешком до Франции, чем дожидаться прихода своих восточноевропейских «освободителей».

Среда, 4 апреля. Гезы Пеячевича все еще нет. Мы решили подождать его еще сутки. Если не дождемся, отправимся в Гмунден одни.

ГМУНДЕН. *Четверг, 5 апреля.* Встали в четыре утра и ушли еще затемно. Некоторое время с нами шла Жози Розенфельд, она надеялась отыскать в близлежащем Штайре парикмахерскую. Наткнулись на двоих пьяных солдат; они шли пешком от самой венгерской границы, и до сих пор их ни разу не задержали. Что показывает, в каком состоянии находится сейчас немецкая армия вообще.

К десяти утра были в Линце. Район вокзала представлял собой сплошные развалины, среди которых толпились люди. Картина удручающая. Гитлер мечтал превратить Линц в крупный центр искусств. Насколько мы могли видеть, немного теперь от него осталось.

Поскольку поезд на Атнанг-Пуххайм (следующий пункт нашего маршрута) отходил только в два часа дня, а оставить вещи было негде, то мы гуськом зашагали в город, таща за собой барахло. Было очень жарко. Сита Вреде тащилась сзади, навьюченная своими разными корзиночками. Мы умоляли ее выбросить все это, но она ни за что не соглашалась.

Наконец мы отыскали маленькую неповрежденную гостиницу, где нам позволили умыться и отдохнуть. Потом мы пустились на поиски почты, чтобы послать телеграммы родным. Безуспешно. Я попыталась найти мясную лавку и вскоре, очень гордая, вернулась с полфунтом колбасы. Однако и Сизи, и Сита были уверены, что она сделана из конины или, хуже того, из собачьего мяса, и не стали к ней прикасаться. Мы отдали ее официантке, та страшно обрадовалась. Подкрепившись жидким супом, Сизи и я пошли в парк и сели на скамейку погреться на солнце. Нас окружали воронки от бомб. Завыли сирены. Мы зашли в гостиницу за Ситой и нашим багажом и помчались обратно на станцию. Что бы ни случилось, мы не хотели застрять в Линце, а для этого следовало избегать убежищ.

На станции стоял гвалт. Люди явно не знали, куда идти и что делать. Сизи приметила на другом пути поезд, разводивший пары и отправлявшийся, судя по всему, как раз туда, куда нам было нужно. Мы забрались в вагон и стали ждать развития событий. Нам повезло: вместо того, чтобы отправиться по расписанию, поезд отошел тут же, чтобы не попасть под надвигающийся налет.

Атнанг-Пуххайм — важный железнодорожный узел, где останавливаются поезда на Гмунден и Зальцбург. Мы сошли и направились в деревню. Она состояла из одной улицы. Нас накормили супом на раздаточном пункте Красного Креста, который занял тут все гостиницы. Нам сказали, что сюда поступают целые потоки раненых. Мы были приятно удивлены при виде хорошеньких загорелых медсестер, бодрых и приветливых. Война здесь, казалось, далеко-далеко. На почте даже приняли мою телеграмму на имя Мамá; вот только не знаю, дойдет ли она. Татьяна в Гамбурге, это уж чересчур далеко, туда не дойдет ничего, не стоит и пробовать.

В пять вечера мы сели на поезд, идущий на Гмунден; там Сизи и я сошли, а Сита поехала дальше, в Альтмюнстер. На будущей неделе мы воссоединимся и отправимся в Шварцах-Санкт-Файт.

Наше первое впечатление от Гмундена было не самое благоприятное. Нам пришлось долго ждать трамвая; впрочем, мы давно привыкли ко всем этим нескончаемым задержкам. На трамвае мы доехали до рыночной площади перед главной гостиницей города — отелем «Шван», неподалеку от озера. Здесь тоже большая суматоха: все время прибывают грузовики, полные беженцев из Вены. Деваться им некуда, их просто сгружают, и они сидят повсюду на своих узлах. Среди них я узнала одного испанского дипломата.

Мы поднялись пешком на крутой холм, где расположена Кенигин-вилла. Построена она была дядей королевы Виктории, герцогом Камберлендским, а сейчас принадлежит незамужней тетке Кристиана Ганноверского — принцессе Ольге. Вилла выглядела безлюдной. Я прошла в конюшню, пытаясь кого-нибудь найти, а Сизи преградил дорогу большой волкодав, который начал с бешеным лаем кружиться вокруг нее. Поблизости висело несколько табличек «Злая собака», и мы порядком напугались. В конце концов нас впустила беженка — жена немецкого полковника, живущая здесь с двумя детьми. Позвали фройляйн Шнайдер, типичную старомодную горничную, в пенсне и с высокой прической, она повела нас наверх и разместила в спальне. Спальня маленькая, с узкой кроватью и шезлонгом. Мы бросили жребий, кому где спать. Фройляйн Шнайдер расстроилась, так как, хотя Кристиан и велел ей ожидать нас, она не знала точной даты нашего приезда и не смогла устроить нас более комфорта-

бельно. Но мы так благодарны Кристиану хотя бы за это, что и не думаем жаловаться.

Жена полковника пригласила нас на ужин. Она очень любезна. Потом мы предались несравненной роскоши — принимали ванну в ванной комнате, с пола до потолка отделанной семейными фотографиями европейских царствующих домов викторианской эры.

Внезапно мы услышали гудок. Это был Геза Пеячевич! Он приехал со своим шурином Капестаном Адамовичем. Оказалось, что они не только живы и здоровы, но даже привезли с собой весь наш багаж, пальто и прочее. Но это еще не все. Геза где-то раздобыл трейлер, он прицепил его к своей машине и нагрузил его брошенным имуществом многих других наших друзей. Поразительно, как многого может добиться решительный и смелый человек даже в такое время, как нынешнее! Пришлось оставить только мой розовый аккордеон и один из чемоданов Сизи.

Мы настаивали, чтобы они переночевали здесь, но где? Дом очень большой, но все комнаты забиты мебелью из расположенного рядом замка, где теперь госпиталь. В конце концов мы, девушки, обе разместились на узенькой кровати, Геза устроился в шезлонге, а Капестан лег спать на импровизированном диване в ванной комнате. Но сначала мы попросили их рассказать, что произошло в Вене после нашего отъезда.

События там развивались, оказывается, настолько быстро, что Ханзи, брат Сизи, выступил со своим полком в Амштеттен в тот же день, когда мы уехали. Геза и Капестан уехали на следующее утро, вместе с тремя дезертирами-эсэсовцами, которые достали бензин, документы и номерные знаки. В обмен на это Геза взялся вывезти заодно и весь их багаж. К нашему изумлению, один из эсэсовцев оказался нашим приятелем: заместитель администратора отеля «Бристоль» г-н Руш. Он слишком симпатичный человек, чтобы быть эсэсовцем, и я подозреваю, что он тоже путешествует с фальшивыми документами — чтобы выбраться. Что касается документов Гезы, то они удостоверяют, что он путешествует по секретному заданию гестапо! Они действительны на месяц и позволяют ему свободно передвигаться по всем окрестностям Зальцбурга. Предполагалось, что он передаст свою машину трем эсэсовцам в Санкт-Гильгене, но он не собирается этого делать, так как считает, что и без того сделал для них предостаточно. Пока что он высадил их в Линце.

БАД АУСЗЕЕ. *Пятница, 6 апреля.* Мы разгрузили машину, и мужчины поехали к Эльцам в Бад Аусзее, где их ждали жена Гезы Пеячевича Али (это сестра Сизи Вильчек) и двое *их* детей, а также жена Капестана Адамовича Стефф и четверо *их* детей. Мы собираемся к ним туда в субботу на уикэнд.

Но сначала нужно было получить официальное разрешение на проживание в Кенигин-вилле. Нацистский крайсляйтер Гмундена был весьма нелюбезен, зато бургомистр оказался приличным человеком, и, услышав наши имена (которые ему упоминал Кристиан Ганноверский), он сразу же разрешил нам жить там, где мы поселились. Кристиан поговорил также и с садовником, и тот позволил нам брать себе любые имеющиеся в хозяйстве овощи и фрукты, так что с голоду мы, видимо, не умрем. Сизи затаилась, так как в здешнем гмунденском госпитале, к которому она прикомандирована, пока не знают о ее прибытии. Мы пообедали в отеле «Шван», где один человек, только что приехавший из Вены, рассказал нам, что уже вчера советские вешали членов нацистской партии на деревьях в венском предместье Флоридсдорф.

После обеда мы поехали на поезде в Бад Ишль и навестили Штарембергов. Геза заехал за нами, и мы отправились в Бад Аусзее. У мамаши Эльц нет никаких известий ни от кого из сыновей, но говорят, что Альберт скрывается в лесу где-то поблизости.

Суббота, 7 апреля. Завтрак в семейном кругу, затем прогулка с детьми в поисках одуванчиков. Из них получается превосходный салат. Потом парикмахерская. Стефф Адамович готовит на всех нас, а это нелегко, поскольку ни у кого из нас нет продовольственных карточек.

ГМУНДЕН. *Воскресенье, 8 апреля.* В церкви сегодня утром было много беженцев из Вены — семейства Гогенлоэ, Пальфи и прочие. После обеда Пеячевичи отвезли Сизи Вильчек и меня обратно в Бад Ишль. На дороге нас остановила эсэсовская застава. Мгновенный страх! Геза предъявил свои фальшивые документы. Они потребовали наши. В моих документах значилось, что мне надлежит следовать в Шварцах-Санкт-Файт, а это совсем в другом направлении, и они сразу насторожились. Они стали цепляться к датам и поинтересовались, почему я до сих пор так далеко от места назначения. Я объяснила, что выехала из Вены значительно позже даты, указанной в моем предписании. В конце концов командовавший патрулем сержант сказал, что если бы он был не таким добрым, то выволок бы меня из машины и послал рыть окопы. Я разозлилась. «Полагаю, — ответила я, — что сейчас, на шестом году войны медсестрам найдется более полезное применение». Диалог был не из приятных, и путь мы продолжали в подавленном состоянии. В Бад Ишле Сизи и я сели на поезд в Гмунден. Теперь мы собираемся день-другой отдохнуть.

Понедельник, 9 апреля. Погода прекрасная. Мы греемся на солнце, расположившись на террасе Кенигин-виллы, откуда открывается чудесный вид на озеро и горы. Сизи Вильчек должна явиться в свой госпиталь в Гмундене уже совсем скоро.

Сегодня в отеле «Шван» мы встретили Эрбахов. Князь Эрбах был последним германским послом в Афинах, его жена Эржебет — сестра Каталин Кински. Они только что бежали из Венгрии. Они рассказали, что эсэсовцы задержали Каталин в Линце и конфисковали все, что она везла с собой из самой Венгрии в надежде прокормить этим детей, пока не кончится война — главным образом ветчину, муку и колбасу. Эрбахи могут пробыть в отеле всего одну ночь и не знают, как им быть. Нам очень неловко, что мы живем здесь так, относительно говоря, роскошно; но без разрешения Ганноверов (а они все в Германии) мы не осмеливаемся никого у себя селить.

Вторник, 10 апреля. Сизи Вильчек поговорила с главным врачом так называемого Камберлендского госпиталя, расположенного рядом с нами; он предложил ей там работать. Это будет гораздо удобнее, ведь всего-то и надо, что пройти через парк, — но она колеблется: у них не оперируют, а она всю войну проработала в хирургии.

Среда, 11 апреля. Полковник, семья которого живет здесь над конюшней, приехал из Ламбаха повидаться со своими. Он считает, что война кончится самое позднее через две недели, и не советует мне ехать в Шварцах-Санкт-Файт. Он командир шпренгкоммандо (взрывной команды) и часто видится в Линце с гауляйтером Айгрубером — фактическим королем этой части Австрии. Айгрубер — на редкость отвратительный тип, без конца разглагольствующий о «сопротивлении», «чести» и так далее.

Мы теперь узнали, что никто из наших раненых в Шварцах-Санкт-Файт не попал: добрались туда только младшие сестры и кое-кто из врачей. Но у меня на руках предписание, и, хотя я предпочла бы оставаться здесь и встретить *Zusammenbruch* [крушение] в кругу друзей, покамест благоразумнее подчиниться. Часть пути я проделаю с Гезой Пеячевичем на его машине.

Четверг, 12 апреля. Полковник отвез Сизи Вильчек и меня на станцию Гмунден, поскольку несмотря на то, что часть моих вещей отправлена заранее, сумки у меня все-таки очень тяжелые. Маленький местный поезд на Санкт-Гильген был так переполнен, что мы впихнули свой багаж внутрь через окна и простояли на самой нижней ступеньке вагона, крепко держась за что только могли. Подошел кондуктор и заставил нас слезть; мы обежали поезд кругом и, как только он тронулся, взобрались на ступеньку с другой стороны. Сизи стояла одной ногой на ступеньке одного вагона, а другой — на ступеньке другого. Мы помчались вперед, умирая от страха. Спас нас какой-то военный врач, он вспрыгнул на поезд позади нас, а иначе мы непременно слетели бы с нашего ненадежного насеста, зацепившись за торчащую ветку или за стены узкого туннеля. В Санкт-Гильгене нас встречали на станции Геза и Али.

В этот день в Уорм-Спрингс (штат Джорджия) умер президент Рузвельт.

Пятница, 13 апреля. Дорога в Радштадт совсем истрепала нам нервы. Повсюду заставы: то армейская фельджандармерия, то СС. Эсэсовцам Геза предъявлял свои фальшивые гестаповские документы, фельджандармерии — свой хорватский дипломатический паспорт. Поскольку армия и СС терпеть друг друга не могут, ему приходилось глядеть во все глаза, чтобы не спутать тех и этих. Это не так легко, потому что издалека их форма практически неразличима. Нам сказали, что за Фушлем (резиденцией Риббентропа) заставы на дорогах особенно строги: несколько машин конфисковали, а ехавших на них высадили. На одной из эсэсовских застав эсэсовцы угрожающе собрались вокруг нас, но, увидев документы Гезы, дали знак проезжать со словами: *«Kolonne der Geheimen Staatspolizei»* [«колонна гестапо»] и даже сочувственно посоветовали остерегаться: одного человека, их товарища, только что застрелил водитель, переодетый фельджандармом, и теперь они его разыскивали.

Мы добрались до Радштадта как раз вовремя: я едва успела вскочить на подножку отходящего поезда. Он уже тронулся, когда Геза бросил мне пачку продовольственных карточек. Через час я была в Шварцах-Санкт-Файте. По дороге мы проезжали через место, называемое Бишофсхофен, и меня поразила колючая проволока, натянутая по обе стороны путей. Оказалось, что это лагерь для русских или поляков; они собрались у ограды и безучастно глядели на нас.

Сам Шварцах-Санкт-Файт — крохотная деревушка, зажатая со всех сторон сумрачными некрасивыми горами. Приехала я туда в шесть часов. Мне сказали, что главный врач д-р Тимм ужинает где-то в гостинице и велел явиться туда. На рыночной площади я налетела прямехонько на сестру Агнес и еще двух сестер; все трое были в прелестных «дирндлях» (баварских деревенских платьях). Сестра Агнес радостно завизжала, увидев меня, и выложила мне местные новости: все стоит, никакой работы не будет еще две недели, здешний госпиталь разделен на два соперничающих клана, один из которых переехал в Бад Гастайн...

В конце концов я отыскала д-ра Тимма, который ужинал с шестью или семью другими офицерами. Первый вопрос его был: «Где Кармен?» — он имел в виду Ситу Вреде. Потом он спросил, нашла ли я себе жилье, так как ему селить меня негде, места нет, он может предложить мне разве что собственную кровать! Я робко заметила: может быть, мне лучше уехать и поступить в другой госпиталь? По его словам, он подумал, что Сита и я дезертировали, и сообщил о нас как о дезертирах в окружной штаб военно-

воздушных сил в Бад-Ишле — при этом он выразительно подмигнул; потом добавил: «Нет, нет, я категорически настаиваю, чтобы вы работали здесь в хирургии. Мы откроем ее через десять дней». А пока что я могу поехать обратно в Гмунден, но с тем, чтобы к этому сроку вернуться и непременно привезти Ситу. Он даже предложил одному ужинавшему с ним полковнику, едущему в Гмунден, меня подвезти. Я поспешно собрала весь свой багаж — то, что я отправила сюда заранее, и те сумки, с которыми теперь приехала, — и в восемь вечера мы тронулись в путь. Полковник, сидевший впереди меня рядом с водителем, нервничал. В горах, сказал он, сейчас везде партизаны. Мы поехали окольной дорогой через Зальцбург и попали в Гмунден только в час ночи.

Суббота, 14 апреля. Хотя я очень устала от всех этих поездок, я пошла пешком в Альтмюнстер — это около двух часов туда и обратно — чтобы сообщить Сите Вреде хорошую новость.

Вчера русские оккупировали Вену. Говорят, что не было почти никакого сопротивления. [*В действительности битва за Вену, начавшаяся окружением города 6 апреля и продолжавшаяся менее недели, сопровождалась кровавыми и разрушительными уличными боями*].

Гауляйтер Айгрубер возвещает по радио, что Обердонау — таково нацистское наименование провинции Верхняя Австрия — должна сражаться до последнего человека; отступать некуда; женщин и детей эвакуировать не будут даже в самой тяжелой ситуации, потому что эвакуировать их некуда. Своей риторикой он копирует Адольфа, но он хоть не пытается скрыть тяжесть положения. В порядке компенсации он обещал устроить населению специальную раздачу риса и сахара.

Воскресенье, 15 апреля. Весь день отдыхала и приводила в порядок комнату. Наконец распаковала свои вещи.

Понедельник, 16 апреля. Поскольку поезда больше не ходят (из-за отсутствия угля), поехала на велосипеде в Бад Ишль, за сорок километров, забрать шубу и рюкзак, оставленные мной у Штарембергов. Экспедиция заняла пять часов! Местность здесь красивая. Но в одном месте у дороги опять оказался концентрационный лагерь. Вдали виднелись бараки. Лагерь был полностью огорожен колючей проволокой. Он называется Эбензее. Никто не знает точно, какие там заключенные и сколько их, но говорят, что это один из самых страшных лагерей в Австрии, и даже когда просто проезжаешь мимо, и то становится жутко.

Концлагерь Эбензее (филиал Маутхаузена) славился суровыми условиями и высокой смертностью. При приближении 3-й армии генерала Паттона комендант-эсэсовец приготовился взорвать 30 тысяч остававшихся в лагере заключенных в туннеле, наполненном взрывчаткой, но охранники

лагеря (в большинстве своем фольксдойче, репатриированные с Востока) отказались выполнить его приказ, и узники остались живы. Сейчас там мемориальное кладбище.

Среда, 18 апреля. Геза Пеячевич звонил из Санкт-Гильгена и сообщил, что видел кого-то, кто встретил Паула Меттерниха в Берлине. Его наконец демобилизовали, и он ехал к себе в Кенигсварт. Мы ожидали, что это произойдет гораздо раньше, во-первых, потому, что он князь (хотя и не королевской крови), а во-вторых, потому, что мать и жена у него иностранки. Но похоже, что власти вспомнили об этом лишь теперь. Татьяна была с ним. Теперь мы должны молить Бога, чтобы они выбрались прежде, чем сомкнется кольцо вокруг Берлина. Бои там идут уже в предместьях.

Четверг, 19 апреля. Мы с Сизи Вильчек изо всех сил стараемся раздобыть еду. В магазинах больше ничего не продается, гостиницы переполнены, и если там что и подают, то отвратительного качества. Так как мы обе не работаем — в госпиталях хотя бы есть столовые, — то находимся на грани голодной смерти. Тем не менее Сизи все откладывает возвращение в свой госпиталь. Она в состоянии полного истощения, спит по многу часов подряд и выглядит очень плохо: начинают сказываться пять лет в хирургии. А ведь она такая хорошенькая, и видеть ее в таком плачевном состоянии особенно жаль.

Пятница, 20 апреля. День рождения Адольфа. Смехотворная речь Геббельса: *«Der Führer ist in uns und wir in ihm!»* [«Фюрер в нас, а мы в нем!»] Да сколько же можно! Он добавил что восстановить все разрушенное не будет трудно. Между тем союзники наступают со всех сторон, и воздушные тревоги следуют одна за другой. Но жена нашего полковника верит всем этим заявлениям. Она убеждена, что Германия обладает секретным оружием, которое пустят в ход в последний момент: как же иначе могли бы делаться подобные заявления? Она настаивает, чтобы мы с ней завтракали. Это очень мило с ее стороны, потому что это единственное, чем мы питаемся каждый день.

Суббота, 21 апреля. В 11 утра Сизи Вильчек позвала меня на крышу. В небе было множество самолетов. Они летели отовсюду и сверкали серебром на солнце. День был прекрасный, но он оказался трагическим для расположенного внизу Атнанг-Пуххайма. Мы видели, как на него дождем посыпались бомбы. Самолеты не исчезали из виду: сделав свое дело, они еще раз пролетали у нас над головами. Налет продолжался три часа. Я ни разу не видела воздушный налет с такого близкого расстояния: обычно, когда прилетали самолеты, мы уже сидели в подвалах. На этот раз я видела все. Земля буквально сотрясалась от взрывов. Это было жутко и красиво в одно и то же время.

Воскресенье, 22 апреля. Не переставая льет дождь. Мы ходили в церковь. На обратном пути нас нагнал грузовик с солдатами. Мы попросили нас подвезти, но по дороге он неожиданно свернул и направился в сторону Линца. Нам едва удалось привлечь внимание водителя и заставить его остановиться. Некоторые из солдат имели на шее рыцарский крест. Их отправляли обратно на фронт. Они предложили нам ветчины. Судя по всему, вчерашний налет на Атнанг-Пуххайм повлек за собой очень большое количество жертв: на станции, на боковых путях, стояло несколько поездов Красного Креста. Я подумала о всех этих хорошеньких, загорелых молодых сестрах, которые так мило отнеслись к нам, когда мы остановились там по пути из Вены — всего две недели назад! Взлетели на воздух и запасы риса и сахара, обещанные гауляйтером Айгрубером умирающему от голода населению.

Сегодня русские взяли Эгер. Это означает, что теперь и Кенигсварт в их руках. Успели ли уехать родители?

Понедельник, 23 апреля. Сизи Вильчек наконец явилась в свой госпиталь в Гмундене. Я снова ездила на велосипеде в Бад Ишль. Там за обедом в гостинице я разговорилась с человеком, который покинул Вену 11-го. Он рассказывал страшные вещи о начавшихся в последний момент схватках между фольксштурмом (народным ополчением) и эсэсовцами.

Вторник, 24 апреля. Сизи Вильчек провела день у себя в госпитале за стиркой грязных бинтов. Операции там как будто пока не делают. Сейчас у нее жар. Пытаюсь достать для нее что-нибудь поесть. Опять льет дождь.

Среда, 25 апреля. Наконец-то солнечный день. Загорали на террасе. Днем долго катались на велосипедах вокруг озера. Когда сидели на берегу, горы вокруг нас стали погромыхивать и словно бы зашатались. Мы поняли, что где-то налет, но не могли разобрать, где именно. Казалось, что бомбят совсем близко, но самолетов не было видно. Приехав домой, мы узнали, что на этот раз бомбили Берхтесгаден примерно в пятидесяти километрах отсюда, а хорошо слышно было потому, что в горах сильное эхо. Позже Сита Вреде сообщила нам подробности по телефону. Берхтесгаден она назвала *der Fels* [скалой]. Там подолгу проживал Гитлер.

В тот день американские и советские войска встретились на берегах реки Эльбы, близ Торгау. Теперь нацистский Рейх оказался разделенным надвое.

Четверг, 26 апреля. Сегодня утром Сита Вреде приехала нас навестить. Неподалеку снова был налет. Мы лежали en deshabillé [в халатах] на террасе и наблюдали за самолетами. Вдруг один из них вернулся и стал кружить над озером. Поскольку они редко

летают в одиночку, Сита подумала, что это подбитый американский бомбардировщик. Мы лениво следили за его виражами, и вдруг он начал снижаться прямо на нас. Мы вскочили на ноги и помчались в гостиную, уверенные, что он сейчас врежется в дом. Мы не успели опомниться, как он упал за нашим домом в парке. Мы ринулись туда, но когда добежали, он так пылал, что никто не решался к нему приблизиться. Нам сказали, что экипаж успел выброситься, но вряд ли им удалось сделать это за такое короткое время. Возможно, летчик пытался сесть на брюхо на лужайку и просто промахнулся. Мы долго не могли придти в себя.

Полковник прислал солдат, которые вскапывают парк под огород. Теперь самое страшное, что нам грозит, — это повсеместный голод.

В тот день Муссолини, его любовница Клара Петачи и ряд фашистских вождей были расстреляны итальянскими партизанами, а их тела были подвешены за ноги на главной площади Милана.

Пятница, 27 апреля. Вернувшись сегодня вечером домой, я увидела, что у дверей стоит большой серый автомобиль. Я узнала водителя: это был шофер Юргена Герне, мужа Антуанетт Крой (тот самый, который жарил нашего гуся в Вене четыре месяца назад!). Юрген сказал, что он только что провел несколько дней с Антуанетт в Баварии. Он получил приказ следовать в Чехословакию, в армию фельдмаршала Шернера, которая вот-вот попадет там в окружение; но его часть застряла в Клагенфурте. Он явно тянет время. Мы сказали ему, как тут плохо с едой, и он обещал помочь.

Услышали по радио, что дом Бисмарков во Фридрихсру подвергся бомбардировке и разрушен и несколько человек погибли. Как хорошо, что Татьяны и Паула Меттерниха уже там нет — но где они? Эгер и Мариенбад вроде бы в руках не у русских, а у американцев. А где Бисмарки?

Хотя союзники продвигаются со всех сторон и продолжать войну явно нет смысла, немецкие войска в нашей части страны сохраняют в общем дисциплину и послушание.

Воскресенье, 29 апреля. Мы поселили Юргена Герне и его адъютанта Ауэра у нас в доме, так как им больше некуда деться. Управляющий имением Ганноверов г-н Штракке начинает нервничать по поводу всех этих постоянных приездов и отъездов, но в такое время, как сейчас, отказать нельзя: к тому же пока что все, кто останавливался в доме, лично знают братьев Ганноверских, а уж они-то безусловно не были бы против. Юрген считает, что мне не следует возвращаться в Шварцах-Санкт-Файт. Он полагает, что война кончится через неделю.

Погода переменилась, опять идет сильный дождь и даже шел снег. Мы ездили на велосипедах в церковь, а остальное время сидели дома. Потом приехал Геза Пеячевич — навестить Сизи Вильчек и обсудить планы на будущее. Он достал паспорта для жены и детей и везет их в Швейцарию. Он хочет, чтобы Сизи поехала с ними, но она плачет и отказывается ехать.

Я разговаривала с главным врачом Камберлендского госпиталя, что в замке. Но он может принять меня на работу только в том случае, если я буду уволена из люфтваффе начальником медицинской службы авиационного округа в Бад Ишле, так как здесь все госпитали подведомственны армии. Мы решили поехать туда втроем. Если мне удастся это сделать, то я на несколько дней съезжу с Гезой и Сизи в Моосхам, где у Вильчеков замок, в котором они собираются отсидеться до конца войны. После этого я вернусь сюда на работу. Хотя Сизи и слышать не хочет о том, чтобы ехать в Швейцарию, она согласилась навестить своих родителей. Возможно, у нее не будет другого случая поехать туда на автомобиле, а в Моосхаме ее по крайней мере накормят. Что же касается Ситы Вреде, то она решила игнорировать все приказы и пойти работать в здешний госпиталь.

В тот день в Казерте, после тайных переговоров, продолжавшихся несколько месяцев, обергруппенфюрер СС Карл Вольф, командующий всеми германскими вооруженными силами в Италии, сдался союзникам со всеми подчиненными ему войсками.

МООСХАМ. *Понедельник, 30 апреля.* Отправилась в дорогу под проливным дождем. Я опять нагрузилась множеством ненужного багажа на тот случай, если мне ничего не удастся добиться в Бад Ишле и придется все-таки ехать в Шварцах-Санкт-Файт.

В Бад Ишле я лишь с большим трудом отыскала начальника медицинской службы авиационного округа, который уже отправился ужинать с группой офицеров-сослуживцев. К счастью, я была в униформе, и он провел меня к себе в кабинет. Я обрисовала ему положение в Шварцах-Санкт-Файте, после чего он выдал мне справку, освобождающую меня от обязательств по отношению к люфтваффе, что означало, что теперь я могу поступить на работу в любой госпиталь по своему выбору. Он этим сразу меня очаровал.

Теперь мы все могли отправиться дальше в Моосхам. Колонну возглавлял Геза Пеячевич с Али, Сизи Вильчек и мной. За ним ехала Стефф Адамович со всеми детьми. Третий автомобиль, принадлежащий Якобу Эльцу, вел Капестан. Все машины были нагружены самым разнообразным багажом, включая мешки с

мукой и рисом и банками консервов, захваченные с собой в разных местах во время исхода клана Пеячевичей/Адамовичей из Венгрии — и чудом уцелевшие.

Проезжая через Бад Аусзее, мы наткнулись на Дики Эльца. Это был приятный сюрприз, но он выглядел несчастным и растерянным; его единственное желание, сказал он, — вернуться к себе домой на Балканы!

Мы ехали вполне благополучно, как вдруг Капестан пропал. Мы ждали, ждали и наконец вылезли размяться. Он появился снова, и мы поехали дальше. Через шесть километров Сизи отчаянно вскрикнула: она оставила на обочине, где мы останавливались, свою сумочку со всеми документами и коробку с фамильным достоянием Вильчеков. Стефф развернулась и повезла ее обратно. Вернувшись на то место, где мы отдыхали, они обнаружили коробку, но не нашли сумочки. Проехав еще немного, они нагнали двух женщин на велосипедах. На руле одного из велосипедов болталась сумочка Сизи. Последовала неприятная стычка: женщина непременно хотела отвезти сумочку в полицию. Но в конце концов она смягчилась, и вскоре мы снова двинулись в нужном направлении.

За Радштадтом высится перевал Тауэрнпасс. Здесь шел густой снег, и наша машина застряла. Сизи и я стали ее толкать — не очень-то удобно делать это в легкой униформе в четыре часа утра. Внезапно из-за поворота появилась пара лошадей, запряженных в телегу, на которой восседала Мели Кевенхюллер, окруженная узлами, — карикатура на беженку. Верная своему слову, она доехала сюда таким образом от самой Вены и направлялась теперь в Хох-Остервиц — свой фамильный замок в Каринтии. В конце концов мы все преодолели перевал и спустились вниз по склону, достигнув Моосхама в пять часов утра.

Замок Моосхам оказался средневековой крепостью, стены которой охватывают целую деревню. Первое впечатление, что это-то и есть край света. Мы разбудили Рене Вильчек, жену Ханзи, которая поспешно принялась все организовывать. Мы с Сизи спим вместе в большой кровати. Завтра осмотримся и подумаем, что делать дальше...

В тот день, 30 апреля, Адольф Гитлер покончил жизнь самоубийством в своем берлинском бункере.

Заметка Мисси, написанная в сентябре 1945 года:

Через несколько дней Сизи Вильчек и я вернулись в Гмунден, где нас обеих взяли на работу в госпиталь Камберленд по ту сторону нашего парка. Но гигиенические условия там были такие чудовищные, что мы почти немедленно серьезно заболели скарлатиной, заразившись, должно быть, в процессе избавления от

вшей бесчисленных солдат, поступавших с Востока, что усугублялось нашим недоеданием и полной истощенностью.

Пока мы болели, до Гмундена дошла американская третья армия. Этим война для нас закончилась.

В течение всего последующего периода, само собой разумеется, я никаких записей не вела. Борьба за элементарное физическое выживание посреди хаоса и полного распада во всей Германии и Австрии в первые послевоенные месяцы поглощала все остававшиеся у нас запасы энергии и нервов, и ни на что другое не хватало сил. Лично меня, правда, поддерживала еще и необходимость во что бы то ни стало восстановить контакт с разбросанными по свету членами семьи, о судьбе которых я абсолютно ничего не знала, и которые, как я понимала, должно быть, тревожатся за меня так же сильно, как я тревожусь за них.

Американская 3-я армия генерала Паттона достигла Гмундена 4 мая, а на следующий день все немецкие войска в Баварии капитулировали. Четыре дня спустя, 8 мая, война в Европе формально закончилась.

Сизи Вильчек (ныне графиня Геза Андраши) так описала этот период, отсутствующий в дневнике Мисси:

«Однажды к Кенигин-вилле подъехал американский джип с тремя офицерами. Поскольку ни управляющий имением, г-н Штракке, ни экономка фройляйн Шнайдер не говорили по-английски, то в качестве переводчицы была вызвана Мисси, работавшая в госпитале Камберленд по ту сторону парка. Оба офицера явно тут же заинтересовались Мисси и под предлогом, что русские продвигаются вперед и они хотят защитить ее от них, стали уговаривать ее уехать вместе с ними. Она отказалась, заявив, что не оставит меня одну; договорились, что они вернутся через несколько дней. Пока же они запретили нам покидать дом. Через два дня они появились вновь и снова стали уговаривать теперь уже нас обеих уехать с ними. Мы отказались. После чего они снова запретили нам выходить из дома, сказав, что в противном случае нас застрелят. На этот раз мы догадались, что разговор о приближающихся русских — это чушь и что на уме у них что-то совсем другое. К счастью, мы никогда их больше не видели.

Вскоре после этого мы обе заболели скарлатиной и, погруженные на санитарную карету, непокрытую и с конной тягой, были отправлены в Гмунден, где нас разместили, двоих в одной кровати, в изоляторе той самой больницы, где я до этого работала, и мы почти совершенно не сознавали, что происходит вокруг. В какой-то момент послышался шум многих машин, останавливающихся поблизости, рявканье команд — по-английски с американским акцентом. Потом в нашу палату ворвались солдаты в незнакомой форме цвета хаки и в касках, ощетинившись оружи-

ем; их выставил кто-то из наших врачей и сестер. Несколько дней спустя нам сказали, что война окончилась.

О времени, которое мы там провели, я помню очень мало. Смутно припоминаю, что как-то раз мы нашли поваренную книгу с изображением хлеба, молока, мяса и так далее и попытались представить себе, что мы все это пробуем. В другой раз я забралась в больничный сад и украла стакан красной смородины. Одна из монахинь поймала меня на месте преступления и стала меня отчитывать, назвала меня воровкой, а я, все прижимая к себе драгоценный стакан, поскорее юркнула к себе в палату, где мы торопливо проглотили ягоды прежде, чем кто-либо мог их отобрать. Примерно через шесть недель нас выписали — совершенно истощенными от голода.

Когда мы попали обратно на Кенигин-виллу, то обнаружили, что главный дом реквизирован американской контрразведкой, а командует контрразведчиками некто майор Кристел. Из всего последующего периода наиболее ярким моим воспоминанием является опять-таки постоянное чувство острого голода. В госпитале Камберленд (в котором Мисси, хотя и в отпуске по болезни, все еще числилась) мы получали свои пайки конины и подобных продуктов, которые нам разрешалось разогревать на американской кухне. Я до сих пор помню, какие слюнки текли у меня при виде всех тех деликатесов, что пожирали наши американские «постояльцы». В конце концов от отчаяния мы с Мисси пошли на хитрость. Когда американцы садились обедать, мы подкрадывались к окнам столовой и начинали возиться с цветами, обрезать розы и тому подобное. И, разумеется, почти каждый раз нас приглашали разделить с ними трапезу (а ведь в эти первые послевоенные дни любые формы «братания» с немцами были еще официально запрещены!). И вот, проглотив сколько-то ложек арахисового масла и сколько-то чашек настоящего кофе, мы оставались сидеть в постели всю ночь, совершенно не в состоянии заснуть!

Майор Кристел оказался очень милым, вежливым и тактичным человеком. Он специально следил за тем, чтобы его постоянно меняющиеся подчиненные вели себя с нами корректно. Это было тем более необходимо — и мы это ценили, — что дом вскоре был превращен в воскресный «центр отдыха», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы поняли, что происходит ночью в комнатах первого этажа только тогда, когда уже собирались уезжать — демобилизовываться.

Майор Кристел особенно беспокоился за Мисси. Она рассказала ему о своих берлинских приключениях, и в частности, о событиях периода 20 июля, и он боялся, что из-за этого ее могут задержать для дальнейших допросов. К счастью, его опасения оказались необоснованными.

Однажды нас погрузили на колонну открытых грузовиков и подвод и, вместе с группой совсем молоденьких ребят в форме СС, под мощным конвоем отвезли в Мауэркирхен, где нас стали проверять. Ребятишек из СС отпустили почти сразу — было ясно, что их призвали в самые последние недели войны и впихнули в эту форму, не спросся их согласия. Нам же всем пришлось пройти через руки целой цепи следователей, располагавшихся в трех железнодорожных вагонах; они задавали нам сотни вопросов и сравнивали наши имена с объемистыми списками, чтобы удостовериться, что мы не являемся видными нацистами. Нечего и говорить, что Мисси была для них загадкой, хотя бы уже потому, что безупречно говорила по-английски, а называла себя русской. Если это так, спрашивали они, то почему же она не в России? Выяснилось, что они никогда не слышали про белоэмигрантов! В конце концов нас выпустили из последнего по счету вагона, мазнули по каждой ноге белой краской — чтобы показать, что мы «обелены»! — и, после еще скольких-то часов ожидания, нам разрешили идти куда хотим. Для нас обеих война наконец-то действительно закончилась.

Вечером того же дня, проделав еще одно долгое путешествие, частью пешком, частью на попутных машинах, мы вернулись на Кенигин-виллу, где майор Кристел приготовил нам изумительное угощение в честь нашего возвращения домой.

Мы оставались в Гмундене еще несколько дней, навещая разных родственников и друзей, нашедших прибежище в этих местах...»

Мисси возобновила свой дневник лишь четыре месяца спустя.

БАД АУСЗЕЕ. *Четверг, 23 августа.* Сизи Вильчек и я покинули Гмунден окончательно.

Теперь я хочу любой ценой воссоединиться с родными в Германии, если, конечно, они успели выбраться из Кенигсварта (который теперь занят чехами).

Я оставила большую часть своего багажа у Штарембергов в Бад Ишле и поехала с Сизи в Бад Аусзее. На станции мы встретили Вильгельма Лихтенштейна (брата правящего князя), направлявшегося из Швейцарии в Штирию; он угостил нас извлеченными из чемодана ветчиной, сыром и галетами. Мы очень обрадовались, так как совсем ослабели от голода. У него было припрятано также семь маленьких бутылочек шнапса: он собирается расплачиваться ими с водителями, которые согласятся его подвезти. Между прочим, он сообщил мне, что Паул и Татьяна Меттерних находятся у себя в Йоханнисберге, который теперь в американской оккупационной зоне Германии. Это пер-

вое известие о них, полученное мной с апреля! Он проводил нас до Аусзее и помог нести багаж.

ШТРОБЛЬ. *Пятница, 24 августа.* Провела утро в Бад Аусзее, беседуя с матерью Альберта Эльца. У нее нет никаких известий от дочери Стефани Харрах, оставшейся в Чехословакии при русских. Дики Эльц попал в плен в самые последние дни войны и все еще находится у союзников в лагере для военнопленных на баварской границе. Говорят, что с ними там очень плохо обращаются. А ведь Дики был такой англофил! Попробую ему помочь через нашего двоюродного брата «Джима» Вяземского, которого наступающие русские освободили из лагеря под Дрезденом.

Поздно вечером заехали двое американцев с Кенигин-виллы — оба по имени Джим — пригласить нас в Гмунден на завтра на вечеринку. Один из них помолвлен с француженкой.

Суббота, 25 августа. Али Пеячевич и я собрались съездить на попутных в Санкт-Гильген посмотреть комнаты, которые там сдаются. Но попутных машин не было, и нас подвезли на телеге двое бывших немецких солдат, останавливавшихся у каждого попадавшегося на пути дома в безуспешных поисках сена для своих лошадей. Вскоре мы с ними распрощались. Я улеглась на обочине погреться на солнце, а Али села посреди дороги, чтобы сподручнее было останавливать проезжающий транспорт. В конце концов мы дошли пешком до Санкт-Вольфганга, и лишь там нас подобрал чей-то джип. Дорога в двенадцать километров заняла у нас три часа!

Комнаты оказались абсолютно неподходящими; мы стали думать, как будем добираться домой, но тут вдруг появились наши двое Джимов: они как раз отправились за нами, чтобы отвезти нас на вечеринку. Приехав туда, мы увидели, что многие девушки очень нарядно одеты. Мы в наших деревенских «дирндлях» выглядели просто дурочками. Большую часть вечера разговаривала с Джимом N 1, который в скором времени отправится в Вену в штаб генерала Марка Кларка. Что касается меня, то я предполагаю поехать в Йоханнисберг во вторник.

Воскресенье, 26 августа. Днем Геза Пеячевич, Сизи Вильчек, Альфред Аппоньи и я ходили пешком за несколько километров в гости к Карлу Шенбургу, кузену Лоремари, который живет на ферме через несколько деревень отсюда. Ферма принадлежит его брату, пропавшему в Чехословакии. Карл и сам поначалу остался при русских, но управляющий имением, чех, порядочный человек, уговорил его уехать, так как оставаться там становилось опасно. Теперь его тамошний замок превращен в русский госпиталь. Он угостил нас чудесным свежим молоком и шнапсом. Мы приняли и то, и другое с благодарностью. Он также отсыпал нам два рюкзака картошки — отнести домой к Аппоньи. Всю дорогу Геза жаловался, что у него болят ноги: он никогда еще столько не ходил пешком.

В конце концов нас подвез американский джип. К восторгу водителя, Сизи и Альфред всю дорогу распевали йодлем.

*Понедельник, 27 август*а. Мы с Сизи Вильчек спим в одной постели, головой к ногам; иногда пальцы ног одной из нас щекочут нос другой. Но с тех пор, как в госпитале, когда у нас была скарлатина, нас свалили в одну койку, нам такая позиция — «как у экипажа немецкой подлодки» — нипочем.

Ездили в Зальцбург поговорить с неким г-ном фон Лейном. С помощью австрийских властей он пытается вернуть на родину несколько сотен немецких детей-беженцев, эвакуированных в Австрию во время войны из разрушенных бомбами городов Северной Германии. Он предложил мне поступить на работу в сопроводительную службу Красного Креста. Но организационная сторона дела занимает массу времени. Во второй половине дня зашла на чай к матери Пуки Фюрстенберг, очаровательной пожилой венгерке. У нее прелестный дом. Она дала мне почитать кое-какие английские книги, а также снабдила макаронами и сардинами. Это очень кстати, а то мы не зарегистрированы у здешних властей, и ни у кого нет продовольственных карточек, так что мы опять начинаем голодать. Каждый день ходим в лес за грибами, которые в основном и составляют наше меню. На днях я отправилась в лес босиком и порезала палец на ноге. Он сильно кровоточил, и Геза Пеячевич настоял на том, чтобы отсосать кровь во избежание заражения. Питаемся мы вместе с семейством Аппоньи; это чудесные люди, очень гостеприимные, но у них у самих почти ничего нет.

Вторник, 28 августа. Сегодня мы с Али Пеячевич ездили в Санкт-Вольфганг на коляске Аппоньи в надежде раздобыть какой-нибудь еды по моим гмунденским карточкам. Здесь они недействительны: Штробль находится в провинции Ланд-Зальцбург, а Гмунден — в Верхней Австрии. Нам повезло, и мы привезли с собой мой рацион на неделю — буханку черного хлеба, четверть фунта масла и половину колбасы. Что ж, пока неплохо!

Потом мы навестили Тунов, которые живут со своими тремя детьми и с матерью мужа в четырех комнатах. Они угостили нас чаем и рассказали еще целый ряд леденящих душу историй о смельчаках, бежавших с Востока. По пути домой мы останавливались у каждого сливового дерева, попадавшегося на глаза, и с помощью кучера как следует трясли его.

Владши Митровский (тоже в последний момент вырвавшийся из Вены) подарил мне банку сардин. Это очень ценный подарок, так как я совсем не готовилась к путешествию, а ехать мне, возможно, придется много дней.

Среда, 29 августа. После обеда на машине с лихтенштейнским флажком прибыли Джина Лихтенштейн (жена правящего

князя), ее отец Фердинанд Вильчек и Геза Андраши, будущий муж Сизи Вильчек — они только что помолвлены. Они привезли мне весточку от Меттернихов через Габриелу Кессельштат, которая заезжала к ним в Йоханнисберг, по дороге из Трира к родным в Вадуц.

После ужина Джина уехала, оставив нам несколько бутылок джина, и мы с Аппоньи совсем опьянели. Фактически это был прощальный ужин, так как завтра Геза и Али Пеячевич отправляются в Альтмюнстер, а оттуда в Швейцарию, а вскоре, наконец, уеду и я.

Четверг, 30 августа. Али и Геза Пеячевич уехали. Комната без их вещей выглядит совсем пустой. Я тоже начала укладываться. Г-н фон Лейн дал мне последние указания. Состав с детьми, который доставит меня обратно в Германию, отходит завтра в пять часов вечера.

Г-н фон Лейн зашел с нами к Митровским, где мы выпили вина. Поскольку мой поезд пересекает всю Германию до Бремена без остановок, Кристль Митровская дала мне один бременский адрес на тот случай, если я не сумею спрыгнуть по дороге. Домой мы пошли довольно поздно, и нас задержал патруль военной полиции. Мы забыли свои документы, и нас выбранили.

Чем ближе мой отъезд, тем больше я нервничаю. Ведь я впервые возвращаюсь в Германию после того, как бежала из Берлина почти ровно год назад.

Отрывок из письма от Сизи Андраши-Вильчек, датированного 1979 годом:

«В последний раз я видела Мисси на станционной платформе в Штробле, где она садилась в поезд с детьми-беженцами, возвращавшимися в Германию. Обнимаясь на прощанье, мы торжественно дали друг другу слово: долго не выходить замуж и «оставаться свободными»... Не прошло и года, как Мисси нарушила это обещание!»

*Пятница, 31 август*а. [*Написано ретроспективно по памяти в Йоханнисберге-на-Рейне в сентябре 1945 года*].

Написала письмо Ирине в Рим. Затем, в последний раз, облачившись в мою свежевыстиранную форму Красного Креста (я ведь еду в качестве медсестры), прошлась по Штроблю, пообедала и в сопровождении Сизи Вильчек, Альберта Эльца и Владши Митровского направилась на станцию.

Г-н фон Лейн встречал нас в Зальцбурге. Мы добирались туда целых шесть часов, так как при переезде через пути столкнулись два американских грузовика, и понадобилось много времени, чтобы освободить дорогу.

В Зальцбурге мне велели пересесть на другой поезд и ехать дальше с фюрунгштабом (руководством). Там одна симпатичная

медсестра помогла мне устроиться. Было всего две свободных скамьи, так как весь вагон был загружен запасами белого хлеба, сливочного масла, колбасы и сыра, предоставленными американской армией. Это продовольственный рацион для восьмисот детей и сорока взрослых на два дня. Мы долго ждали, так как должны были прибыть еще несколько сот детей из Берхтесгадена. Наконец, все заняли свои места, и поезд тронулся.

Всего вагонов сорок пять. В каждом — дети из какого-нибудь одного лагеря для беженцев, а также их учителя. Большинство ребятишек выглядят опрятными и хорошо накормленными. Они явно в восторге, что едут домой. Их эвакуировали в Австрию после того, как Бремен был разрушен, и они целый год не получали никаких известий от родных.

Наш штаб состоит из г-на фон Лейна, врача, секретарши, нас — двух медсестер — и женщины с четырехлетней девочкой, живших в доме Лейна в Штробле. Кроме того, у нас имеется американский эскорт из офицера и четырех рядовых.

Нас долго продержали на баварской границе, и в Мюнхен мы прибыли в два часа ночи. От вокзала остался только огромный железный скелет. Местный Красный Крест приготовил для детей кофе и бутерброды, их кормят по очереди, вагон за вагоном. Спим мы плохо: очень тесно, скамейки жесткие.

Суббота, 1 сентября. Шесть лет назад началась война. Кажется, будто целая жизнь прошла.

Сегодня рано утром проезжали Аугсбург, где кое-кто из моих спутников пытался умыться из водоразборной колонки на станции. Я снова заснула. Дальше мы ехали через Нюрнберг, Бамберг и Вюрцбург. С поезда все эти города выглядят одинаково — всюду развалины, всюду разорение. В Вюрцбурге мы довольно долго стояли. Я сошла и как следует помылась. Затем мы приступили к работе над нашими съестными припасами: резали хлеб (больше восьмисот буханок), намазывали его маслом, нарезали колбасу и тому подобное. Этим мы занимались дотемна.

Всюду, где мы останавливаемся, на наш поезд пытаются сесть люди. В основном это только что демобилизованные солдаты. Теоретически ехать с нами никому не разрешается, но наш офицер-американец человек добрый и пускает их в багажный вагон. Мы привилегированные: мы специальный конвой, и нас везде пропускают первыми. Пока что я не видела других пассажирских поездов — ни одного. Все гражданские лица ездят теперь на товарных поездах. Более того, не существует расписаний. Вообще Германия представляет собой удручающее зрелище.

Мы поразмышляли над картой, прикидывая, где мне лучше сойти. Некоторые мои спутники советуют мне доехать до самого Бремена и добираться в Йоханнисберг уже оттуда. Мне было бы любопытно взглянуть на ту часть Германии (она находится под

контролем британцев), но это явно окольный путь, и делать это так, ради туризма, нет никакого смысла.

Сегодня вечером мы где-то остановились и начали раздавать еду. Я встала снаружи, дети цепочкой проходили мимо, лагерь за лагерем, и с поезда им подавали съестное. Детишки были славные и явно благодарны, особенно за белый хлеб, все время говорили *danke schön* [большое спасибо]. Когда мы закончили, подошли многие из тех посторонних, которых пустили к нам в поезд, и попросили еды для своих детей; у нас всего в избытке, так что мы накормили и их. Мы вставили свечи в кружки, и все повеселели, особенно другая сестра и секретарша, которые обе из Зальцбурга и возвращаются туда через два дня. Они поют венские песни, а все остальные подпевают. Мы снова обсуждали, как мне быть. Один из кондукторов сказал, что сходит за одну остановку до Фульды, где поезд простоит две минуты. Он посоветовал и мне: он устроил бы мне ночлег на станции, а на следующий день я села бы на поезд до Франкфурта. Что же до самой Фульды, то там делать нечего: город разрушен до основания и почти безлюден, а вокзала больше нет.

Когда до намеченной станции осталось совсем немного, мы собрались у двери вагона. У кондуктора был фонарь. Г-н фон Лейн и девушки держали наготове мой багаж. Мы проехали станцию медленно, но не остановились. Тем не менее кондуктор спрыгнул и отчаянно замахал своим фонарем машинисту, но тот, наоборот, ускорил ход. Так что мне ничего не оставалось, кроме как сойти в Фульде.

Г-н фон Лейн очень расстроился и пытался отговорить меня, но я отказалась ехать до Бремена. Тем временем остальные ушли спать, а мы все дожидались Фульды. Когда мы увидели вдали что-то похожее на город, я приготовилась прыгать, так как больше не надеялась, что поезд остановится. Он действительно не остановился, но достаточно сбавил ход, чтобы я сумела скатиться на пути. Г-н фон Лейн бросил мне вдогонку мой багаж и крикнул, что через две недели заедет в Йоханнисберг проверить, прибыла ли я благополучно.

К счастью, я упала прямо на руки железнодорожнику с большим фонарем, который тоже спрыгнул с поезда и сам направлялся в Фульду. Он понес мои вещи, и мы стали пробираться в кромешной тьме к тому, что осталось от вокзала, по искореженным путям, то и дело попадая в зияющие воронки и запутываясь в сорванных проводах. Я совсем упала духом, а перспектива просидеть всю ночь на вокзале, когда мы дойдем до Фульды, прямо-таки повергла меня в ужас. Мой ангел-хранитель ушел вперед на разведку. Внезапно я увидела огни паровоза, медленно приближавшегося ко мне. Я отчаянно замахала, и когда громада паровоза нависла надо мной, она остановилась. Я спро-

сила машиниста, куда он едет. Он ответил: «В Ханау!» (это рядом с Франкфуртом), но добавил, что сначала должен перегнать товарный состав куда-то в другое место, и предложил мне залезть, если это меня устраивает.

Я рассудила, что кататься всю ночь на паровозе все же лучше, чем торчать на разбомбленном вокзале. Поэтому с помощью машиниста я взобралась наверх. Оказалось, что их там двое; они развесили мои сумки на крюках вокруг кабины. Тут из темноты выбежал мой первый спутник, железнодорожник, мы втянули наверх и его. Хотя на меня посыпались искры, я была рада, что попала на паровоз: около топки было тепло. Однако я с ужасом думала: во что же превратится наутро моя чистенькая униформа! Трое моих спутников были дружелюбны, но поначалу неразговорчивы. Железнодорожник сказал, что скоро сойдет, он живет тут поблизости. Он предложил мне сойти вместе с ним и дожидаться франкфуртского поезда у него дома, он угостил бы меня кофе с печеньем, «alles von den Amis» [«все от америкашек»]. Я была тронута, но отказалась, надеясь, что попаду во Франкфурт быстрее, если останусь на паровозе.

Мы помчались в темноту с головокружительной скоростью. Местность вокруг была так изуродована, что время от времени казалось, будто рельсы впереди обрываются. Мы доехали до места под названием Эльм, там они остановились и отцепили товарные вагоны. Потом оба машиниста куда-то исчезли, а я задремала на табуретке перед топкой. Вскоре они вернулись, очень сердитые. Хотя перед этим они проработали двадцать часов подряд, начальство потребовало, чтобы они до возвращения в Ханау перегнали еще один товарный состав отсюда до Вюрцбурга, который мы проезжали десятью часами ранее. Я чуть не расплакалась! Тогда главный машинист, высокий, дородный мужчина, сказал, что он обещал отвезти меня в Ханау, а раз обещал, значит, ничто не заставит его ехать куда бы то ни было еще. Сначала они попытались было выскользнуть со станции потихоньку, но оказалось, что стрелки предусмотрительно переведены. Тогда они решили проволынить всю ночь. Если кто-нибудь появится, мне нельзя высовываться, а то заметят — будут неприятности. Я попыталась определить по карте, где мы находимся, но ничего не разглядела. Вот уж воистину «ничейная земля»! Я слезла с паровоза и зашагала к вокзалу, делая вид, что возникла ниоткуда. Там мне сообщили, что ближайший поезд на Франкфурт будет послезавтра.

Машинист догнал меня. Он сообщил, что в свое время возил Геринга и Гитлера, а теперь два раза возил Эйзенхауэра; что ему предложили работу в Соединенных Штатах с зарплатой в две тысячи долларов в месяц (здесь он получает всего 400 марок) и что в Германии к тебе относятся, как к собаке. Хватит с него! Не

захочу ли я поехать с ним в Америку? «Ich bin schon halb verliebt in Sie! Das wäre doch eine Sache!» [«Я уже наполовину в вас влюбился! Вот было б здорово!»] Я потащилась обратно на паровоз, надеясь, что в случае чего меня защитит другой машинист, но оказалось, что он крепко спит. Становилось все холоднее; я попыталась раздуть огонь — безуспешно. Я разбудила спящего и попросила добавить угля. Но тут подоспел мой поклонник. Они сказали, чтобы я не волновалась: в Германии практически не осталось машинистов, начальство уступит, а иначе они просто откажутся работать. Хорошо, что война кончилась, заметила я, а то их обоих повесили бы за саботаж. Они согласились.

Воскресенье, 2 сентября. Через час начало светать. Машинисты забрали свои сумки и смылись, заверив меня, что скоро вернутся. Наконец, в 7 утра начальник станции, обзвонив всех и вся, сдался и разрешил нам выехать. Ему нужен был путь для других составов. Они развели пары, и вскоре мы уже неслись в Ханау с пьянящей скоростью, мои сумки лихо болтались, а мимо проносились прекрасные пейзажи — или, может быть, они лишь казались мне прекрасными от радости.

Мы прибыли в Ханау в 9 утра, и один из мужчин снес мои вещи в комнату на станции, украшенную табличкой на английском языке: «*Off Limits*» [«Вход воспрещен»]. Дружелюбное прощание; благодарные рукопожатия; и последний запас моих сигарет!

Распоряжавшийся на станции американский сержант взглянул на меня с удивлением, спросил: «Не хотите умыться?» — и протянул мне зеркало. Лицо у меня было сплошь перемазано черным, а на униформу с белым передником и чепцом стоило посмотреть. Он принес мне воды в своей каске, и, основательно потрудившись, я более или менее привела себя в порядок. В углу на раскладной койке на коленях у солдата сидела девушка. Она сообщила мне, что ждет поезда на Кельн вот уже два дня, но похоже было, что она уже успела примириться с иной участью.

Поспрашивав, я нашла еще одного машиниста, который отбывал во Франкфурт через десять минут. Он согласился подвезти меня. На этот раз на локомотив забралось еще несколько человек. Двое американских солдат помогли мне погрузить багаж, и вскоре мы снова тронулись в путь. Мы медленно пропыхтели по Франкфурту, от которого тоже остались одни развалины. Я насчитала на Майне шесть мостов — все разрушены. Их заменяют два понтонных моста. В Хехсте я прождала три с половиной часа. Потом час поездом до Висбадена; потом еще два часа ожидания; наконец, опять поездом до Гайзенхайма — деревушки у подножия холма, на котором стоит замок Йоханнисберг. Девушка, сошедшая там вместе со мной, вызвалась помочь мне донести багаж до расположенного неподалеку монастыря урсулинок. Мы зашагали

вверх по склону через знаменитые виноградники Паула Меттерниха; только бы он с Татьяной не уехал куда-нибудь на уикэнд, думала я.

Дорога до разрушенного замка оказалась довольно долгой. Из двух флигелей у ворот сохранился только один. Первым, кого я увидела, был Курт, дворецкий из Кенигсварта. Он сообщил мне, что Татьяна и Паул десять дней назад уехали на автомобиле в Зальцбург — искать меня!

К этому времени я так устала, что даже не имела сил расплакаться, и просто села и не встала — прямо тут же, в гостиной (как я думала) местной экономки. Вскоре появилась Лизетт, жена Курта, и внезапно мне стало снова уютно, как в родном доме. С их заботливой помощью я улеглась в единственную кровать сияющего полировкой нового спального гарнитура. Завтра будет видно. Пока что я хочу лишь одного: заснуть. И забыть.

ЙОХАННИСБЕРГ-НА-РЕЙНЕ. *Понедельник, 3 сентября.* Сегодня я начала понемногу осматриваться. Этот флигель — единственная постройка усадебного комплекса, оставшаяся более или менее целой во время бомбардировки Йоханнисберга союзниками в 1943 году. Квартирку, в которой я нахожусь, раньше занимала экономка, но теперь в ней живут Татьяна и Паул Меттерних, а Курт и Лизетт переселились наверх. Квартира состоит из гостиной, спальни и ванной комнаты. Окна выходят на круглую клумбу — теперь это грядка со шпинатом — и просторный квадратный въездной двор, ведущий к развалинам замка. Сквозь его зияющие окна виднеется Рейнская долина. Поместье кишит челядью Меттернихов из их многочисленных имений, оставшихся на территории Чехословакии: они съехались сюда в надежде найти какую-нибудь работу и целый день слоняются без дела. Все это очень удручает...

Теперь я узнала, что через два дня после прибытия американцев в Кенигсварт Татьяна, Паул, Мамá и Папá уехали на повозке, запряженной двумя лошадьми и сопровождаемой эскортом из семерых бывших пленных-французов, работавших в имении Паула. Местный американский комендант, оказавшийся приятелем наших кузенов в США, предупредил их, что в скором времени американцы передадут эту часть Чехословакии Советам, и убедил их немедленно уехать. Германию они проехали за двадцать восемь дней, ночуя на фермах или в амбарах, изредка — у друзей. Курт и Лизетт (которые сейчас ухаживают за мной) вместе с дочерью и зятем, а также секретарь Паула Танхофер выехали вслед за ними через несколько часов на другой повозке. Они оставили там большую часть своего имущества и очень этим расстроены. Татьяна и Паул, судя по всему, тоже взяли с собой совсем немногое; когда они приехали, у них не было даже одеял;

а все, что имелось здесь, погибло под бомбами в 1943 году. Мама́ и Папа́ сейчас во французской зоне в Баден-Бадене (в детстве мы жили там много лет).

Мне рассказали, что сюда уже приезжали двое наших родственников, служащие в вооруженных силах союзников, узнавать, где мы и не могут ли они нам помочь: двоюродный брат Джим Вяземский (теперь он офицер связи при французском и советском главных командованиях в Берлине) и дядя Георгий Щербатов (он капитан-лейтенант американского флота и был переводчиком на Ялтинской конференции; его старший брат был женат на сестре Папа́).

Большую часть утра потратила на то, чтобы получить разрешение навестить родителей во французской зоне. Танхофер не отходит от меня; он ходит со мной даже за грибами. Он не доверяет американцам; несколько американцев, сообщил он, заняли находящийся по соседству дом Муммов и отвратительно там себя повели: выбрасывают из окон мебель и фарфор, раздаривают платья Олили и Мадлен Мумм деревенским девушкам и т.п.

Потом появился «Брат» Мумм, только что освобожденный из союзнического лагеря для военнопленных близ Реймса. Во время немецкой оккупации он вернулся в Париж возглавить семейное дело по производству шампанского (возвращенное Муммам после того, как французы конфисковали его по окончании Первой мировой войны), и французы ему этого не простили. Он выглядит хорошо, хотя находился в заключении четыре месяца, а там почти совершенно не давали есть. Сейчас он с семьей живет у Изенбургов, к северу от Франкфурта, так как из собственного дома его выселили. Он забрал с собой во Франкфурт часть писем, привезенных мной из Австрии, и обещал там отправить их по почте — хоть этот груз с души упал! Он сообщил мне, что Фредди Хорстман, по его сведениям, жив и здоров, он спасся от Советов, укрываясь под Берлином в палатке в лесу.

Сегодня вечером Танхофер сходил со мной в Гайзенхайм к графине Люси Ингельхайм, работающей у майора Гэвина, американского коменданта Рюдесхайма. Она кузина Клауса Штауфенберга, который покушался на Гитлера в июле прошлого года. Она обещала помочь мне достать пропуск в Баден-Баден.

Вторник, 4 сентября. Заходила Олили Мумм с одним из князей Лобковиц, который только что приехал из британской зоны. Он говорит, что британцы корректны, но крайне недружелюбны и склонны пограбить. Например, они «реквизировали» лошадей, которых он вывез из своего имения на Востоке.

Питание здесь очень неравномерное. Нас поят чудесным вином; в изобилии имеется молоко; мы выращиваем собственные

овощи и фрукты; зато совершенно нет мяса. Тем не менее Курт неизменно подает наши скудные яства в белых перчатках и сообщает мне на ухо, из урожая какого года подаваемое вино. Прислуга просто с ног сбивается, — так старается доказать свою полезность в этом разоренном имении.

Среда, 5 сентября. Снова приходил «Брат» Мумм и сообщил, что Альфи Клари вместе с Лиди вырвался из Чехословакии и, по слухам, находится где-то поблизости. Немедленно попробую их разыскать.

Возвращаясь от местного сапожника, которому я отдала чинить всю свою обувь, я неожиданно встретила Джо Хэмлина, одного из тех американцев, с которыми я познакомилась в Гмундене. Он сказал мне, что в Ханау он познакомился с одной девушкой из женской вспомогательной службы американской армии и говорил с ней обо мне, о том, что рассказывала ему про Берлин военных лет, и о том, как он все не мог мне поверить, пока сам не побывал в Берлине. Выяснилось, что эта девушка знакома с Татьяной, и она дала ему ее здешний адрес. И вот теперь он приехал в Йоханнисберг, чтобы встретиться с ними и рассказать им обо мне, а вместо этого вновь встретил меня! Сейчас он едет обратно в Австрию. Я умоляла его взять меня с собой, но он боится, так как в Германии до сих пор действует запрет на так называемое «братание», а я ведь, в общем-то, считаюсь немкой. Однако он согласился взять кое-какие письма. Мы вместе распили бутылку вина Паула Меттерниха, и он отбыл.

Во второй половине дня ходила к нашим соседям, графу Матушке с женой, взять у них что-нибудь почитать по-английски. Чете Матушка повезло: их прекрасный замок уцелел, и к ним даже никого не определили на постой. Правда, Матушка участвовал в антинацистском Сопротивлении.

Пятница, 7 сентября. Возобновила работу над дневником. После 20 июля я писала только стенографией, притом своей личной. Боюсь, что если я буду откладывать эту работу и дальше, то забуду, что происходило, или не смогу расшифровать свои каракули.

Суббота, 8 сентября. Ходила с Куртом по грибы. Набрали мы немного, так как сезон уже практически кончился. Это настоящая беда, ведь они заменяют мясо.

Вернулся Джо Хэмлин. Он видел Татьяну и Паула Меттерниха, они у Фюрстенбергов в Штробле. Он привез письма. Они просят прислать триста бутылок вина — видимо, в качестве валюты для обмена. Теперь Джо жалеет, что не взял меня с собой. Он направляется в Берлин, но постарается найти для меня какую-нибудь работу, чтобы я могла на законных основаниях поехать с ним в Австрию к Меттернихам. Если устроить это не удастся, я поеду в Баден-Баден повидать родителей.

Сегодня явился Ханс Флотов с двумя друзьями из Гейдельберга. Он уже снова за работой и, судя по всему, в добром здравии. Мы не виделись с самого Берлина. Он сказал мне, что Лоремари Шенбург работает в американской контрразведке в деревне недалеко от того места, где я провела целую ночь на паровозе.

Вечером приехал из Кенигсварта один бывший офицер с письмами для Паула. Он поехал туда с другом полтора месяца назад, заболел дифтеритом, попал в тюрьму к чехам, но выбрался. Рассказывает он крайне удручающие вещи. Американцы, попрежнему располагающиеся в доме, устраивают вечеринки и приглашают на них местных деревенских девушек. Те приходят с пустыми чемоданами, а уходят с полными. Теперь они расхаживают в нашей одежде. Кенигсвартский садовник пишет: «Es war ein Jammer zuzusehen, wie an dem schönem Schloss geschändigt wurde» [«Было невыносимо смотреть, как поганят такой прекрасный замок»]. Офицер привез еще письмо от Маргерит Роан, кузины Лоремари; оно дошло в Кенигсварт обычной почтой из русской оккупационной зоны Чехословакии. Ее и пятерых ее сестер, в возрасте от пятнадцати до двадцати двух лет, заставили работать служанками в отеле в Турнау. Чехи разграбили их замок Сихров (где я гостила в 1944 году) и увезли всю мебель в Прагу. Интересно, что сталось с прекрасными фамильными портретами работы Миньяра, Натье и Риго, которые Роаны привезли с собой в Богемию из Франции во время Революции. Маргерит отчаянно пытается вернуться в Австрию к своему жениху. Им помогает один из братьев князя Франца-Иосифа Лихтенштейна, который имеет возможность ездить туда и обратно.

Судетские немцы, безусловно, дорого расплачиваются за то, что в 1938 году проголосовали за воссоединение с Германией! Теперь чехи безжалостно выселяют их и раздают их дома своим. Управляющего имением Паула арестовали, а его жену и детей выдворили из страны, ничего не позволив взять с собой. Главный лесник в Плассе — другом имении Меттернихов — был зверски убит вместе со своей сестрой-экономкой. А американцы спокойно на все это смотрят.

Воскресенье, 9 сентября. Мой маленький радиоприемник не перенес тягот путешествия. Я отдала его в починку, а пока я в полной неизвестности о том, что происходит в мире. Я могу только читать. И работать над своим дневником.

Понедельник, 10 сентября. Все время читаю, пишу, сплю и гуляю по прекрасным лесам. Немного жутко: ни разу не встретила ни души.

Четверг, 13 сентября. Ужин у Ингельхаймов. Там был также один молодой человек из семьи Штауфенбергов. Он много месяцев просидел в Дахау и говорит, что один из участников заговора 20 июля, некто г-н фон Шлабрендорф, остался жив и располагает

обширной документацией по антинацистскому Сопротивлению, которую намеревается опубликовать. Действительно, давно пора рассказать, как все было на самом деле; ведь пока что широкая публика знает обо всем этом очень мало. Например, только теперь стала известна правда о смерти Роммеля, которая была представлена как самоубийство. Помню, как Адам Тротт перед самым своим арестом подумывал, раз уж заговор провалился, не рассказать ли обо всем в лондонской «Таймс», а я яростно протестовала, опасаясь, что это лишь усугубит нависшую над всеми ними опасность. Но теперь другое дело. Хотя бы в память об их героизме.

Книга д-ра Фабиана фон Шлабрендорфа «Офицеры против Гитлера», вышедшая в 1946 г., была первым опубликованным свидетельством очевидца о германском Сопротивлении. И до сих пор оно остается одним из самых надежных источников.

Пятница, 14 сентября. Свежие известия из Кенигсварта. Альберты арестованы чехами по обвинению в шпионаже. И зачем только они остались?

Суббота, 15 сентября. Сегодня утром заняла у Люси Ингельхайм велосипед и поехала в Висбаден за своим радиоприемником. Поездка была долгая и безрезультатная. Сломанную филипсовскую лампу нечем заменить. Я взяла с собой бутылку меттерниховского вина, чтобы расплатиться, но пришлось везти ее обратно. Грустно жить без музыки.

Висбаден кишит американскими солдатами, которые всюду носятся в джипах, и вообще союзниками, но, в отличие от Зальцбурга, русских нигде не видно. Город весь в развалинах.

По пути домой заехала в Эльтвилль и навестила Эльцев. Мать Якоба выглядит молодо и все еще красива. Там же находится и ее мать, старая княгиня Левенштайн, вместе с еще несколькими дамами-беженками. Я помню висящий в Теплице портрет работы Сарджента, где она изображена со своей красавицей сестрой Терезой Клари, матерью Альфи. Какой контраст с их нынешним положением — эдвардианский золотой век, и теперь... Альфи и Лиди, как мне сказали, сейчас у Левенштайнов в Бромбахе. Они благополучно выбрались из Теплица, после того как их отправили копать картошку. Маркус, их единственный оставшийся в живых сын, находится в плену в России.

Воскресенье, 16 сентября. Часы переведены на час назад, благодаря чему я проспала четырнадцать часов. Отсыпаюсь за многие короткие ночи последних месяцев. Сегодня в церкви местный священник — этакий карманный Савонарола — произнес пламенную проповедь, всячески изобличающую нацистов. Спохватился!

Ездила на велосипеде на обед к Матушкам. Нашу трапезу прервала одна из йоханнисбергских горничных, приехавшая на велосипеде с известием, что только что прибыл американский генерал и ищет меня.

Оказалось, что это бригадный генерал Пирс, который до недавнего времени командовал американскими войсками в районе Кенигсварта. Он приехал специально для того, чтобы сообщить Меттернихам последние новости об их имении, прежде чем возвращаться в Штаты. По его словам, чешские власти разрешили американскому послу Лоренсу Стайнхардту сделать Кенигсварт своей летней резиденцией; возможно, это позволит уберечь усадьбу, вернее, то, что от нее осталось. Генерал Пирс привез также письмо от Альбертов, которые все еще под арестом.

Понедельник, 17 сентября. Присоединилась к Матушкам, которые весь день ездят на автомобиле по окрестностям, занимаясь политической работой. Создается новая христианско-демократическая партия.

Так начинался Христианско-демократический союз (ХДС), который вместе со своим баварским собратом Христианско-социальным союзом (ХСС) стал неоднократно правящей партией в Федеративной Республике Германии.

Ехала обратно в Йоханнисберг через Бад Швальбах по прекрасным лесам горного массива Таунус. Тишина там полная, ощущение спокойствия и мира всепроникающее...

* * *

На этом мой дневник заканчивается.

(Примерно в это время я познакомилась со своим будущим мужем Питером Харнденом).

КОНЕЦ

Мария Васильчикова-Харнден

Берлин, 1940 — Лондон, 1978

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мисси вышла замуж за *Питера Харндена* в Кицбюэле (Австрия) 28 января 1946 года. Во время войны Питер служил в военной разведке США, а к моменту бракосочетания был в звании капитана в военной администрации США в Баварии. Свидетель бракосочетания Ханс фон Херварт (бывший участник антинацистского Сопротивления, ставший после войны видным западногерманским дипломатом) описывает это событие в своих воспоминаниях: «Поскольку Мисси была православная, венчал их в католической часовне русский священник, бежавший из Советского Союза. Солнечным днем мы направились в часовню, образовав процессию. По русской традиции, впереди шел мой ребенок с иконой в руках. За ним шли Мисси и Питер в американской форме, далее три шафера, капитан граф де ла Бросс во французской форме и мы с Паулом Меттернихом, оба в прошлом немецкие офицеры. Каждому из нас троих надлежало по очереди держать над головами брачующихся тяжелый венец. Мы глубоко сознавали символическую значимость этой церемонии, объединявшей представителей четырех народов, которые еще совсем недавно ожесточенно воевали друг с другом» («Против двух зол», Коллинз, Лондон, 1981).

Когда Питер демобилизовался, они с Мисси поселились в Париже, где, прослужив некоторое время в аппарате «плана Маршала», Питер основал свое собственное архитектурное предприятие,получившее в дальнейшем широкое международное признание. Он умер в Барселоне в 1971 году, после чего Мисси переехала в Лондон,где и провела последние годы жизни. У них было четверо детей, у троих из них теперь свои семьи.

Прошло много месяцев, пежде чем разбросанные по свету члены семьи Васильчиковых смогли опять увидеться друг с другом.

Мать Мисси погибла в Париже, попав под машину, в ноябре 1948 года; *отец* ее умер в Баден-Бадене в июне 1969 года.

Ее сестра *Ирина* провела послевоенные годы в Италии. С 1980 года она жила в Германии и скончалась там весной в 1993 году.

После восстановления большей части замка Йоханнисберг *Татьяна* и *Паул Меттерних* избрали его своим постоянным местожительством. До своей кончины в 1992 году Паул был

известным деятелем международного автомобильного спорта. Татьяна ведет активную работу в Красном Кресте.

Брат Мисси *Джорджи* после войны стал устным переводчиком сначала на процессе главных нацистских преступников в Нюрнберге, а затем при Организации Объединенных Наций. Он был женат и имеет двоих детей. В настоящее время он работает в крупной международной фирме и часто бывает в России.

Принц Константин Баварский, как и все члены королевских фамилий, был выгнан из германской армии еще в самом начале войны. Благодаря этому, он не только выжил, но и смог завершить высшее образование. Когда война закончилась, он одним из первых получил известность — в качестве журналиста новой свободной немецкой прессы, а также своими лекциями в США. Впоследствии он был избран депутатом в боннский парламент. Погиб в авиакатастрофе в 1969 году.

Петер Биленберг после ареста много месяцев провел в тюрьме, где его допрашивал известный своей жестокостью инспектор гестапо Ланге; он никого не выдал. В дальнейшем его долго держали в одиночном заключении в концлагере Равенсбрюк. Сейчас он с семьей живет в Ирландии.

Граф Готфрид Бисмарк неоднократно подвергался избиению и пыткам, но его адвокатам удалось надолго отложить его процесс. В конце концов, 4 октября 1944 года он предстал перед «Народным судом» Фрайслера, где, ко всеобщему изумлению, был оправдан — как выяснилось впоследствии, по распоряжению Гитлера. Гестапо тут же его снова арестовало и отправило в концлагерь, откуда он был освобожден весной 1945 года. Первые годы после войны он и его жена Мелани провели в родовом поместье неподалеку от Гамбурга. Они погибли в автомобильной катастрофе в 1947 году по дороге в Йоханнисберг, куда ехали гостить к Меттернихам.

Херберт Бланкенхорн стал одним из основателей, впоследствии — генеральным секретарем Христианско-демократического союза, одной из двух главных партий послевоенной Германии. Он был близким сподвижником канцлера Конрада Аденауэра и играл важнейшую роль в создании западногерманского государства, равно как и в учреждении Европейского сообщества угля и стали. Позже он вернулся на дипломатическую службу и был послом ФРГ в НАТО (1955 г.), во Франции (1958 г.) и в Великобритании (1965 г.). Он скончался в 1991 году.

Когда Франция была освобождена, *Филипп де Вандевр* стал одним из адъютантов генерала де Голля. Его брат вступил во французскую армию, ведущую наступление на Германию; он был убит в Эльзасе в возрасте 23 лет в январе 1945 года.

Когда кончилась война, *Алекс Верт* оказался в советской оккупационной зоне Германии, где он через некоторое время был арестован и провел много лет в восточногерманских тюрьмах. В конце концов его все-таки выпустили, он бежал в Западную Германию и сделался там преуспевающим бизнесменом. Но испытания подорвали его здоровье; он умер в середине 1970-х годов.

Графиня «Сизи» Вильчек тоже вскоре нарушила обещание, которое она и Мисси дали друг другу, когда расставались в Австрии в августе 1945 года. Она вышла замуж за графа Гезу Андраши и сейчас живет в Вадуце (Лихтенштейн).

Принцессы «Сита» Вреде и ее сестра *«Дики»* провели первые послевоенные годы в семье матери в Аргентине. Впоследствии Сита вышла замуж за западногерманского дипломата принца Александра цу Зольмс-Браунфельс (которого Мисси кратко упоминает в своих венских воспоминаниях 1945 года). В течение многих лет он был послом в различных странах Латинской Америки. Сейчас они живут в Монте-Карло и Мюнхене. Дики скончалась несколько лет назад.

Барон Хайнц фон Герсдорф после казни коменданта Берлина генерала фон Хазе (в штабе которого он долго служил) был разжалован в фольксштурм. В течение многих месяцев после войны его жена *Мария*, остававшаяся в Берлине, не имела о нем никаких известий. Зимой 1945 года ей по ошибке сообщили, что он погиб в последних боях за столицу, после чего ее нервы не выдержали, и она покончила с собой. Сам Хайнц скончался в 1955 году.

Барон Тони Заурма спасся от террора, последовавшего за 20 июля, лишь благодаря порядочности своего полкового командира, которому удалось добиться отсрочки военно-полевого суда «в ожидании дополнительного следственного материала». Когда же суд состоялся, значительная часть этого материала оказалась слишком косвенной, чтобы Заурма можно было осудить, и, принимая во внимание его боевые заслуги и ранение, его просто разжаловали. В последние дни войны ему удалось пробраться из своего поместья в Силезии на Запад, где он вскоре поступил на службу к американским оккупационным властям в качестве водителя грузовика. Со временем он смог приобрести собственный грузовик, и впоследствии у него появилось целое транспортное дело. Сейчас он с семьей живет на ферме в Баварии.

Барон Готфрид фон Крамм после войны снова стал крупной фигурой международного тенниса. Некоторое время он был женат на Барбаре Хаттон. В течение многих лет он был президентом западногерманского Международного клуба лаун-тенниса. Он погиб в 1976 году в автомобильной катастрофе в Египте.

Пеячевичи, расставшись с Мисси в августе 1945 года, отправились через Швейцарию в Южную Америку, где *Геза* живет по сей день.

«Ц.-Ц.» фон Пфуль, проведя некоторое время в плену у американцев, а затем несколько лет на муниципальной службе в Германии, стал представителем ФРГ в Европейском парламенте в Страсбурге и провел на этом посту почти три десятилетия. Сейчас он живет в Бонне в полуотставке.

Граф Карл-Фридрих фон Пюклер-Бургхаус, который в 1941 году донес Гестапо на мать Мисси, перешел из армии в СС, где дослужился до бригаденфюрера и гиммлеровского начальника полиции в Праге. Когда Прагу освобождали в мае 1945 года, он покончил с собой.

Когда Бухарест сдался русским 31 августа 1944 года, немецкие дипломаты и их семьи были немедленно интернированы. Со временем женщины и дети смогли вернуться домой, но всех мужчин депортировали в СССР, где, по всей вероятности, *Йозиас фон Ранцау* и погиб — в Москве на Лубянке.

«Джаджи» Рихтер и его родные к концу войны находились в Вестфалии. Там они с женой открыли бюро переводчиков, которое процветало. В 1949 году он поступил на службу в организацию генерал-лейтенанта Гелена, получившую позже наименование Бундеснахрихтендинст (более известную как БНД) — вновь созданную разведку Федеративной Республики Германия. Он умер в 1972 году.

Имя *Адама фон Тротта цу Зольца*, вместе с именами еще нескольких немцев, погибших в последней войне, вырезано на мемориальной доске в Бэлиол-колледже в Оксфорде. Его вдова *Кларита* была освобождена уже в сентябре 1944 года и вскоре воссоединилась со своими детьми. Она стала психиатром и сейчас живет, как и ее две дочери, в Германии.

Бригадефюрер СС Сикс, несмотря на свой зловещий послужной список, тоже выжил. Едва окончилась война, как его взяла под свое покровительство армейская контрразведка США, как и пресловутого Клауса Барбье и многих других бывших эсэсовцев. Но скоро его прошлое догнало его. Он был арестован весной 1946 года и предстал перед судом по обвинению в участии в массовых убийствах под Смоленском. Несмотря на все его заверения в том, что он был «всего лишь ученым, а не полицейским», его приговорили в 1948 году к 20 годам тюремного заключения. Должно быть, у него были влиятельные покровители, так как уже в 1951 году его срок был сокращен до 10 лет, а в 1952 году его вообще амнистировали. Вскоре его опять взяли под крыло — на этот раз новая западногерманская разведывательная служба генерала Гелена, в которой он обнаружил многих своих бывших коллег по СС и Гестапо, которым Гелен почему-то особенно покровительство-

вал как «экспертам» по тем или иным вопросам. Сикс оказался «экспертом» по формированию групп агентов, завербованных из числа советских военнопленных или перемещенных лиц, для инфильтрации в СССР — эту роль он совмещал с должностью менеджера по рекламе компании Порше-Дизель, входившей в могущественную группу Маннесаманна. На своем процессе в Иерусалиме в 1962 году Адольф Эйхманн описывал Сикса как человека, совершившего самое гнусное из падений — с пьедестала гордого «интеллектуала» до низости массовых убийств — лишь затем, чтобы снова возвыситься после войны до доверенного лица и советника как американского, так и германского правительств.

«Тино» Солдати сделал блестящую карьеру, завершив ее в качестве швейцарского наблюдателя в ООН и посла во Франции.

3 февраля 1945 года, когда рвущиеся вперед советские войска были в каких-нибудь ста километрах от Берлина, город подвергся среди белого дня самому разрушительному из всех когда-либо предпринятых воздушному налету американской авиации. Налет состоялся после двухмесячной зимней передышки и застал город врасплох. Погибло около двух тысяч человек (примерно по одному на каждую тонну сброшенных бомб!), еще 120 тысяч остались без крова. Одна бомба разрушила штаб-квартиру Гестапо на Принц-Альбрехт-штрассе. Другая попала в Народный суд, где гитлеровский «судья-вешатель» *Роланд Фрайслер* в это время допрашивал видного участника сопротивления д-ра Фабиана фон Шлабрендорфа. Судей, охранников, заключенных и публику спешно отвели в убежище под зданием суда, и там, после отбоя, Фрайслер был найден мертвым: его придавила упавшая балка, и в руках он все еще держал папку с делом Шлабрендорфа. Хотя тот до конца войны сидел в концлагерях, налет спас ему жизнь.

Несмотря на то, что загородный дом *Хорстманнов* в Керцендорфе был разрушен бомбами союзников, *Фредди* не пожелал расстаться с остатками своих коллекций, и к моменту прихода Красной Армии он и *Лалли* прятались в близлежащих лесах. Война кончилась, но и тогда он не бежал. Вскоре его арестовали, и он умер от голода в восточно-германском концлагере в 1947 году. Воспоминания Лалли, изданные в Лондоне, стали бестселлером. Некоторое время спустя она умерла в Бразилии.

Несмотря на свою близость с заговорщиками 20 июля, *Лоремари Шенбург* тоже чудом осталась в живых. После ее поспешного отъезда из Берлина в августе 1944 года она затаилась в имении своих родителей в Саксонии. Наступление Красной Армии вынудило ее семью бежать на Запад. Там по окончании войны она поступила на службу в американскую армейскую контрразведку. Через некоторое время она вышла замуж за американского офицера и какой-то период жила в США. Позже

она увлеклась борьбой против загрязнения окружающей среды, отдавшись этому делу с той же целеустремленностью, с которой боролась против нацизма. Она умерла в Вене в 1986 году.

Невзирая на зловещие угрозы Гиммлера после 20 июля, из *Штауфенбергов* погибли только двое: Клаус и его брат Берхтольд, военно-морской юрист, тоже активный заговорщик. Остальные члены семьи были вначале отправлены в Дахау, причем детей отобрали от родителей и поместили в отдельном лагере под фамилией «Майстер». По мере продвижения союзных войск по территории Германии их перемещали из лагеря в лагерь; не раз они оказывались на волоске от казни, но 4 мая 1945 года, всего за четыре дня до окончания войны, их освободили американские войска.

Кикер фон Штумм (которого Мисси часто упоминает в дни воздушных налетов на Берлин) дожил почти до самого конца войны. Но в последние недели по доносу агента-провокатора его отправили на фронт в штрафной батальон, что было равносильно смертному приговору. Через несколько дней он погиб. Его сестра впоследствии вышла замуж за Тони Заурма.

Посол граф фон дер Шуленбург никогда не был активным участником Сопротивления. Но поскольку война с Россией подталкивала Германию все ближе к краху, он предложил свои услуги в качестве возможного посредника при переговорах со Сталиным. Видимо, именно в связи с этим его в начале июля 1944 года вызвали в ставку Гитлера (о чем пишет Мисси). Но он состоял и в контакте, через посла фон Хасселя, с некоторыми заговорщиками, которые, без его ведома, внесли его фамилию, как и фамилию самого Хасселя, в списки кандидатов в будущие министры иностранных дел. Когда эти списки были обнаружены, его арестовали, продержали несколько месяцев в тюрьме на Лертерштрассе и в конце концов 4 октября 1944 года он предстал перед Народным судом Фрайслера вместе с Готфридом Бисмарком. В отличие от последнего, он был приговорен к смерти и повешен 10 ноября.

Графы Альберт и Дики Эльц оба благополучно пережили войну. Сейчас они живут в Австрии.

Хассо фон Эцдорф выжил, вероятно, только потому, что в последние месяцы войны был послан генеральным консулом в Геную. С возникновением Федеративной Республики Германии он вернулся на дипломатическую службу, где занимал ряд видных постов, в том числе посла в Канаде (1956 г.), заместителя министра иностранных дел (1958 г.) и посла в Великобритании (1961—1965 гг.). Он скончался в 1989 году.

СОДЕРЖАНИЕ

Художественное оформление
при участии
В. ШЛЯНДИНА, Е. ПАШУТИНОЙ
Художественно-технические
редакторы
М. ЗАВРАЖНОВА, Н. НОВИКОВА
Контрольный редактор
А. МАНЬКОВСКИЙ
Корректор
Э. ВОРОНОВА
Компьютерный набор
Л. ПУЧКОВА, О. ЧЕРНОРУКОВА
Фотоработы
А. ЮРОВ, И. ХИЛЬКО

Компьютерный набор, верстка, фотоработы
и текстовые диапозитивы
выполнены на издательской базе журнала
«НАШЕ НАСЛЕДИЕ»

Подписано в печать 05.07.94. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Ньютон. Офсетная печать. Усл.печ.л. 20 + 2 л. вкл.
Тираж 35000. Заказ №2299

Издание журнала «Наше наследие»
119121, Москва, 1-й Неопалимовский пер., 4

ПО «Детская книга» Роскомпечати
127018, Москва, Сущевский вал, 49

Васильчикова М.

В 19 Берлинский дневник 1940—1945. — Москва, издание журнала «Наше наследие» при участии ГФ «Полиграфресурсы», 1994. — 320 с., ил.+16 л. вкл.

ISBN 5-87548-067-X

Свой «Берлинский дневник 1940-1945» княжна Мария Илларионовна Васильчикова (Мисси), русская аристократка-эмигрантка, вела на английском языке. Волею судеб годы Второй мировой войны она прожила в Германии и была близка кругу заговорщиков, организовавших покушение на Гитлера 20 июля 1944 г.

После опубликования в 1984 г. дневник Мисси Васильчиковой стал бестселлером, печатался в США, Англии, ФРГ, Франции, Польше, Японии, других странах. Теперь «Берлинский дневник» впервые издается на русском языке.

К публикации во всех странах текст дневника подготовил брат Марии Васильчиковой, историк и писатель Г.И. Васильчиков.

*«**В** ней есть что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удается до конца связать... что-то свободное, позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным...»*

ИЗ ПИСЬМА АДАМА ФОН ТРОТТА ЖЕНЕ ОТ 16 НОЯБРЯ 1943 Г.

*«**П**оразительная женщина... То, о чем Мисси пишет, вызывает сперва беспокойство, затем страх, а под конец — ужас...»*

МАРТИН МАЙЕР (ШВЕЙЦАРИЯ)

*«**В**ероятно, этот дневник дает самое верное и волнующее представление о гитлеровском Берлине военных лет... Неопытная в политике, Мисси показывает своими замечаниями, что она политически умнее (заговорщиков 20-го июля)... Вряд ли существуют другие страницы, передающие так живо гнетущую атмосферу этой бесконечной ночи с 20-го на 21-е июля...»*

«ИЛ ДЖОРНАЛЕ» (ИТАЛИЯ)

«С поразительной откровенностью эта умная, самостоятельная, «современная» женщина отмечает в своем дневнике то, что она видит, слышит, узнает, замечает... Ее позиция сразу ясна: с нацистами у нее никакого дела не будет...»

КИРА ШТРОМБЕРГ (ФРГ)

«Существуют люди, которых встречаешь, как в море корабли. Они появляются на вашем горизонте и некоторое время следуют тем же курсом. Следишь за ними через бинокль, машешь им, пока туман или сумерки не скрывают их из виду. Остается воспоминание о явлении, которое, знаешь, никогда не повторится... Девушка исключительной чувствительности, эта прекрасная молодая русская ясно понимала, что с ней и с ее друзьями происходит... Она была не только прелестным и привлекательным существом, но и одной из тихих героинь, каких немало было тогда в погибающем Берлине... Особая прелесть записей Мисси заключается в том, что она была в Германии иностранкой, чья молодость прошла под знаком гибели старой России после конца Первой мировой войны и которая теперь, уже взрослым человеком, переживала то, что омрачило жизнь ее родителей...»

ГАНС-ГЕОРГ ФОН ШТУДНИЦ (ФРГ)

«Там есть гигантский эпизод, описывающий уничтожение (британскими бомбами) Берлина во второй половине 1943 г. Он написан с такой живостью, с такими подробностями, с таким пониманием и с такой человечностью, что его можно поставить наравне с классическим описанием Самюэлем Пипсом Великого пожара Лондона в 1688 г. ...»

БЕРНАРД ЛЕВИН (АНГЛИЯ)

«Нельзя оторваться от повествования этой прекрасной и неотразимо прелестной молодой русской девушки...»

АЛИСТЕР ФОРБС (АНГЛИЯ)

«Блестящее описание Берлина военного времени, а также захватывающее воспроизведение будничной жизни молодой женщины почти невероятного мужества...»

«ДЕЙЛИ МЕЙЛ» (АНГЛИЯ)

